Министерство сельского хозяйства Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего оразования
Нижегородская государственная
сельскохозяйственная академия

СТАРООБРЯДЧЕСТВО:
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ

Коллективная монография в двух томах

Нижний Новгород
2018 год

THE OLD BELIEVERS:

HISTORY, CULTURE, MODERNITY

Collective monograph

IN AGAFIA'S TAIGA

The first volume

Nizhny Novgorod
2018 год

В АГАФЬИНОЙ ТАЙГЕ

Том первый

Ответственный редактор:
доктор социологических наук, профессор
Г. С. Широкалова.

Авторский коллектив второго тома:

Предисловие к рукописи А. С. Лебедева
«В Агафьиной тайге» — Г. С. Широкалова.
Главы 1, 2, 3, 4, 5 — А. С. Лебедев.
Глава 6 — О. К. Шиманская

Нижний Новгород
2018 год

УДК 908(470.23-25)
ББК 63.3
С77

Рецензенты:

Екатерина Сергеевна Элбакян — доктор философских наук, профессор, директор Центра религиоведческих исследований «РелигиоПолис», ответственный секретарь журнала «Религиоведение».

Наталья Викторовна Литвина — кандидат исторических наук, заведующая Археографической лабораторией МГУ.

Екатерина Вячеславовна Людке — доцент славянской филологии, доктор философии университета города Трира, Германия.

Старообрядчество: история, культура, современность: коллективная монография. В 2 т. Т. 1: В Агафьиной тайге. / Отв. ред. Г. С. Широкалова. — Н. Новгород: Нижегородская ГСХА, 2018. — 556 с.:

ISBN 978-5-6041132-3-3 (т. 1)

УДК 908(470.23-25)
ББК 63.3

Поводом к подготовке первой части монографии стал дневник А. С. Лебедева о посещении Агафьи Лыковой в конце XX века. Под впечатлением знакомства с уникальным феноменом жизненной стойкости, в основе которой лежала верность заветам отцов, А. С. Лебедевым в форме писем была описана история старообрядчества.

Монография предназначена для философов, религиоведов, социологов, журналистов, теоретиков и практиков религиозной жизни, студентов, всех интересующихся историей и современным состоянием России.

ISBN 978-5-6041132-3-3 (т. 1)
ISBN 978-5-6041132-2-6

© ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия», 2018
© Коллектив авторов, 2018

«Свобода моей совести есть абсолютный догмат, я тут не допускаю споров, никаких соглашений, тут возможна только отчаянная борьба и стрельба».

Николай Александрович Бердяев

ПРЕДИСЛОВИЕ

к рукописи А. С. Лебедева «В Агафьиной тайге»

Агафьина тайга… Насколько правильно называть огромную сибирскую тайгу Агафьиной? Ведь нет у неё «зеленого документа» с водяными знаками, подтверждающего право собственности. Но есть в мире права, которые важнее любых бумажек. Они даются свыше тем, кто живет в таком единении с Природой, что сами составляют Ее неотъемлемую часть. И когда живут в ладу с Нею, зная, понимая и принимая Её такой, какая Она есть. И умирая, возвращаются в Её лоно тихо, без страха, чтобы остаться в нем навсегда. Этим образ жизни Агафьи Лыковой напоминает нам о традициях коренных народов Севера, создавших культуру Жизни (не выживания!) в суровых условиях. Но уникальность феномена Агафьи не столько в том, что значительную часть земного пути она прошла одна, но в том, что старообрядческий генетический код, сформировавшийся за столетия гонений, помог, оказавшись настолько сильным, сохранить лучшие человеческие качества.

Поэтому читателю будет понятно удивление и душевное потрясение, которое испытал А. С. Лебедев, встретившись с этой необычной женщиной, напомнившей ему трудную историю старообрядцев.

Работая с Александром Семеновичем Лебедевым над подготовкой рукописи «В Агафьиной тайге» к изданию, я была поражена эмоциональностью его отношения

к событиям более чем вековой давности. Порой возникало ощущение, что он был среди тех, кто участвовал в диспутах с никонианами в XVII в., жил на Иргизе, основывал поселения в Сибири, спасался из разоренной Ветки, удостаивался беседы с удивительными старцами и старицами жившими и живущими в заволжских лесах, был зрителем первых в России футбольных матчей между командами, созданными старообрядцами… Красной нитью всегда проходило сострадание к тем, кто не щадя жизни оставался верным своим убеждениям. И гордость, гордость за мужество предков.

Написанная с таких позиций рукопись не может не иметь апологетического оттенка. И когда во время работы я приводила исторические факты, разрушающие столь идеальный образ гонимых за веру, Александр Семенович не возражал: проживший большую жизнь, он, конечно, знает её с разных сторон. Но заповеди регламентирующие отношения «человек — человек» для него, как и положено для истинно верующего, на втором месте по сравнению с первыми четырьмя — «человек — Бог».

Все ли старообрядцы также детально знают историю своей веры, прочитав множество самых разнообразных источников, имея хорошую библиотеку старообрядческой литературы, сохраняя в актуальной памяти события давних веков? Конечно, нет. Не каждый из них пишет и такие книги. Затрудняюсь определить в ней главное. То ли это эмоциональная история старообрядчества, которая у каждого своя и поэтому не претендует на научно выверенную достоверность деталей? То ли «слепок» современной исторической памяти, которая также индивидуальна? То ли своеобразный очерк об отшельнице Агафье, ставший поводом размышлений о людских характерах разных эпох? А может важное для потомков свидетельство о характерах сибиряков конца XX века? Но в любом случае эта книга — самохарактеристика нашего современника — старообрядца А. С. Лебедева. Именно он главный герой этой книги,

чему он удивится, прочитав эти строки. Но неспроста говорится, единственный источник информации о себе — ты сам. Читатели, уверена, согласятся со мной.

Александр Семенович — человек широчайшего кругозора, высокой нравственности, прекрасный знаток музыки, внимательный наблюдатель и строитель России. Сын старообрядца, строитель не только по профессии (сколько храмов и старообрядческих, и никонианских им отреставрировано, сколько домов возведено!), но и по жизни. Отец троих детей, получивших высшее образование, дед внуков, воспитанных в старой вере, организатор воскресной школы при старообрядческом храме, участник старообрядческого хора, выступавшего и в России, и за рубежом, прекрасный собеседник и очень добрый человек.

Знакомство с ним и его семьей разрушает сложившийся у многих стереотип о старообрядцах как о людях замкнутых, мировоззренчески оставшихся в XVII веке. Его книга доказывает — старообрядцы верны вере и открыты миру, если он доброжелателен к ним.

И еще. Вспоминая терминологию Л. Н. Гумилева, отмечу, история доказала, что старообрядцы, как правило, были пассионарии. Послушное большинство всегда с властью. На протест способны люди социально активные, вдохновленные идеями, верность которым для них ценнее самой жизни. Протест может иметь самые разные формы — покорение Аляски, отшельнический скит в непроходимых нижегородских болотах, создание первого в мире аэродинамического института… Все это формы преобразования мира и проверки силы духа.

Доктор социологических наук, профессор
Г. С. Широкалова

ГЛАВА 1.
Дорога к Лыковым

«ИХ ЖЕ НЕ БЕ
ДОСТОИН
ВЕСЬ МИР».

«А мы-то ей совсем свои…»

10 июля 1989 года председатель Московской Общины Русской Православной Старообрядческой Церкви Ромил Иванович Хрусталев пригласил меня поехать на квартиру к одному Московскому писателю Льву Степановичу Черепанову. Мы должны обсудить вопрос о тяжелом положении, сложившемся на далеком Ринате, притоке реки Большого Абакана, у Агафьи (Агафьи Карповны Лыковой).

По полученным сведениям, Агафьи на месте нет, возможно, она выехала, а возможно, даже обрекла себя на голодную смерть в результате преследования ее Иваном Тропиным.

На все запросы Л. С. Черепанова никто не отвечает: ни партийные, ни другие органы того края. Ввиду такой обстановки нужно срочно собирать общественную экспедицию для поездки в Абакан.

Обсудив важные вопросы, мы доложили обо всем митрополиту Алимпию — главе Русской Православной Старообрядческой Церкви.

Выслушав нас, владыка сказал: «Женщина-отшельница в глухой тайге, не имеющая никакой связи с миром — явление редчайшее. Для современного мира прос-

то исключительное. К тому же трагизм положения Агафьи усугубляется еще и тем, что все члены семьи Лыковых умерли, осталась одна Агафья. Не удивительно, что вся общественность страны сопереживает ее положению, а мы-то ей совсем свои и, конечно, должны иметь о ней большее попечение. Благославляю тебя, Александр, поезжай. Побывай у нее, посмотри, разберись во всем, все узнай. Бог благословит. Готовься в дорогу».

Да, прав Владыка. Ехать надо.

Участники нашей экспедиции съезжались из разных городов. Общая наша встреча была намечена на 3 августа в гостинице города Абакан.

Господи, благослови! И дальнее путешествие начинается с первого шага. Билеты на самолет мне достать не удалось, поэтому я еду поездом. Воскресным вечером 30 июля 1989 года, с тяжелым рюкзаком, я, наконец, притащился и сел в плацкартный вагон.

Нет худа без добра, посмотрю Россию, Сибирь, о которой так много наслышан и в которой никогда не бывал. Что толку лететь самолетом? Взлет — посадка и ничего не увидишь, все промелькнуло внизу. Одно преимущество, что быстро. Совсем другое дело поезд. Вот он плавно трогается, набирая ход, и расстояние в четыре тысячи километров начинает сокращаться. Ехать мне на этом скором поезде под названием «Хакасия» почти четверо суток.

Затихает обычная суета пассажиров. Дело к ночи. Засыпаю под стук колес. Где и отдохнуть, как не в дороге. Укачивает, словно мальца в люльке, убаюкивает колыбелью монотонного перестука колес. А вот уж и сон, приятным спокойствием уводит он меня куда-то далеко, далеко от моих повседневных забот.

Утром просыпаюсь от объявления диктора на станции «Арзамас», отсюда всего сто километров от моего дома, где я только что был в своих сновидениях. А поезд мчится дальше, не сбавляя хода. Улыбаюсь сквозь дрему

своим мыслям. Спешить вставать особо некуда. Начинается новый день — первый день моего путешествия. Каким оно будет?

За окном мелькает русская равнина, еду в Сибирь — страну доселе мне не ведомую, загадочную, совершенно необъятную, сказочную. Как она меня примет?

Пока поезд монотонно стучит колесами, я хочу пояснить, уважаемый читатель, если вы не знаете ничего о Лыковых, короткой справкой.

12 лет назад в 1978 году в Западных Саянах с вертолета геологами был обнаружен огород. Картошка росла ровными бороздами в глухой Саянской тайге. Чей огород? Что за люди? По официальным данным здесь никаких поселений нет.

Оказалось, что здесь на заимке жила целая семья Лыковых: отец — Карп Осипович и взрослые дети: Димитрий. Савин, Наталья, Агафья. Мать их Акилина Карповна умерла еще в 1961 году.

Лыковы ушли от людей в лихие 30-е годы и, живя скрытно по таежной речке, оторванные от мира, не знали они даже, что шла жестокая Великая Отечественная война.

Сенсационная находка в глухой тайге впервые была описана Юрием Свинтицким в большой статье «Тайна безымянного ручья» *(«Социалистическая индустрия» от 21 сентября 1980 года).* Были и другие авторы, но широкую известность Лыковы получили после серии репортажей «Таежный тупик», данных журналистом В. М. Песковым в «Комсомолке» только в 1982 году.

Весть эта быстро облетела свет, пробуждая большой интерес читателей к жизни отшельников, вызывая уважение к Лыковым.

С тех пор минуло много лет. «Комсомолка» и другие газеты страны периодически давали репортажи из жизни на таежной заимке.

Много невзгод выпало на долю таежных отшельников за эти годы. Из-за контактов с людьми заболели и ушли в мир иной Савин с Дмитрием и их сестра Наталия еще в 1981 году. Позже, в 1988 году, от гриппа же умер и Карп Осипович. В тайге осталась только младшая дочь Лыковых Агафья в возрасте 45 лет.

Удивляя наш цивилизованный мир, живет она отшельницей в тайге, в труде, посте и молитве проводя день и ночь.

К этой-то мужественной отшельнице и послал меня Митрополит.

А поезд все вперед и вперед, спешит, торопится. Мелькают станции, в Канаше пообедал. Аппетит у меня хороший, и если так дальше пойдет, что будет с продовольственным запасом в моем рюкзаке? Надо воздерживаться. В 12 часов за окном Волга — колыбель моя, посылаю мысленный привет своим домашним в Нижний Новгород, а далее — Казань — столица когда-то грозного татарского ханства, за горло державшего Русь. Теперь она мирно живет и никому не угрожает.

Вечереет. Люди ужинают. Проводник подает чай — «извините, без сахара». Да, дефицит дает о себе знать даже здесь, в фирменном поезде «Хакасия». У меня сахар, конечно, есть, но далеко убран в рюкзаке. От чая пришлось отказаться.

Хорошо отдыхать в пути. Днем спал четыре раза, что буду делать ночью? Но оказалось, что и ночью сон прекрасный. Он, сон-то, что богатство: что больше спишь, то больше хочется. Свердловск проехали, я даже не проснулся, а это уж как-то даже досадно.

Сегодня уже *первое августа*. За окном все та же равнина, но уже Сибирь. 2023-й километр пути. Недалеко от дороги зайчишка, стоит столбиком и не боится грохота мчащегося экспресса. Видно плотно заселена земля, что заяц живет прямо под железнодорожной насыпью. Из птиц

в небе видны только коршуны и никаких ворон. Все они остались в городах, там им легче пропитаться, особенно в Москве.

Что меня удручает в дороге, так это мелодии ритмов, если эту музыку вообще можно назвать мелодией. Откуда только эти ритмы взялись? Таких не было даже в Африке, а Африка, как известно, является родоначальницей ритмов.

Изрыгает их репродуктор прямо над моей головой на весь вагон. Орет, словно на площади. В нашем плацкартном вагоне репродуктор всего один. Все остальные уже сломаны — этот же вопит один за всех, и я унять его не могу. У него нет регулятора. Кто-то уже его оторвал. Видно не только мне надоела эта музыкальная шкатулка. Все бы к этому репродуктору мирно и любезно относились, лейся из него благородная мелодия. Но вот кто подобрал весь этот звуковой репертуар, тот и виновен в том, что все репродукторы поломаны. Да и как его не поломать? Удивительно у нас поставлено дело. Кормят музыкой насильно и при этом музыкой самой упаднической и пошлой. Сплошное улюлюканье несется из репродуктора. И кому все это нужно? Кому нравится? Кто может выдержать этот свист и вопль? Неужели так будет всю дорогу? С ума сойдешь. Слушая всю эту музыкальную дребедень, я спросил себя: а где же наши песни? Куда они девались? Их у нас, оказывается, просто нет! Нет песен! Это же просто страшно.

Всегда, как бы тяжело не жилось народу, у него были песни. Но вот случилось что-то такое, какое-то падение обычаев и нравов, и их не стало. И весь этот вакуум заполнила одна западная свистопляска.

Подъезжаем к Тюмени. Странное сочетание содержится в этом слове, перевоплощаясь даже в какой-то особый вкус. «Тюмень». Синтезирует в моем мозгу сочетание чего-то холодного, хмурого, грозного, мрачного. И все это я действительно увидел в архитектурном воплощении

огромного тюменского вокзала. Темно-коричневое здание огромной величины. Но посмотреть вокзал нет времени. Поезд вследствие своего опоздания стоит только 15 минут.

Поспешим дальше. Вскоре за Тюменью начинаются необъятные поля золотой пшеницы, среди которых разбросаны небольшие островки леса. Очень красиво! Деревень не видно. Одни поля до самого горизонта, как на Кубани.

Станция четвертая — «Ишим» — на перроне женщины продают горячую картошку — кладут в бумажный кулек по 3–4 штуки на рубль. Соленые огурцы, помидоры. Все делается бегом. Остановка короткая, тут кто успел, тот и съел.

И снова мелькают полустанки.

Дикие утки плавают прямо в придорожных кюветах, никто видно их здесь не стреляет, хотя и деревеньки встречаются.

Какие же здесь просторы лугов и полей — сколько кругом сена! Но вот, что странно, среди такого раздолья крайне редко встречаются стада.

Неожиданно для меня — Иртыш. Река широкая. Под мостом проходит большая баржа с грузами. Мутные волны с белыми барашками, видно ветер разгулялся. Интересно бы искупаться в Иртыше, да и очень кстати. Завтра Ильин день — конец купального сезона в средней полосе. Как говорится, прощай лето.

Сейчас в церкви уже началась служба. Какой же красоты там поются стихеры! «Ревностию Господнею распалаем-беззаконные цари ты изобличил еси зело...; Егда ты пророче чудный, Богови добродетелию и житием чистым смесися с ним область прием...» Я их очень люблю! Жаль, что я не на клиросе.

Второе августа. Останавливаемся на станции с загадочным названием «Тайга», но кругом никакой тайги уже нет, очевидно, успели перевести весь лес под топор.

Одно название осталось, Но я думаю, что еще насмотрюсь на эту тайгу.

На перроне суета. Все спешат что-то купить. Спешу и я. Однако купить здесь что-либо не так просто. Всего три ларька и все пассажиры вокруг них. Попробуй, пробейся к окну. Но, наконец, мне удается купить булочку, кулек помидоров и два пирожка. Обдираловка страшная: заплатил 3 рубля 20 копеек. Сдачи нет. Поезд уходит, тут не до сдачи. Продает мужик кедровые шишки — на рубль четыре штуки. Уверяет, что уже поспели.

Каких только названий станций не встретишь. «Баня», «Яя» — здесь косят луга. Буйно цветет разнотравье. Эх! Пчелок бы сюда! Но пасек нигде не видно. Пропадают десятки тонн душистого, целебного, цветочного меда. Пожалуй, скоро его будем покупать только больным людям по рецептам врача в аптеках. Пчеловодство в стране сокращается.

Но вот кончается лесостепь, и мы входим в зону лесов. Уже глубоко забрались в Сибирь, но я ее никак не могу ощутить. По-моему, уже началась тайга. Да вот и первый кедр. Стоит посреди поляны. Могучее, красивое, какое-то пушистое дерево. И опять поле, но уже с картошкой. Колорадского жука никто не собирает. Видно, его здесь нет, а вот в средней полосе Европы он нас замучил. Собираем ведрами. Все свободное время отнимает.

Вот уж воздух чистый! Дыши, сколько хочешь. Ни дыму, ни газов и люди живут все ровно столько, сколько им Господь отвел.

Проезжаем реку Чулым — приток Оби. Город Ачинск. Здесь кончается путешествие на нашем скором поезде. Теперь нас тянет тепловоз на юг, останавливаясь на каждом полустанке. Медленно продвигаемся по равнине со скудной растительностью, окаймленной горами. Каменистые почвы, выжженные солнцем травы. Только завтра рано утром мы приедем в Абакан — столицу Хакасии.

Хакасия

Когда-то это было большое государство с общинно-родовым строем. Великий Хакасский Каганат занимал огромную территорию от тундры, через Уссурийские горы захватывая часть Северной Монголии. Хакасы вели обширную торговлю с соседними государствами и даже с Берегом Слоновой Кости, экспортируя туда меха, особенно соболя, а обратно увозили черных рабов.

Расцвет культуры приходится на IX–XII века. Здесь были крепости и дворцы — имеющие одну крышу. Великий Хакасский Каганат имел две письменности: древнеорхонскую и новоорхонскую, которой владели только мужчины. Язык хакасов относится к тюркской группе.

Ввиду того, что в Хакасии никогда не было ханов, а значит и централизованной власти, Каганат представлял легкую добычу для завоевателей, и в XIII веке был завоеван монголами. Погибла культура народа. Монголы угнали всех в рабство вместе со всем имуществом. Спаслись только те, что бежали в горную тайгу. В руслах притока Большого Абакана они имели свои укрепления. Приток Еринат, куда стремится наша экспедиция, назван именем полководца Еринэка, державшего здесь оборону.

Когда ослабла Монголия, на Хакасию стали совершать набеги джунгары (калмыки), подвергая ее двойному гнету вместе с монголами. Окончательно Хакасия была покорена Россией.

Первые казаки появились здесь в 1590 году. С 1603 года идет столетняя война, закончившаяся в 1703 году присоединением Хакасии к России, Хакасия присоединилась к России, как к самому сильному своему противнику. Это было правильным решением хакасских вождей. Русские всегда стремились обойтись без лишнего кровопролития, и не были жестоки к покорённым народам. С тех пор по Енисею встают охранные русские крепости, под защитой которых Хакасия сохранила свою государст-

венность. Русские купцы вывозили из Хакасии меха, золото, коней.

В XVIII веке в Хакасии производит раскопки профессор Мессершмидт.

В 1856 году в Нью-Йорке выходит первое собрание сочинений фольклора — древних богатырских сказаний древности хакасского народа, опубликованное немецким философом и историком Мюллером. После революции 1917 г. хакасская письменность на основе кириллицы была создана в 1924 году, хотя известны и более ранние попытки создания письменности, не получившие развития. Однако уже в 1929 году, в ходе латинизации, она была переведена на латинскую графику. В 1939 году хакасская письменность вновь была переведена на кириллицу. Алфавит 1939 года с некоторыми изменениями используется до настоящего времени.

Ранее в Хакасии, конечно, было многобожие. С момента присоединения к России, Хакасия приняла христианство, но, несмотря на прошедшие века, жертвы богам в Хакасии приносят до настоящего времени. Сознательно или бессознательно это делается, судите сами.

Мать огня, бог воды, тайги, гор, солнца, домовой и т. д. почитаются следующим образом: первой рюмкой современного застолья выливается окропляется пламя газовой плиты в дар матери огня. Хозяйка угощает богов лучшими блюдами, порой совершенно символически, а порой и натурально, отделяя каждому божку кусочки сердца, печенки или другого блюда. Или давая каждому мнимый кусочек пищи из общей кастрюли по кругу: «Это тебе, это тебе, это тебе» и т. д.

Мне было странно слышать такое в современный век: ведь с точки зрения христианства это не что иное, как приношение жертвы бесам.

В тайге приносится часть добычи богу тайги. Перед охотой ему молятся. Охотник нагревает нож над пламе-

нем костра и молит бога тайги об ослаблении силы зверя, ниспослании удачи. Бог тайги может наказать, если охотник берет добычи больше чем ему это необходимо.

Молитва богу солнца «Худею» состоит в приветствии первого луча.

В хакасской земле есть проклятые места, где не рекомендуется появление людей. В них не заходят ни кони, ни какая другая скотина, туда не летят даже птицы. Там наблюдаются страшные видения, слышатся голоса, встречаются умершие родственники, погибают люди.

Все это происходит потому, что в этих местах живет множество бесов. Места эти имеют свои названия. Например, «Три сосца». Это три совершенно одинаковые горы, напоминающие своим видом женский сосок. Или «Песня семи красавиц» — семь горных вершин, поющих всегда только в полночь. Когда мимо подобного места идет автобус, то все стараются задобрить «хозяина» и в окна кидают кусочки пищи или различные предметы.

Здесь бес в образе безбрового человека-великана, беря рукой телегу, останавливает коня. Иногда же бесы так наседают на коня, что тот насилу тащит пустую телегу, весь при этом покрываясь пеной. Местное население всегда обходит подобные места.

Были, конечно, смельчаки, которые отважились ночевать там на спор. Кончалось это смертью или болезнью. Выжившие рассказывали о невероятных страшных видениях. У многих людей они были очень похожими.

Но не все поддерживают такое поклонение бесам, многие ходят в православные храмы. Но по христианскому закону в подобные места можно ходить только с молитвой — как непобедимым оружием, имея на себе крест и пояс. Здесь следует пояснить значение пояса у христианина, т. к. многие этого и не знают, на следующем примере: «Солдат собирается в поход. Одеваясь, подпоясывается. И пояс служит завершающим элементом снаряжения. После чего солдат готов идти или идет в поход. Пояс и сим-

волизирует, что христианин готов идти или идет за Христом. Христианин носит пояс ещё из тесьмы на белье так как снимая на ночь верхнюю одежду, он остается препоясанным и во сне». (Св. пр. иерей Евгений Бобков). Уместно привести народную пословицу: «Подпоясанного человека бес боится».

В конце восьмидесятых годов XX века в Хакасии проживало около 60 тыс. населения и поднимался вопрос об организации республики. Считалось, что республика сможет сама себя обеспечить. В местных карьерах добывается великолепный розовый мрамор и другие ископаемые. Хакасия дает много пушнины — у охотника-промысловика в плане за сезон — 40 шкурок соболя.

Абакан — столица, современный и красивый город с вежливым, культурным населением.

Остановился я в гостинице «Хакасия», здесь встречается вся наша группа: Лев Степанович Черепанов — московский писатель, руководитель и организатор экспедиции. Эльвира Викторовна Матакова — художник-профессионал из города Красноярска, уже несколько раз побывавшая на Еринате у Лыковых, написавшая целую галерею картин, которая на одной из московских выставок удостоена медали. Игорь Павлович Назаров — профессор, зав кафедрой анестезиологии Красноярского института, главный анестезиолог края, ведущий постоянное наблюдение над Лыковыми и имеющий истории их болезней, не раз бывавший на Еринате, привозивший туда врача травматолога для оказания помощи Карпу Осиповичу, упавшему с кедра и повредившему себе мениск правой ноги. Не сделай Игорь Павлович этого, давно бы умер Карп Осипович. Николай Петрович Пролецкий — фотограф-профессионал, неоднократно бывший на Еринате, имеющий большое количество фотоматериала — хроники жизни Лыковых (в эту поездку Николай Петрович взял свою дочку Тамару). Ну и завершает галерею этих вели-

ких людей аз грешный Александр Семенович Лебедев — работник Московской Старообрядческой Митрополии на должности инженера строителя.

Лев Степанович организует к Лыковым уже девятую общественную экспедицию, руководствуясь желанием помочь людям, живущим натуральным хозяйством в экстремальных условиях дикой тайги.

В каждую экспедицию Л. С. Черепанов привозит кого-то из научных работников. На сей раз таким работником оказался я. У меня весьма трудная задача. Мне нужно разобраться во всех религиозных вопросах.

Феномен Лыковых

Сложное положение существования Агафьи в условиях дикой тайги усугубляется еще и тем, что из-за инфекции погибла вся семья Лыковых. Люди умирали один за другим. Болела и Агафья, но выжила.

Гибель семьи еще более оттенила и конкретно показала весь трагизм положения Агафьи, пробудила большой интерес людей к ее судьбе. О ней сейчас знает не только наша страна, но и Америка и Англия. Итальянская газета «Карера Дела Сера» рассказала всей Италии о духовном подвиге русской отшельницы.

Агафья ведет борьбу не только с бесами и дикими зверями, но еще и с непорядочными людьми, которые появляются там с некоторого времени. Хрупкая и добрая Агафья, противопоставляя свою чистую нравственность нашей, являясь образцом настоящего человека с такой силой духа, которая многим для нас недосягаема. Про таких апостол Павел сказал: «И те, которых весь мир был не достоин, скитались в пустынях и вертепах, и в пропастях земных». Обратите внимание на слова апостола: «Весь мир был не достоин» — так ценит он этот подвиг!

Агафья представляет немалый интерес и для современной науки, поэтому здесь побывали представите-

ли разных ее областей. Лыковых посетили сотрудники Казанского университета, кандидаты филологических наук В. С. Маркелов и Г. П. Слесарева. Что привело их на далекий Еринат? Познакомившись с материалом о Лыковых, ученые пришли к выводу и высказали предположение, что очевидно язык Агафьи законсервировал те обороты древнерусского славянского языка, которые помогут озвучить молчаливые доселе памятники литературы древней Руси. Слушая магнитофонные записи речи Агафьи на пленке Л. Черепанова, филологи обратили внимание на четкую фонетику древнерусского языка. Они попросили Агафью прочитать некоторые места из «Слова о полку Игореве». И сейчас это чтение принято за образец звучания памятника.

Белоусова Г. Г., кандидат филологических наук Красноярского пединститута, занимается лексикой Лыковых.

Шайдурский В. И., кандидат наук Ишимского педагогического института, изучающий историю сибирского земледелия, тоже побывал у Лыковых. Мы позднее познакомимся с его интересной работой.

Научный работник Московского НИИ картофельного хозяйства О. Н. Полетаева, , исследуя картофель, полученный от Агафьи в прошлом году, пришла к совершенно неожиданным результатам. Оказалось, что картофель этот по своему качеству превосходит все известные лучшие сорта. Теперь он передан во многие институты страны для селекции. Проходит как сорт «Лыковка». Содержит крахмала 26,2 %, имеет повышенное содержание сухих веществ. Генетически чист, передан для выращивания в закрытых оранжереях, для использования в дальних космических полетах.

Также посещал Лыковых профессор института Медико-биологических проблем Минздрава СССР, лауреат Государственной премии А. С. Ушаков, Он изучал режим питания, состав пищи, ее энергетическую ценность. Этот материал был использован для разработки питания космонавтов.

Известный нам уже профессор И. П. Назаров, осуществляя медицинское наблюдение за состоянием Лыковых, собрал крайне интересный материал для современной медицины. Анализ крови, взятой у Лыковых, исследовали в институте Медицинских проблем народов Севера. Было обнаружено полное отсутствие иммунитета на все болезни за исключением клещевого энцефалита.

Были у Лыковых и психологи, и философы — их интересовали свои проблемы. Вот далеко не полный перечень всех тех вопросов, которыми связана наука с Агафьей Лыковой. Кроме того, Агафья представляет огромный интерес для писателей. Да для кого не интересна Агафья?!

Для меня она тоже интересна. И поэтому я еду к ней в глухую тайгу, восхищенный ее духовным подвигом. Хочу пообщаться с душой удивительной христианской нравственной чистоты, встретиться с человеком «в простых нехитрых ризах облеченного», но имеющую такую силу духа, который способен своим примером остановить нравственное падение людей.

Но вот стук в дверь моего номера прервал мои мечтания. Совершенно неожиданно входят все члены нашей экспедиции. Оказывается, все уже в сборе. Знакомимся. Пьем чай. Узнаю, что профессор Назаров с нами не едет из-за болезни супруги. Узнаю о том, что согласно новым сведениям Агафьи на Еринате нет, что она выехала в верховья Енисея в женский монастырь и в связи с этим у нас изменился маршрут. Мы уже сегодня, через три часа, летим в Кызыл — столицу Тувы, и билеты на самолет уже куплены. Все расходятся кто куда. Сбор через полтора часа. Я же решил принять ванну с дороги. Какая же приятная эта штука — ванна. Вспомнилось мне тут стихотворение Маяковского «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». Не поленитесь, уважаемый читатель, прочесть несколько строк:

«И вот мне
квартиру
дает жилищный,
Мой
рабочий
кооператив....
Все хорошо.
Но больше всего
Мне
понравилось –
Это: это
белее лунного света
удобней,
чем земля обетованная,
Это —
а что говорить об этом,
Это — ванная
Вода в кране —
холодная крайняя.
Кран другой —
Не тронешь рукой...
На кране одном
Написано: «Хол.»,
На кране другом: «Гор».

После моих мытарств в поезде в течение 4-х суток ванна мной воспринималась, как литейщиком Иваном Козыревым, пришедшим с работы домой.

Налив воды из «Хол.» и «Гор.» я был поражен ее голубоватым цветом. Словно ее так приятно подкрасили. Я потом только узнал, что такая вода течет в Большом Абакане. Было очень приятно: ванна белоснежная, вода нежно-голубая приятной температуры. И я погрузился в это, как в сказку. Блаженство! Все мои чувства, пожалуй, всего точнее выразил Маяковский. Не буду их описывать вновь. Ну, а дальше все шло обычным порядком, намылил голову и т. д.

Выдернув пробку из ванны, стал сбрасывать воду. Через некоторое время — о! Ужас! Вода из ванны хлестала прямо на пол! Оказывается, засорилась канализация. Я не знаю как Вам, дорогой читатель, но мне было не до юмора.

Ботинки мои плавали и вот-вот должны были утонуть. Вода, залив уже весь пол, шла через порог в коридор номера, я же был весь, простите, в мыле.

Ну, Хакасия! Обдавшись под душем и кое-как одевшись, побежал к дежурному администратору. Благо уборщица быстро пришла. Жаль, испортилось впечатление о такой хорошей гостинице.

Но вот все убрано. Пора одеваться. Представляю, какой имеет вид моя запасная рубаха в рюкзаке. Но гладить ее мне, очевидно, не придется. Одев рубаху и подойдя к зеркалу, удивляюсь. И как это моей жене удалось так искусно и хитро выгладить рубаху. Очень красиво! Ай, да Людмила. Вот молодец. Причесавшись, встречаю гостей. Пора нам отправляться дальше в путь.

Жаль, не пришлось переночевать в гостинице. О ней у меня осталось хорошее впечатление, а на недостатки не стоит обижаться. Их всего больше у меня самого.

Спешим в аэропорт.

Тува. В беспоповском монастыре

В аэропорту Абакана, в ожидании посадки на самолет, вдруг заметил в толпе отлетающих на Москву знакомое лицо. Не поверил вначале своим глазам. Отец Симон! Настоятель церкви города Минусинска. Поздоровались, подивились встрече. Он — в Москву, а я — в Туву. Я ему в нескольких словах рассказал о цели моей поездки. Покачав головой и подивившись, сказал: «Да, Александр, большая у тебя задача. Помоги тебе Бог справиться». Я же просил его передать мой поклон Владыке Алимпию, сообщить ему, что я жив и здоров.

Но вот мы уже в самолете. Машина марки Л-410, построена по нашему проекту в Чехословакии. Комфортабельная, маленькая, уютная. Салон самолета располагает человека к отдыху и приятному полету.

Сосед по креслу мне поведал: тувинцы по расе ближе к китайцам. Низкорослые, русских не любят — режут. Любят чай, водку, табак. Услышав такую характеристику, я потерял всякую охоту разговаривать с моим соседом, да и самолет тут пошел на взлет.

Под нами степь, окаймленная горами с лужицами озер и солончаками, которые глазом воспринимаются также, как и водная поверхность от блеска соли на солнце, но это не вода.

Высота полета четыре тысячи метров. Время — один час.

С воздуха Большой Абакан представляет собой сплошные зигзаги. Енисей более спокойный. Пролетаем над Минусинском, внизу Шушенское, но я думаю побывать еще в этих местах.

А вот и Саяны. Это уже настоящие горы с пиками и хребтами, на которых местами лежит снег. Ниже горы поросли лесом. Здесь по ручейкам и болотам растет золотой корень — драгоценное лекарственное растение. Витиевато петляет серпантинами горная дорога. Ниже стоят юрты кочевников, скота, однако, почему-то не видно.

Но вот горы еще выше. Пролетаем Уйбатский перевал. Машину нашу начинает покачивать и порой довольно сильно. А вот перевал со странным названием «Веселый». Такое название он получил после того, как здесь разбилась веселая свадьба. Самолет так начинает подбрасывать и раскачивать, что просто жутко! Как только выдерживают конструкции. Оказывается, машина может махать крыльями как птица, никогда такого не видел и не слыхал, да и не летать бы так никогда. Качает, как лодку в море на волнах. Все пассажиры встревожены. Что толку, что ты пристегнут ремнем к сиденью. То подбросит, то вдруг окажешься в состоянии невесомости. Невозможно писать впечатления в дневник. Не мудрено, что здесь уже кто-то разбился. Не разбиться бы и нам, помоги, Господи, долететь благополучно! Никогда я не испытывал ничего подобного. Видно, на этом перевале какой-то перепад давлений, не знаю, но как перелетели перевал - стало легче. Появилась уверенность, что долетим благополучно.

Внизу по Енисею плывут два больших плота с туристами, видно, как они работают рулевыми веслами, направляя плот между порогов. На одном из этих плотов плывет, как вы думаете, кто? — наша Агафья. Попробуй ее догони. Но об этом мы пока ничего не знаем.

Самолет опять начинает трясти, вот оторвется крыло, тогда прямо в Енисей угодим. И когда только кончится этот ужасный полет! Но вот приземляемся. Наконец-то. Слава Богу, живы! Не летать бы так никогда.

Едем на автобусе в Кызыл. Какие интересные названия улиц, жаль не записал.

Лев Степанович здесь второй раз. Всё уже здесь знает. Заранее договорился по телефону с гостиницей местного обкома, и сейчас мы туда и держим путь.

По газонам и тротуарам ходят удоды — такие красивые птицы, несколько больше скворца с большим гребнем на голове, в пестром наряде, с длинным, слегка изогнутым клювом. Порхая по газонам и тротуарам, как воробьи,

блестят зеркальцами своих крыльев. Как приятно на них смотреть. Вспоминаю пророка Давида: *«Возвеселил мя еси Господи в тваре твоей, в делах руку твоею возрадуюся»*. Как не восхититься. В нашей местности, средней полосы Европы, удод встречается редко. Всего один раз я его видал как-то на болоте, да и то издалека. Но вот так близко, как сейчас, видеть не удавалось.

Город Кызыл очень зеленый и красивый. В архитектуре встречается ки-тайский стиль. Идем мимо высоких красивых фонтанов. Блестящие струи их хрусталем сверкают на солнце.

В соседнем переулке экскаватор копает траншею у вновь строящегося дома. Какие же здесь грунты! На всю глубину траншеи залегают галечники. Гравий в отвале такой хороший, чистый, что можно прямо в бетономешалку, лопату цемента туда и бетон готов. Залегания слоев гравия здесь довольно мощные и позволяют принимать тяжелые самолеты прямо на грунт.

В гостинице нас приветливо встретила администратор — Клара Прокопьевна. Отведя для нас комнаты, попросила поторопиться к ужину, так как рабочий день у сотрудников уже завершался.

Придя в буфет, нам даже предложили вина. На витрине стояли бутылки с коньяком и шампанским. Но от вина мы отказались: это уж слишком. Ограничились прекрасной минеральной водой местных источников.

На ужин подали сначала салат, затем — национальное блюдо хан. Оно было довольно живописно. Разглядев его, я понял, что это не что иное, как наполненные кровью кишки, слегка запеченные в духовке. Ярко красный цвет удачно сочетался с зеленью приправ. Блюдо очень сочно и аппетитно. Но есть его я не мог. Употребление крови запрещено христианскими законами.

— Вы ребята, как хотите, но мне это запрещено есть законом. Поэтому я попрошу себе чего-нибудь другого. Мне подали печёнку, зажаренную с картошкой в смета-

не. Вот это вполне пойдет! Запивая местной минеральной водой «Арзан», кстати, очень вкусной, я прекрасно поужинал.

— Ну как, ребята, ваш хан?

— О, Семеныч, такого ты никогда не ел. Жаль тебя. Блюдо хотя и не очень привычно, но вкусно.

Надо сказать, что вопросы с гостиницами и авиабилетами нам помогало решать имя Агафьи. Отшельницу здесь все хорошо знают, и когда мы произносили ее имя, перед нами открывались сердца людей и двери, не взирая на должности, все были готовы нам помочь.

После ужина отправились смотреть вечерний город.

На берегу широкого Енисея стоит геодезический знак «Центр Азии». Стоя здесь, я испытывал волнение. Здесь бывали великие землепроходцы и путешественники Н. М. Пржевальский, С. И. Дежнев. Никогда не думал оказаться в этих местах…

Горы в сиреневой дымке наступающих сумерек. До чего же красивы. Не случайно их писал Рерих. Их нельзя описать, их надо видеть!

Мимо нас стремительно несся Енисей, полноводный, могучий; удивляли его прозрачные струи. Нельзя не искупаться. Нырнул, понесло меня как щепку. Выбрался на берег. Вода вполне терпимая. Берег покрыт гладким, порой крупным голышом и галькой. После купания тело приятно холодит.

Но вот спускающиеся сумерки напоминают нам о возвращении в гостиницу. Завтра хлопотный день. Интересно, как здесь быстро наступают сумерки. Погода стоит теплая, и двери гостиницы не только не запираются на ночь, но даже и не закрываются. Висит только тюлевая занавеска от комаров.

Утром закупили 25 буханок хлеба и так кое-чего; сегодня летим в верховья Енисея. Ждем машину, нас обещали подвести на летное поле.

Следя за пожарной безопасностью, вертолеты по графику совершают облет лесов. На этом-то пожарном вертолете мы и полетим. За нами пришла машина, быстро собираемся и, приехав на летное поле, грузимся в вертолет. Живей, живей, ребята! Я в вертолете впервые. Пока затаскивают какие-то тяжелые ящики, огляделся. Пилоты в кабине. И как они только там разбираются во множестве приборов, лампочек, ручек, стрелок — не знаю. Но вот запуск. Чихнув, двигатель выбросил из глушителя пламя, дым и искры. Огнедышащий этот зверь задрожал, большой пропеллер над головой стал превращаться в какую-то тарелку. Засвистело, зашумело. Вспомнилось: «Илия пророк в вихре тонце взят бысть на небо огненной колесницей». А как мы полетим? МИ-8 набирает обороты, дрожит всем своим чревом. Вот, вот сейчас лопнет, развалится на куски, и все мы тут погибнем под обломками, не увидев неба. Нервы наши напрягаются, кажется, как эта машина. Конечно, много груза в его чреве — стоят два бака с горючим по 900 литров каждый, какой-то груз, да мы с рюкзаками. Наверное, перегрузили машину, поэтому она и не поднимается. Винт нас приподнимает, качает в воздухе, словно лошадь, беря тяжелый воз с места. Мы так уже все висим, но вот почему-то не можем приподнять свои собственные колеса, словно приклеены они к асфальту, никак не отдерешь. Иногда одно или второе приподнимается от земли, но почему-то опять опускается назад. Но вот машина, страшно зарычав, словно на что-то рассердившись, вдруг заговорила басом, которого я от нее и не ожидал. Откуда только сила у нее берется. И тут мы повисли. Асфальт стал стремительно удаляться, и вот он уже далеко внизу. Стрекоза уверено несла нас к облакам, скользя своей маленькой тенью по поверхности земли.

Отсюда видно, как в верховьях Енисей, что в переводе означает – большая вода, разделяется на два русла мутноватой воды, блестящей на солнце. Улуг-Хем — Большой Енисей и Каа-Хем — плохой, Малый Енисей, по руслу ко-

торого мы летим в юго-восточном направлении. Под нами горы со скудной травяной растительностью выглядят, как на географической карте. Вверху они покрыты лесом. Высота полета — 1840 метров.

Какие пространства лесов! Сюда не может проникнуть человек со своей все сокрушающей техникой. Предусмотрено природой — не пускать сюда эту самую технику, дабы не было здесь все уничтожено, покорежено и раздавлено.

Цель нашей экспедиции, а особенно моя цель — встретиться, пообщаться со старообрядцами. Узнать каких они толков и согласий, наладить контакты, познакомить их с существованием Русской Православной Старообрядческой Церкви — как центра старообрядчества, посеять мысль о всеобщем — Всемирном Соборе старообрядцев всех направлений. Нам есть о чем поговорить! Познакомиться, узнать, кто и в каких странах живет, в каких условиях, что пережили и как выстояли, не уронив веры и чести, сохранив обычаи и язык. Сейчас есть возможность сократить дробления в старообрядчестве, т. к. многие согласия отмерли. Многие старообрядцы даже не знают, к каким толкам относятся. Решить вопрос о повышении грамотности в духовных вопросах путем открытия школ. Выслушать просьбы, пожелания, претензии, уменьшить отчужденность, защитить интересы меньшинств, ознакомить с хроникой жизни Русской Православной Старообрядческой Церкви, решить вопросы снабжения календарями и другой христианской литературой. Тем тут без конца. Задачи большие. Сейчас есть все возможности для их решения и не воспользоваться ими — есть преступление!

Но вот вертолет завис для посадки в верховьях Каа-Хема. Местечко Малый Чадыралыг, что в переводе означает — черемуха. Здесь находится маленький женский монастырь беспоповского согласия.

Опускаемся на луг скошенной травы, которая от винта сразу взлетает в воздух. Ну вот, с Божьей помощью, приземлились. Выгружаемся, относя вещи в сторону.

Вертолет взлетает, поднимая такой сильный ветер, что гляди того свалит с ног.

Шум стих. Стрекочут кузнечики. За деревьями изредка кукарекает петух. Лениво лают на нас собаки, привязанные к изгороди. Прекрасная погода. Тишина. За лесом поднимается в небо гора в полторы тысячи метров. Рай земной!

В этой атмосфере абсолютного покоя, я сразу обмяк душой. На краю луга в березках стоит старушка, сгорбленная, с лестовкой в руке. Я ее сразу и не заметил. Лев Степанович подходит к ней: «Здравствуй, Васса! Ты меня помнишь? Я прошлый год у тебя был в гостях».

На лице старушки растерянность. Льва Степановича она видно не помнит.

— Приглашай нас к себе.

— Что с вами делать? Идите уж.

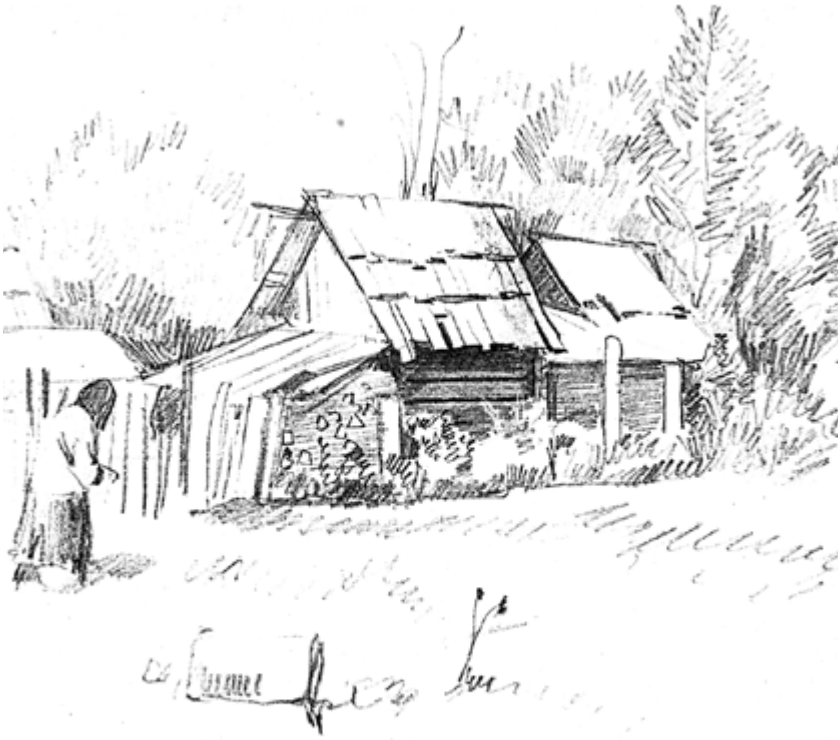
Перетащившись с рюкзаками к дому Вассы, мы развели костер. Из разговора выяснилось, что Агафьи нет, что она уплыла, вот уже три дня на плоту с туристами.

— Вот так раз!

Поужинав, пошли искать матушку Максимилу, чтобы поподробней узнать все об Агафье. Ее мы нашли на покосе. Сидела она на земле и разговаривала с Николаем, мужчиной лет шестидесяти. Окладистая борода, шляпа, рюкзак за плечами, походная одежда выдавали в нем пришельца. Правая рука собеседника без кисти, одетая в чулок.

Матушка Максимила одета по чину. Ей 47 лет, в мире Мария Бунькова. Пострижена, или как здесь говорят, накрыта, иноком отцом Палладием. Лев Степанович с ней знаком, в прошлом году возил ей письмо от Агафьи. Поздоровавшись, он представил нас настоятельнице местного монастыря.

— А это, Лебедев Александр Семенович — личный представитель Старообрядческого Митрополита Московского и всея Руси. Максимила на это и ухом не повела, оставшись совершенно равнодушной.

Васса. п. Гадыралык (Тесный монастырь)

Присев на луг, Черепанов спросил:

— Где Агафья?

— Уехала на кармане. (Так она называла катамаран, на котором был сделан плот).

— Когда?

— Да вот уже третий день.

— С кем?

— С Дерябиным Валерием Сергеевичем.

— Кто он?

— Инженер по приборам.

— А кто еще с ним был?

— Четверо мужиков, да одна девка — Елена Шестак из Абакана.

— А мы, Максимила, к ней приехали. Жаль не встретились. Как ее теперь догонять? Где искать?

— Она на Еринат, домой поехала. Жить здесь у нас не осталась.

— А как вы встретились? Вы же не знаете друг друга?

— Я как-то сразу ее узнала. Видела ее портрет в газете. Она там баская (красивая). Зацепились друг за дружку и в слезы — две сироты.

Лыковы знали о существовании этого монастыря. Карп Осипович поддерживал какую-то связь с внешним миром. Поэтому, после случая с Иваном Тропиным, Агафья написала письмо Максимиле и просила Льва Степановича отвезти его на Малый Чадыралыг, что тот и сделал.

— А что с рукой-то случилось у тебя, Николай?

— В тайге оставил.

Как потом выяснилось, Николай сам себе отрубил кисть правой руки топором, так как она влекла его ко греху. Отсек ее от себя по Евангельскому слову: «*Аще влечет тебя око твое ко греху — выколи око. Лучше тебе без ока внити в Царствие Божие, нежели с оком ввержену быть в геену*». Да! Волевой здесь живет народ!

Рукуев
в тайге

— Максимила, а ты о Линьковых что-нибудь знаешь? Эти супруги жили на Лыковской заимке еще при Карпе Осиповиче.

— Да, Агафья говорила. Они австрийские.

Меня это очень удивило. Я раньше думал, что Линьковы беспоповцы, а они, оказывается, принадлежат нашей церкви, которая раньше до 1000-летия называлась: «Старообрядческая Церковь Белокриницкого Согласия». «Белая Криница» находилась раньше на территории Австро-Венгрии и поэтому нас иногда зовут «австрийцами», хотя наша церковь ничего общего с Австрией не имеет.

К нам сходится народ. Кругом стоят и сидят человек пятнадцать, и я знакомлю их с хроникой жизни Старообрядческой Церкви. Рассказываю о праздновании праздника 1000-летия Крещения Руси в Москве и других городах России. Показываю фотографии, знакомлю собеседников с церковным календарем. Он выпущен очень удачно, в нем много цветных фотографий Собора Старообрядческой Церкви. Народ с интересом слушает, задает вопрос, обступив нас плотным кольцом. Особенно придирчив ко всему Николай: «Смотри, смотри, аминь не поставили».

Ничего подобного они здесь не видели в этой глухомани. Все они здесь беспоповцы. Живут попросту нелегально. Паспортов нет, деньги не признают, пенсии не получают. И, по словам Максимилы: «У нас один только Абрам (Авраам) пенсию получает, так мы с ним не молимся».

На Нижнем Чадыралыге живет человек пятнадцать, а на Верхнем человек тридцать, но все это не точно. Истина здесь для пришельца скрыта.

Вечереет. Идем с Максимилой с покоса. Нам надо где-то записать все данные об Агафье, и Максимила предлагает зайти для этого к ней в избу.

Положив входные поклоны, я сел на лавку. В избе собран небольшой иконостасик из 10–15 икон, лежат на полочке книги, стоит аналой. По праздникам здесь

собираются и служат службу, но, по словам Вассы, только по большим праздникам, так как некому читать, а одной Максимиле трудно.

Записав все в дневник об Агафье, мы уже собрались уходить, но тут в дом вошла Анна. Ей лет 70. Живет она с Максимилой.

— Почто пришли?! Ну-ка давайте выметайтесь! Нечего вам здесь делать!

— Оставь их, Анна, хорошие они люди, за Агафьей приехали, — защищала нас Максимила.

Но Анна не унималась:

— Некогда ей (Максимиле) с вами болтать, корову доить надо.

Такое обращение старообрядцев для меня не новость. Я их узнал сразу. Прощаясь с Максимилой, предложил ей, если есть у нее крюковые книги, попеть. Как я мог доказать ей, что я свой, старообрядец? В жизни все можно подделать: документы, подписи, штампы, печати. Но древнерусское пение подделать нельзя.

— Максимила! Давай споем.

Она с интересом посмотрела на меня, хитро улыбнулась и сказала:

— Книги есть. Давай споем, но только завтро, потому что уже поздно. Я завтра, Бог даст, приду к Вассе утром и споем.

И так завтра я буду держать экзамены по крюковому пению. Интересно, что завтро мне предложит спеть Максимила?

Здесь я должен пояснить несведущим, что такое крюковое или знаменное пение.

В России существует две системы звукозаписи мелодий. Первая из них — крюковая или иерографическая, она же носит еще название знаменной, так как записана знаменем или знаком (см. цветная стр. 204). Крюки или знамена содержат определенное количество звуков, и в каждом

знамени известны их высота и длительность. Эта древняя система звукозаписи мелодий пришла на Русь еще с Востока от греков с принятием Христианства. В настоящий момент только старообрядцы поют по крюкам. Петь по ним гораздо проще, чем по линейным нотам.

Вторая — пятилинейная система, которая общеизвестна и не требует объяснения.

Ужинаем у костра, подводим итоги дня. Оставшийся от трапезы хлеб, тщательно завернув в пакет, закрепляем повыше на сучке березы, чтоб ни мыши, ни лошадь не достали. Приводим все в порядок и идем спать в дом Вассы.

Эльвира и Тамара спят в сенях, а мы на полу в избе. Пришли мы с Пролецким самые последние. Света в избе нет. Здесь как во времена А. С. Пушкина: «Горит лучина перед ней...».

Положив начал, лег и я. Только мы стали засыпать, как тут залаяли собаки. Да так зло, с остервенением и визгом. Чувствуется, как они рвутся с поводков.

Васса встает со своей лежанки.

— Никак медведь пришел. Где спиците у меня? Пойду, посмотрю.

Лев Степанович зажигает и дает ей свой карманный фонарик. Васса отказывается.

— Не знаю я как им и светить-то.

— Да ты бери, Васса, он же горит.

Васса берет фонарик и идет к двери. Сестра её Зиновия (ей тоже под семьдесят), приехавшая сюда доживать свой век, удерживает её:

— Не ходи. Задавит он тебя.

Но Васса уже в сенях.

— Какая она смелая. А я бы вот нипочем не пошла. Да чай, твори он там чего хочет, медведь-то.

Вскоре приходит Васса:

— Вон в тот угол лают. Верно, опять на кислицу пришел.

Кислица — красная смородина, обильно растет по ручью, мы её там сегодня собирали.

Собаки не давали спать, и заснул я только под утро. Проснулся позднее всех. Умывшись из ручейка (здесь они текут по всему огороду, орошая землю), иду в келью класть начал.

Обе старушки, хлопоча по хозяйству у русской печи, внимательно наблюдают за мной, их взгляды я просто чувствую за своей спиной. Мне нужен подручник, бабушки это знают, но, испытывая меня, его не дают. Ждут, когда спрошу.

Поясню. Подручник — это то, что кладут под руки при совершении земного поклона. Служит он для соблюдения чистоты рук во время молитвы. Правилом предписано молиться чистыми руками.

В никонианской — новообрядческой — церкви подручники отсутствуют, поскольку Никон отменил земные поклоны. Однажды при беседе с одним никонианским священником, который удивляясь и восхищаясь, спросил меня: «Вот одного я только понять не могу, как вы через все эти гонения сумели подручники пронести?!».

Вот этот-то подручник мне и нужен. Бабушки же смотрят и ждут. Пришлось спросить. Тогда они мне дают сразу два подручника, каждая свой. Они их уже, оказывается, и приготовили и только ждали, чтобы меня проверить — настоящий ли я старообрядец. Вот так здесь все.

Покончив с молитвой, я вышел во двор, где у Льва Степановича давно уже сварена каша и кипит на костре чай.

Николай Пролецкий показывает мне пустой пакет из-под хлеба, что вчера заворачивали и убирали повыше, чтобы лошадь не достала. Пакет оказался пуст. Хлеб съеден, а вот два огурца, что вместе с хлебом были завернуты, лежат под березой на земле целые. Но если лошадь съела хлеб, то почему она тогда не съела огурцы? Да и следов-то её копыт нет под березой. Да. Тайга есть тайга.

Тут подальше положишь — поближе возьмешь. Наука будет впредь.

К завтраку прибегает Эльвира — она уже успела написать этюд. Да как здорово! Вот талант!

Едим кашу, пьем чай. У костра с нами сидит и Васса. Черепанов спрашивает ее: «А ты помнишь, Васса, когда я в прошлом году летом к вам приезжал, мы с тобой ходили искать твою корову, на левой руке у тебя была надета рукавичка. И на мой вопрос: зачем тебе летом рукавичка, ты мне сказала, посмеявшись: «Да от тебя надела, чтоб лестовку не видал». Васса вспоминает и опять улыбается.

Но вот совершенно неожиданно для меня приходит Максимила, неся две крюковые книги: Октай и Обиход. Сдержала свое слово. А я сегодня что-то про экзамены и не вспоминал. Максимила гонит свою корову пастись. Скотина здесь пасется на горе. Коровки здесь маленькие, меньше наших почти на третью часть.

— Ну, Александр, давай споем.

— Давай, Максимила, споем!

Начался духовный концерт. У Максимилы приятный голос, и пение она знает хорошо. Я понял, почему она вчера на мое предложение спеть так хитро улыбалась. Максимила гоняет меня по Октаю, как школьника на экзаменах, но все усилия ее напрасны. «Зашить» она меня не может. Покончив с октаем, беремся за Обиход. Кто тут кого «зашивает», я даже не знаю. Я вырос на клиросе и все это мне известно. Напев тоже одинаков. Соревнование наше идет нормально. Но тут Максимила, открыв книгу на последней странице и развернув рукописный лист, вложенный туда, сказала: «Ну а теперь давай, Александр, споем «Достойно» — по-гречески.

Так вот где тут скрыта изюмина! Такого я не ожидал. Какие все же молодцы старообрядцы! Через огонь и воду прошли. Все сохранили. И книги, и пение, и погласицу. А эти книги! Неведомо в каком веке написанные, откуда принесенные и через какие горнила гонений прошедшие.

И живы! За них умирали, не моргнув глазом. Их донесли до наших дней. И нет в них никаких ошибок. Все они одинаковые в текстах и в Москве, и в этом далеком крае, в таежном захолустье на Туве.

Но Максимила ждет, смотря на меня вопросительно и как бы спрашивая: «Ну как? Споешь? Потянешь?».

В церкви иногда поют по-гречески при службе епископов по традиции еще от тех времен, когда епископами на Руси были греки. Но эти песнопения очень кратки, а вот «Достойно» я, конечно, никогда не пел и даже не слышал. Но что из того. Текст написан, крюки стоят, что не петь? И мы поем! И оба этому рады! Все мы здесь старообрядцы и это наша высокая культура!

Больших же праздничных стихер мы не пели. Не дошло до того. Уже напелись досыта. Да Максимила праздники почему-то не принесла. Конечно, все книги не принесешь, но я думаю, что Максимила и сама-то эти стихеры не очень знает.

— Ну как, Максимила? — спрашивает Лев Степанович.

— Александр — человек грамотный. Крюки знает хорошо. Только Крюк и Статию не выдерживает, а переводку поет правильно.

— Максимила, в церкви все поется несколько быстрее, чем ты поешь, а если б там так редко пели, вот как ты, то Всенощная шла бы семь часов.

Неожиданно к нам подходит человек в болотных высоких сапогах и говорит, что приехал за нами. Вот досада какая! Не успели, как следует познакомиться и уже надо уезжать.

Еще вчера, воспользовавшись попутной лодкой, Лев Степанович послал записку леснику в Ужеп, чтобы тот помог нам выбраться из Чёдралыга. В тайге дорог кроме рек нет. Ждать же 10 дней вертолета мы конечно не можем.

Прощаясь с Максимилой, я подарил ей наши церковные календари за два года. В них, кроме хроники, канонов

Максимила пишет письмо Митрополиту Алимпию

и молитв помещена еще история старообрядчества, которую ей полезно почитать.

В церкви Максимила никогда не была и понятие у нее о церкви самое примитивное, она, как говорится, крайняя беспоповка. Так жаль ее мне. Помоги, Господи, ей вразумиться, и придти в лоно церкви.

Она же убеждала меня: не ходи, Александр, в церковь. Погибнешь!

— Последние времена наступили. Церковь теперь убежала в горы, и на месте святе — мерзость запустения. Антихрист уже правит! И теперь надо только псалтырь читать.

Жаль мне Максимилу! Неправильные ее взгляды!

— А хочешь, Максимила, я тебе покажу благолепие на месте святе? Пойдем со мной в церковь!

Но молчит Максимила.

— Чему учишь человека? Не ходить в церковь! Что ты говоришь?! Не могу тебе не сказать, что из нас двоих один не прав, а кто не прав — разбирайся.

Встает вопрос, как убеждать таких людей как Максимила? Я не знаю, каким даром слова нужно обладать? В какой литературе это записать, чтоб люди могли прочесть и поверить. Господи, помоги! Погибает в Сибири бесчисленное количество народа, да и не только в Сибири, не окормленных Церковью в лице беспоповцев. Зачастую духовно не грамотных людей, водимых наставниками, — простыми мужиками. Но как слепец слепца водит — оба в яму впадут — по слову Евангелия. Так и те, и другие погибают!

Написала Максимила письмо Митрополиту Алимпию, основная цель которого состоит в том, что она не принимает вновь поставленных (нового постановления после Никона патриарха) митрополитов, архиепископов и епископов, что сейчас уже все священство погибло «и вновь его теперь не восстановить».

Прощаясь с Малым Чадыралыгом, мы пошли еще раз посмотреть водяную мельницу, что работает от небольшого ручья. Она стоит прямо напротив дома Максимилы. Мы ее смотрели вчера, да уж темновато было. Впервые встречаю такую «игрушечную» мельницу. Я привык их видеть как огромные сооружения. Здесь же живая рабочая мельница — несколько выше человеческого роста. Но в ней все есть: есть и жолоб для подачи воды от ручья с задвижкой, есть и бучило, и водяное колесо, и жернова с ситом диаметром всего 40 см. О существовании подобного чуда техники я даже не подозревал. Много надо было проявить здесь смекалки. И много пережить, чтоб такое построить.

Работая прорабом в реставрационной мастерской Нижнего Новгорода, где в моем ведении был музей под открытым небом, одну из двух огромных мельниц я собирал. Одна водяная, а другая ветряная. Но вот это чудо, если его поставить рядом с той громадиной, всех бы удивило и привело в восторг. И если бы Фаина Анфимовна — директор музея — побывала здесь и увидела эту игрушечную мельницу, то без нее отсюда она бы не уехала.

В хозяйстве на Чадыралыге держат коней. Есть здесь конные косилки и конные грабли, что у нас сейчас совершенно отсутствуют. Держат пчел в колодах по древнему обычаю, но есть и рамочные ульи.

Прощаясь с местным населением, я подарил церковные календари Вассе и некоторым другим людям. Но на всех, конечно, не хватило, и я обещал прислать им по почте.

Но пора! Давно приехал за нами лесник Николай Артемонович Мурачев, давно я уже рассказал все новым людям, неведомо откуда взявшимся и пришедшим к Вассиной избе, давно записаны адреса. Пойдем! Пошли! Нас провожают за околицу. Идем лугом к Каа-Хему, до него километра полтора. Походим к темной стене тайги, из которой, совершенно неожиданно для нас, нам навстречу выходят два мужика.

Поздоровались и прошли мимо. Бороды огромные, черные. Глаза острые, внимательные. На головах шляпы из XIX века, в руках вилы тройчатки. Идут видимо метать стога. И до чего же все ладно, крепко и красиво сочетается в их облике, да и сами они с окружающей природой, что я просто поразился. И теперь эти мужики стоят у меня перед глазами.

Догнав впереди идущую Эльвиру Викторовну, художника-профессионала, я спросил ее:

— Ну как мужики?

— Слушай, просто красавцы. Так и просятся на полотно. Писать их надо, писать! Что же им придает такую красоту? Конечно же, борода. Если их побрить, то их даже и не заметишь.

А я-то думал, что всех здесь уже видел. Здесь старообрядцы — люди осторожные. Не добьешься от них ни имен, ни фамилий, никаких иных сведений. Дело доходит до смешного. «Забывают» как отцов звали.

— А как тебя зовут?

— Не…е помню.

Вот так. Только и услышишь от них три нет: не слышали, не видели, не знаем. Очень интересная эта формула, не просто она здесь родилась. Выработана она человеческими страданиями, великую чашу которых здесь испили люди и не только в гонениях от XVII века, 300 лет тяготивших над старообрядцами, но и в наше время, начиная от 20-х годов и до недавнего времени. И эти «не знаю» оправданы.

Сплав по Енисею

Но вот перед нами и Каа-Хем. «Плохой» Енисей имеет здесь ширину метров 300–400. Великолепен он в своем течении, в котором сразу же угадывается внутренний напор его огромной энергии. Бурлящие водовороты у берега ярко свидетельствуют об этом.

Садимся в узкую лодку, длиной метров десять с высокими вертикальными бортами. Плыть нам по Каа-Хему вниз 17 км. Кругом высокие горы покрытые лесом. Иногда отвесные скалы. Прекрасная погода, вода, голубое небо, горы, легкий ветерок – красота удивительная. Какое большое удовольствие плыть по этой реке. Спустившись на 12 км приплыли в Усть-Ужеп. Здесь живет наш лодочник Николай Артемонович. Нужно заправиться бензином. Мне еще в Москве говорил Лев Степанович, что в Усть-Ужепе живет местный наставник Макарий Ермогенович Рукавицин, с которым, конечно же, надо повидаться. С моей стороны было бы просто не тактично проехать мимо и не зайти побеседовать. Не теряя времени, я к нему и отправился.

Войдя в калитку полисадника — увидел женщину. Поздоровавшись и отрекомендовавшись, спросил Макария Ермогеновича. Но хозяина, увы, не оказалось дома. Он был в тайге. Хозяйка меня приняла осторожно. В дом не пригласила. На мой вопрос, где бы можно было побеседовать, открыла амбар.

— Давайте здесь поговорим. Вскоре к нам пришла и соседка — мать Николая Артемоновича, которую он прислал. Разговаривали мы часа полтора. Беседа наша была интересна.

— Жаль, что Макария нет дома, вот уж он бы с вами поговорил.

Конечно, жаль и мне, что не встретились. Оставил я для Макария Ермогеновича церковные календари и стал прощаться. Давно уже меня ждала лодка. Пора плыть дальше.

— Возьмите-ка вы орешков на дорожку.

— Ну, давайте в карман. Но хозяйка засуетилась, нашла сумку и насыпав орехов сказала: «Простите уж, орехи-то прошлогодние». Собрала мне гостинец из стоящего рядом мешка.

— Спаси Христос. Мне не до роскоши.

— Приезжайте. Будите у нас, заходите.

— С большим удовольствием, коль Бог приведет да Митрополит пошлет.

Кормчий везет нас только до порога. Это еще километров пять. Дальше лодка плыть не может.

— Николай Артемонович, а были ли смельчаки, чтоб на лодках переходили порог?

— Не знаю таких. Там лодку зальет сразу. Не проплывешь. Дальше пойдете берегом. Теперь там дорога.

Пристав в излучине реки, выходим на берег. Кончилось наше приятное плавание по Каа-Хему. Прощаемся и лодка уходит.

Здесь на берегу стоит избушка: нары, покрытые сеном, железная печка, воткнутый в чурбан топор, охапка дров, спички на полочке. Свечка парафиновая на подоконнике. Все по всем правилам тайги.

Расположившись и достав припасы, варим кашу, пьем чай и идем смотреть порог, шум которого отчетливо слышен, хотя до него больше километра. Это первый и самый большой порог на Каа-Хеме, так называемый «Байбальский». От него вниз по реке почти непрерывно идут другие пороги меньшей величины еще на тридцать километров.

С приближением к порогу шум нарастает. Я никогда не видел порога, и представить его себе не мог. Но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Здесь стоял грохот, разговаривать было невозможно. Глазам представилась страшная картина рассвирепевшего Енисея, покрытого клочьями белой пены и огромными волнами, среди которых выступали валуны величиной с дом, да острые камни скальных обломков.

Все вокруг крутилось и куда-то стремительно неслось в вихре и грохоте водоворотов ниспадающей воды, спотыкаясь о подводные камни, вздыбливаясь волнами и проваливаясь вниз, поднимая тучи брызг. Какая-то лесина металась в волнах, крутясь в водоворотах. И только

острые пики скал, торчащие из воды, словно зубья в пасти чудовища, стояли насмерть среди этого напора бешеной стихии.

Я даже оцепенел от жуткой картины, вдруг открывшейся передо мной во всю ширину реки. Страшно смотреть. Поскользнись на мокром камне, погибнешь у всех на глазах. Никто тебе не поможет. В лучшем случае мелькнет твоя голова в пенном хаосе водоворотов и все.

Еще на Чадыралыге мне рассказали про это страшное место. Много здесь в этой пучине погибло старообрядцев. Во время гонений их здесь казнили и бросали в пучину порога. Порой и сами они бросались туда, чтобы не попасть в руки мучителей. А уж в тридцатые годы!!! Помяни Господи их во царствии своем.

Прав был Николай Артемонович, на лодке порог не пройти, а вот как его прошли на плотах туристы, сплавляясь по Каа-Хему, я не знаю.

Но какая же красота в этом могуществе стихии! Вообще здесь в Саянах часто ловлю себя на мысли, что такого еще не видал. Уж очень много здесь ну просто сказочной красоты. Необычайной прозрачности и каких-то даже бирюзовых озер, чистоты воздуха. Все это в совокупности создает у человека чувство неповторимой красоты.

Возвращаясь к избушке, набрали грибов. Здесь в основном растут солонухи. Встречаются и правские грузди — беложелтые, лохматые снизу. Вот бы насолить кадочку. Но, как известно: «За морем телушка полушка, да рубль перевоз». Нам же нужны грибы на суп, а вот их почему-то и нет. Нашли всего несколько подберезовиков, моховичков, да мокрух, которых доселе не видели в Европе, где с грибами гораздо богаче. Белых же грибов пока не встречал.

Приятно сидеть у костра. Пить чай, разговаривать. Кругом уже сгустилась тьма и только блики пламени выхватывают из черноты ночи иногда лежащие поодаль дрова, да кусты деревьев. Уходить от костра почему-то не хочется. А завтра утром в поход. Нам нужно пройти весь путь

до Сизима. Теперь-то здесь дорога, раньше здесь ездили только верхами на лошадях. Раньше было легче. На конях, а вот сейчас как мы потащим свои рюкзаки в 30 кг? Не знаю. Где прогресс? С этими мыслями я и засыпаю. Шумит по крыше ветер. И если выйти за дверь, кто тебя там ждет неизвестно. Все как на фронте.

Проснувшись раньше всех утром, молюсь правило, да к тому же сегодня воскресный день, литургию служат в церкви. Уже, наверное, идет народ и вливается в ворота храма как поток.

Все встают. Начинается обычная суета. Решаем уравнять всем рюкзаки. Излишки хлеба оставить в избушке, т. к. в Сизиме хлеба наверняка купим. Лишнего хлеба у нас 10 буханок. Я их режу на куски и кладу на просушку. Чтоб не пропали. Теперь, если придет человек, в избушке кроме дров, спичек на полочке, свечки у окна, есть еще и хлеб.

Но пора в путь. Господи благослови!

Дорога идет квадратами луговин, когда-то бывших огородов и лугов, отвоеванных человеком у тайги. Они, изрытые кабанами, еще не заросли лесом. Стоят стога.

Совсем недавно здесь жили люди, стояли их избы. И вдруг, как тати в нощи, нагрянуло НКВД. И разгорелся здесь яркий драматизм событий. Всех окружили. Никто не ушел. Выгнали из домов. Женщин и детей в одну сторону — мужиков в другую. Пытали их прямо у всех на глазах. А в чем пытали-то? Вся их вина была только в том, что жили они в этом пограничном районе. На ночь, набив битком избы народом, всех заперли, поставили часовых.

Наставник, выпросившись «до ветра», когда вышел с конвойным, — бросился к обрыву берега и кубарем скатился по крутому откосу прямо к реке. Охранник выстрелил, поднял тревогу, выбежали солдаты, начали по нему палить, да ночью попасть не могли. Тот же бежал прямо к полынье, а затем, выбившись из сил, пошел шагом. По нему уже не стреляли. Все было ясно. Никто его не до-

гонял — это было опасно. С высокого берега было хорошо видно, как ярко выделяясь на белом снегу, человек шел к черной бездне бурлящего порога с блеском водоворотов под лунным светом. Здесь студеная, вечно кипящая стихия не замерзает даже в лютые морозы. Они все смотрели на него, как он мужественно шел навстречу своей смерти, все ближе подходя к черной клокочущей бездне полыньи, и это была его победа над палачами. Всплеск воды, из-под сломанного тонкого льда, подмытого быстрыми струями, блеснул под луной и человека не стало. Бог ему судья и только новая полынья осталась чернеть на том месте.

А утром весь народ угнали невесть куда. Село спалили дотла. С тех пор здесь уже никто не живет. Тишина. И только шум порога поет им всем вечную память! В чем виноваты были они, эти мученики?

Шагаем дальше вдоль Каа-Хема. Кругом густая тайга. Порой взлетают рябчики и садятся на ветки. Пройдя так с десяток километров, нам навстречу стали попадаться мотоциклы. Все они едут к Байбальскому порогу, оставляя здесь свой транспорт в тайге и поднимаясь вверх по Каа-Хему на лодках, которые за ними приходят.

Я иду в кедах, беря их в поездку, был в них вполне уверен. Странная эта обувь. Годна она только для ходьбы по городскому асфальту, а вот в серьезный поход ее лучше не брать. При первой же хорошей нагрузке мои кеды вышли из строя — протерлась стелька. Пришлось до привала идти босиком и только там, сделав новую стельку из бересты, обулся.

Так мы прошли двадцать один километр, когда меня догнал мотоцикл. За рулем сидела молодая женщина. Впереди ее на бензобаке примостился мальчик лет пяти, сзади сидел муж, держа на руках ребенка, завернутого в одеяло. Мужа звали Алексеем, и конечно он носил бороду и был старообрядец. Ну а «рыбак рыбака видит из далека».

Бог его нам послал. Только христиане способны на такие поступки. По слову апостола Павла: «Друг другу тяготы носите и тако исполните Закон Христов».

Алексей предложил нам садиться в пустую коляску мотоцикла. Мы же предпочли положить туда наши рюкзаки, их у нас пять. Сами-то мы и так дойдем. Я был тронут такой христианской любовью и вниманием к нам, По тяжелой дороге, с детьми, на перегруженном мотоцикле, кто бы нас посадил в Европе? Там бы всех удивили таким поступком. В этом цивилизованном мире и в голову не придет никому такое сделать. Часто приходилось голосовать на дорогах и в дождь, и в мороз, но чаще всего слышишь шелест покрышек, проносящихся мимо машин, чем скрип тормозов. Очерствела душа народа в этом цивилизованном мире. Хорошо живут, а о добродетели кто вспомнит? Другое дело христиане. И садиться-то некуда, и дорога не асфальт, а все же предлагают. И делают это доброе дело, зачастую для совершенно незнакомых людей без всякой корысти.

Сложив пять рюкзаков в коляску и привязав их веревками, я сказал супругам: «Пожалуй, я вас награжу». На что Алексей ответил настороженным и категоричным тоном, не допускающим возражений:

— Нам ничего не надо!

— Ну что же вы так говорите: «не надо», когда не знаете даже. Что я хочу вам дать.

Жена: «А что?»

Достав из кармана небольшой сверток, развернув, даю им по нательному кресту. Алексею — мужской; Полине — женский. Велико было их удивление. Здесь на таежной дороге дивятся, стоят, разглядывая подарки, и выбирают себе два мужских креста. Надо сказать, что женщины на Чедуралыге тоже брали только мужские кресты. Разницы, конечно, в них особой нет. Разница только в форме, суть осьмиконечного креста не меняется. Женский крест просто более округлый в связи с физиологическим строением женского организма.

Полина просила Андрея завернуть и убрать кресты.

— Не потеряй!

С этим они и уехали, обещав вернуться и подвести нас.

— Вот, Лев Степанович, теперь Андрей нас всех перевезет.

Без рюкзаков, конечно, идти вольготней. Теперь мы бегаем при каждом удобном случае на берег Каа-Хема, благо он рядом. До чего же здесь хороши пейзажи! Тайга, солнце, вода, бурлящие пороги, горы, но приходится беречь цветную пленку. Впереди встреча с Агафьей. И я в это верю!

До Сизима, куда мы идем, осталось не так уж много, а вот и Алексей, сажает наших совершенно измученных женщин.

Пройденный путь, однако, дает о себе знать, и особенно тяжелы последние километры, но тут опять Алексей, приехав сразу на двух мотоциклах, сажает нас и везет. Так что не путешествовать? С Божией помощью все легко. Едем с ветерком. Въезжаем в одну низину, словно в погреб. Здесь пятно вечной мерзлоты. Проехали мерзлоту, опять тепло. Дорога идет через скальный участок. Внизу работает бульдозер, сверху нависли скалы. Как он там работает?! Скальные породы все в трещинах, видны отдельные камни, невесть как держащиеся и готовые свалиться вниз, раздавить и бульдозериста, и его бульдозер. Глыбы в сотни тонн. И поминай, как звали. Крайне опасная работа. Алексей объясняет, что эти нависшие участки, конечно, будут взрывать, что бульдозерист — парень опытный, но опасно, камни падают каждый день.

— А вот, по-моему, глыбе все равно, кого давить, опытного или неопытного. Тут не только целый день работать, на мотоцикле проехать страшно.

— Вот эта глыба (мы ее объезжаем на мотоцикле), лежащая среди дороги, упала вчера. Хорошо бульдозерист успел развернуть машину ножом вперед.

В глыбе тонн двадцать, а падала она метров с сорока. Она сама больше бульдозера и что ей его нож. Пронеси Господи. Скорей бы проехать. Как тут работает восемь часов мужик, не знаю, не позавидуешь парню. И после этого говорят, что у нас все для человека. Просто какая-то насмешка.

С высокого берега хорошо виден бурлящий на порогах Енисей. Здесь у каждого порога свое название. Все хорошо! И как тут, совсем недавно проплыла Агафья? Как она их преодолевала и Байбальский порог тоже? Прошли же каким-то образом этот совершенно страшный бурлящий порог плоты туристов? Интересно, что у них за плот такой, что даже и из адской пропасти выплывает?

Народ местный, где бы мы ни спрашивали, свидетельствуют, что недавно видели ее, что она живая. Нам это придает силы и стремление догнать ее быстрее, но шесть дней пути срок большой. Где встретимся, не знаю.

Конечно, в книге можно написать многое, это не жизнь с ее трудностями. Здесь бумага, а она, как известно, «все терпит». Можно, конечно, забежать вперед, приподняв завесу завтрашних дней, но давайте потерпим, дорогой читатель. Каждый день наполнен своим.

Мы, наконец, въезжаем в Сизим. Лев Черепанов — он сидит в коляске как начальник — просит Андрея нас свести прямо в лесничество, куда мы и подъезжаем.

Большой пятистенный дом, несколько вытянутый и, вследствие этого похож на барак. Забор из красных досок лиственницы с вытекшей смолой, загорелых на солнце, и кругом никого. Воскресный день. Все отдыхают.

Прощаясь с Андреем, любезно оказавшим нам такую большую услугу, прошу его собрать вечерком старообрядцев у него дома, если, конечно, это будет возможно, или где-то в другом месте. Побеседуем, у меня есть что рассказать и показать.

— У вас тут старообрядцы-то есть?

— Есть, собрать можно. Я за вами приеду вечером часов в девять.

— Хорошо.

Поздновато, конечно, в девять, ну да ладно, не у себя дома. Можно и в девять.

Дверь в лесничество не заперта. Две комнаты, заставленные письменными столами, да куча бумаг на них. За стеной, занимая четверть дома, — жилое помещение. Здесь очевидно живет кто-то из работников, как потом узнали — сам лесничий. Двери тоже не заперты. Лесничий, видно, сам мужик холостой. Некому прибраться у него в доме, а самому ему недосуг заниматься таким делом, как порядок. Устраивает его минимальный уют. Диван, подушка, одеяло. Поверх его дубленка — на ней бинокль. В углу полуразобранный лодочный мотор, тут же сети, на подоконнике патроны. Словом, холостяцкая картина. Но вот о хозяине у меня сложилось почему-то неплохое впечатление. Мужчины, которые иногда здесь собираются, ведут серьезные разговоры.

Хозяин сам иногда сюда забегает по делам, да наспех перекусить. Домом ему заниматься некогда, да и о себе тоже подумать некогда. Весь в работе. Ему бы хорошую хозяйку.

Наши женщины взялись наводить порядок в доме. Прибрали, вынесли ведра, проявив женскую заботу о человеке.

Что нам делать и где располагаться? Эту задачу мы решили во дворе, где лежали наши рюкзаки, поднимать которые почему-то не хотелось. И тут я увидел женщину, стоявшую за углом и наблюдавшую за нами. Рассмотрев пришельцев, не спеша подошла к нам, поздоровалась. Познакомились. И Лев Степанович попросил Устинью, так звали нашу знакомую, взять над нами шефство. Мне кажется, такое положение ее устраивало. Она сейчас же распорядилась располагаться нам в конторе, ужин готовить на газовой плите, стоящей в половине лесника, его

все равно нет дома, а газ недавно привезли, так что все в порядке.

Устинья

Сама Устинья жила во второй половине дома и была женой лесника. Мужа ее звали Николаем. Устинья — женщина энергичная, словоохотливая, лет тридцати пяти. Мне кажется, что фамилия очень подходит к ее характеру — Борзенко.

Расстелив на полу конторы рядом с письменными столами какой-то брезент, мы повалились на пол. Но отдыхать нам долго не пришлось. Пришла Устинья проверить, как мы себя чувствуем. Пришла другой раз — сказала, что затопила нам баню. Потом опять пришла — одним словом с женщинами не отдохнешь. Вечно давай это, давай то, и здесь все шло по классической траектории, точно так же, как у моей жены, никакого покоя. Хотя, конечно, и пообщаться интересно. Устинья знает, что неделю назад здесь была Агафья, что не осталась она на Малом Чадыралыге, не сойдясь с Максимилой в вере, а вот по каким вопросам не сошлись, Устинья конечно ответить не смогла. Это не просто женская болтовня, здесь нужны определенные знания и понятия в духовных вопросах. Не так тут все просто.

Устинья старообрядка, не приемлющая священство (беспоповка) с довольно оригинальным мышлением и взглядами. Вот она опять пришла к нам в контору. Пошел у нас интересный разговор о церковной жизни. Сначала она слушала, вставляя иногда свои замечания и реплики, а когда я стал ей показывать фотохронику жизни Старообрядческой Церкви, Устинья вдруг решительно и твердо сказала:

— Все это враньё!

— Как враньё?

— А вот так!

— Что враньё?

— Вот все это, и бороды здесь все приклеены!

— А у меня борода тоже приклеена?

— У тебя нет, а вот у них (показывая пальцем на наших иерархов в церковном календаре) приклеена.

— Устинья, а откуда у тебя такое мнение?

— Я как-то в никонианской церкви была и видела сама, как священник, такой красивый, видный мужчина, отслужил обедню, положил бороду в карман, сел в лимузин и уехал. Понял? И все, что ты тут мне показываешь, — неправда!

Попробуй ее теперь убеди, что не все священники такие, как этот поп, что нет у нас священников безбородых и с приклеенными бородами. Я стал ее убеждать, но говорить было бесполезно. Она ничего не хотела слушать. «Яко аспида глуха и затыкающаго уши свои: Иже не услышит гласа обавающих». Так и она.

— Враньё! Враньё! Враньё!

Услышав такое, я убрал календарь. Только еще этого не хватало, чтоб поносили наших иерархов все кому не лень. Это уж слишком. Не стал я больше убеждать Устинью, давно наслышались, что беспоповцы крайне упрямый народ и слушать об истине не хотят. Да с какой стати я буду перед ней рассыпаться? Не веришь и не верь!

Устинья пошла смотреть баню. И Лев Степанович, воспользовавшись ее отсутствием, сказал мне, что я невыдержанный, нет у меня терпения и практики вести спор и так далее.

— Согласен, Лев Степанович, что и невыдержанный, и практики нет. Все так. Но Устинья наших иереев поносит. Не хочу я с ней и разговаривать.

— Ах, Александр Семенович, вы должны иметь бесконечное терпение к таким людям, как Устинья и всегда искать к ним особый подход!

— Лев Степанович, объяснять ей, что воду в ступе толочь. Слушать она все равно не будет. Ей черно-бело и бело-черно. Она или духовно безграмотна, или ей вдолбили

в голову с малых лет такое отношение к церкви. Это, скорее всего. Или она просто прикидывается дурочкой.

— Нет, Александр, ты не прав!

— Я с вами согласен, Лев Степанович, я действительно не прав. Апостол Павел говорит так: «Настой во время и не во время . То есть проповедуй, когда надо и когда не надо проповедуй! Я Устинью, конечно, не перевоспитаю, но приложить к этому силы надо, необходимо. Как она придет, давайте продолжим разговор.

Устинья долго себя ждать не заставила. Разговор начинает Лев Степанович, подключаюсь и я. Но опять нет и нет! И тут я ее спрашиваю:

— Устинья, а ты веришь, что на Луну летали?

— Нет! Все это враньё! Ты еще мне скажи, что земля вертится, да?!

Надо сказать, что Устинья женщина не темная. Она окончила сельхозтехникум и работает ветеринаром. По натуре она человек добрый и приветливый. Но спор она вела страстно, горячо, решительно и вдохновенно, а вот когда меня не было, Устинья сказала Льву Степановичу: «Правильно написано в Священном писании: настанет день, когда придут в благообразном облике и будут звать в церковь. Вот он и настал этот день».

Конечно, все это внушено ей с раннего детства и внушается до сих пор, но вот в чем интересна Устинья: все мы учились в школе, и всем нам там говорили, что человек произошел от обезьяны, и ведь многие поверили в эту нелепость по-настоящему. А вот Устинья не всему верила, что ей говорили в школе. Не поверила даже тому, что земля крутится.

А вот и снова Устинья, зовет нас в баню.

Проводив Черепанова с Пролецким, сам я в баню не пошел так как было воскресенье. Решил, пока они моются, посмотреть поселок и, выйдя из дома, увидел наших женщин, стирающих свои рубашки. Здесь стояла и Устинья с мужем, который был слегка под хмельком.

— А почему Вы не идете в баню вместе с Черепановым?

— Я по воскресеньям, Устинья, в бане не моюсь. Ты же вот не ходила сама сегодня в баню? Не хожу и я. А почему? А?

Устинья смотрит на меня внимательным взглядом и говорит:

— У нас тоже не моются по воскресным дням в банях. Мне еще бабушка говорила, что если человек моется в воскресенье в бане, то как в собственной крови моется.

— Ну, вот видишь, все-то ты знаешь, а спрашиваешь. Надо, Устинья, закон соблюдать и не топить бань по воскресеньям, дабы не быть причастным к беззаконию. Понятно?

Услышав это, Николай спросил меня:

— А ты сам соблюдаешь закон?

— Да вот, как видишь, рубах не стираю.

С этим я и ушел смотреть поселок.

Сизим стоит на притоке Каа-Хема, носящим то же название. Внизу течет речка Сизим кристальной чистоты, шириной метров двадцать. Мальчишки бегают по берегу с удочками и ловят хариуса. Сам поселок имеет несколько улиц. Дома все деревянные. Кругом тайга. На улице встречаются мужики с окладистыми бородами, но многие при этом ходят с папиросами в зубах, что вызывает неприятное во мне чувство. Старообрядцы, как правило, не курят. Как этих назвать — не знаю.

Есть в Сизиме и аэропорт, с которого мы завтра должны лететь в Сарак-Сэп. В Сизим приходит из Кызыла и небольшой теплоходик. Но приходит только когда высокая вода, он не может пройти через пороги. Сейчас тоже высокая вода, но водного транспорта нет уже целую неделю. Нет его и сегодня. Поэтому вся наша надежда на самолет.

Когда я вернулся обратно, Лев Степанович с Николаем Петровичем, только пришедши из бани, молча сидели на стульях. Они мне сейчас же живо напомнили мое глубокое детство: «В субботу бабушка в деревне топила баню, и первыми ходили мыться всегда мужики. Их было шесть человек и с пару, придя в избу, садились по лавкам, дед и все мои дяди. С ними мылся и я.

В избе глубокий полумрак. Полная тишина. И только сверчок тихонько стрекочет за печкой. Горит перед образом лампада, в глубоком полумраке избы, бросая по стенам тени. Полнейший покой. Никто ни слова. И видно, как струйки пара поднимаются вверх от распаренных мужиков. Даже шевелиться не хочется. Все словно в каком-то оцепенении отдыхают после парной. И так до самого прихода женщин. Тут конечно кончается всякий покой!»

Вот и наши размягшие, распаренные мужики, отдыхая после сегодняшнего похода и бани, сидели так же.

— Ах, Семеныч! Какая баня! Веники душистые, а как поддашь… Ты полжизни потерял!

— С легким паром, ребята!

— Благодарим.

В девять вечера, видя, что Андрей не идет, я пошел к нему сам. «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Наивны были мои надежды, что Андрей соберет старообрядцев. Кто я такой? Он не знает, чтоб собирать людей.

Придя в дом Андрея и Полины, я сказал, что пришел их поблагодарить за оказанную услугу. Хозяин сторожничал и никого конечно не позвал. Семья у Полины большая: две бабушки, самих двое да детей шесть человек. Всего десять. Вот настоящая старообрядческая семья. Встретили меня приветливо. В доме чисто и опрятно. Разговаривали часа полтора. Пришлось рассказать и показать то, что я хотел сделать для всех. Интересный был разговор. Поговорили бы и еще, да уже поздно было. Подарил

им наш календарь. У них календарь беспоповской Гребенщиковской общины из Риги.

Инок Палладий

Когда вышел, на улице была уже полная темнота. Дорога прощупывал ногами. Вскоре меня догнала машина. Открыв дверку, шофер предложил мне садиться, почему-то называя меня по имени. В машине оказались Николай и Черепанов. Они ездили к Филарету, который выдал отца Палладия властям в 30-е годы. Интервью брали.

— Ну как, Лев Степанович, виделись с Филаретом?

— Да, поговорили.

— И какие же впечатления?

— А какие могут быть впечатления. Пялит он себя героем, а на самом деле попросту предатель. Оправдывается, конечно, но оно, предательство, оправдания не имеет.

— Вот интересно выразился как-то А. М. Горький по этому вопросу: «Даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы». Как же он это сделал?

Палладий жил в тайге скрытно, скрываясь от НКВД. Отца у Филарета тоже забрали, и жизнь он свою кончил тем, что сунул голову в горящую железную печку, что в камере была. Но охранники его вытащили и на лошади повезли в больницу, да дорогой сани опрокинулись и свалились с откоса, задавив его. А мать ловили тоже, и она закопала детей в снег, чтобы замёрзли. Ушла, но не выдержала, вернулась, раскопала. Девочка погибла, а мальчик — Филарет выжил. Потом она пряталась в тайге, а мальчик жил у Палладия в келье послушником. Но не вынес тяжести поста и молитв, захотел вольной жизни и в 12 лет бежал в мир, возымев месть на Палладия за смерть своей сестры. Считал Палладия виновником всему, но Палладий, будучи наставником общины, не учил старообрядцев ни самосожжениям, ни всяким самоубийствам. Но НКВД доводил людей до этого, заставляя их отступать

от веры. Как мог понять это мальчишка? Но, похоже, он и сейчас ничего не понял.

Когда же Филарет был уже взрослым, то решил, что настало время отомстить Палладию. Он не знал, где келья отшельника, но знал, что иногда христиане возят ему хлеб. Перебравшись с конем на левый берег Каа-Хема, Филарет стал наблюдать за рекой, когда подплывет лодка. Выследив и дождавшись, когда уйдет обратно человек, сходил за конем, спрятанным в тайге, и поехал. Но конь его споткнулся на камне, и Филарет, перелетев через голову коня, ударившись о землю, повредил себе позвоночник. Долго лежал, но потом как-то сумел добраться до дома. Болел, но на разум это предупреждение не пошло. Выздоровел и продолжил своё злое дело.

За голову Палладия тогда была обещана награда в 500 рублей, да к тому же и орден Ленина Филарету за доставку Палладия обещали. Чему он и прельстился, очевидно. Пошел опять на свое черное дело.

Сказал, что на исповедь хочет придти к Палладию, и тем его обманул. Палладий тогда разрешил сказать Филарету, где его келья. Филарет приехал на лошади и, спрятав ее в тайге, пошел к Палладию на исповедь. И когда уже расставались и по обычаю кланялись друг другу в ноги, говоря «Прости Христа ради», в это время Филарет сверху и схватил Палладия. Палладий не сопротивлялся. Филарет его связал и на лошади доставил в НКВД. Там ему сказали, когда придти за наградой, назначив день и час. И когда Филарет собрался ехать в Кызыл, его предупредили, что на берегу там его ждет человек с ружьем. Некто, кто хочет отомстить тебе за Палладия. Тогда Филарет опять с конем перебрался на левый берег и тайгой поехал за наградой, но приехав в НКВД, опоздал к назначенному сроку и приехал вместо утра только после обеда. Ему там сказали: «Ко скольки тебе велено было явиться? Пошел вон!» И не стали слушать его объяснений. Так Филарет и остался без наград.

— А что тогда стало с Палладием?

— Палладий, отсидев свое, вышел. Не был он ни в чем виноват. Ох, Сибирь, Сибирь, сколько же было страстей и драматизма здесь у старообрядцев! Спрашивается, за что же страдали люди, при царе, при советской власти — опять это же.

По приезде домой, мы были приглашены Полиной к ужину. Все же молодцы они, женщины. Умеют как-то обставить и украсить жизнь человека.

Устинья пожарила хариусов. Вот тут-то я их и попробовал. Надо сказать, что здесь повсеместно хариус ловится на «мушку». Маленькие крючки связываются якорьком — три штуки, прикручивается к ним маленькое перышко и в воду. Хариус берет наживку с поверхности и сразу попадает на крючок. Рыба эта бывает довольно крупных размеров. Очень красивая, яркая, напоминает нашу красноперку. Обладает высокими вкусовыми качествами. Рыба была прекрасная! Хозяйка как-то пообмякла, разговаривала спокойней и терпимей. Смеялась.

— Скажи, Николай, а как тут у вас с медведями?

«Вот я вам расскажу, как с медведями, — сказала Устинья. — Прошлой осенью он пришел прямо во двор ко мне и без малого задрал корову прямо в стойле. Я уж спать легла, Николай-то в тайге был. Знает медведь, когда приходить. Собака залаяла, да лает и лает. Я в одной сорочке вышла: замолчи ты! Что привязалась?! А тут вдруг корова заорала дурным голосом. Я в хлев. А медведь уж верхом на корове сидит. Запустила в него камнем».

Вот геройская женщина!

— Медведь с коровы слез. Корова бежать. А я тоже бежать. Повисла на заборе в одной-то сорочке. Медведь за коровой, а я за ружьем. Выбежала, давай палить! Корову отбила, а она бедная вся в крови! Что тут было!!! Давай ее перевязывать. Выхаживали мы ее потом два месяца, но так и пришлось ее сдать. Была она с кривой шеей и помятой головой.

— А как же медведь?

— А медведь на другой день задрал корову в другом дворе. Его, наверное, уже тошнит с ягод — мяса захотел.

Встретила меня на улице Татьяна и говорит, что вчера у Ксении корова телилась, да так тяжело теленочка рожала, больно ревела.

— Тань, а не медведь ей помогал?

— Да ну что ты, какой медведь!

У Ксении медведь корову-то и задрал. Мужики решили вечером его подкараулить на этой корове, вот здесь у нас собирались. Еще светло было, а медведь-то уж опять пришел ее жрать. Тут они его и застрелили.

Наслушавшись этих страшных рассказов, мы пошли спать. Был уже совершенный мрак. В такую темень и медведю не придти.

В аэропортах Сизима и Сарык-Сепа

Утром Николай отвез нас в аэропорт. Касса порта находилась в поселке, а летное поле — прямо за домами.

У кассы мы встретили Андрея, у него сегодня ночью случилось несчастье. У обоих наших вчерашних мотоциклистов, которые нам так хорошо помогли, ночью угнали мотоциклы. У Андрея-то он был совсем новый, обкатку даже еще не прошел. Андрей, конечно, расстроен и считает, что это сделали бездельники из Сарык-Сепа. Больше и некому. У нас уже второй такой случай. Андрей поэтому сегодня летит в Сарык-Сеп выяснить это дело.

Около порта, увидев новых людей, подошел к нам председатель Сизимского райисполкома, и началось:

— Кто вы такие? Как попали в погранзону? Есть ли у вас на это документы?

Документов у нас, конечно, нет, да и залетели мы сюда нелегально на пожарном вертолете. Вот напасть! Как только ноги унести?

— Кто у вас старший?

А старший у нас в это время пробивал билеты у начальника порта.

— Придется составить акт на ваше пребывание в погранзоне без разрешительного документа. Это нам грозило длительным разбирательством. Спасло нас от неприятностей Агафьино имя. Узнав, что мы прилетели сюда по Агафьиному делу, мэр Сизима сменил гнев на милость. Слава Богу, отстал.

Билет до Сарык-Сепа на самолет здесь стоит всего один рубль. И местное население пользуется этим воздушным мостом. Есть, конечно, и дорога, по которой, очевидно, угнали мотоциклы, но она неудобна и малопроезжа. Самолет же летит всего 15 минут долиной между гор.

Сарык-Сеп — это районный центр — большой населенный пункт. Но были мы там только на летном поле. Благополучно прилетев и купив билеты до Кызыла, стали связываться по телефону с милицией. Лев Степанович ходатайствовал перед начальником милиции о помощи в нахождении угнанных мотоциклов. Какой он все-таки молодец!

А потом мы долго-долго ждали самолета, который никак не прилетал. Вернее — не садился, а все пролетал мимо. У нас попутный рейс. Сидим на летном поле. Солнце палит нещадно. Температура 35 °С жары. Уйти никуда нельзя. Не ходили даже в магазин. Сидели-сидели, Лев взорвался и пошел давать телеграмму в Кызыл о невозможности нашего вылета из Сарык-Сепа. Телеграмма возымела действие. Приземлили попутный самолет, который нас всех и забрал. Теперь летим.

В Кызыле мы взяли билеты до Абакана и уже скоро нам на посадку. И тут дернуло меня отметить командировку. До сих пор никаких отметок нет у меня в командировочных документах. Уже почти всю Туву излетали и исколесили. Николай Петрович Бохан — наш бухгалтер строгий, его на мякине не проведешь, скажет мне:

— Что ты мне липу суешь. Не был ты нигде!

Поэтому я решил отметить командировку у администрации порта. При регистрации билетов мне сказали: «Успеешь». Я побежал. Но не так все просто делается у нас. Добравшись до секретаря и объяснив ей в чем дело, попросил поставить печать на командировочном удостоверении. Она же мне вместо того, чтобы печать поставить, предложила пройти к начальнику порта.

— Зачем?

— Идите к нему.

Начальник увидел в моем удостоверении красивую печать Митрополии с восьмиконечным крестом, многозначительно протянул: «Ооо! К Агафье?»

— Песков тут тоже вокруг нее кормится!

— Не знаю, где уж кормится Песков, но мне-то не до этого.

— Расскажите что-нибудь о ней. Она тут у нас была недавно.

— Вот послушать бы ваш рассказ.

— Да я тороплюсь. Самолёт улетит без меня.

— Идите к секретарю — поставьте печать.

Наконец командировка отмечена, но я довольно долго задержался. Перемахнув двухметровый забор, обходить его уже нет времени, бегу прямо на посадку. Но нашей группы уже нет. Всех увезли к самолету. Только мне этого и не хватало! Когда только успели? Всё эта бюрократия виновата. Нет бы расписаться и печать поставить, так нет же, поди к директору. На летное поле меня не пускают. Подождите, придет машина. Ну! Это уж слишком! Пока придет ваша машина — улетит мой самолет. Вырвавшись из посадочного «бункера» пустился бегом прямо к самолету. Самолетов на поле два, к какому бежать — не знаю! Хорошо хоть рюкзака нет на спине. Людей, видно, уже всех посадили. Вижу, выходит из самолета Лев Степанович и машет мне рукой. Пробежав с километрик, ныряю в самолет. Сажусь в кресло. Хорошо хоть здоровье не подкачало. Давно так не бегал.

Сквозь похвалы Льва Степановича по поводу моей спортивной формы и спринтерских способностей до меня доходит весьма тревожная мысль, высказанная им.

— А свой билет на проходной ты взял? Я тебе его там оставил и предупредил в отделении посадки.

Новая напасть! На проходной мне билета никто не отдал. И вообще я оттуда, можно сказать вырвался. Да наплевать на него. Зачем мне билет, когда я уже в самолете? Но не так все просто в жизни. Лев Степанович выходит из самолета и просит техника, который готовил машину к отправке, съездить на велосипеде в здание порта и взять мой билет. Придет же человеку в голову такая нелепая мысль! Конечно, так и бросит парень свою работу и поедет к зданию порта искать мне билет, а самолет тем временем постоит. Как бы не так… И что интересно, как он умеет договариваться с людьми. Парень отказать ему не мог, сел на свой велосипед и поехал. Это просто чудо! Я крайне удивлен.

У меня сложилось твердое мнение о работниках аэропортов, как о работниках крайне не услужливых и грубых. Взять, к примеру, столичный аэропорт Быково. Попробуйте там о чем-нибудь попросить. Тебе ответят!!! Конечно, их можно понять, они ежедневно имеют дело с пассажирами, ежедневно видят их слезы, им суют в глаза телеграммы, ругаются, умоляют, ломятся к кассе — это все им давно надоело. Огрубели они сердцем, работая с народом каждый день, да и то сказать, не всегда они могут помочь человеку. А этот парень поехал! Он техник. Работает с машинами и у него не атрофировалось сочувствие к человеку желание помочь ему в трудную минуту. Вот молодец! Настоящий человек!

Но, однако, рейс задерживается из-за меня, а это уже, что называется, пахнет керосином. И тут вдруг к самолету подкатывает машина. Привезли мой билет. Чудеса, да и только! Вот уж не ожидал. Это, наверное, потому, что мы не в европейской России. Отрадно видеть — есть

хорошие люди и в наших аэропортах! Господь Бог помог и слава Богу!

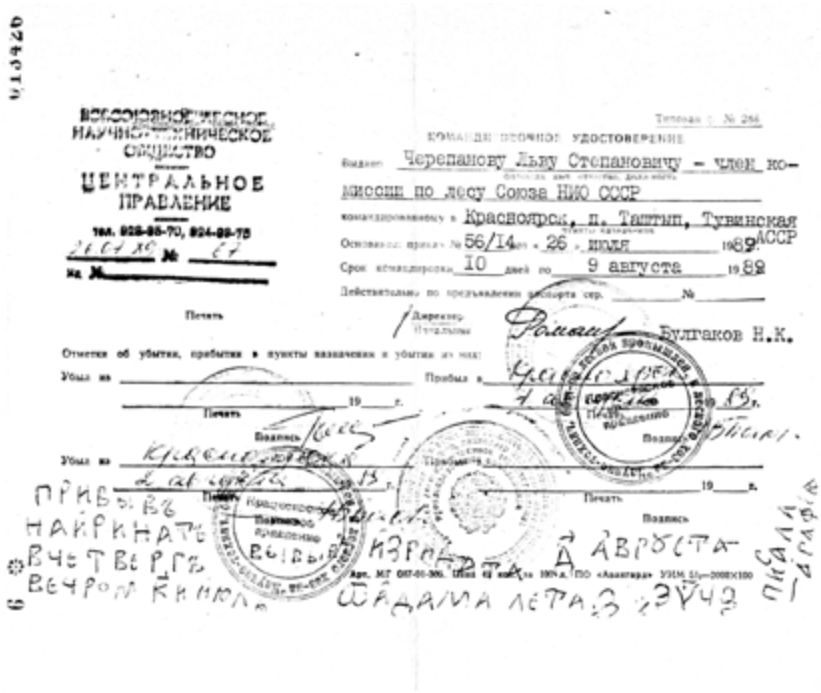
«ИЛ» в воздухе, летим.

— Семеныч! А я в прошлый раз отмечал свою командировку в последнем пункте своего назначения — у Агафьи Карповны… И там даты даже стоят о прибытии и убытии с Ерината и год от Адама лета.

— Лев Степанович!

— А что не веришь? Вот вернемся. Я тебе покажу ксерокопию.

Под нами перевал Веселый, где недавно чуть из нас душу вон не вытрясло, а затем и Урбацкий и, как ни странно, никакой качки.

Командировочное удостоверение Л. С. Черепанова, подписанное Агафьей

Прощай, Тува! Как интересно было побывать у тебя в гостях. Посмотреть тихую женскую обитель, несколько необычное одеяние матушек. Повидать сибирскую жизнь, познакомиться с людьми. А местное пение! Отрадно видеть, что оно все сохранено в дораскольной чистоте. Сохранены и обычаи. И многим удивительно, что старообрядцы живут здесь своим натуральным хозяйством и даже паспортов не имеют, денег не приемлют, пенсий не получают. Это ли не интересно в наш век? Сейчас вокруг только и видишь погоню за наживой. У многих кроме денег ничего не свято. А Николай, что руку себе отхватил топором, — вот характеры. А наставник, ушедший в полынью порога? Найдешь таких в Европе? Трагедии старообрядцев. Каа-Хем с его порогами, тайгой, горами. Быт населения, постройки, мельницы на ручьях. А разве можно когда-нибудь забыть 17 км сплава на моторной лодке по Каа-Хему, природу? Да разве все перечислишь. Это еще все предстоит продумать и понять.

Сегодня летим уже на третьем самолете. Темпы высокие. На весь путь из Тувы нам понадобилось три дня. Еще нам повезло, дорога в тайге была, а вот если б от Байбальского порога до Сизима шагать по дебрям, прошли бы дней шесть — десять…

Но вот и город Абакан. Остановились у родственников Николая Петровича Пролецкого. Нам необходимо отыскать следы Агафьи. С этой целью нужно встретиться с Олегом Николаевичем Чертковым — преподавателем местной средней школы. Он нам может все рассказать.

Рассказ капитанов

Вот что он нам поведал: «Мы сплавлялись вместе с Дерябиным Олегом Сергеевичем — москвичем, мастером спорта СССР, инструктором водного туризма. Мой рассказ не будет полным, так как я был только капитаном плота, на котором и сплавлялась Агафья. Саму же

организацию сплава Агафьи осуществлял Дерябин Олег Сергеевич».

Вот здесь, уважаемый читатель, у нас есть необходимость обогнать череду событий и заглянуть для удобства повествования несколько вперед. Когда встретились с Олегом Сергеевичем уже в Москве, он любезно предоставил нам свое описание встречи с Агафьей для нашего повествования. С этого рассказа я и начну сию интересную главу.

«Сплав наш проходил с 30 июля по 2-е августа 1989 го-да. По мере приближения к монастырю на Чадыралыге, в случайном разговоре со староверкой Варварой Вяткиной, я вдруг узнал, что накануне она разговаривала с Агафьей Лыковой: «Вот как сейчас с вами. Ее на лошади повезли к матушке Надежде. Да что с ней возятся и на вертолете её возят, а она кто такая?...» Вот это уже оценка! И отношение к ней.

Поспешили к монастырю. Еще в 1982 году, в составе московской группы я побывал в нем, где по просьбе монахинь, мы восстановили и отремонтировали разваливавшийся от старости навес над сенями и прочим инвентарем. Уже тогда знакомство с натуральным хозяйством старых женщин-инокинь удивило и восхитило нас: такие ухоженные телята и бычки не встречались за всю мою жизнь, а какие огороды, овощи! Арбузы выращивались на высоте более 800 метров над уровнем моря и почти в горных условиях! Помню, засыпая, вдруг сквозь сон услышал звон склянок, как на корабле — сон ли, или наши молодые ребята шутят?! А утром от монахинь узнал, что ночью к пасеке медведь приходил, и они отгоняли его ударами о рельс. А мы-то рядом безмятежно спали и не мешали ему своими запахами и присутствием…

И теперь внешне почти не было изменений — буйно зеленел огород, цвела картошка, заканчивалась уборка сена… Однако время берет свое. Раньше было семь матушек, стало трое, да еще трое просто верующих помогают.

Агафья Лыкова скрывает лицо от фотоаппарата

Сейчас нас, москвичей, приняли как своих, усадили в моленной. Икон прибавилось, появились в медных окладах. Матушка Надежда (настоятельница монастыря, а ей более восьмидесяти лет) в том 1982 году болела, и по моим оценкам у нее был сильный приступ аппендицита, но от нашей помощи отказалась: «Надо — Бог возьмет!» Она рассказала, что приход небольшой, за прошедшее время их было 10 человек, но было и четыре… Власти препятствуют приходу молодежи: были две девки, прожили зиму, а им остаться не разрешили. Просятся совсем немощные старушки, но надо вести хозяйство, да и за ними кому-то надо ухаживать, а мы уже за совсем престарелыми не можем. Раньше было три коровы, теперь осталась одна, из тринадцати ульев клещик (Варратоз) оставил только два, да и за теми трудно ухаживать… Монастырь постепенно переходит в дом престарелых…

Когда спросили настоятельницу, получила ли она покаянное письмо от Агафьи Лыковой, то она ответила отрицательно и несколько раз повторила: «Нет, не получила ничего!»

Агафья прожила в женском монастыре около трех суток, рассказывала о своих козах, о Дружке, о волке, который пять месяцев прожил при ее хозяйстве она его подкармливала картошкой, и что с ней дальше произошло…

Их отношение к Агафье было как к ребенку, да и говорила она как ребенок картаво, а рассказывала, немного пританцовывая или приседая…»

В нашем путешествии появилась новая цель: увидеть Агафью и успеть поговорить с ней, узнать цель ее приезда на Каа-Хем. Еще полдня пути и мы в монастыре. Сразу бегу в Верхний Чадыралыг. Самая верхняя по ручью келья, выглядывают две женские головы, недоверчивый и любопытный взгляд… Это и были матушка Максимила, помоложе, и Анна, которой уже 78 лет, приютившие Агафью на время ее почти месячного пребывания на Каа-Хеме.

Эти две монахини по вере полностью принимали Агафью, остальные, даже в монастыре, не полностью отвечали той вере, обычаям и уставам, на которых была воспитана Агафья. Так что староверы бывают разные.

Агафья отдыхала (было воскресенье, значит праздник, работать грех) и обе монахини расспрашивали обо мне и о целях моего приезда, рассказали об Агафье, что местный климат ей не подходит — задыхается, как будто воздуха не хватает, кашляет, болеет. Ей не нравится местная земля — малоурожайная, а картошка совсем не такая, как на Абакане, да и кедра почти нет…

Спросили, знают ли они о ее замужестве…Что тут началось! Замахали руками, засуетились и выложили залпом: он три дня ее мучил, домогался и обессиленную, потерявшую сознание… изнасиловал!... И он такой, что всех, кто ему «приглядывался» насиловал! И даже скотом не брезговал!

Я даже оцепенел, ведь читал о замужестве Агафьи, а тут такой поворот… Инокини ругали Агафью, что она сожгла свою окровавленную после позора одежду, и приезжему прокурору нечего было предъявить из вещественных доказательств. И в то же время удивлялись ее наивной требовательности: «Надо же прокурору написать: «Приказываю вам не пускать в лес Тропина…» Именно «Приказываю» Выражая этим словом крайнее свое требование.

Наконец Анна решила разбудить Агафью и пошла за ней в избу. Через некоторое время появилась Агафья — бледный болезненный вид, большой прямой нос, новый темный, сшитый вручную сарафан. Села напротив меня рядом с Максимилой — стали решать, оставаться здесь или уезжать, а если уезжать, то одной или всем троим? Или только с Максимилой.

— А, как Тропин узнает?! Я его боюсь! Не поеду! — возражает Максимила (ей 47 лет, на год старше Агафьи).

— Я тебя спрячу! — уговаривает Агафья.

— Ну куда ты меня спрячешь? Он все равно найдет!

Не хочет ехать и Анна: «Я уже старая, совсем больная, хорошо еще год проживу, уж помирать буду здесь».

Самой Агафье тоже страшно встречаться с Тропиным после перенесенного и пережитого ею насилия…

Оставаться здесь Агафье было невозможно: уже заболела, не нравится и климат, своя родная тайга и лучше, и богаче. Хозяйство там и посевы многих культур: пшеничка особого ее сорта, картофеля аж тридцать ведер, морковь, свекла, конопля и прочее…. Пес Дружок остался при доме, а коз временно отвела в поселок на Каир…

Спор между Максимилой и Агафьей продолжался бы долго. Я начал волноваться за оставшихся на берегу ребят, готовивших обед. Попросил, если едете, то мы начинаем готовиться к размещению Агафьи и ее вещей, если нет, то мне пора прощаться.

По дороге на берег Максимила рассказывала, что если бы не Тропин, она почти согласилась поехать к Агафье. Сначала на год, а затем… Но Тропина очень боится за его нрав…

Итак, 30 июля принято решение: Агафья едет с нами одна на катамаране до Эжея или Кызыла, оттуда мы поможем ей самолетом перебраться в Абакан. Два условия доставки: она не переносит езды на автомашине и моторной лодке, верхом на лошади тоже держаться не может. Подчеркивали, что доверяют организацию этого путешествия мне. Видно, моя борода, как у старовера, внушала доверие. Анна даже сказала: «Ну как мы могли бы выйти на берег и просить любого встречного?!» Показали на два мешка Агафьи. Сюда она приехала с шестью мешками. Три из них были с ее драгоценной картошкой, выращенной на земле Ерината.

У Агафьи заметно поднялось настроение, перестала покашливать, засуетилась, заверила, что резиновые сапоги у нее есть, и к утру она будет готова…

Бегом летел на берег, прикидывая, как разместить на плоту вещи и саму Агафью, какие приспособления сделать

за вечер, как обеспечить максимальную безопасность этого путешествия и устранить самый малый риск. Но наш московский катамаран, завидев меня на высоком берегу, отвалил от берега и вышел на основную струю, передав через местного подростка, чтоб догонял я их на своей байдарке.

Что было делать? Мне было известно, что с верховьев Каа-Хема спускается несколько групп. Ближние были — абаканская группа Сергея Попова и московская — Виталия Лементьева…

31 августа, около полудня подошли абаканцы. Они согласились принять на плот Агафью, и в течение двух часов ее вместе с мешками-подарками, иконами, книгами, личными вещами разместили на плоту.

Пришло время прощаться с Максимилой, пришедшей проводить ее. Трогательная сцена их прощания затянулась. Они отошли ото всех к воде, Агафья стояла лицом на восток, крестилась. Наклоняясь к воде, перебирая камушки, они что-то очень быстро говорили друг другу хорошее, потому что лицо Максимилы светилось, иногда наворачивались слезы, она их быстро смахивала, и тут же старалась улыбнуться, поддерживая настроение Агафьи.

— Агафья, садись!

Крестясь, она легко вошла на плот.

— Взмахну!

— Греби! Струя реки подхватила плот — началось путешествие Агафьи Лыковой по Каа-Хему…»

Здесь, дорогой читатель, я временно прерву прекрасный рассказ Олега Сергеевича, потом мы его продолжим, а сейчас послушаем повествование капитана плота — Олега Николаевича Черткова — о том, как проходила Агафья страшные пороги Каа-Хема.

«Все можно ожидать в жизни, но такого, что Агафью повезешь, — нет. Агафья мне знакома. Мы с ней встречались на Еринате. Тесен мир!

Половину Байбальского порога она прошла берегом, а потом села на плот. Нас на плоту было 5 человек. Четверо мужчин и одна женщина Елена, да теперь еще и Агафья. Им вдвоем будет хорошо. Спасательного жилета у Агафьи нет, поэтому мы решили свои жилеты тоже снять — для солидарности, чтобы всем быть на равных.

Прошли пороги: Аухемский, Каменушки, Шуйский. Агафья держалась очень напряженно. Я ее посадил специально спиной вперед, чтобы она не видела клокочущей бездны порога. Всегда говорил ей, когда подплывали к очередному порогу: «Смотри только на меня, мне в лицо!» Закрывал собой валы пройденных водоворотов. Плот наш сильно заливало, мотало и качало, большими валами воды захлестывало поверх плота, порой чуть ли не на метр, заливая его и доходя до Агафьи, высоко сидевшей в центре плота на укрепленном грузе. Заливало и ее мешки с гостинцами и подол платья. Все это время Елена держала ее. Услышав шум очередного порога, Агафья сразу начинала волноваться, креститься и молиться Богу. Натерпелась она страху за этот сплав. Но ни на что и ни на кого не жаловалась, была крайне дисциплинирована, все выполняла сразу. Соглашаясь, говорила: «Едак, едак». Страшно боялась Тропина из Абазы. После этого случая, кажется, не доверяла всем мужчинам. Не сразу она убедилась и в нашей к ней лояльности.

Молилась Богу утром и вечером, была очень категорична, не пользовалась чужой посудой и пищей, везла с собой сухари, одежду, топленое масло, бидончик с медом, брюкву и другие овощи, пакет риса. Ночевала с Еленой в отдельной палатке. Вообще она человек доброжелательный, память у нее совершенно поразительная.

Благодаря ее молитвам до Кызыла мы добрались благополучно».

Далее вновь предоставим слово Дерябину Олегу Сергеевичу:

«На первую ночь мы остановились ночевать на правом берегу в маленькой избушке таежного охотника. Такая остановка делалась специально, так как думали, что Агафье лучше переночевать в этой избушке, чем в туристской палатке. Оставалось мало времени, чтоб управиться к ночи. Все были заняты лагерными работами, костром, приготовлением ужина.

Агафья с двумя небольшими котомками, которые она держала всегда при себе, быстро сошла на берег. Достала трут и крецало, быстро высекла искру и раздула огонек между двумя угольками, подожгла бересту и первая развела костерок. Такое начало нас всех заинтересовало. Агафья стала показывать свои нехитрые приспособления, коротко рассказала и показала этот древний способ добывания огня. Ребята расходились и вслух удивлялись. В свою походную алюминевую кастрюльку (на 1,5–2 литра) она залила воду, положила только что собранные грибы (в основном рыжики) и сверху бросила гость риса. В другую маленькую кастрюльку (по нашему, для чая), старообрядцы пьют отвары трав, ягод, она заварила горсть молодых зеленых веточек пихты. Рассказала, что накануне пила настойку листа брусники и спала хорошо. После непродолжительного времени, кастрюльки были поставлены недалеко от огня. Достала из своей сумки икону, поставила ее на большой камень — начала молиться.

На другой день последовательно прошли пороги: Шуйский, затем Улильхемский, продолжением которого были Улильхемские щеки с большими валами в шиверах, далее пороги Ижей, Москва. На этих порогах Агафья вела себя спокойно, но валы подмачивали и герметически неупакованные вещи, и ее саму, заливая плот.

Мы все спешили: у нас уже были куплены билеты на самолет на 3-е августа. У меня рано утром — в Москву, у абаканцев в полдень — в Абакан. Спешила и Агафья,

боялась, что придет Тропин и без нее все перероет. Особенно боялась за свои книги, припрятанные в лабазе. А 6 августа к ней должны придти гости из Новосибирска (туристы), которым она тоже не очень доверяла, боясь, что в ее отсутствие они тоже начнут копаться в ее вещах.

К полудню подошли к поселку Эржей, откуда уже можно пользоваться водным транспортом — теплоходом «Заря», но нас ждало разочарование — уже пять дней теплоход не приходил в поселок и не известно, когда будет. Нам оставалось продолжать движение на плоту до Кызыла.

При сплаве до Эржея у нас было много свободного времени. Добирались в течение двух дней, находясь на плаву более 22 часов. За это время ребята много расспрашивали Агафью о жизни в тайге, ее родственниках, о христианских законах и постах. Ребятам это было тем более интересно, ибо перед встречей с Агафьей капитан плота Олег Николаевич Чертков целый вечер делился своими впечатлениями о встрече на Абакане с Агафьей».

Как Вы думаете, уважаемый читатель, случайностью ли был рассказ О. Н. Черткова ребятам? Он словно предчувствовал встречу с Агафьей заблаговременно и готовил к этому ребят, хотя сам не мог знать о предстоящей встрече. О таких предчувствиях, например, говорит поговорка: «Легок на помине». И надо сказать, говорят не случайно. Нет в мире ничего случайного. Порой бессознательно, духом, мы предчувствуем будущее и реагируем на него.

«Много интересного рассказывала Агафья ребятам о лестовке — подарке матушки Надежды, обо всех ее элементах до мельчайших подробностей.

Только 2-го августа поздно вечером мы подошли, наконец, к пригороду Кызыла — поселку Каа-Хем. Здесь я попрощался с новыми друзьями и Агафьей и поспешил в аэропорт. Агафья осталась в лагере абаканцев на последнюю ночевку. 3-го августа, рано утром перед полетом до приезда абаканцев с Агафьей, я попросил в отделе перевозок

аэропорта оставить один билет для Агафьи Карповны Лыковой, на абаканский самолет вместе с группой. Одно имя Агафьи Лыковой, сразу много решает и помогает в транспортных трудностях. 3-го августа в полдень Агафья уже должна быть в Абакане, где ребята ей помогут по хозяйству, да и Н. Н. Савушкин (генеральный директор объединения лесного хозяйства Хакасии и Минусинского района) должен уже появиться из отпуска. Николай Николаевич неоднократно помогал Агафье, с его помощью ей срубили новую избу, он привозил сено ее козам и вообще проявлял сердечную заботу о ней.

Мои впечатления от общения с Агафьей: жизнь на Абакане у Агафьи тяжелая и может кончиться трагически. На Каа-Хем Агафья прибыла не столько для разведки возможного места поселения, сколько упросить Максимилу поехать к ней на жительство».

Здесь мы прощаемся с Дерябиным Сергеем Сергеевичем, поблагодарив его за интересный рассказ, без которого наше повествование было бы неполным.

Олег Николаевич Чертков: «Прибыв в Кызыл, свернули плот и поспешили в аэропорт. И тут случилось так, что посадив Агафью со всеми ее гостинцами (уложенными в четыре мешка) в переполненный автобус, сам я, увы, сесть в него не смог и автобус уехал в порт без меня. Расстались мы с Агафьей. Как она теперь там без моей помощи обойдется?

Приехав в аэропорт, я нашел там Агафью и купил ей билет. Агафья мне предлагала деньги. Они у нее были. Там в порту ее сразу же обступили, и мне пришлось попросить открыть депутатский зал на время ожидания самолета.

В полете сидели рядом. Ремни не застегивала, а была уверена в помощи Божией. Воздушные ямы переносила нормально, вначале все уши затыкала, тогда я ей сказал: «Смотри, в самолете никто за уши не держится». Приготовил ей гигиенический пакет, но он ей не понадобился.

Агафья все время смотрела в окно и удивлялась, какие голые горы, кедров совсем нет.

В самолете ей мешал один кинооператор, вел себя нетактично, снимая ее на кинопленку прямо в самолете почти в упор. Посадку перенесла нормально, а затем поехали на машине ко мне домой, где она и прожила несколько дней. Спала на моей койке, днем много спала, не раздеваясь, только снимала войлочные сапоги и на подушку клала лапатину (верхняя одежда). Ела два раза в день, утром в девять часов и вечером в девять же часов. Воду из водопровода не пила, но брала ее из Абакана. Для этого мы с ней ходили на реку за водой, но там тоже воду было брать нельзя, купались ребятишки. Надо было брать воду выше. Для этого мне пришлось попросить милицейскую машину, которая тут стояла, свести нас за город по воду.

Ребята нас свезли, и Агафья, выйдя из машины, зашла в воду и, благословив ее, зачерпнула ведерко.

Молилась Агафья, как правило, на балконе. Говорила про соседей: «И чего они все смотрят?»

За три дня сплава на катамаранном плоту по маршруту реки Каа-хема от местечка М. Чадыралыг до Кызыла Агафья Карповна Лыкова прошла 200–210 км (более тридцати ходовых часов) и достойна присвоения третьего спортивного разряда по водному туризму. Потом Олег Николаевич свез Агафью на машине в Таштып».

Здесь мы заканчиваем рассказ о сплаве Агафьи на плоту и поторопимся, уважаемый читатель, за Агафьей в Таштып. Уже получены все команды от начальника нашей экспедиции Льва Степановича Черепанова: завтра утром, чуть свет, на первом же автобусе я и Эльвира Викторовна должны выехать в Таштып. Дальнейшую поездку мы совершаем втроем. Пролецкие, в виду занятости, ехать на Еринат не могут.

Насытившись прекрасно приготовленным Ларисой завтраком, мы попрощались с поблагодарив хозяйку дома за гостеприимство, и вскоре автобус уносил нас в юго-западном направлении по однообразной степи, окаймленной горами.

По дороге порой встречались древние могильники хакасов — вертикально врытые в землю плоские камни, иногда довольно большой высоты. Некоторые из них наклонились, готовые упасть. Поднимаются они из пожжённого солнцем ковыля целыми группами, к которым давно заросла народная тропа.

До Таштыпа ехать 150 км. И все бы хорошо, но наш автобус сломался. Выходим со своими тяжелыми рюкзаками. Теперь надо «ждать у моря погоды» когда какой-нибудь шофер войдет в наше положение и нас подвезет. Жара, солнце в упор, воды нигде нет, но самое главное — неизвестность. Сколько просидим? Вот и торопись, и выезжай с первым автобусом, стоит он на обочине и мы тут тоже. Человек предполагает, а Бог располагает. Попутные машины, конечно, сажают женщин с детьми, а нас с рюкзаками кто посадит?

Однако Эльвиру Викторовну все это не волнует и, кажется, даже не огорчает. Раскрыв этюдник, она уже давно пишет пейзаж, отойдя несколько в сторонку. Нужно отдать ей должное, пишет она прекрасно. Картины ее, я слышал, пользуются большим успехом. Ею написана целая галерея картин «О Лыковых». Выставка экспонировалась в Москве, где художнице была присвоена медаль. Некоторые ее картины из галереи «Сибириада» собирается закупить Япония. Попросил и я ее что-нибудь мне написать на память.

Эльвира Викторовна полностью, кажется, посвятила себя искусству, и для нее нет больше этой цели. Я не знаю ее личной жизни, нелегкая, видно, у нее судьба, но завидная! Лев Степанович удивляется, что ей предлагают звание заслуженного художника, а она отказывается. Где еще найдешь такого человека?

Проходит еще несколько часов в этой степной котловине, окруженной горами, пока нас не подбирает попутный автобус до Таштыпа. После тех сложных дорог, что мы прошли, как-то странно увидеть здесь асфальт. Невольно встает вопрос, а откуда он взялся? Но асфальт новый, ярко-черный и вполне реальный.

В Таштыпе

Оказывается, в Таштыпе есть и прекрасная гостиница, в вестибюле которой, полы из розового полированного мрамора. Идешь по этому полу и в нем отражаешься. Здесь же в углу террариум с экзотическими растениями. Есть оказывается здесь даже и места, и приветливая администрация, и ванная с душем, и кафе внизу. Поспешим туда.

В кафе прекрасно, все тот же розовый мрамор на полах, национальный орнамент росписи стен, цветные витражи окон и мороженое! Эскимо! Воспринимается нами как чудо. Вот удача, за мороженым верно целая очередь, но очередь за ним и в столице.

— Эльвира Викторовна, я вас сегодня угощаю!

— Очень приятно, Александр Семенович!

Приятная музыка, вкусный ужин, мороженое, что может быть приятней для путников, несколько часов томившихся в полупустыне?

Придя в номер, собрался принять ванну. Но в жизни не так все легко дается. Судьба порой просто коварна. Стук в дверь!

— Вас к телефону.

Только этого мне не хватало, кому понадобился? Странно. Неожиданно получаю от шефа крайне неприятную команду: «Сняться с якоря и идти на летное поле в заезжую избу лесничества». Вот досада.

— Лев Степанович, у вас сердца нет!

Но дисциплина, есть дисциплина. Никакое дело без нее не решается. Пойду «обрадую» Эльвиру. Вот взорвется! Я не буду описывать в деталях весь наш разговор, все было, как я и предполагал.

Опять с рюкзаками идем по улице. Не разговариваем. Будь-то и не было полчаса назад у нас приятного ужина.

Заезжая изба — это уже не первоклассная гостиница. Хотя здесь тоже чисто. Завтра утром предполагается бросок в тайгу! Закупаем хлеб. Перебираем рюкзаки. Все что не нужно оставляем в кладовке заезжей. Берем у лесника фуфайки. Шеф предупреждает:

— Еринат — это вам не Чадыралыг. Поблажек там не будет. Готовимся капитально.

Но вот утро 10 августа. Прошло почти две недели, как я уехал из Москвы. Срок, отведенный митрополитом для моей командировки, кончается, а я не достиг даже своей цели и когда достигну её, мне не известно. В тайге, трудно осуществлять заранее разработанные в кабинетах и покоях планы. Тайга есть тайга, и, как говорят: «Медведь в ней хозяин». Вот Бог даст, приеду домой, скажут: «Тебе что, ты там отдыхал, природой любовался». А какой тут отдых? Сплошная нервотрепка».

Улетим ли сегодня?! Человек может отдыхать только тогда, когда у него нервы спокойны, спокойно на душе. А у меня вот уже две недели командировки прошло, а Агафью я еще и не видел. Что впереди — не известно, как бы мне не загулять в этой командировке больше всякой меры.

Идем к старшему летнабу авиационной охраны лесов Б. П. Борисовскому клянчить, чтоб он нас перебросил на Еринат. А до него всего 450 км. Категорический отказ. И это несмотря на то, что у нас бумаги даже от самого замминистра лесного хозяйства об оказании нам помощи и содействия. Бумагу Борисовский эту прочитал и сказал, что она ему ни к чему. Мне дано указание от прокурора никого не перебрасывать на Еринат, после случая с Тропиным.

— Надоели мне все эти дела и поездки тоже. И если вы уж так хотите помогать Агафье, платите по 93 рубля в кассу нашего авиакооператива — мы вас перебросим.

Мы от этого только вздохнули. У меня кооперативы вызывают какое-то странное чувство. Я не против заплатить людям деньги за их честный труд, но у современных кооперативов, прежде всего нажива и вымогательство. При слове кооператив у меня в душе возникает подобие гримасы, сейчас же вспоминаются платные туалеты в вокзалах, которые позором для нашей страны.

Оставив Борисовского, отправились к первому секретарю Таштыпа — Анатолию Константиновичу Нефедову. Он нас хорошо принял, обещал переговорить с начальником геологической партии и помочь нам.

Но дел много у первого секретаря и без нас, поэтому мы зашли к редактору местной газеты. Он заинтересовался нашим делом, обещал помочь. Вечером обещал зайти в заезжую, поговорить. Его интересует тема из истории старообрядчества. Что-то за последнее время у всех рождается неподдельный интерес к старообрядцам.

Затем мы пошли к городскому прокурору — нужно было получить разрешение на поездку к Агафье, хотя для нас это не столь обязательно, просто больше для того, чтоб выбить еще один козырь из рук Борисовского. Но прокурора на месте не оказалось, и мы пошли в заезжую. Нам осталось только ждать результатов. Пообедав, пошли к лесничему и, пожалуй, с ним одним поговорили более результативно. Он тоже обещал помочь.

Утром 11 августа приехал Н. П. Пролецкий из Абазы, где он проживает. Оказывается вся живность Агафьи — две козы и козел, да пяток кур у Ивана Тропина во дворе. Он все это самовольно привез с Каира, где коз и птицу оставила Агафья перед поездкой на Каа-Хем.

Новые проблемы! Как быть? Самолета нам сегодня давать не собираются, как и вчера. Решаем, что к вечеру

я поеду с Николаем в Абазу. Для этого нужно преодолеть полуторакилометровый перевал.

С высоты перевала видно, как Таштып лежит — будто спит в ложе огромной чаши-котлована, окруженной горами.

Утром, во дворе у Тропина, куда мне даже не хотелось и заходить, ловим в корзину кур и связываем коз. Самого Ивана нет дома, он спасается от беседы с прокурором где-то на горячих ключах — лечится. В доме его взрослая дочь, которая нам и отдала скотину.

К полудню мы снова на летном поле. С вылетом наше дело не продвинулось и на «воробьиный шаг». Здесь в Таштыпе, а особенно на летном поле, вокруг Агафьи какой-то заговор темных сил. Впечатление опущенного шлагбаума, какая-то кажется непреодолимая стена. Мы демонстративно покинули заезжую и теперь живем прямо на летном поле вместе с козами и курами.

Лев Степанович молодец! Все ходит, звонит, доказывает, пробивает. Собираемся подать телеграмму в Верховный Совет!

Наконец нам говорят, что сегодня улетим, но только вечером, после тренировочных прыжков пожарной команды. Слава Богу! Услышаны Агафьины молитвы. На наше счастье нужно еще лететь охотнику Леониду Астафьеву с двумя помощниками строить зимовье. Леонид будет вести промысел зверя на Агафьином участке.

Но вот на доселе безоблачном небе появились тучи. Это новая напасть. Ожидается нелетная погода. Хоть бы скорее эти пожарники кончили свои тренировки. Наконец вертолет идет на посадку. Заправляется горючим. Машину готовят к полету.

Уж не знаю, кто пробивал этот полет, но Борисовский изрек:

— Ладно, летите, но учтите, это последний раз.

Здесь в Таштыпе я встретился с представительницей жидовствующих — Марией Абрамовной Ждановой —

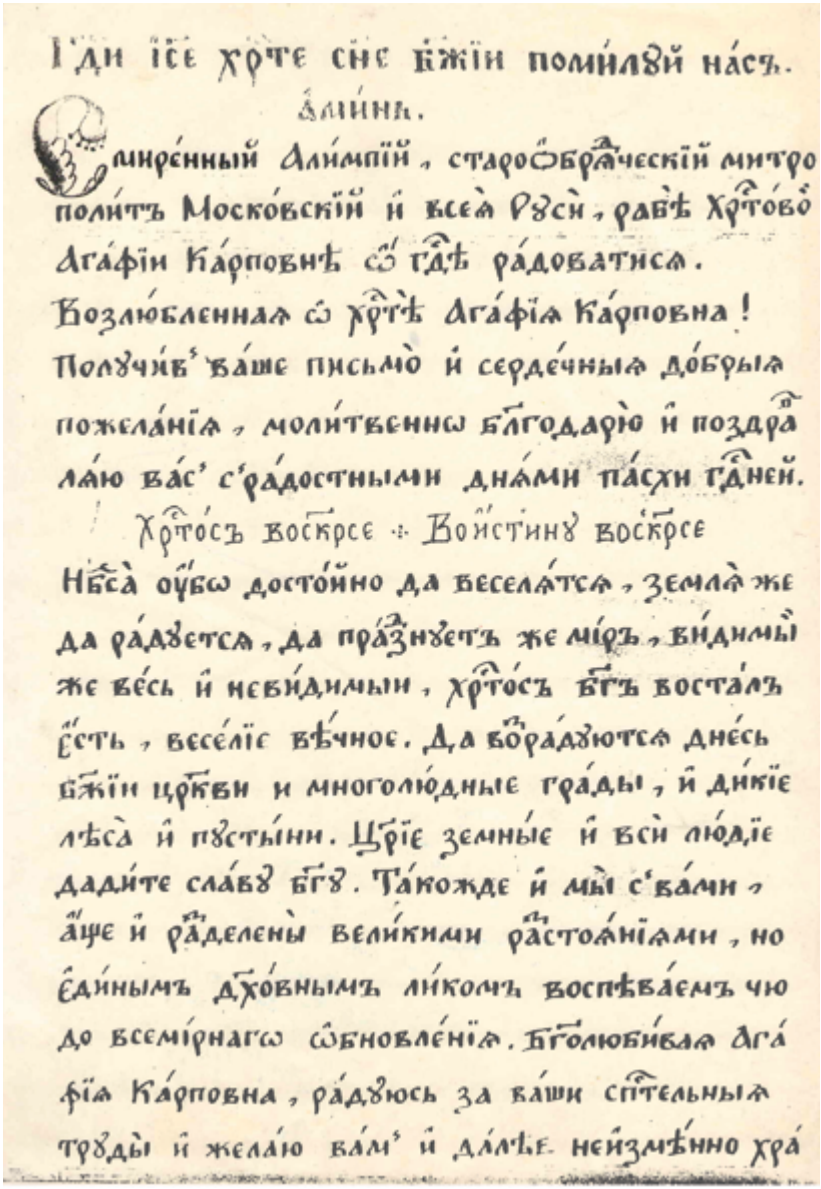
завхозом лесничества. Родом она из деревни Иудово или Иудино, а я думал, что эта ересь давно уже не существует. Она возникла в Русской Церкви в XIII–XV веках в Новгороде, жидовствующие отвергали догмат о Святой Троице, божественность Исуса Христа. Отрицали монашество, некоторые церковные обряды, святые иконы и многое другое. В те времена этих еретиков и высылали сюда, как в изоляцию.

Ересть жидовствующих здесь повторяет какой-то новый свой вариант. Проповедником ее был некто Бондарев — крестьянский писатель. Он переписывался со Львом Толстым и от него, очевидно, научился еретическим взглядам. Бондарев учил, что каждый должен питаться от дела рук своих. Завещал на своей могиле вместо креста поставить столб и вложить туда им написанную книгу «чтобы всяк мог ее читать». Сейчас эта книга находится в Минусинском музее. Деревня сейчас переименована в Бондарево. И по сей день в ней одна половина деревни — жидовствующие, а другая — православные. Остается только удивляться, как упорны и живучи ереси.

Но вот долгожданная команда к погрузке. С курами проще, а вот козы никак влезать не хотят. И откуда только народ набежал? Полный вертолет. Потеснились, но все убрались и в 16 ч. 30 мин. мы в воздухе. Летим на высоте 1700 метров. В открытое окно круглого иллюминатора на сколько хватает глаз, видны горы, покрытые тайгой, которым нет конца. Невольно приходит мысль, сколько еще здесь живет всяких, никому не известных Лыковых? Кто знает?

Митрополит Алимпий
(14.08.1929 — 31.12. 2003)
первый старообрядческий Московский митрополит
после учреждения Митрополии в знаменательный для России
1988 год — год 1000-летия Крещения Руси.
(http://ruvera.ru/people/mitropolit_alimpiiy)

Г҃ди їс҃е хр҃те сн҃е Б҃жїи помилу́й на́съ.
А́лимпїй.

мирє́нный Алимпі́й, старооб҃ра́ческій митро
полі́тъ Москóвскій и всєя Р҃си, радѣ́ Хр҃тóво
Ага́фіи Ка́рповнѣ со҃ гд҃ѣ ра́доватися.
Возлю́бленная со҃ хр҃тѣ Ага́фіа Ка́рповна!
Получи́въ ва́ше письмо́ и серде́чныя до́брыя
пожела́нія, моли́твенно бл҃годарю́ и поздра́
ля́ю ва́с' с' ра́достными дна́ми па́схи г҃дней.
Хр҃то́съ воскр҃се ✣ Войстину́ воскр҃се
Нб҃са́ у́бо досто́йно да весела́тся, земла́ же
да ра́дуется, да пра́зднуетъ же мі́ръ, ви́димы
же вє́сь и невиди́мыи, хр҃то́съ бг҃ъ восста́лъ
е́сть, весе́ліе вѣ́чное. Да бо́ра́дуются дне́сь
б҃жїи цр҃кви и многолю́дные гра́ды, и ди́кіе
лѣ́са и пу́стыни. Цр҃іе земные́ и вси́ лю́діе
дади́те сла́ву б҃гу. Та́кожде и мы́ с' ва́ми,
а́ще и ра́зделены́ вели́кими ра́стоя́ніями, но
е҆ди́нымъ дх҃о́внымъ ли́комъ воспѣва́емъ чю
до всемі́рнаго о҆бновле́нія. Бг҃олюби́ва Ага́
фіа Ка́рповна, ра́дуюсь за ва́ши спт҃е́льныя
тр҃у́ды и жела́ю ва́м' и да́лѣе неизмѣ́нно хра

Здесь и далее: текст письма митрополита Алимпия к сибирской отшельнице Агафье Лыковой

нить [неизмѣнно] вѣрѹ сватыихъ ѻ҃цъ и̑ стоáть в' заповѣдѣхъ є҃ваг҃лїа і҃с' хр҃това. В' нáше мно гомáтѣжное врéмя, когдà мíръ заблѹдúлсѧ ко тмѣ безвѣрїа и̑ безнадѣжности, поистúннѣ блáженно и̑ счáстливо пѹсты́нное вáше пребывáнїе. Оубѣгши ѿ злобы житїà сегѡ, возмóжно вáмъ éсть молúтисѧ бг҃ѹ и̑ ѡ спсéнїи дш҃и своєà, и̑ ѡ держáвѣ россíйстѣй, ѡ ст҃ы́хъ цр҃квахъ и̑ мúрѣ всегѡ мíра. Но и̑ мы грѣ́шные, живѹ́щїе средѝ мíрской свéты, чáемъ милосéр даго гдà ѡ спсéнїи оумолúти, áщє и̑ нѣ дѣл, но вѣ́ры рáди, хранà єà для тысѧщь доу́шъ, тáющихъ ѿ дх҃óвнагѡ глáда. Кáждагѡ дѣ́ло вúдитъ бг҃ъ, и̑ никтѡ да не похвáлитсѧ своúм' оусéрдїемъ и̑лúбо достóинствомъ, но по слóвѹ а̑пс҃тла, ѻ҃дни́мъ тóчїю крт҃óмъ гдà нáшегѡ, ѻ҃дно́й лúшь блгдтїю пострадáвшагѡ и̑ вос' крéсшагѡ нас' рáди. Желáю вáмъ и̑ прóчѣе пребывáть в' покаáнїи и̑ прїѡ҃бщéнїи ст҃ы́хъ є҃гѡ тѣ́ла и̑ крóве. Є҃стьлиже сóвѣсть вáша взы́щетъ покаáнїа прѣ ѻ҃цéмъ дх҃óвнымъ, и̑лúбо же

слу҃чи́тся ѡ҆ ва́съ ѡ҆скверне́нїе сты́хъ дарѡ́въ, илѝ понадо́бится како́е ли́бо дх҃о́вное напу́тствїе и҆ ѡ҆суще́нїе це҃рко́вное, то̀ ва́мъ бо҃мо́жно бу́детъ собрати́тьсѧ к҃ го҃ро҃ минусѝнскъ, к҃ старооб҃рѧ́ческомѹ сщ҃е́нноїере́ю си́монѹ а҆ндроникогре́новичю ки́линѹ. За си́мъ призыва́ю на ва́с҃ ми́р҃ и҆ бж҃ї́е бл҃гослове́нїе, и҆ па́ки всерадо́стно приве́тствѹю сщ҃е́нными си́ми слова́ми:

Хр҃то́съ вос҃кре́се
Хр҃то́съ вос҃кре́се
Хр҃то́съ вос҃кре́се

Смире́нный архїепи́скопъ Ѳи́мпїй, старооб҃рѧ́ческїй митрополи́тъ моско́вскїй и҆ всеѧ̀ ру́сїи. писа́но а҆пре́ля мц҃а̀ в҃ ѳ҃ и҆ де́нь, на па́мять ст҃а́гѡ мч҃ника е҃ѵ҃фи́ма, в҃ недѣ́лю пе́рвѹю по па́сцѣ, е҃же е҃сть ѡ҆ ѳ҃омѣ, ,зу҃чи го́да.

ГЛАВА 2.
На Агафьиной земле

Встреча с Агафьей

Летим вот уже час, никакого жилья внизу и даже признаков человека, а вот горы еще выше. Летим прямо долиной Большого Абакана, зажатой горами. Вода в реке голубоватого цвета. Сгущаются сумерки — это из-за плотных облаков покрывающих небо, которое становится все чернее. Впереди, прямо по курсу — гроза. Ослепительные молнии, перечеркивая зигзагами небо, разрывают тьму.

Наша «букашка», в которой мы все сидим, натужено стрекочет. Как мы полетим в грозовом облаке? Нет, мы его облетаем, теперь молнии остаются справа. Но вот горы становятся выше. Под нами медленно проплывают пики хребта «Карлыган». Вершины, острые как бритва. Здесь уже скалы высотой 2500 метров. В салоне становится холодно. Здесь на вершинах гор местами лежит снег, видны кручи осыпей, альпийские луга, более зеленые на южных склонах. Бултыхаемся мы на этом перевале. До чего же хлипкой кажется наша техника в сравнении с этой стихией внизу лежащих скал. Такой большой на летном поле наш вертолет выглядит здесь букашкой, комаром. Долететь бы благополучно, чего доброго, свалишься вот в это ущелье, никто потом даже и не найдет.

Но какое же здесь величие природы! Горы — нагромождение хаоса, но до чего же красив этот хаос! Кто-то своей *Сверхрукой* и *Сверхмыслью* породил его. И человек, увидев творение *Божие*, сказал об этом хаосе: «Лучше гор могут быть только горы». А что же можно сказать об изящных Его творениях? Нет у меня слов, и я молчу. *Это* выше моего ума.

Под нами проплывают какие-то небольшие тучки, про которые здесь говорят: «Зайцы баню топят». Они появляются к непогоде.

Начинаем снижаться, и сразу становится теплее. И вдруг! Земля под нами пошла кругом, как на каруселях, круто наклоняясь под гору, словно хотя опрокинуться, стремительно убегая вниз! Я не сразу даже понял, в чем дело. Оказывается это разворот. Внизу мелькнули домики, две буровые. Мы пошли на посадку на летное поле Каира. Это почти на берегу Большого Абакана, их разделяют только наносы плавника, грядой протянувшегося вдоль берега после весеннего паводка. Каир — 15 домиков. С высоты видно и сам приток Большого Абакана — Каир, что в переводе означает «тихая вода». Официально — Участок Волковского. Сам геолог давно умер, но поселок так и носит его имя.

Выгружаются геологи, какие-то люди вытаскивают свои рюкзаки, мы же, не теряя времени, идем к поселку искать Агафью и встречаемся с ней, спешащей к вертолету.

Вот наконец-то и встреча! Здоровается с ней Лев Степанович, подбегает Эльвира Викторовна, спешит Николай Петрович Пролецкий — он полетел взад-вперед только повидаться с Агафьей и этим же вертолетом улетает обратно.

Я же стою несколько в стороне, наблюдая эту сцену. Все рады встрече. Тут не до меня и не до знакомств. Времени нет. Берем, здесь же в тайге припасенные три Агафьиных мешка гостинцев и к вертолету. Иду сзади и разглядываю Агафью. Момент, знаете ли, несколько волнующий.

Одета она просто: на голове платок темного цвета, длинный до пят сарафан, на ногах домотканые сапожки с калошами. В руках лестовка, узелок да берестяной туесок. Ростом средняя, сухощавая. Быстро и легко шагая, перепрыгивает через лужи дождевой воды. Сидит в вертолете — разговаривает со Львом Степановичем — они же старые знакомые. Опять взлет. Погода портится, и надо спешить вертолёту ещё вернуться в Таштып.

Летим невысоко. Внизу под нами страшный бурелом. Сколько же здесь пропадает леса?! Вот они эти балки, которые так нужны для перекрытий Административно-хозяйственного корпуса Митрополии в Москве, руины которого переданы нам в подарок к празднику 1000-летия Крещения Руси, отобранные у нас же в 30-е годы. Но как эти балки взять отсюда? Разве что дирижаблем. Другого способа нет. Нет и дирижабля. Недаром говориться: «В лесу — дуб рубль, в столице — по рублю спица».

Неужели вся тайга в таком буреломе? Словно кто-то огромной рукой сокрушил эти 50-метровые гиганты, кедры-великаны, не знающие, сколько им лет. Умершие, они лежат на земле, покрытые мхом. Поваленные, как трости в разных направлениях облокотились они, умирающие, на своих живых собратьев, как бы прося у них помощи, защиты и покоя. А те могучие спокойно возложили на себя их огромную тяжесть, простирая свои вершины к небу.

Зрелище этой девственной тайги меня просто поразило! Вольготно здесь и зверю, и птице! На вершинах деревьев гнезда цапель, как в 103 псалме у царя Давида: «Ородиево жилище обладает ими». Ородий — цапля. Жилище ородиево — гнездо цапли. Обладает ими — находится сверху.

Но вот внизу маленький домик. Это зимовье, куда летит с товарищами наш охотник. Одеты они все по-таежному, у каждого на поясе охотничий нож, сапоги.

Вертолет садится у самой воды на каменную косу, поднимая тучу водяной пыли и брызг. Охотники сбрасывают

Первое жилище Агафьи

с трапа рюкзаки, топоры, складные удочки. Леонид — человек не старых лет какой-то располагающий к себе, симпатичный человек. Прощаемся, и они остаются на косе. Нам остается лететь километров тридцать.

Вот опять внизу домик, я где-то уже видел эту кровлю из кедровых желобов. Да, конечно, в «Комсомолке», когда читал «Таежный тупик». Ну и придумали же название «тупик». Уж такие они просвещенные в этой «Комсомолке» — всех считают «в тупике» и не видят того, что сами бегут куда-то по замкнутому кольцу, из которого нет выхода.

Это так называемая Изба в Северу. С нее мир узнал о Карпе Осиповиче Лыкове. Но мы здесь не садимся, а летим еще вверх по руслу Большого Абакана. В этом месте Абакан зажат между скал. Место диковатое. Пробравшись этим узким коридором, снижаемся и, кажется идем на посадку. Вертолет садится на косу. Больше здесь сесть негде и то только при малой воде. В большую воду не сядешь совсем.

Косы здесь не такие, как на Волге (песчаные), а покрытые голышом разных размеров. Камни очень красивые: серые, красные, а порой встречаются белоснежные кварцы! Я их первоначально принял за мраморы. Обкатанные, разных форм.

Выгружаем рюкзаки, коз и кур. Вертолет сразу же в воздух. Только и успели помахать пилотам руками.

Вот наконец мы и здесь. Я несколько взволнован. Ветерок раскачивает прибережные ивы и березки, на которых закреплены, бросающиеся в глаза кусочки целлофана, красной материи. Это, как я понял, границы Агафьиной земли.

Каждый житель тайги живет по ее законам, каждый имеет здесь свою территорию. Даже медведь ставит метки по границам своих владений, так называемые «потягушечки», когда он, подойдя к стволу большого дерева и встав на задние лапы во весь свой рост, бороздит когтями,

срывая кору на стволе. По такой метке можно определить размеры хозяина.

У Агафьи свои метки.

Люди о чем-то говорят, но я ничего не слышу — совершенно оглох от шума винта у открытого иллюминатора вертолета. Наконец до меня доходят слова: «собака лает», но самого лая я не слышу.

Развязываем коз, надеваем рюкзаки, забираем все вещи и идем вверх по Еринату по звериной тропе. И вдруг из-за куста, стремительно, кубарем вылетает какой-то черный зверь! Это было так неожиданно, что я даже испугаться не успел. Оказалось — Дружок. Он уже волчком вьется вокруг Агафьи, виляет хвостом и прыгает вверх. Пес, встретив свою хозяйку, в восторге исполняет танец радости! Как же он рада встрече! Дружок жил без хозяйки полтора месяца, чем питался — не знаю, но выжил.

Идем девственной тайгой. Слева шумит Еринат, справа — дебри. С краю тропы лабаз на высоких столбах, сложенные в поленницу дрова. Рядом качается пугало — рубаха красного цвета, косоворотка; висит на палке-плечиках, подвешенная к суку пихты. Ее покачивает ветерком, периодически поворачивая. Пугало, как и у всех на огородах, с той лишь разницей, что здесь оно не от ворон, а от медведей.

Лабаз сразу же мне понравился. Ранее лабазов я не видел, разве что на картинках. Но на картинках все это не так воспринимается, как в натуре. Здесь он на высоких гладких двух столбах (спиленные верхушки деревьев). От земли до лабаза более четырех метров.

Идем дальше, шагая через поваленные кедры. Один из них перерубленный топором в месте тропы, так как очень большой и его не перешагнешь, поэтому часть кедра и вырублена, освобождая дорогу. А вот и опять метка — бумажный мешок, прижатый камнем на видном месте, а на нем корпус старой керосиновой лампы. Здесь тропа раз-

дваивается и правая идет круто вверх метров на 20. Здесь небольшой горный плоский уступ, на котором стоит новая избушка, что два года как срубили лесники по просьбе Н. Н. Савушкина. Ничего не скажешь, заботится начальник об обитателях тайги на вверенном ему участке.

Здесь рядом когда-то стоял родительский дом Лыковых, в котором и родилась Агафья. Строил дом конечно Карп Осипович. Но во время войны с Японией, на Еринат пришел Капитан Бережной и спугнул Лыковых, тогда Карп Осипович бросил избу на Еринате, поставил новую в Северу (в 30 км), которая стоит до настоящего времени. Дом же на Еринате остался без хозяина и был впоследствии перестроен охотником Хлебниковым в зимовье. Хлебников перестроил его самолично без разрешения Карпа Осиповича, и последний остался очень недоволен.

Зимовье это представляет собой довольно живописное строение, и я даже просил Эльвиру Викторовну его мне написать, что она и впоследствии сделала.

В этой-то избушке мы и будем жить со Львом Степановичем. В плане она имеет размер 2×2. В углу железная печка, две лавки, покрытые шкурами марала, оконце в две ладони, да полочка подоконника вместо стола, на которой лежат патроны, тюбик клея «Момент» и разная мелочь. Потолок низкий и в полный рост в избушке не встать. Вот, пожалуй, и все убранство этого жилища. Карп Осипович с Агафьей здесь жили, пока им не срубили лесники новую избу.

Когда мы сюда отправлялись из Таштыпа, то Борисовский нам сказал, что заберет нас отсюда через неделю, хотя я в эту их добродетель совершенно не верю. Скорее всего, они здесь нас бросят. Как будем отсюда выбираться — полная неясность. Но что голову ломать над тем, что будет через неделю, когда нам неизвестно, что будет даже через час. Положимся на волю Божию, и что Бог приведет, то пусть и будет, а пока нужно костер разводить.

Господи, благослови! Начинается наша таежная жизнь. Достаю спички.

К костру подходит Агафья посушить одежду и Лев Степанович меня ей представляет:

— Вот смотри, Агаша, кого мы тебе привезли — Лебедев Александр Семенович. От самого старообрядческого Митрополита Алимпия Московского и всея Руси.

Агафья кланяется. Знакомится.

Она не просто пришла к нашему костру. Ее интересует вопрос, чем она нам может помочь. Какую оказать услугу. Еще раньше Лев Степанович говорил мне: «Вот увидишь, Семеныч, когда встретимся с Агафьей, она подойдет и спросит: «Что вам помочь?»

Так все это и было и не только на словах. Агафья наложила нам ведро своей картошки, подоив коз, принесла нам молока, Эльвиру Викторовну пригласила ночевать в свою избу. Во всем нам, помогая, заботясь, прежде всего о нас. Невольно приходишь к мысли, что человек, проживший в пустыне, в данном случае 46 лет, не может поступить иначе, чем отдать последнее.

Вот и нужны нам пустынники, дабы у них мы учились, как выполнять Христианский Закон. Как должно поступать и жить человеку среди людей.

Мы — современные люди в погоне за пустотой и житейскими удовольствиями, забывшие всякую добродетель, а порой и порядочность, потерявшие совесть, погрязшие в смертных грехах, а порой утратившие человеческий облик, встретив пустынножителя или монаха, невольно удивляемся и восхищаемся ими. Оказывается, есть еще на Земле достойные люди — молитвенники за Мир к Богу, не погибло еще человечество.

«И Они, которых весь Мир был не достоин, скитаются в горах и вертепах и пропастях земных».

И если этот ЧЕЛОВЕК, проживающий в пустыне 40 лет, говорит, то он не может сказать что-то пустое,

но всегда великие слова: «Чем вам помочь? Что для вас сделать?»

Нужно чаще произносить нам самим подобные слова окружающим людям — делать так, как делает это Агафья.

Мы ужинаем.

— Агаша, садись с нами.

— Мне из мирской-то нельзя (посуды).

Начинается дождь, а потом расходится все сильней. Агафья приглашает Эльвиру к себе в келью. Берет бересту, складывает ее пополам и зажигает. С этой-то «свечей», подняв ее над головой, они и уходят.

Я бы по неопытности своей зажег бересту по-другому. Береста, свертываясь от огня, обожгла бы мне пальцы, и бросил бы я эту «свечу», не дойдя до дома. Умелый же человек все делает просто и удобно.

Загоняем в стайку коз. Уже совсем темно. Козла Агафья оставляет на привязи, его не загоняем.

Помолившись Богу, ложусь на мараловую шкуру. Такое удовольствие я испытывал первый раз. Ворс марала высокий: три-четыре сантиметра. Спать не жестко, как на матрасе. Вытянув ноги, уперся в Черепанова — тесновата избушка, ну да в тесноте не в обиде.

— Послушай, Александр, не связывайся ты с фотоаппаратом, да и с магнитофоном тоже. Будь чист от всего этого, иначе ты не будешь оценен у Агафьи как надо — по достоинству. Дам я тебе потом и фотографии и пленки с записями. С этой инструкцией Льва Степановича я и заснул.

11 августа. Утро — Благослови, душе моя, Господа!

Встал довольно рано. Не сразу понял, что это Еринат шумит, а не дождь по крыше. Здесь бурлящий поток Еината создает довольно сильный, постоянно висящий в воздухе звуковой фон.

Выйдя из избушки, разглядываю Агафьино хозяйство. Кругом высокие горы. Тайга. Избушка стоит на высоте тысячи метров относительно уровня Балтийского моря.

Еринат течет ниже избы метров на двадцать пять. Весь горный уступ расчищен от леса в длину метров сто, а в ширину он всего пятьдесят, затем сразу же поднимается гора. Здесь размещены все постройки: небольшая изба с двумя окошечками на север и восток, покрытая корой и рубероидом. За избой, к северо-западу, выстроен новый курятник с примыкающей огороженной оградой выгула для кур.

Стайка для коз наполовину скрытая в земле. Около неё висит новое оцинкованное корыто, ярко блестящее на солнце — пугало от медведей. Рядом с ним стоит наша избеночка, за которой сразу же поднимается гора. Откос в 45–50°, на ней размещен весь Агафьин огород. В центре блестит новое оцинкованное ведро и краснеет рубаха. Агафья рассказывает, что медведи здесь ходят прямо по картошке: «Прослый рас медведиса с медвесонком идет, глязу».

В тридцати метрах от дома стоит могучий кедр. Кедрача вокруг много. Подбежал Дружок, виляя хвостом, во мне он уже признал своего.

— Дружок! Пошли умываться!

Но эта хитрая бестия от дома ни на шаг, к речке со мной не пошел.

— Ну ладно, сиди тут. О твоем поведении мы еще поговорим.

Сбегаю с кручи откоса к бурлящему под лучами раннего солнца пенному Еринату. Вода голубоватая, на вид кристальной чистоты, прохладная, приятная на вкус. По своей чистоте она превосходит все стандарты, а у нас в стране их десять.

Как приятно умыться!

Иду к Агафье читать полуношницу. Она молится. Дала мне часовник. Книга, написанная от руки кем-то из местных старообрядцев здесь на востоке, уже выцвели фиолетовые чернила. Корок переплета давно нет. Сделаны новые, из бересты, и обтянуты домотканной конопляной тканью. Закладки в книге из разноцветных красивых

перышек, такое я вижу впервые. Интересное чувство возникает в душе, когда в руки берешь такую книгу.

Кладу начал. Агафья присела отдохнуть на свою лавку, наблюдает за мной. С подручником все было так же, как и в доме Вассы на Чадыралыге. Пришлось спросить его у Агафьи. Читаю полуношницу. Агафья молится свое правило.

Закончив молитву, пошел на двор корчевать пень, о который вчера споткнулся, едва не сломав себе шею. Решил его убрать с дороги. Намахавшись топором, чистим с Львом Степановичем картошку к обеду. Эльвира у нас такой грязной работой не занимается, она уже давно ушла писать этюды, хотя строго настрого предупреждена, что одной в тайге ни шагу. Даже сами Лыковы поодиночке не ходили в тайгу. Но Эльвира Викторовна женщина смелая. С медведями она еще не встречалась, поэтому их не боится. Где теперь ее искать? Приходит она к самому обеду, как по духу чует и, слава Богу, жива.

— Где ты была? Сколько раз тебе говорить одно и то же, не ходи в тайгу одна. Косолапых ты не видела?!

— Лев Степанович, Леонид еще в вертолете мне говорил, что все косолапые ушли в этом году на низа ввиду неурожая ореха.

— Все, все. Тебе и одного хватит!

После этого вразумления, которое вряд ли возымеет действие, садимся обедать. День сегодня постный — пятница, и поэтому Агафья к нашему столу приносит целый кузовок стручков гороха. Они уже поспели.

За обедом идет продолжение все того же разговора, начатого раньше, и я привожу Эльвире пословицу: «И по заячьему следу доходят до медведя». Она мне тоже: «Волков бояться — в лес не ходить». Вот и втолкуй ей.

Все хорошо в гостях у Агафьи, но вот гнус! Точнее его последний представитель — мокрец. Эта ничтожно малая по размерам крошка кусает в кровь. Бесчисленным роем вьется она над нами, портя нам аппетит. Лев Степанович

от него даже ест в шапке. Я же шапку за обедом надевать не могу. Да, меня, надо признать, мокрец этот не так уж и донимает. Тварь эта появилась здесь после дождей и теперь будет до самых морозов. Эльвира вообще искусана в кровь. Все лицо в красных пятнах, сидит, ест, отбиваясь от этих кровососов всеми методами. Жаль даже ее.

Пообедав, пошел мыть посуду в Еринате. Обратил внимание на одежду, лежащую на дне протоки. Очень интересно стирает одежду Агафья, кладя ее на дно мелкой протоки с быстрым течением, придавив ее камнями. Я был изумлен, оценив всю остроумность этого способа стирки. Доселе мне и в голову не приходило ничего подобного. Чистейшими, стремительными струями треплет Еринат одежонку, доводя ее до полной чистоты. Не надо никаких порошков. Не откажешь Агафье в изобретательности! Прекрасная стиральная машина! И одежду не рвет и чисто моет. Этому может позавидовать любая хозяйка.

После обеда колю дрова, у Агафьи здесь много накопилось кряжистых чурбанов, которые колоть ей не под силу, глядишь, через час Агафьин двор очистился от завала, да и в поленнице дров прибавилось. Топором эти чурбаки колоть трудно, поэтому Агафья отыскала в своем хозяйстве колун прошлого века. Да и то диво, что он здесь сохранился. Нашла она его не сразу, долго где-то рылась, пока принесла. Сказала, что все свое хозяйство спрятала, отправляясь в Чадыралыг, насилу нашла. Через малое время приходит снова и показывает маленькую лучковую пилу.

— Сама сделала. Полотно было великовато, и я его обрезала.

Работы здесь было проделано много. Нужно было не только обрезать полотно зубилом, но спилить заклепку конечного зажима, сделать новое отверстие в старинном стальном полотне, переставить зажим и заклепать его вновь. А затем сделать лучок.

— Да как же ты отверстие сверлила в стальном полотне?

— Зубилом пробивала.

Я знаю цену этой работе: в стальном полотне, да еще по существу в полевых условиях. Этому можно только подивиться.

Покончив с дровами, вспомнил я о подарках, что прислали Агафье. От самого Владыки принес я свечей воска ярого, да новую красивую кожаную лестовку от Алимпия — Митрополита Московского и всея Руси. Такого подарка Агафья даже не ожидала. Свечам она была очень рада, да еще таким чистым — желтым. Их была целая пачка. Свечей у Агафьи нет совсем. Пчел она не держит. Лампады перед иконами тоже нет — нет масла. И мне понятна ее радость при виде свечей, она таких и не видела никогда.

Лестовке Агафья тоже рада и даже не потому, что она точно такая же как у нее, как и та, что подарила матушка Надежда. Нет между ними разницы. Рада она, что все это родное и свое, так неожиданно ей попало. Агафья сердечно благодарит меня за подарки. А я дальше вынимаю церковный календарь, Новый Завет. Полистала. Довольна. Начинается разговор, объяснение. В календаре напечатана история старообрядческой церкви, Митрополит Алимпий благословил меня лично прочесть ее Агафье. Поэтому я и предложил ей знакомство начать сегодня. Откладывать-то некогда. Читаю.

Агафья внимательно слушает. Все тут ей понятно. Когда же я сказал ей, что становится темно, Агафья тут же чиркнула спичкой, зажгла парафиновую свечку. Хотя мне и говорили, что спичками она не пользуется, но, как видно, это не так. Не такая уж она дикарка, как некоторые думают. В данном случае Агафья просто дорожит временем и ей не до крецала с трутом. Когда Агафья притомилась, я достал еще от Алимпия баночку меда.

— Да вот еще одну баночку тебе прислала моя жена Людмила. Я сам держу пчел и этот мед лично мой. Не беспокойся, Агафья, все здесь от христиан и все чисто.

Пришел Лев Степанович звать меня на ужин. Агафья тоже идет с нами, захватив туесок с брусникой. Она ее набрала еще на Каире. За ужином Лев Степанович рассказывает про матушку Максимилу. Она называла себя «духовной». Какая же разница между духовными и чувственными? Но Агафья четко не может ответить на этот вопрос и говорит: «Вон Александр, он, поди, знает». Тогда я объясняю: «Духовные» — это лица считающие, что в Мир уже пришел Антихрист, и царство его уже настало. Они учат, что Антихриста надо понимать не как физическое лицо, но духовно. Говорят, что наступили последние времена, что Церковь убежала в горы, и на месте святе – мерзость запустения. Помните в письме Максимилы к Алимпию: «Аще узрите мерзость запустения на месте Святе, то разумейте, яко Антихрист царствует». «Священство погибло все и тепере его, священство истинное не восстановить».

«Чувственные» же считают, что Антихрист в Мир еще не пришел. Они правильно понимают церковное учение, по словам которого Антихрист будет живым человеком, рожденным из еврейского рода из колена Данова от скверной жены блудницы, зело возлюбит еврейский род и церковь их созиждет, в которой сядет на престоле, потребует себе божественных почестей и все сатанинодейство поднимет. «Чувственные» правильно держатся Святого Писания, по словам которого: «Ни Церковь, ни священство не погибнет до скончания века». По слову Христа: «… И на сем камне Я созижду Церковь мою, и врата ада ее не одолеют».

Сказать попросту: «Духовные» — это беспоповцы. «Чувственные» — приемлющие священство. Вот Максимила и называет себя «духовной». Но все они «чувственные» и «духовные» — старообрядцы и разделились они только после того, когда старообрядческие священники все умерли — их не стало. «Духовные» вновь поставляемое священство не признают, и когда в Белой Кринице

был присоединен к Старообрядческой церкви Митрополит Амвросий, про которого никониане распустили слух, что он обливательно крещен. В результате некоторые старообрядцы его не признали. Так они и до настоящего времени священства не имеют и в церкви не ходят, но молятся в моленных. Алтарей у них нет, так как нет священства. Они сами не против священства. Но дайте им это священство — истинное, а от Никона священство не принимают и считают, что настоящего священства больше нет. Позиция их совершенно неправильная.

С этим мы и пошли спать. И лежа на лавках, рассуждали все о том же. «Чувственные» и «духовные» разнятся между собой не в вопросах веры, а в вопросе непризнания священства от Митрополита Амвросия. И мне кажется, что Агафья принадлежит к «чувственным», то есть к старообрядцам, приемлющим священство. Вообще в нашей среде, я имею в виду в церкви, про «чувственных» и «духовных» нет и разговора, а просто говорят: «беспоповцы». Они с нами, приемлющими священство, молиться не хотят. Но это конечно не все.

Вот Агафья с Максимилой не сошлись во мнениях, мне кажется, по этому вопросу. Да и в Усть-Ужепе мне говорили, что Агафья с Максимилой разошлись в духовных вопросах. А помните, Лев Степанович, Устинья из Сизима мельком как-то проговорилась, что будто бы Елена Баранникова с Чадуралыга сказала Агафье: «Как ты посмела, не нашей веры к нам приобщиться».

— Она же, Устинья, если ты, Александр, помнишь, сказала: «Там в верховьях Каа-Хема три толка. Попробуй тут с ними разберись. Очень все интересно. Но КТО ЖЕ АГАФЬЯ?»

— Все же она принадлежит к старообрядцам, приемлющим священство. Вот посмотрите, Лев Степанович, Максимила — крайняя беспоповка — с Агафьей не сошлась во взглядах, и жить вместе у них не получилось. Агафья мотивировала свое нежелание остаться на Чады-

ралыге тем, что воздух плохой, земля ей не нравилась, и огород не интересовал, а Максимила мотивировала свой отказ ехать на жительство к Агафье тем, что Тропина боится. Конечно его бояться есть все основания, но мне кажется, все же это повод для того, чтобы не ехать.

С этим мы и засыпаем.

Утро 12 августа, несколько хмуровато. «Зайцы баню топят» — клочья облаков висят прямо над верхушками деревьев. Прохладное утро. Умывшись в прохладной воде Ерината, иду к Агафье читать полуношницу. Вчерашний вопрос так и не выходит у меня из головы.

Агафья как всегда на молитве. Дала мне книгу. Молимся вместе. Она — свое, я — свое. После молитвы обычные хозяйственные дела. Агафья начинает топить русскую печь. Печь стоит в заднем левом углу избы. Сложила ее сама Агафья из дикого камня, кирпича здесь нет. Труба от печи стальная диаметром 100 мм.

— Почему такая маленькая труба у русской печи? — спрашиваю я Агафью.

— Конечно, труба-то мала, но другой нет уж, я заслонкой чело печи прикрываю, чтоб не дымила, — отвечает Агафья.

Справа от двери широкая лавка, где и спит Агафья. В переднем восточном углу иконы на полочке. Книги. Их у Агафьи я насчитал 17. Часть книг ей прислали с Урала. Полочка же вместо аналоя.

Сегодня в пасмурный день в избе несколько темновато, через два небольших окна света бывает достаточно только в ясный день. У окон на лавке и полу стоят берестяные туеса, мешок с комбикормом и разные другие вещи. Керосиновой лампы конечно нет. Агафья пользуется лучиной, но летом светец не зажигает, так как день длинный. Вот, пожалуй, и вся нехитрая обстановка Агафьиного жилища. Сеней у избы нет, выход прямо на волю.

Закончив молитву, иду и выпускаю блеющих коз. Агафья, когда молится, забывает обо всем на свете. Привязав

коз возле нашей избушки, открываю дверь курятника, и петушок с курочками выходят в вольеру, огороженную жердями и ветками лиственных деревьев довольно плотно.

Поет петушок — день разгуливается.

Курятник, который построила Агафья сама, сделан очень добротно и профессионально — умеет Агафья топор в руках держать. Для этой цели Агафья колола стволы больших кедров на плахи толщиной по 15 см. Из них и срублено здесь два помещения, в которых при нужде можно жить. Оба помещения квадратов десять, нет только пола, ну да курам он ни к чему. Железная печка в углу, которую топит Агафья по большим морозам; приятно поет петушок.

До обеда пилим с Черепановым дрова, складывая их в большую поленницу. Но вот приходит, наконец, и Агаша, здоровается с нами.

Вчера я так и не успел передать ей все гостинцы и подарки из моего рюкзака, что привез с «Большой Земли». Приношу сверток с предметами одежды.

— Это тебе, Агаша, прислала Матрона Яковлевна — экономка Владыки.

Агафья обычно ничего мирского не берет, но этот сверток взяла и спросила меня: «Какая Матрона?» Я сразу не мог понять вопроса. Тогда Агафья пояснила, что Матрон три. Какая же? Но когда у Матроны Яковлевны день Ангела (ее именины) я не знаю. Поминай, Агафья, как сама решишь. Агафья говорит: «Спаси Христос»! И понесла убрать подарок в келью.

Мы уже обедали, когда пришла Агафья, снова подоила коз, принесла нам молока. Все это время в келье она, очевидно, молилась Богу за Матрону. Я в этом вполне уверен. Молоко она нам налила прямо в суп, а затем и в чай. За обедом я спросил Агафью, есть ли у нее крюковые книги?

— Крюковых нет, но вот немного записей крюковых есть.

Агафья приносит книгу, в которой написаны службы Успению Пресвятой Богородицы, а так же Петру и Павлу. В книгу вложена небольшая тетрадь с крюковыми стихерами этим праздникам, написанная от руки. Ну, Агафья, теперь мы споем!

Агафья крюкового пения не знает, и я ей пою все ирмосы празднику Успения, а также самогласные стихеры Петру и Павлу, те самые где: «Якоже ралом всеяша веру, и всем богоразумие всадиша». Агафья, как выразился Лев Степанович, очень внимательно и серьезно слушала. Пение ей понравилось, и она меня благодарила. По обеде читаем с Агафьей у нее в келье историю старообрядчества.

Мне все время хотелось посмотреть Агафьины книги, она мне говорила, что с Урала ей прислали цветную минею. Все это очень интересно, но от осмотра книг я все-же воздержался, счел это нетактичным. Слишком мало мы с ней знакомы, чтобы разглядывать книги. Не понравилось бы, пожалуй, это Агафье.

Принёс я сегодня баночку Святой воды, взятую в дорогу, и просил Агафью поставить ее в келье, так как в рюкзаке неудобно ее держать. Да и разбить можно. Агафья спросила меня: «Какая это вода? Богоявленская или нет».

Великую воду я брать с собой не стал. Все может в дороге случиться. И тогда хозяйка сказала мне, чтоб я воду поставил у икон. Мне, кажется, она ее приняла с удовольствием.

Еще утром Лев Степанович меня просто огорошил, сказав, чтобы я шел жить к Агафье в келью.

— Да Вы с ума сошли! Это же неудобно!

— Александр Семенович, нам тут не до удобств. Мы здесь месяц жить не можем. Тебе нужно войти с Агафьей в более тесный контакт

— Да, конечно, Вы правы. Вопросов действительно очень много, и если Вы уж так думаете, то начинайте этот разговор сами.

— Хорошо начну.

И за обедом, между прочим, сказал: «Агафья, нам с Александром Семеновичем в избушке жить тесновато, возьми его в дом к себе ночевать. Уберетесь вы там втроем, места хватит.

Может ли в чем-нибудь отказать Агафья?

— Пусть приходит.

Вот все как просто.

Сейчас, после обеда мы с Эльвирой Викторовной идем писать «Истоки Большого Абакана». Лев Степанович меня инструктирует, чтоб костер развели, без него там не сидите. До облюбованного Эльвирой места идти около километра тайгой. На самую границу Агафьиных владений, около того места, где сел вертолет. Я решил сделать погремушки, хотя и на медведя, мирного конечно, с удовольствием бы посмотрел. Устинья, помню, говорила, что зверь он красивый, ходит и бегает легко. Но какой из них может встретиться? У каждого свой характер. Поэтому нацепив на веревочку несколько консервных банок, идем по тайге, покрикиваем, шумим банками.

Придя на место, развел я костер и начал заготавливать веники для коз на зиму. Травы здесь нет совсем, и коз Агафья кормит в основном веточным кормом. Лев Степанович дал мне задание заготовить 50 веников. Тайга очень плотная, не растет трава в глуши деревьев. Только то, что Агафья выполет на грядках — то и сушит. Эльвира тем временем пишет пейзаж. Каменные косы Большого Абакана. Иногда я подхожу посмотреть ее работу. Работает она увлеченно, разговаривать с ней в эту пору нельзя — сердится. Да подходить смотреть — тоже, пожалуй, не рекомендуется, но я иногда подхожу все же. Здорово у нее получается! Хорошо, что здесь ветерок отгоняет гнуса, а вот вчера вечером, когда она писала с горы Агафьин двор, ее гнус заел в кровь. Пришла к ужину она вся раздраженная и злая. Искусство, конечно, требует жертв. Косу Абакана писала три часа.

Еще в пятницу я предложил Агафье прочитать общий канон за умерших ее родственников на могиле Карпа Осиповича. Агафья согласилась. «Вот печь истоплю». Но по какой-то там причине мы так это сделать и не собрались, когда же я ей предложил это сделать в субботу днем, то она мне сказала, что уже молилась дома. Канон за умерших она читает ежедневно.

Тогда я решил читать канон один на могиле. Побудил меня к этому христианский долг, почтить память этих безвестных православных христиан, могилы которых разбросаны здесь по всей тайге. У них я сегодня в гостях, они мне оказали свое гостеприимство, страннолюбие. Мой долг — ответить им благодарностью и посильной помощью через ходатайство перед Творцом о их именах.

По приезде сюда я уже был на могиле Карпа Осиповича, приходил положить уставные 15 поклонов за упокой его души. Совсем недалеко от огорода, на краю тайги, под вековыми кедрами лежат его останки. Могилу я нашел не сразу, все смотрел, где стоит крест. Принято у старообрядцев ставить на могилах большие кресты, Но здесь, рожденное жестокими гонениями, было исключение из общего правила, здесь и могилы приходилось прятать, не только самим скрываться.

Мое внимание привлекли синие цветы, которые, как я догадался, посажены Агафьей на могиле Карпа Осиповича. Подойдя к ним, увидел и осьмиконечный крест, едва возвышавшийся над травой, росшей на могильном холмике, крест всего с метр высотой, да рядом висела красная рубаха на плечиках, которую я сразу почему-то и не заметил. Материя, окрашенная ягодой, имела неяркий цвет. Она слегка покачивается от слабого движения воздуха, поворачивается на своей бечеве, медленно шевелится, словно живая. Но, несмотря на это пугало, медведь приходил сюда и копал по весне могилу, да Агафья отогнала его. А вот могилу Евдокима, застреленного в 30-е годы, медведь раскопал. Ее охранять было некому. И по рассказам, все-

го Евдокима сожрал. Одна только голова и осталась. Да, сколько здесь в тайге этих страстей было!

Боже милостив, буди мне грешному…

Читая канон, поминаю всех. Агафья дала мне целый список своей родни.

Покой Господи души усопших раб своих:

Праотцы: Агафонника, Анны, Николы, Ксении, Стефана, Вассы.

По отцу: Иосифа, Раисы, Карпа.

По матери: Карпа, Агафии, Акилины, Стефана, Евдокима, Савина, Дмитрия, Наталии.

Не скажешь про Агафью, что она родства не помнит.

После молитвы как-то стало легче на душе. И не беда, что зael меня мокрец. И стоя над могилой в глухой тайге, поминая их имена, невольно приходит в голову мысль о том, что могли бы эти люди дожить и до наших дней. Не от хорошей жизни они в 1930-е годы ушли в тайгу. Ох уж эти 1930-е годы, многих они загнали в лагеря, тюрьмы, заставили покинуть родину, сжили со света. И всего больше в эту пору досталось старообрядцам. Всех их превратили в кулаков. Какого только безумия не было на Руси в ту пору? Нигде не было угла, чтоб укрыться и пережить эту страшную зиму. Не сразу ушел и Карп Осипович. И вспоминается мне рассказ его друга детства Федора Ивановича Самойлова 1905 года рождения, как в ту лютую пору жили.

«Мы были природные рыбаки и охотники. Первое время жили в Алтайском крае. В 1919 году моего отца стал преследовать Колчак, и некто Родин там был, колчаковский милиционер, он был друг отца. Приезжает к нам и говорит: «Иван Андреевич, я за тобой приехал. Если сможешь — тикай». Так мы попали в Тиши Красноярского края. Это была Лыковская Заимка, на которой тогда жили две семьи, наша была третьей, а потом заселились семей до 15-ти. Мои родители еще до революции жили в Тишах, где я и родился. С Лыковыми мы жили ря-

дом. Мне тогда было четырнадцать лет, а Карпу пятнадцать с половиной. Вместе играли в мяч и бабки, а потом охота, рыбалка. Скотину держали, лошадей. У всех было частное хозяйство. Женились там же: я в 1925, а он — в 1926 году.

В 1930 году в Тишах была организована артель «Пограничник», в которой я был бригадиром. Имел карабины и пистолет. Имел право любого задержать — гражданским пограничником был. Проверял документы на право охоты. Граница тогда проходила прямо по реке Абакан.

Почему ушли в тайгу Лыковы?

Лыковы же в артель не пошли и уехали на Каир семьями. Отец — Осип Ефимович, старший брат Карпа Степан Осипович и Евдоким, которого потом, когда организовался государственный заповедник, убили. После чего Карп Осипович ушел еще дальше. Предлагал я Карпу: «Давай в артель, рыбачить вместе будем, ну как другу предлагал, да меня самого в 1939 году посадили. Был у нас тут один, вот он подох недавно. Подал на меня материал, будто я неоднократно за границу ездил и тому подобное, шпионажем занялся… Я и во сне такого не видел, что мне лепили. Девятнадцать суток шло следствие. Заставляли: «Подпиши!». А что я буду ложь подписывать? Семь свидетелей наталкивали на меня, а потом на суде все они отпирались. Одного спрашивают:

— Почему отказываешься? У тебя же больше всех написано! Семь листов.

— А это не я писал. Следователь писал и заставил меня подписать.

– Сядь.

Его и спрашивать не стали. Восемь лет я отсидел. Только в 1958 году полностью реабилитирован. За это время жена моя умерла, дети пять лет сиротами скитались. Плохо им было. За мной и отца моего посадили. За совет-

скую власть был человек. Тогда сесть было очень просто. Прочитал в газете, где Ежов снялся в ежовых рукавицах, что он разоблачил врага народа генерала Егорова, который на своих плечах революцию сдержал, и он — враг народа. Я говорю: «Не поверю никогда в это». И с этого все пошло. В результате — восемь лет.

Как-то приезжает корреспондент из Москвы и спрашивает меня:

– Правда ли, что Карп Осипович — царский генерал?!

– Что Вы это сказали? Какой же он генерал?! — засмеялся я.

Смотрю: зачеркнул в блокноте. Потом смешной вопрос:

– Слышал, он патриарх был?

– Какой же он патриарх? Он старовер.

Вот так все и было… Как не уйти ему было в лес? В этих смешных вопросах смеху мало. Его отец — Иосиф Ефимович в своем доме содержал молельную, а потом его поставили в попы и он стал отец Иосиф Белокриницкой иерархии. В 1930-х гг. его арестовали и замучили до смерти. Поэтому у Карпа Осиповича (Иосифовича) были все основания уйти в тайгу.

Последний раз Карпа Осиповича видел в 1938 году. Приезжал к нам, рассказывал, как Евдокима убили. В 1937 году их переселили на прииск на реку Лебедь, где они и жили на квартире Анисима Тропина — отца не безызвестного нам Ивана Анисимовича Тропина.

За картошкой же на Каир пришли осенью — копать. Приходят охранники, а они опять тут. Карп с Евдокимом бросились бежать. Евдокима ранили, а Карп убежал. Охранники приходят в избу и говорят женщинам: «Идите мы вашего подстрелили». Женщины пошли вместе с ними. Пришли, а его нет. А он поднялся и пошел к Каиру, и на тропе упал.

Карп убежал дальше, когда выстрелы затихли, подумал: «Всех убили, пойду посмотрю». Идет туда, а на тропе Евдоким лежит, живой еще. «Брат, — говорит, — не уходи, похорони меня». И только светать начало — он скончался.

Охранники ушли. Как они там дальше жили, я не знаю.

Когда я жил в Горношорье, рассказывали рыбаки, что видели Карпа Осиповича в 1948 году. С парнем приходил. На ногах береста.

С тех пор затихли. Думали, померли они. А то я бы мог к нему даже съездить. Хороший он был человек Карп Осипович. Твердый в вере. Рыбак, охотник. Очень бы хотелось его повидать, все ж друзья мы с ним были, но сам я теперь уже не в силах к нему ехать.

В заключении я работал горным мастером на прииске. Здешние месторождения золота на Енисее, просто не знаю, для чего содержат. Пять лет на прииске, на севере работал, так там содержание золота 105 грамм на кубомассу, а здесь 85 миллиграмм — какое же это промышленное золото? Просто нищенство!»

А как потом жили Лыковы, мне хотелось бы привести рассказ В. В. Поленцева, который я прочитал в журнале «Геодезия и картография» за май месяц перед поездкой на Еринат. Статья называется *«На заимке Лыковых»*.

«Весной 40-го года меня направили в экспедицию с целью наблюдения за геодезическими пунктами в водоразделе рек: Лебедь, Байгол, Большой Абакан, Телецкое озеро. Геодезические пункты расположены на высоте 1500–3200 метров над уровнем моря в необжитом и труднодоступном районе горного Алтая. Кроме меня в наш отряд входил техник Петр Долгушин и конюх Яков. Все снаряжение и приборы с продовольствием перевозились на четырех лошадях.

Природа здешнего края оставила яркие незабываемые впечатления. Кедровая тайга, горные реки, прозрачная синева широких горизонтов, открывшихся с вершины гор, внезапно налетающие дожди и грозы, алтайские луга с коврами цветов, множество зверей: медведи, рыси, сохатые, изюбри.

Запомнилась встреча с Лыковыми.

Продвигаясь вперед, мы вышли к реке Лебедь и Байгол, а затем спустились в узкую долину реки Большой Абакан восточнее Телецкого озера. Никаких троп здесь не было. В один из ясных дней в начале июля мы вышли, ведя лошадей в поводу, на небольшую, поросшую травой поляну у берега реки. Здесь Большой Абакан имеет в ширину не более пятидесяти метров. Из воды торчали валуны, от стремительного течения стоял такой шум, что на берегу нельзя было услышать человеческого голоса. У домов стояли две лошади. Запомнился их необычный вид: гривы свисали низко, закрывая глаза, лошади помахивали пышными хвостами, спускающимися до самой земли. Необычно было и жилье среди буйной зелени, вдали от людей. От всего увиденного повеяло стариной. Это первое впечатление потом усилилось. Кроме того чувствовалось какое-то запустение, заброшенность всего хозяйства.

Пройдя вдоль берега и выбрав подходящее место, разбили свой лагерь в нескольких десятков метров от жилья, пустили коней на луг. Поставили палатку.

Из избы вышла женщина, но быстро зашла обратно и снова вышла с другой, постарше. Так они и стояли ошеломленные, опустив руки. На приветствие не ответили и вернулись в избу. В окно глядели еще две женщины. Наши попытки узнать что-либо были безуспешны. К вечеру все же удалось завязать разговор с пожилой женщиной. Она сказала, что мужчин на заимке нет, они одни. На вопрос где же мужчины, отвечали уклончиво, не охотно. В дальнейшем из разговора стало ясно, что их увезли в город Абакан (более 400 км.) представители власти, которые по-

явились здесь два года назад в 1938 году. Спустя несколько дней нам сказали, что мужчин арестовали за то, что они добывали селитру и серу и изготавливали порох для ружей, видимо еще кремневых с которыми охотились из поколения в поколение. Ружья конфисковали. Тот, кто был в это время на охоте, избежал ареста.

Стало известно, что в это забытое селенье в 1936 году нагрянули недобрые люди, и случилось что-то трагическое. Именно после этого события 1938 года часть поселенцев ушла дальше в тайгу, в горы и бродят там семьями без вины виноватые…

Незадолго до нашего приезда на заимке умерла бабушка, ей было 90 лет. Она здесь и родилась. О событиях в стране они ничего не знали, не знали даже и о революции, знали только, что «царя нет».

Нам предстояло обработать четыре геопункта, а это значит, что мы дней 20 будем базироваться здесь.

Войти в доверие к жителям поселения было не просто: чувствовалось настороженность и боязливость. Мы тоже испытали некоторое недоверие. Ведь кто-то находился в тайге и мог быть близко, оберегая эту семью или две семьи, и не ясно, как он к нам отнесется. Тем не менее, на первый пункт мы пошли налегке, оставив часть имущества и лошадей на заимке. Вернулись через три дня, все было в порядке.

Нашему сближению, как хорошо помню, помогло одно событие. Мы находились в палатке, когда услышали громкий плач и голоса. Оказалось, потерялся мальчик лет пяти-шести, сын одной из женщин. Поиски ничего не дали и мать уже считала, что он сорвался с валуна в реку и утонул. Она кричала и бегала туда-сюда. Две другие женщины громко звали мальчика. Видимо искали его уже давно и были расстроены. Мы, не веря в страшный исход, тоже стали искать и звать мальчика. И вот, я, проходя мимо маленького сарайчика, услышал какое-то сопение. Дверка была чуть-чуть приоткрыта. Первая мысль — рысь, и мо-

жет быть напала на ребенка. Осторожно подойдя к двери, я увидел такую картину. На медвежьей темно-коричневой шкуре лежал на спине, разбросав руки, голый мальчик и спал, тихо похрапывая. Я осторожно взял его на руки и принес к матери. Радость женщины, конечно, была огромной. Отношения наши смягчились. С нами стали разговаривать, подходили к палатке, расспрашивали, кто мы и что делаем. Убедились, что у нас самые мирные дела. Теперь нам можно было зайти в дом. Избы были невысокие, с ветхими кровлями, рубленные из бревен. Однако добротно сделаны крыльцо и двери. Видно было, что это все много раз подновлялось. У входа, сбоку от крыльца, висел черный умывальник, каких сейчас не встретишь в нашем обиходе, с носиком для слива воды и ручками по бокам, за которые он был подвешен. В другой избе висел такой же умывальник, но только не чугунный, а из дерева. Русские печи в избах, занимали треть единственной комнаты. Деревянный стол, скамейки, деревянная кровать. На полках металлические иконы, несколько книг в старинных кожаных переплетах. У печки — чугунный ухват с деревянной ручкой. Деревянная кухонная посуда: миски, кружки, ведра. Разного размера туеса из бересты. Пол из грубо отесанных досок, заслан самотканными дорожками. Кругом чисто прибрано.

Ничего брать нам не разрешалось, от нас тоже ничего не брали. Это были староверы. Гонимые мирской жизнью, уходили они все дальше и дальше от людей, и все суровее становилась их жизнь. Здесь — на заимке им жилось как будто сносно, если бы не события двухлетней давности, нарушившие их мирную, тихую жизнь. Нарушена она, как они говорили, теми самыми отступниками, от которых уходили все дальше, сохраняя свою веру. Они разводили скот, кур, сеяли пшеницу, сажали картофель, занимались охотой, ловили рыбу. Помню, женщины резали картофель на мелкие части, расстилали на металлических листах и

сушили в печах, топили масло и заливали его в бочонки, сделанные удивительно добротно.

Оказалось, они создавали запасы для переезда. Куда? Говорили, что в Абакан, но как-то неуверенно. Чувствовалось, что кто-то должен подсказать, а вернее решить это окончательно. Это запомнилось хорошо, и жизнь у этих людей проходила в какой-то тревоге и ожидании.

Женщины носили домотканую одежду, белую и темно-коричневую старого крестьянского вида, довольно опрятную. На ногах мягкие башмаки из кустарно выделанной кожи. Неяркие платки на голове. Все это: одежда, обувь, предметы обихода, напоминало о жизни крестьян далекого прошлого. Впечатление усиливалось и своеобразием их речи.

Ко второму пункту мы отправились с помощником, оставив конюха на заимке. Он был общительным человеком. Вернулись точно в назначенный день к вечеру. Яков с женщинами быстро накрыли большой стол на берегу реки и пригласили нас к обеду. За столом сидели мы одни. Это был настоящий пир. На столе стояли деревянные миски с горячей картошкой, простоквашей, сметаной, топленым маслом, медом, шаньгами с творогом, жареной рыбой, квасом. Такой пир повторялся несколько раз.

Наутро я, выйдя из палатки, не без удивления увидел мужчину лет 30–40, среднего роста, плечистого. Он стоял в пол-оборота ко мне. Одет был во все домотканое. Темно-коричневая куртка, штаны, мягкие кожаные сапоги. На голове островерхая шапка, тоже темно-коричневая. Рыжая борода, недоброжелательный взгляд. Я подошел к нему, поздоровался. В ответ — ни слова. Повернулся и пошел в избу. Потом я его видел еще только раз. Это было в тот же день вечером, у берега реки он встречал женщину с котомкой за плечами, одетую в темную одежду. За руку она вела ребенка лет семи.

Днем, чтобы внести ясность в ситуацию, я вошел в дом. Над открытым подпольем стояли две женщины,

а снизу им подавал мешок мужчина лет 22–25, сильный, обросший редкой бородой. Разговаривать со мной также не стал и скрылся в подполье. Женщины были веселее обычного и сказали, что это родственники, пришли помыться в бане. И действительно, к вечеру банька дымилась, как паровоз. Этих мужчин и женщину с ребенком я больше не видел. Потом мы узнали, что это был сам Лыков. Ушел он вверх по реке выше на 15–20 км в свое поселение.

Вся эта жизнь на заимке проходила в быстром темпе, мы не могли терять ни одного часа. Задание было напряженное, а сделано еще очень мало. Поэтому заниматься анализом своего поведения в этом поселении не было времени.

В один день решили съездить на теплый ключ. Он был недалеко от селения и, по словам, был очень целебным. На косогоре был в горе сруб глубиной метра два. Желающий искупаться залезал в сруб, закрывал деревянной пробкой нижнее отверстие и открывал заслонку вверху, на уровне плеч. Через 5–10 минут сруб наполнялся горячей водой 40 градусов. Потом после ванны вода сбрасывалась. После купания в источнике появлялась слабость.

На заимке больше никто не появлялся. Женщины продолжали свои хлопоты. Когда наступил день нашего отъезда, нам подарили два небольших, плотно закупоренных бочонка с топленым маслом. Расставаться было грустно.

Нам предстояло подняться вверх по Абакану на 15–20 км. Проехать мимо дома, где обитал Лыков, выполнить работу в горах еще на двух пунктах и возвратиться. К дому Лыкова мы не поднимались из-за отсутствия времени. Да и вряд ли можно было рассчитывать в короткий срок завоевать доверие людей.

Женщины сказали, что там, где мы собирались останавливаться, есть оборудованное овощехранилище, указали точно место и разрешили брать все, что будет нужно.

В хранилище оказались хорошо сохранившиеся большие запасы картофеля, моркови, капусты».

Следующее открытие Лыковых геологами произошло в уже 80-е годы.

Но вернемся в день сегодняшний. К ужину приходит Агафья и приносит нам яйца. Удивительно добрый она человек! Вчера были ягоды, сегодня — яйца, завтра еще что-то придумает.

Я всегда ел только вареные и никогда не пробовал печеных. Оказалось они очень вкусные. Угостив нас, Агафья снова уходит молиться Богу. Сегодня всенощное бдение. Все мои сейчас тоже в церкви.

После ужина опять с Черепановым заготавливаем дрова. Их на долгую зиму надо много. Уже становится темно, и Агафья приглашает меня ночевать в избу. Забрав мараловую шкуру, переезжаю на новую «квартиру», и, помолившись Богу, ложусь спать на полу под образами. Агафья спит на своей лавке, Эльвира Викторовна — на лежанке Карпа Осиповича, что возле печки напротив Агафьи.

Когда же я лег, подошла Агафья и укутала меня своим одеялом, противиться этому было совершенно бесполезно. Это она делала потом каждый вечер.

— Агаша, тебе же холодно спать без одеяла?!

— Да нет, у меня же лопатина *(прим. автора — рабочая верхняя одежда)*.

Утро 13 августа. Воскресный день. Когда я проснулся, уже было светло, но вставать не хотелось. Агафья уже молилась Богу, и мешать ей своим пробуждением я не хотел. Дремал.

Вначале она молилась молча, а потом вслух начала класть большой начал, несколько гнусавя, выпевая молитвы на полураспев. И до чего же знакомые и родные мне потекли слова молитвы. В чтении я не заметил ни одной неточности или разности в тексте. Все совпадало абсолютно.

Агафья на молитве

Обычаи тоже все совпадали. Заметил, как Агафья покрывала сосуд, кладя крестообразно палочки вместо крышки. У нас так же покрывают посуду или двумя палочками крестообразно с молитвой, или одной.

Но я залежался. Давно пора вставать. Иду на Еринат, умываться его кристально-чистой водой. Приятная прохлада. Затем мы с Агафьей молимся Богу, она читает псалтырь, а я молюсь по лестовке. Отмолившись за литургию, тут приходит Лев Степанович, зовет обедать. Время уже много. Литургию, наверно, уже отслужили. Приходит Агафья и приносит нам молока. Противостоять этому бесполезно.

— Ты, Агафья, нас тут как на курорте держишь. Боишься, чтоб не похудели видно.

Сколько мы с этим ее обычаем — последнее отдать — ни боролись, успеха не имели. Агафья выполняет христианский закон — служит пришельцам. Так когда-то Авраам удостоился служить Ангелам.

Что Агафья ест сама, я не знаю, потому что ест она, когда я ложусь спать. Ужинает Агафья на своем крохотном столике в избе. Мне сдается, что это у нее обед и ужин. Возможно это не каждый день, но я не видел никогда, чтоб она обедала.

Рассказы Агафьи

Сегодня никто не работает. Воскресенье. Агафья за столом рассказывает нам о своей жизни в тайге. Рассказов у нее много, но самый, пожалуй, интересный из этих рассказов про волка, жившего у Агафьи вместо собаки пять месяцев.

«Появился он поздно вечером, когда я уже вечерню отмолилась. Пошла за дровами, и тут Дружок кинулся за поленницу, на кого-то загавкал. Я в начале и не поняла на кого. Не видала. Дружок-то его сразу понял, но я не поня-

ла, что за гость ко мне пришел. Ночью Дружок все гавкал на кого-то. Обнаружила его только утром следующего дня, когда молилась Богу.

Смотрю, на тропе серая собачка сидит. Думала охотник ко мне идет, но никакого охотника нет. Вышла посмотреть поближе, а это волк! Я выстрел дала! А волк отбежал на пашню и не уходит. Сидит. Я давай в ведро стучать, а ему нипочем. Закричала на него, но он не сдвинулся с места. Не уходил он от избы целый день. Он и ночь-то всю здесь провел, то-то Дружок все лаял. Но что вот странно — ходил всю ночь вокруг привязанной козы Белухи, целую тропу протоптал, а козу не тронул.

— Агаша, а может быть это собака была? Коза-то ведь жива осталась! Как ты их различаешь?

— У собаки-то брюхо поджарое, а у волка брюхо, как у неопростанной собаки.

Зарежет козу-то, думаю. К ночи решила стрелить супостата. Стрелила да обвысила, темно уж было, целилась по стволу. После этого волк в кедрач ушел.

Из избы выходить боюсь. Дружок, говорю, охраняй меня, сама-то боюсь. Ночью Дружок опять на него гавкал. Утром смотрю, волк опять у избы. Сидит против двери в пяти метрах. Приоткрыла дверь, в притвор высунула ствол и, взяв вверх, выстрелила! Он же отпрыгнул за угол стайки для коз и там сидит. Что за волк?! Уж не собака ли это? Да какая собака — матерый зверь!

Схватились грызться с Дружком! Думаю, задавит он его. Дружок-то против него и половины нет. Опять стреляла в воздух — так разбежались. После он в тайгу ушел. Дружок же бегает по льду и гавкает, думаю, его ищет. Потом, смотрю, на пару стали ходить. Дружок, а за ним и этот супостат. Волк, подойдя к избе, разрыл лапами снег и стал есть мороженый мох. Думаю, кормить его надо. Покидала ему картошек, так он их все приел. Вылью варево в снег, волк придет и вместе со снегом съест. А однажды он сунулся к Дружку в чаплажку, когда тот ел. Так

Дружок его так хватил зубами за нос, что волк своей кровью весь снег вокруг обстрамил, стерпел. Дружку ничего не сделал. Дружка он не кусал и только, когда тот ему очень надоедал, волк хватал его за ухо и встряхивал. Дружок враз делался смирным. Жил волк вон под той кедрой (что в тридцати метрах от избы стоит). Выйду утром, волк под кедрой спит. Вся шерсть в инее.

Решила его поймать. Сделала вот эту ловушку, что у избы из жердей»...

— Агаша, а я не мог понять для кого эта клетка, почти вплотную к избе, разве что полтора метра проход. Ну, поймала?

— Нет, волк туда не пошел. Дружок тот туда лазил, но волк — нет!

Но потом и волк лазил, да я его уже не ловила.

Как-то Ерофей Седов пришел *(охотник на Агафьином участке)*. Я спросила у него:

- Не потерялась ли у кого собачка?

- Нет, ни у кого.

Ерофей посмотрел его и сказал: «Если сама, то Найда. Ну, так я его и прозвала. Найда да Найда. Выйду, погаркаю так: «Найда, Найда». И волк придет есть картошки.

В новый год у них гон начинается. Сразу же в понедельник с Дружком схватился. Накормила его и он ушел в тайгу. Не было дня четыре. Потом пришел, опять накормила. Никуда не уходил. Так и жил тут.

Как-то ночью, загрызли волки маралуху на реке. Страшно ревела скотина, на разные голоса. Уж не знаю, кто ее. Волки ли зарезали али Найда с Дружком. Потом Дружок оттуда притащил клок шерсти. Поняла я по шерсти, что маралуха растерзана. И оба ходили они ее жрать. Дружок до того, тогда отъелся, что был чурбан с ножками.

А сколько волк мешков с комбикормом изорвал. Одеяло, что лук покрывала на ночь, исстриг зубами, как ножницами.

Я потом смотрел на остатки этого шерстяного одеяла — изрезано как ножом. Вот зубы! В этом-то и заключалось все его зло».

Волк пять месяцев жил у Агафьи вместо собаки. Жил не просто так — дворником работал. Однажды он собрал все консервные банки и бутылки, оставленные туристами, посетившими Агафью, и все это снес в протоку Ерината.

«Когда я туды пришла по воду, то удивилась. Пошто он это все сложил?»

— Экологию, верно, соблюдал он у тебя, Агаша. Чистоту значит. Так никакого зла от него и не было?

— Нет. Не было никому никакого зла. Я ему даже конуру сделала. Удивительного зверя Бог послал».

Дружок же — последняя дворняжка, словно на смех кутенком привезенная сюда В. М. Песковым. Он даже зайцев в огороде не гоняет. А уж в тайгу — ни шагу! В отсутствие Агафьи полтора месяца жил на чердаке избы, забираясь туда по поленнице. Словно кабарга на отстой от волков. Питался, чай, все это время мышами — этот зверь не укусит. Если Агафья уходила в лес, Дружок ее никогда не сопровождал. В верхнюю избу Агафья ходила *(день пути)* с серой козухой. Так они вместе и ходили по тайге, друг друга охраняя.

— Серуха только прядет ушами и ни на шаг от меня не отстает.

Агафья с верхней избы сено носила вязанками *(пятнадцать километров по горной тайге)*. Дружок же в это время сидел дома и вместо кота мышей ловил. Так называемый «друг человека» — удивительное создание. Как он с волками ладил?! Как его не сожрали? Вообще здесь много интересного и чудного.

К примеру, были у Агафьи две кошки, так мышей не ловили, а ловили белок. По всему огороду беличьи хвостики валялись. Кошкам белок ловить, видно, было сподручнее. Поймав одну и съев, кошка была сытой целый день, а

мышей для этого надо много. Много ли в них мяса-то? А выследить её и поймать большое проворство нужно.

Потом пришел он — Иван Тропин! Волка он убил! Сам же был хуже волка. Еще зимой написала Агафья письмо Ивану Тропину, своему родственнику и отправила с Седовым. Просила его приехать к ней, пособить по хозяйству — сени срубить. Ему 64 года, пенсионер. Был дважды женат. Первая его жена померла, а вторая ушла от него.

Тропин приехал к Агафье и, вместо того чтоб сени рубить, совершил над ней насилие. Она мне сама рассказывала, как он ставил ее перед иконами и говорил: «Зажигай свечу, молись три поклона».

— Но я свеч не зажигала и поклоны не клала. Отбивалась от него три дня, выгоняла. Он же: «Выгонишь меня, грех тебе будет». Грехом стращал. Я ему от писания столько говорила — книгу можно было написать. А ему ничего. Лестовку мою и белье на мне изорвал.

Агафья! Детская твоя наивная душа! Кому ты от писания говоришь? Кому сыплешь жемчуг под ноги? Не свиньям ли? Что ему писание? У него другое на уме! Теперь-то уж известна эта история. Но после рассказа все это вновь всколыхнуло мне душу. Слушать не могу!

— Наслушалась я его речей. Ерофей-то не знал, кто он такой, и я не знала. Никогда бы его не звала и дел с ним не имела.

И вся расплата за грех этот, по словам Ивана, сводится к тому, что скитское покаяния вычитать, пенсию не получать, да полгода правило молиться. Слышать это просто смех и досада. На что Агафья ему сказала: «Вам с Ерофеем, прежде всего, нужно веру обрести, пока не поздно, пока не померли, тогда поздно будет».

Вот оно беспоповское направление: скитское покаяние, пенсия, да правило. А вот если б к духовному отцу на исповедь пошел, так бы просто не отделался. Но тут — в темноте народной — вот так и рассуждают.

Дело Тропина сейчас у прокурора. И спасает его только то, что доказательств нет, да заявления Агафьи тоже. Не стала она брать на свою душу грех. Сожгла все. Вот и ходит Иван, уповая на скитское покаяние. Да я думаю, оно его не спасет.

Как человек, ведущий монашеский образ жизни, Агафья не может участвовать в судебных тяжбах. Вот и терпит она. Знал это Иван и от того такой смелый был. Вообще тут их, этих мерзавцев, целая компания. Один дает Тропину служебный вертолет, для его злого дела, другой — советы, третий спускает общественное мнение на тормозах!

Тропин ходит пока без наказания, но я думаю, что после такого дела, как изнасилование пустынножительницы он получит по заслугам. Конечно, я не сторонник того, чтоб посадили человека лет на пятнадцать, хорошо, что не посадили, но думаю, что Тропину есть над чем подумать в оставшийся срок своей жизни. Но по характеру его поступков я сделал вывод: вряд ли он опомнится! Но все дело в руках Божьих! Возможно, и Тропин через соделанное им зло придет к покаянию.

За обедом я внес предложение: «Поскольку сегодня заговенье на Успенский пост, а завтра, в первый день поста, именины Митрополита Алимпия, у меня есть предложение это событие отметить сегодня».

— Семеныч, от дельного предложения никогда не откажусь!

— Ну и прекрасно, Лев Степанович!

— Но почему сегодня?

— Я же сказал Вам, Лев Степанович, что завтра пост начинается.

Готовясь к отправке в экспедицию, я пошел к Митрополиту просить благословения на дорогу и предстоящее дело. Благословив меня, Владыка дал мне банку хороших мясных консервов.

— Вот возьми, Александр, в дорогу, вынимая из посылочного ящика, стоящего на столе, банку ветчины. Кто-то ему прислал ко дню Ангела. Но поскольку владыка монах и мясо не ест, ветчина ему совсем не нужна. Разве что гостям.

— Спаси Христос, Владыко Святый! У меня есть.

— Бог благословит — бери!

Эту-то банку и привез я сюда. Думаю, будет такой торжественный случай.

Надо полагать, что предложение всем понравилось, и банка была открыта в торжественной обстановке. Нам ее хватило не только на обед, но и на ужин. Праздничноотметили в тайге наступающий день Ангела Владыки Алимпия — Старообрядческого Митрополита Московского и всея Руси.

Асегодня утром *14 августа* — первый день строгого Успенского поста. Весь пост пища без масла. После чтения полуношницы я предложил Агафье принять иночество от нашей церкви. Она находится в Минусинске. На что Агафья мне ответила, что сейчас ехать пока больше никуда не может. Минусинск — это далеко.

Конечно, Агафья устала от дорог, ей надо отдохнуть, собраться с мыслями, еще раз все продумать. Это серьезный шаг. Подарил я Агафье нательный крест. Она выбрала себе мужской.

Читаем историю старобрядчества. Проговорили практически до обеда. А когда сели за стол, Агафья принесла нам витаминов. Молоко теперь больше не едят. Теперь мы едим зеленый лук. Да и с растительным маслом тоже не едят, но Агафья сообщает, что сегодня первый Спас — «Происхождение Честного и Животворящего Креста Господня» — пошла за Святцами, принесла их и дает мне.

— На, читай.

Я, конечно, знаю, что в этот праздник разрешено масло, но не собирался его есть, так как надо было много

объяснить и Льву Степановичу, и Эльвире Викторовне, а так проще — пост, значит пост. Пришлось объяснять. Читаю в книге: «В первый день августа (по новому стилю 14-е число) происхождение Креста Господня, на трапезе шти, и лапша гороховая с маслом, да каша соковая, ядим единожды днем. Аще ли суббота или неделя (воскресенье), ядят дважды днем. Отселе начинается пост Пресвятыя Богородицы, до дне успения Ея».

Всем моим спутникам очень интересно, как написан устав. Никто никогда не читал и не слыхал. Просят почитать, а что там дальше…

А дальше я спрашиваю у Агафьи, есть ли у нее духовные стихи? И что интересно, говорит, есть! И после обеда обещала мне их показать.

Стихи вещь очень интересная и я их знаю много, но все знать, конечно, не могу. Интересно, какие они у Агафьи?

Туристы у Агафьи

Но кроме чтения стихов после обеда мы планируем пойти в ущелье. Там Эльвира хочет писать, и Агафья взялась нас туда проводить. Я слышал ото Льва Степановича давно про это ущелье. Видел его фотографии. И, конечно же, с большим удовольствием готов посмотреть. Так мы сидели и разговаривали мирно за обеденным столом, стоящим у нашей избушки под открытым небом. И тут я увидел человека, появившегося из-под горы от Еринаты, а за ним второго, третьего. Что за люди? Откуда взялись? А люди подходят к нам, здороваются. Вода течет из их ботинок и с мокрых по пояс брюк. Они, оказывается, только что перешли вброд Еринат и вот здесь.

Вы откуда, ребята? Вот так встреча! Никак я не думал, что вот так запросто в этом таежном углу глухомани могут появиться ребята. А они все подходили и подходили. Целый взвод мужиков! И все мокрые. Привел их Ни-

колай Петрович Смирнов — крепкий, рослый, седой человек лет шестидесяти.

Словно в сказке 33 богатыря из моря и с ними дядька Черномор. Знакомимся. Спустились они сюда прямо от Телецкого озера, идут уже 12 дней. Припасы у них давно кончились. Ребята голодные, как волки. Агафья им сразу же вынула из погреба своей картошки. Мы же дали хлеба и тушенки. Пришельцы пошли разбивать себе лагерь у лабаза, где они и будут отдыхать с дороги два дня.

Закончив с затянувшимся обедом, пошел я к Агафье посмотреть тетрадочку со стихами. Она дала мне тонкую тетрадку, пожелтевшую от времени, с обтрепанными краями листьев. В ней всего три стиха. Один из них меня очень заинтересовал. Названия у него нет, но он начинается словами: «Что на юге и на сивире…».

Не ожидал я встретить такое в этой таежной глухомани. В стихе описывалось разорение Оленейского скита, что был на Керженце реке, о Нижнем Новгороде и Семеновском уезде. Боже мой! Да ведь это все мои родные места. По ним не раз ходил я. Как приятно встретить все это здесь в тайге, в самом неожиданном месте. Чудеса, да и только. Что сегодня за день такой? Сколько событий.

Археологическая находка в Агафьиной избе

Керженец — левый приток Волги — протекает в Нижегородских пределах по девственным и ныне лесам. В них-то и находили себе приют гонимые старообрядцы. Здесь находился один из центров старообрядчества. На Керженце было 240 скитов-монастырей. Известны: Шарпанский, Комаров, Оленейский, который был самый крупный. Все эти скиты были разорены при Петре I его другом никонианским архиепископом нижегородским Питиримом. Но Керженец вскоре снова вос-

становился. Затем при Николае I (страшном гонителе старообрядчества) в 1853 году 90 монастырей, разорённых полицейским инспектором особых поручений, описано известным писателем П. И. Мельниковым-Печерским в его книге «В лесах и на горах». Причем в стихе указывается даже дата разорения, но в тексте потеряно число 300. Текст написан так:

«Во осьмом тысящном веку;
Шестьдесят первом году…»

Следует же читать дату так:

«Восьмом тысящном веку;
Триста шестидесятом первом году…»

И если подсчитать, то получим 7361–5508 = 1853 год.

Находка эта меня буквально взволновала. Такое же чувство, очевидно, испытывал В. Малышев, когда отыскал вдруг на Мезени подлинник жития протопопа Аввакума или в Риге житие Александра Невского. Сбегав за блокнотом и ручкой, стал переписывать стих. Тут уж не до ущелий.

Нельзя, уважаемый читатель, не привести содержание этого стиха. Он очень интересный и не такой уж длинный.

«Что на юге и на сивире;
На восточной стороне;
Протекала речка славна Керженка;
Как на той речке Керженце;
Много было жителей;
Изо всех стран собиралися;
Невозбранно жити поселялися;
Пустыня была всем прибежище;
А ныне нам нет тоя убежища;
Первый был на сем месте;
Славный Оленейский скит;
И всеми тамо он был православный;
Православием был украшен;
Всем духовным благолепием;

У нас здесь были молебны;
Подобны они были раю;
Уряжены святыми иконами;
Украшены духовным пением;
Служба была ежедневная;
Молитва к Богу непрестанная!
У нас был звон удивительный;
Аки гром гремел;
Но у нас не было мест привольных;
В рощах птицы распевали;
Соловьи утешали;
Но Господь нас посещает;
Последния дни вси прикращает;
Во осьмом тясящном веку;
Триста шестидесят первом году;
Послал на нас Господь гнев свой;
Гнев и ярость, суд Божий;
Наших ради прегрешений;
Прогневался на нас Царь Небесный;
По Божию попущению!
А по царскому повелению;
В Нижний славный град;
Во Семеновский бедной уезд;
Собирались, соезжались;
Вси к нам не милостивии судии;
Прочитали они нам указ;
От молебных нам был отказ;
Вси часовни растворяли;
Храмы Божьи разоряли;
Царские двери снимали;
Все святыя иконы обирали;
Как жиды Христа вязали;
В Нижний град отсылали;
Вси плакали и рыдали;
Руце к Богу воздевали;
Но еще они нам предлагали;

И совет нам придавали;
Дабы и мы мест своих не лишались;
И церкви вси присовокуплялись;
Вам житье будет пространно;
Во един глас отвещали;
Не примем новые церкви;
Не нарушим свою веру;
Токмо мы вси ходим по воле;
Не имеем жизнь пространно;
Ради душевного спасения;
Наших ради прегрешений;
Прогневался на нас Царь Небесный;
Собирались вси девицы;
И младые клирошаки;
Все плакали и рыдали;
Руцы к Богу воздевали;
Оле, оле увы нам грешным;
По что мы на свет родились;
И откудо прииди на нас;
Такая не ожиданная напасть;
Мы тепере должны будем;
По чужим домам скитаться;
Мы теперь подобны будем;
Праотцу нашему Адаму;
Адам праотец из рая изгнан;
Ради вкушения;
А мы изгнани;
Своего ради прегрешения;
Увы прекрасныи наш раю;
Прелюбезныи и драги скиту;
Знать нам в тебе не бывати;
Святые службы не стояти;
Такия радости не видати;
Настал на нас час разлучения;
Умолкнуша глас духовного пения;
Везде слышан плач и рыдания;

Младыя со старыми разлучаются;
Кто нас старых припокоит;
Кто нас убогих пропитает;
Не своею волею разручаемся;
А по царскому повелению».

Этот стих мы, конечно, попросили Агафью спеть, и Лев Степанович записал стих на пленку.

Включил Агафье послушать. Она дивится чуду. Конечно, когда пела Агафья, она несколько волновалась, торопилась, порой не успевая вздохнуть — петь для публики ей, конечно, не приходилось. Она стеснялась своего голоса, нас стеснялась. Мы хорошо понимали ее. В суровой жизни и опасностях тайги ей было не до лирики. Лыковы пели практически только одни молитвы, порой читая их на распев. Стихи пели редко по праздникам, их большого количества у них не было.

Агафья обладает высоким сопрано, и если б она пела с малых лет на клиросе в церкви, пела бы она ещё лучше.

После того, как последний раз при Николае I разорили скиты старообрядцев по Керженцу, они разбрелись по всей Нижегородской земле, образовав множество нелегальных мелких монастырей. Многие ушли дальше в Сибирь, иные бежали на Ветку, прочие же покинули пределы России. Но Керженец на этом не погиб. Он остался главным пересыльным пунктом на пути в Сибирь. Не случайно все они здесь в Сибири считают себя «кержаками». Это слово я слышал на Каа-Хеме, Сизиме, Чадыралыге, и по всей Сибири.

В Нижегородском же крае, в Борском его районе и до настоящего времени существуют остатки когда-то большого женского монастыря в деревне Елесино. В этом монастыре жил даже епископ Кирилл (в миру Киприан Тимофеев) первый старообрядческий епископ всего Нижегородского края (в последствии митрополит Белокри-

ницкий, поставленный самим митрополитом Амвросием). Потом был епископ Гурий. После революции 1917 г. имя настоятельницы монастыря не афишировалось, его знали только инокини.

Моя мама еще в девочках часто гостила летом с сестрами в этом монастыре.

— Оставайтесь, девочки, у нас жить, мы вас будем кормить кашей-то масляной, — говорили им матушки.

Не могу не отметить, что мой прапрадед Иван Семенович Мухин — «неутомимый искатель истинной церкви» — как о нем писал журнал «Церковь» *(№ 34 за 1909 г. с. 1008)*. Им с товарищами перевезены с Керженца раскатанные бревна Оленейского скита в деревню Елесино, где и возродился монастырь вновь. Туда перешли и инокини вместе со знаменитой на Керженце игуменьей матушкой Маргаритой.

Но много воды в Волге с тех пор утекло. В 1930-е годы епископов не стало, инокинь разогнали, но, не смотря на все лишения и тяготы жизни, монастырь и доселе не погиб. Верно теперь в обители, которая занимает в деревне всего один дом, живет одна послушница Аполинария, соблюдая и храня его богатые традиции. Совсем недавно в Елесине жили еще несколько монахинь, была настоятельница матушка. Четверть века прошло с того, как мы ездили к ним в гости, помогали колоть и пилить дрова, копать картошку. Любезно они нас принимали.

Но я замечтался. Агафья с Эльвирой уже давно собрались. Надели резиновые сапоги и меня ждут. Идем смотреть ущелье Большого Абакана. Пойти туда не так-то просто. Прежде всего нужно форсировать Еринат. Он шириной всего метров сорок, а глубина всего по колено. Кажется все очень просто. Но, попробуй, перейди его. Взяв по длинной палке, опираясь на неё, полезли в воду. Женщины идут в сапогах, я же — босиком. Ноги скользят на гладких камнях. Под ногами бурлит и стремитель-

но куда-то мчится прозрачный хрустальный поток воды. От стремительного этого течения голова идет кругом. Мощное течение готово, кажется, подвинуть тебя, заливая по пах, и, кажется, ноги произвольно скользят уже вниз по течению. Пока опускаешь палку в воду, её сносит на полтора метра вниз по течению. Ощущение какое-то щекотливое. Поскользнись — накупаешься досыта в этой не совсем теплой воде, понесет тебя, и где остановишься — не знаю, обдерешься или намаешься, пожалуй. Не так-то просто выбраться из этой стремнины. Упасть здесь, помилуй Господи, дело опасное. Без палки реку не перейти.

Благополучно выбравшись на противоположный берег, идем каменным ложем Большого Абакана, который здесь такой же ширины, как и Еринат. Но какие же деревья он нагромоздил в завалах при высокой воде! Кедры огромной величины, навороченные штабелями, лежат друг на дружке. Порой потрепанные, разлохмаченные о камни, видно, далеко их несло, прежде чем сложить здесь в эти штабеля-завалы.

По песчаным косам видны следы волков, чаще кабагри и моралов. А сейчас надо опять переходить вброд, на сей раз — Большой Абакан. Удовольствие не очень приятное. Разуваюсь и вперед. Идем дремучей тайгой, собираем грибы и ягоды, которых здесь довольно много.

Но вот и горло ущелья. Агафья остается наверху, а мы спускаемся к самой воде, входя в ущелье, как в пещеру, над которым потолком служит небосвод. Здесь прохладно и сыро, царство вечного сумрака. Пробираясь краем, где не так глубоко, и выйдя из-под нависшего выступа, поднимая взор выше, где скалы страшной высоты, от которой захватывает дух, сходятся между собой в совсем узкий коридор. По ним кое-где местами, совершенно вертикально, каким-то чудом, цепляясь корнями за расщелины, не стоят, а висят в воздухе кедры, прижимаясь вплотную своими стволами к стене и ярко зеленея хвоей на фоне скалы из темного гранита.

О, Господи, дивна дела Твоя!

Вся премудростию сотворил еси!

Удивлению моему нет предела! Если поднять голову еще выше, увидишь узкую полоску далекого неба. Впереди слышен шум порога. Пробираясь к нему краем скалы по камням и выступам, я, конечно, накупался, прежде чем дошел до водопада, где хрусталь водного потока рассыпалась вдребезги и снова текла рекой, крутясь дальше. Красота!!!

Но с непривычки здесь как-то жутковато. Пора возвращаться. Эльвира, бегавшая сначала взад-вперед перед входом в ущелье, выбирая точку и хватаясь за голову от удивительной красоты и необычности пейзажа, уже лихорадочно ловила кистью уходящие краски заката и блики солнца на вершинах далеких скал.

Выжав брюки и портянки, пошел проведать Агафью. Собираем с ней ягоды. Но вот в обычный шум Большого Абакана стал вдруг врезаться какой-то новый звук. Он все нарастал и нарастал, пока я не понял, что это вертолет! Что делать? Он, по-видимому, сел на косу Еринаты, но через 15 минут поднялся снова, пролетел над нашими головами, развернулся и улетел опять на Еринат. Возможно, он прилетел за нами раньше намеченного срока? Маловероятно, что он ждет нас на Еринате? Откуда он такой добрый? Но удивительно и то, почему он не взлетает? Спешу к Эльвире. Та вся на нервах, такой закат, такие краски, мгла ущелья, а тут надо все бросить и бежать! Вот досада.

— Но почему, Эльвира Викторовна, вертолет разворачивался над нами? Очевидно, он прилетел дать нам сигнал? Только нас это не успокаивает. Быстро собираемся и идем обратно. Но придя домой, мы конечно не нашли никакого вертолета. Он давно улетел. Прилетел на нем лесной академик А. С. Исаев со свитой. Хотел познакомиться с Агафьей. Но гостей встречал только Лев Степанович Черепанов. Благо они знакомы. Встретились, поговорили,

да с этим и улетели несолоно хлебавши. Агафья-то была с нами в тайге. Только захватили двух туристов из группы Николая Павловича Смирнова, отпуск у них заканчивался и они спешили. Договорившись с летчиками и собрав в считанные минуты свои рюкзаки, улетели в Таштып. Матаковой же академик Исаев испортил всю «картину». Кроме того, привезли новые сведения и для нас, сообщив нам, что вертолета за нами не будет, и выбираться из тайги мы должны своими средствами, как хотим. Это, впрочем, мы и предполагали с Черепановым. Теперь до Каира пойдем пешком 30 км. По тайге без дорог. Интересно конечно, нужно же почувствовать, что это за штука такая — тайга! Но и заботы от этого прибавилось. Как пойдем?

Во время ужина у костра Агафья рассказала, что когда на Волковском участке дожидалась вертолет, чтобы прилететь на Еринат, начальник геолого-разведочной партии Сергей Петрович Черепанов *(однофамилец руководителя нашей экспедиции, в дальнейшем прошу не путать)* сказал ей: «Агафья, к тебе приехали в Таштып Лев Черепанов с архимандритом *(это Сергей Петрович меня так называл)*, садись в самолет и лети в Таштып, они там тебя ждут, их сюда не пускают». «Я его послушала, да и ушла в тайгу по ягоды», — сказала Агафья.

Какое-то недоброе чувство рождает у меня в душе этот Сергей Петрович Черепанов — начальник геопартии. Полети Агафья в Таштып, где ее ждет какой-то архимандрит, а нас бы в это время перебросили сюда на Еринат. Как бы тогда встретились? Сергей Петрович почему-то нам ставит палки в колеса. Очень даже не хотел он нашей встречи с Агафьей, потому что косвенно принимал участие в деле Тропина. По его команде, очевидно, нас держали в Таштыпе несколько дней. Но не суждено было сбыться его коварным планам, мы уже тогда летели к Агафье, а она, не послушав Сергея Петровича, осталась на Каире и пошла по ягоды в тайгу. Вокруг Агафьи здесь целая сеть интриг. Не сразу во всем и разберешься.

Сидим у костра, беседуем. И Лев Степанович спрашивает Агафью, не хочет ли она пойти в мир? На что Агафья отвечает ему словами пролога: «…Аще и звери обыдут тя, или случится в огне горети, или бесы тя начнут страшить, только не изыди из пустыни, все с радостию потерпи Бога ради. Аще же изыдеши из пустыни, бесы яко пленника тя сотворят».

Да. Тверда Агафья, в своем решении.

— Ушла бы дальше в пустыню, да земли нет. Боле куды? На Туве не советуют. Да и там не пустыня. Воздух плохой — задыхаюсь. Вера там неправильная! А в мир я не пойду! Хоть все богатства мира давай — не пойду.

Большой же силой духа она обладает!

Утро следующего дня — *15 августа*. Опять туман. Тучи висят прямо на верхушках деревьев. Какой-то сырой и пасмурный день. Заготавливаем дрова и веточный корм для коз. По 500 веников на козу заготавливает Агафья. Козы-то две, да еще козел, от которого, как известно, молока нет, но есть ему надо. Такое количество веников готовится потому, что в тайге под деревьями из-за недостатка света трава не растет. Негде накосить сена. Кругом дремучий лес, из-за недостатка света под покровом тайги трава не растет. Хорошо растет она только на грядках у Агафьи, где Агафья ее полет и сушит. Пользуется она еще сеном с верхней избы. Там на территории огорода у Агафьи сенокос. Оттуда за девять километров она зимой носит сено вязанками на себе. С санками там не пройти и не спуститься. Вот какие здесь сенокосные угодья. В Северу тоже есть сено, но оттуда его не справить совсем. Выполов грядку, Агафья спускается вниз с охапкой травы, раскладывая ее на жердях под кедром для просушки. Покончив с сеном, несет нам к обеду что-то в берестяном туеске. Оказывается горох в стручках. Удивительно добрая ее душа! Полна Агафья выдумки. Сегодня пост уже без всяких поблажек. Хорошо, что есть картошка, а то

чтоб я делал? Верно, на этот случай положила мне экономка владыки Матрена Яковлевна мешочек сухарей. Взял я их, поблагодаря. Сгодится, кто же ходит в тайгу без этого продукта. Легко, емко и сытно. Что называется с караваем и под елью рай. А если еще и с вкусной картошкой, тогда вообще нет никаких проблем.

Черепанову мой пост вообще не понятен.

— Вы, Александр Семенович, в тайге постами решили заниматься? Себя изводите?! Ног ведь не потащите!

— Не беспокойтесь, Лев Степанович, легче ходить буду. А как вы относитесь к таким словам Иоанна Златоуста?

«Пост — здравию мати, юности — вождь, старости — красота и доброта, пустынником — помощь…»

Или: пост — здравыми соделывает.

А что говорит народная мудрость: «Держи голову в холоде, живот в голоде, ноги в тепле». Никто с поста еще не умер. Какой же я буду личный представитель, как вы меня называете, старообрядческого Митрополита Московского и всея Руси, коль постов соблюдать не буду? Грош тогда мне цена. Закон для того и написан, чтоб его соблюдать. Митрополит меня от постов на время похода не освобождал. От Владыки таких поблажек не дождешься. Да и какая заслуга человеку, если он будет соблюдать пост, только лежа на печи?

— Скажите мне, а как же Лыковы посты соблюдали?

Пост для христианина — свят! Из-за уважения к этим старообрядцам и месту, на котором стоим, я и вам предлагаю соблюдать этот пост.

У нас сегодня гости. Эльвира пригласила к обеду Светлану с Ириной. Хорошо живем. Мало того, что едим чужую картошку, да еще и гостей скликаем. (Ирина и Светлана из отряда туристов, в котором Светлана играла роль походного врача).

— Ну, уж я постов соблюдать не буду! — заявил Лев Степанович.

— А я буду, — сказала Эльвира Викторовна.

Вот теперь у меня есть и спостницы.

— Напрасно вы, Лев Степанович, так считаете, что постов не соблюдать. Просто это все у вас еще впереди. Раз уж вы познакомились со старообрядцами и ими заинтересовались, они постам вас научат. Да и вы сами к этому придете.

— Не знаю, не знаю, вряд ли.

— Вот кто уж попостился в тайге, так это Лыковы! В Святом Писании, конечно, не пишется о том, что во время поста растворяются холестериновые бляшки на стенках кровеностных сосудов, увеличивается ток крови. Всем понятно, что веселее бежит кровь по жилочкам. Необходимо отметить, что по статистике самая продолжительная жизнь у монахов. «Обилие пищи лишает тонкости ума» (Сенека).

Агафья продолжает рассказ, как жили, как по тайге скитались: «Охотились тут за нами и выслеживали, как волков. Папенька с мамой рассказывали, как нас ловили и стреляли. Евдокима тогда убили, да и не его одного. Сама вспоминаю, жестокая была жизнь! Бывало, как посеем горох, огород посадим, сразу в тайгу уходили. Ели, что Бог послал: корень бадана ели, солому в ступе толкли, грибы, ягоды. Редко когда в ловчую яму попадала скотина (морал). Все оружие было — нож на черню (на палке). Тятя делал обутки из бересты, их носили! (Лаптей в Сибири не плетут, здесь нет лыка). Тяжело нам было. Следов нигде не оставляли, если столкнули камень ногой, то возвращались и поправляли его. По песчаным косам и у воды не ходили, а ходили только по камням. Горох хранили в чуманах из бересты, берегли от мышей на высоком колу.

И все это было, кажется, совсем недавно, когда Агафье шел пятнадцатый год, то есть в 1957 году. Даже не верится во все это. Все это уже эхо сталинской эпохи, когда люди продолжали охотиться на людей.

Поминая слова Святого Писания, что истинная церковь всегда гонима, не будем удивляться всему вышесказанному. Напротив того, далее эти гонения с каждым раз-

ом будут изощреннее и злее. Но не будем падать духом. По слову Спасителя, врата ада церкви не одолеют. Вот и сейчас наступило потепление в политике. Опять взошло солнце. И словно угольки из-под золы затеплились и загорелись христианские общины, вознося молитвы к Богу.

Светлана с Ириной принесли Агафье подарки, развязывая рюкзаки, собираются их вынуть:

Красный платок и высокие до колен, шерстяные носки — Джурабы. Все выполнено в национальном орнаменте хакасов. Светлана с Ириной привезли и свечи. Верно, из крашеного парафина – купили в никонианской церкви в Новосибирске. Я, видя их, только улыбнулся. Разве можно их было сравнить со свечами Митрополита? Конечно, нет. Но и эти свечи без сомнения тоже подарок. Какие им продали, такие они и купили. Откуда они могли знать, что дар Богу должен быть непорочен. И фальсификация из крашеного парафина перед иконой — вещь некрасивая. Настоящих свечей они, конечно же, не видали. Какие должны быть свечи, кто им объяснил? А сами они в духовном отношении люди не очень грамотные. И винить их в этом не стоит. Осуждать, конечно, их не надо. Старались они от души и их подарок, безусловно, тоже подарок.

Сейчас народ забыл многое из христианских истин. Устремился куда-то в неизвестность, увлекся ненужными и странными понятиями, вредными вопросами, построил атомную бомбу, отравил все вокруг, высушил моря, переделал землю. И теперь не знает, как выпутаться из этой каши, которую сам же заварил. В наш злой век народ забыл Бога, погрузился с головой в страсти и удовольствия, вырастил какое-то дикое поколение. И вот только сейчас начал, кажется, пробуждаться, словно пьяный с похмелья, потирая руками голову и с ужасом взирая вокруг себя, что вчера натворил. Беда наша. Куда катимся и когда остановимся?

А с чего все началось? Все началось, как ни странно, с церковной реформы XVII века. С того момента, когда из Москвы решили сделать третий Рим. Ради этого оставили православие и страх Божий — тот цемент, который все крепил. С того момента и началось падение Руси, и докатились мы вплоть до революции 1917 года.

Наши мысли прерывает Николай Павлович Смирнов, садясь на недоколотый чурбан березы возле новой поленницы дров.

— Пришел посмотреть завтрашнюю работу. Блаженство нашего отдыха кончается, денек поработаем, поможем Агафье и начнем строить плот.

Оговорив со Львом Степановичем предстоящую завтрашнюю работу, Николай Петрович рассказывает, какой дорогой он сюда приводит походные отряды вот уже восемь раз. Хочется отметить, что тем самым он проповедует христианство, и труд его весьма полезен.

— «Однажды, прочитав в «Комсомолке» статью В. Пескова «Таежный тупик», развернул карту и стал рассуждать, где можно здесь укрыться. Взвесив все варианты, решил, что лучше места, чем Еринат не найти. Сюда и пошел с целой группой ребят впервые в августе 1980 г. В походе просил внимательно отслеживать следы пребывания человека. Но никаких следов мы в первом походе не обнаружили. Разве что рогатина на медведя, приставленная к кедру. Толстая, здоровая, на конце рукояти поперечная опора, чтоб в землю не лезла, как зверь нажмет. Только она одна и выдавала присутствие здесь человека. Но где он? Тайга молчала. Нашел я Лыковых только на другой год. Ехали мы вначале от Абазы автобусом по дороге на Аквадуран. Сойдя на 101 км, шли к Телецкому озеру. Затем уже от него спустились по Сактыозеку сюда на Большой Абакан, пройдя весь этот путь по горам за 12 дней».

В стороне от нас Агафья собирается доить козу Белуху. Коза эта доится плохо, не дается и все время пролива-

ет у Агафьи молоко. То ли характер у нее такой строптивый, то ли болеет она? Вот и сейчас, взяв веревку, Агафья захлестывает козе задние копыта, свою ногу кладет между ними, прижимая веревку к земле, и только так доит. Мы уже Светлане говорили, чтоб она осмотрела козу, может быть она больна? Светлана Николаевна доктор. Но тут выясняется, что Светлана козу уже смотрела и нашла у нее на вымени опухоль. Ну вот, час от часу не легче. В современном мире, с его отравленной экологией, не знают, куда от опухолей деваться, а здесь в тайге все в первозданной чистоте и опять опухоли. Коза у Агафьи животное очень нужное. От Белухи прошлым годом было два козленка и оба они почему-то погибли. Но сейчас во время доения коза стоит спокойно. Не дергается. Очевидно, ей вымя больно не всегда.

За ужином у костра Эльвира Викторовна заводит с Агафьей речь о каком-то голубом озере. Просит ее проводить туда, чтоб написать картину. Лев Степанович мне когда-то говорил про это озеро, называл его «Агафьино озеро». Оно где-то здесь в тайге, говорят, очень красивое.

— Ну так поди завтро сходим, — отвечает ей Агафья, — после обеда.

До обеда Агафья молится Богу, топит печь, занимается другими хозяйственными делами и только после обеда она бывает несколько свободна. Но Матакова просит Агафью пойти туда раньше, она хочет писать озеро днем.

— Добре, добре. Пойдем раньше.

Агафья молится сегодня особенно долго, видно, выполняя и часть завтрашнего правила.

С Агафьей по тайге

К озеру мы пошли часов в девять. Перейдя Еринат с Абаканом, пошли от него на восток. Идем девственной тайгой, проваливаясь в мох чуть не по колено. Вся она разная, но при этом вся какая-то ощутимая, значительная. Есть тайга, где просто не пройти, есть места, где тайга спокойная, мирная. Но чувство это обманчиво. Она только кажется мирной, есть тайга, где и в трех метрах ничего не видно. Там и ружье бесполезно. Если на вас нападет зверь, вы даже и выстрелить не успеете. В такой чащебе вся надежда на нож, которого у меня нет. Да хоть бы и был, вряд ли я его успел бы применить. Есть тайга другая — там стоят рядом друг к другу огромные кедры. Там внизу полумрак и все покрыто пышным мхом, ходишь по нему, как по перине, и только клочок неба над головой. Вот в такую тайгу мы и пришли.

Справа от нас каменная осыпь, высотой в полторы тысячи метров. Вот зимой на санках съехать — костей не соберешь! У ее подножья лежат огромные глыбы дикого камня порой в десятки кубометров. Они скатились когда-то с этой кручи — «И падение их бысть с шумом». Наломали они тут дров.

По краю осыпи идет звериная тропа, которой мы и воспользовались. В тайге все ее жители ходят одной дорогой или точнее сказать тропой. В другом месте здесь не пройти. Тропа довольно торная. Тут и мы с Агафьей, и лось с маралом, и медведь. Да вот его когтистая лапа, и другая вдавленная в мох и свежий, мне кажется еще теплый помет. Хозяин где-то тут рядом. Кругом стоит полнейшая тишина, даже ветерок и тот не шумит в кронах кедров. Не слышно никаких птиц. По мху много черники и грибов. Мы их собираем. Зимой все сгодится, что летом уродится. Зима все съест.

Кедры-великаны, уже умершие лежат здесь покрытые мхом, часто поперек тропы и интересно отметить, что

над тропой кедр без мха, здесь перелезая или перепрыгивая через него сбивают мох с поваленного ствола.

Но вскоре мы сворачиваем с тропы, теперь приходится обходить поверженные великаны или карабкаться через них, а они в три обхвата. Подлезаем под них редко. Ствол падая, благодаря своей огромной тяжести, плотно ложится на грунт.

И везде здесь в тайге вас сопровождает чувство опасности. Вы здесь совершенно беззащитны, Другое дело, если с вами рядом бежит собачка, ружьишко, хоть какое, за плечами. Но наш Дружок с нами не пошел. Он остался лежать перед дверью на коврике. Бесполезная собака. Пустобрех. Конечно, хороший пес встречается не часто. Надо сказать, что это большая редкость — способная собака. Той не надо подсказывать, что делать в тайге, она сама все знает.

Совершенно неожиданно перед нами — озеро! Лежит словно в блюдечке каменной чаши. Сразу бросается в глаза его необычный бирюзовый цвет. Оказывается это отражение камня покрывающего его дно, а может быть неба, отражающегося в его воде. Впечатление такой ровной поверхности, словно каменной плиты бирюзового цвета. Бирюза такой чистоты, словно в колечке на девичьем пальчике. И все озеро имеет такой чистый изумрудный цвет. Вода стеклянная. Дно просматривается на большом расстоянии. То ли глубоко тут, то ли мелко? Берега покрыты валежником. Вокруг молодые кедры, белый мох и множество брусники. Природа вокруг озера совершенно особая. Обилие света, тепла и ласки какой-то от всего вокруг.

Мы с Агафьей собираем ягоды, а Эльвира Викторовна, укрепив этюдник на штативе, увлеченно работает. Не зря она сюда стремилась. Здесь все как в сказке, Великий Творец и Художник все краски положил идеально: темный лес, бирюза уходящего в даль озера, прозрачность его вод, в которых отражается лазурь голубого неба, блики яркого солнца на его зеркальной поверхности. Мшистые зеленые берега и тишина. Все здесь пора-

жает своей красотой и девственностью природы. Говорят, здесь в прошлый раз плавали утки, но сейчас был полный покой, что придавало озеру еще большую прелесть.

Хорошо нам здесь с Агафьей собирать бруснику. Сядешь на мох, словно в кресло, вокруг ягоды. Теплота, солнышко в упор. Красота, спокойствие и тишина.

Здесь сплошное нагромождение каких-то плоских камней, покрытых толстым слоем моха. Когда по ним ходишь, камни часто колышутся под ногами. Наваленные друг на друга и покрытые толстым слоем мха.

— Агафья, здесь наверно соболя много?

— Это самое соболиное место, здесь для него раздолье.

Под камнями бесчисленные пустоты, где обитают мелкие грызуны — основная пища соболя. Здесь он и гнезда свои строит. Врагов у него тут нет. Укрытий достаточно — проткнул мох и дом.

Сели отдыхать. Агафья увидела на кедрушке две шишки, взяв камень, подошла и ударила им несколько раз по стволу. Подобрав шишки, упавшие с дерева, протянула одну и сказала: «Это вот, Александр, твоей Людмиле».

— Спаси Христос, Агаша.

Давно меня мучил наболевший и злободневный вопрос:

— Агаша, а как ты все же живешь? Ни причастия у тебя,ни исповеди нет.

На что она ответила, совершенно меня удивив:

— С этим делом у меня все в порядке. Святые дары у меня есть, еще от прабабушки Вассы с Иргицкого монастыря, что был под Свердловском.

Новая задача! Что за монастырь «Иргицкий» был под Свердловском? Конечно я не могу знать всех монастырей, да еще тех, которые когда-то были, это естественно. Но меня смущает название монастыря «Иргизский» или, как она его произносит, — «Иргицкай». Потом я догадался, что она Саратов путает со Свердловском.

Сказала, что Святые Дары она возила с собой даже на Каа-Хем в Чадыралыг. Меня этим совсем ошеломила, мне теперь стало даже не до брусники.

— Агафья, а где же ты содержишь Святые Дары?

— Они у меня в маленьком, таком старом-старом бочоночке. Теперь уж Святых Даров у меня осталось немного.

— А как ты причащаешься?

— По чину в скитском покаянии, как подобает себя причащать.

Вот так да! Оказывается у Лыковых все соблюдено. Не предъявишь им никаких претензий. Все правильно. Далее Агафья говорит, рассуждая: «Мы знаем, что священство есть, и о нем молимся. За весь священнический и иноческий чин».

Она этими рассуждениями ясно говорит мне, что Лыковы не принадлежат к беспоповству в том самом виде, каком оно представляется. Но живя в длительной изоляции, не имея никакого, достаточно ясного понятия о церкви, вращаясь среди беспоповства, Агафья не лишена определенных беспоповских воззрений на ряд вопросов. И когда Лыковы уходили в тайгу навсегда, то знали, что им от мира ничего не надо, что все у них есть.

Тут, дорогой читатель, я должен сказать несколько слов о беспоповстве. Беспоповцы — это коренные старообрядцы, исторически оказавшиеся без священника, вследствие гонения на них. Вспомните слова Максимилы: «Истинное священство все погибло, и теперь это священство уже не восстановить».

Священники старого, дониконианского рукоположения не могли жить вечно и к концу 17 века их не стало. В отсутствие епископов (Павел Коломенский был замучен и сожжен, другие оказались в ереси, приняв никоновские новины) новое священство поставить никто не мог. И старообрядческая церковь осталась без духовного руководст-

ва. Поэтому беспоповство — это вынужденное, исторически сложившееся положение в старообрядчестве.

Под страхом смерти старобрядцы не имели возможности решить вопрос о священстве соборно и оказались все в беспоповстве. Людям стало не к кому идти на исповедь. Никто не причащал, не отпевал, не венчал. В этом духовном унынии проходили десятилетия, и всяк решал эту проблему по-своему. И беспоповство начинает укореняться не только в практической жизни, но и в сознании людей.

Оно принимается как норма. Хотя каждый и понимал, что эта норма ненормальная. А тем временем умирали люди и хоронили их без погребения, т. е. без ходатайства Церкви о спасении души человека. Молодые вступали в брак, а венчать их было некому. Следовательно, жили в блудном сожительстве или оставались вовсе в безбрачии. Тогда и собрались некоторые старообрядцы на первый свой собор в 1794 г. в Новгороде, где ввиду отсутствия священства брачное супружество было совершенно отвергнуто. Эти старообрядцы стали называться безбрачниками. Зовут их еще федосеевцами. Так как большим проповедником безбрачия был Феодосий Васильев. Федосеевцы создали в Москве в 1771 г. знаменитое Преображенское кладбище, возникшее одновременно с Рогожским. Отсутствие священства было явлением столь ненормальным в жизни, что породило вместе с некоторыми другими причинами понятие приближающегося конца мира. И поскольку брак было совершать некому, то и решили, что все христиане должны вести безбрачную жизнь. «Кстати, конец мира скоро, зачем же брачиться?» Но время шло, а конец света не наступал, безбрачное сожительство продолжалось, поэтому-то некоторые и пришли к выводу, что брак может совершать и мирянин. Этих старообрядцев стали называть беспоповцами-брачниками.

А как же все-таки совершался брак? Молодых все также благославляли родители, а мирянин (духовный лидер),

получивший позднее название наставника, всё это совершал. Клали начало, читали каноны Спасу, Богородице, Николе. Количество канонов и молитв зависело от усердия вступающих в брак. Это же пытался делать и Иван Тропин, принуждая Агафью к вступлению с ним в брак, заставляя встать перед иконами, зажигать свечу и молиться три поклона.

Интересно в беспоповце Спасово согласие, их еще называют нетовцами. Они не служат ни часов, ни вечерни, уповая только на самого Спаса. От остальных беспоповцев они отличаются тем, что не перекрещивают крещеных в никонианской церкви, принимая их с тем же крещением.

Перекрещиванцами в беспоповщине называют тех, кто вновь крестит, крещеных в никонианской церкви.

— Александр Семенович, а кто такие «дырники»?

— Это люди, доведенные как бы до отчаяния. Поскольку у старообрядцев сжигали книги, иконы, и даже иметь их в домах было не безопасно, поэтому старообрядцы молились, где придется. Делали в строениях окошечко, через которое было видно небо, и молились на него. Поэтому их и назвали «дырники».

В больших домах старообрядцев нередко были тайные моленные, вход в которые был замаскирован и посторонним не известен. В таких моленных мне удалось побывать. Среди множества чуланчиков, коридорчиков, проходов была эта дверь, ведущая в моленную. А иногда и западня — люк. В них не было окон, были глухие стены, часто под землей. В них и сохранилась древняя святыня до сего дня. В Музее архитектуры и быта Нижегородского Поволжья в Нижнем Новгороде есть большой двухэтажный дом старообрядца 17 века с моленной, в которую попасть можно через щель между капитальными стенами. В ней могло молиться человек пятнадцать — двадцать. Я как раз восстанавливал этот дом после его перевоза из Ковернинского района в музей.

— А кто такие «бегуны»?

— Тоже старообрядцы. Бегуны разделяются на две группы: первая ведет кочующий образ жизни, не имея ни жилья, ни собственности, ни другого имущества. Они постоянно в пути, переходя из одного места в другое, живут нелегально, отвергая государство, деньги, документы, ссылаясь, что на них печать антихриста. Вторые ведут оседлый образ жизни. Их дома служат пристанищем для первых и продовольственной базой. Толк этот сейчас отмирает.

Беспоповцы (и не только «бегуны») считают, что в мире уже правит антихрист. Это мнение сложилось под влиянием некоторых толкователей Священного Писания. Поэтому все связи с царством антихриста они считают невозможными. В Туве инокиня Максимила сказала, что они деньги не приемлют, пенсии не получают, а живут натуральным хозяйством. «У нас один только Абрам (Авраам) пенсию получает, так мы с ним не молимся».

Необходимо еще рассказать об общении старообрядцев с окружающим миром. Возможно, вы и сами хотели бы мне задать этот вопрос, но стесняетесь. Почему старообрядцы чужим людям ни попить, ни поесть из своей посуды не дают. Старообрядцы хорошо относятся к чужим, но не общаются с еретиками. Но еретики их окружают повсюду. Читаем церковный закон: «С нечестивыми ни есть, ни пить, ни к купе Богу молится, ни путьшествовать». Это написано в Новом завете. Но этого мало. Еще в древней иудейской церкви было то же самое. Псалтырь — яркий тому пример. Царь Давид Псалом 25: «Не седох с сонмом суетным и со законопреступными не вниду. Возненавидех церкви лукавнующих, и с нечестивыми не сяду. Умыю в неповинных руце мои, и обыду Олтарь Твой, Господи».

Люди же, не зная этого закона, старообрядцев осуждают. Давайте рассмотрим это положение. Почему так жестко поставлен вопрос в Законе по поводу общения с неверными? Какой в этом грех, что сижу я с кем-то

за столом и обедаю. Или иду с ним дорогой? Все дело в том, что при общении с еретиком он может научить вас своей ереси, и вы через это погибнете. Вдруг Вы человек слабый или не знаете закона? Тут и попадетесь на «удицу льщения» — (удочку обмана). Но если Вы человек грамотный, то идите и проповедуете. Но последнее было запрещено российскими законами. За это были заточение, кнут и дыба. Не многие шли и говорили, а потом умирали. Вот и отошли старообрядцы от мира совсем. И посуду свою не дают, не зная кому. Но они не злые. У них есть специальная чистая посуда для вас. Это сложилось исторически.

Поскольку священства у беспоповцев нет, у них нет и церковных таинств. Святых даров у них нет — они давно кончились. Новые же никто не может совершить. Беспоповцы постятся, готовясь к причащению, а потом встают и мысленно, обращаясь к Богу, «причащаются». Но от этого мысленного причащения на языке у них Тело Христово не появляется. И не потому конечно, что у Бога нет милости к ним, а потому что делают они все это неправильно. При наличии священства его отвергают, веря никонианской клевете, будто бы митрополит Амвросий, восстановивший церковную иерархию в России в 1846 г., поливательно крещен. Многие старообрядцы поверили этой клевете, поэтому старообрядчество и разделилось на несколько течений, чего и добивалась никонианская верхушка.

В правление Екатерины II, практически век спустя после Никона-патриарха, царица обратилась с манифестом к русскому народу, покинувшему страну, предложив всем старообрядцам вернуться в Россию, обещая им свободу. На призыв этот откликнулось множество старообрядцев, и народ повалил обратно в Россию. Всему этому люду были отведены по России различные места для жительства. В частности и по реке Иргизу — левому притоку Волги, что течет в Саратовской губернии, где вскоре появились новые слободы, монастыри, которых было

до сотни. Иргиз быстро приобрел большое значение и стал одним из центров старообрядчества.

В царствование Николая I, который решил расправиться со старообрядчеством, монастыри Иргиза были жестоко разогнаны. Прежде чем покинуть родные церкви, было освящено большое количество Святых Даров, которые и разобрали верные и надежные люди. Среди них была и прабабушка Агафьи Васса.

Здесь четко прослеживается материнская линия Лыковых, и точно определяется место проживания ее предков, которые когда-то бежали из России, жили за пределами своего отечества, затем вновь вернулись на родину, доверяя обещанию царицы. Когда же Николаем I все вновь были разогнаны, то ушли они сначала на Керженец (он протекает параллельно Иргизу), а затем дальше в Сибирь.

Кроме того все это доказывает, что Лыковы никогда не принадлежали к беспоповщине, по крайне мере их предки, но всегда к истинной Христовой Церкви. Интересно отметить и тот факт, что только у нас поют до настоящего времени Херувимскую песнь Иргизского распева — музыкальный шедевр, чье-то безымянное творение.

Однако время к обеду, и мы разводим два костра около самой воды. Агафья готовит себе обед в отдельной кастрюльке, костерок ее удален от нашего на четыре метра. В руках у нее появился небольшой узелок, развернув который она вынула трут и крецало. Два раза ударила по кремню крецалом, и вот уже в ее руках вьется дымок. Интересно, что я тоже два раза чиркнул спичкой, поджег бересту, но Агафья это сделала раньше. И тут меня, конечно, взял интерес, как это так ловко у Агафьи огонь разгорается? Попросил показать. Много я слышал про трут, он обычно растет на старых стволах в виде грибовидной массы, я даже срывал его и клал в дымарь, когда шел смотреть ульи пчел. Но зажигается он очень плохо. Его спичкой не подожжешь.

— Смотри, Александр, я тебя научу. Вот берешь маленький кусочек трута и кладешь его на кремень. Ударив крецалом, получаешь искру. Вот видишь, он уже горит.

Действительно, на труте появилась маленькая черная точка, которая быстро увеличивалась в размерах, от нее уже шел дымок… Огонек этот, несмотря на свою малость, не собирается тухнуть. Но как взять этот огонь? Для этого Агафья берет маленький уголек, в котором сделано небольшое углубление кончиком ножа. Кладет туда тлеющий трут и, покрыв его вторым угольком, раздувает огонек. Все предельно просто и на все эти операции ушло у нас не больше минуты. Не могу понять пословицы «Не выругавшись, огня не вырубишь, замка не отопрешь». «Не выругаешься, огня не вырубишь».

— Ну, теперь, Агафья, дай я сам попробую.

— На-ка, на-ка, попробуй.

Взяв трут и положив его на кремень, стучу крецалом, но толку нет. Оказалось, что трут я далеко держу от края. Агафья меня поправила. Вот теперь и у меня дымок. Что называется: «Ура, огонь добыт!»

— Но что это у тебя, Агафья, за трут такой? Он как вата.

— А его делают так: надо взять горшок и на дно положить золы, затем слой трута и опять слой золы, затем опять слой трута и опять золы. Словом слоями. Все это заливается горячей водой и ставится на печку в теплое место, где и стоит сорок дней. Потом трут сушат, и он становится вот такой, готовый к употреблению.

— Все ясно!

Но пока мы тут разбирались с огнем, на костре у Агафьи уже кипит в ее кружке картошка. Вот скорость!

Удивительная приспособленность к жизни.

У нас же с Эльвирой полная противоположность. Посуды мы никакой не взяли и печем картошку в золе. Агафья уже поела, а у нас и картошка сырая. Просто даже неудобно. Ну какой тут обед? Одна картошина сгорела, другая — сырая, так голодные мы и остались.

— Хочешь, Александр, моих сухарей? На, попробуй, поешь. Насыпает мне горсть и Эльвире тоже. Опять мы нахлебники.

Должен вам сказать, что сухари эти — сурово ястие! Жаль, что Вам нельзя их попробовать, уважаемый читатель. Я их просто так есть не мог. Сел у воды и черпал ложкой воду из озера. Тут я был на высоте, ложку с собой прихватил. Такой хлеб мы в войну, помню, ели. Сухари эти были как раз такими, и сколько их не верти на зубах, они не размыкали.

Выпекаемый Агафьей хлеб состоит из муки и картошки пополам. Всегда ли он у нее такой, спросить не решился. Наверно бывало и похуже.

После обеда Эльвира Викторовна закончила свой этюд, и я спросил ее: «Как будет называться картина»?

— «Агафьино озеро» или «Бирюзовое озеро».

После чего мы отправились собирать чернику. Для этого нужно подняться только из чаши озера и сразу все изменяется. После яркого солнца мы вступаем в полумрак тайги с огромными кедрами и ковром под ногами из пышного мха. Здесь уже и другой животный мир. И если там господство соболя, то тут — медведя. Верно, черники много и грибов: сыроежки и моховики. Агафья сыроежки зовет груздями и их сушит в русской печи.

— Зачем же ты их сушишь, Агаша, их же солят?

— Мне профессор Назаров сказал, что много соли мне нельзя. Грибы собираем в кучки, некуда класть. Я вспоминаю, что Лыковы не употребляли соли, так как ее у них не было. И только когда к ним пришли люди, с тех пор без соли ничего есть не могли. Очевидно, поэтому Агафья и сушит сыроежки. Очень даже может быть, что с солеными грибами она и не знакома совсем.

Собирая ягоды, я набрел на чью-то лежку. Мох был примят каким-то небольшим животным. Здесь же был и мелкими горошками помет. Агафья, поди сюда. Что это за лежка?

— Да кабарожки (маленького оленя) лежка.

Вот уж никак не думал, что в этом страшном лесу живет еще и кабарожка. Значит, у нее близко здесь есть отстой — такое место, где она спасается от волков, взбегая для этого на неприступную для зверей высоту и стоит там часто на пятачке, как изваяние, пока волки не уйдут. Около отстоя кабарга и живет. Отстоем этим очевидно являются те огромные камни, что скатились с кручи вниз.

А вот под корнями кедра вырыта большая яма. Кто ее копал и зачем, не знаю. Да кому кроме медведя здесь копать? Он рыл. Возможно это его недорытая берлога, или он кого-то здесь доставал из норы, чтобы съесть. Поди тут, разберись.

Неожиданно для нас стал накрапывать дождь. Здесь под пологом тайги мы и не заметили, что давно пропало солнце и вот уже идет настоящий дождь. В лесу сразу стало сыро, скучно и неприятно. Мы с Эльвирой сразу съежились и скисли. Одна только Агафья собирает дары тайги все также спокойно, словно дождь ее и не кропил. Летом в тайге всего полно: грибов и ягод. «Всяк к Тебе чают, дати пищу им во благовремя. Давшу Тебе им соберут. Отверзшу Тебе руку всяческая исполнятся благости» (Псалтырь. 103: 27–28).

Набрали всего довольно, как понесем, — не знаем. Ни корзины, ничего нет. Ну, думал снять свою куртку и в нее завернуть грибы. Но Агафья устроила себе рюкзак очень быстро. Подойдя к поваленному кедру, быстро сняла с него кору, стянув ее двумя веревками, загнула края коры так, что получился короб, в который мы и сложили грибы. Я предложил Агафье донести его до дома, на что и получил разрешение. На трех лямках у меня за плечами весь грибной урожай. Ну, Агаша, теперь у тебя всякого нета запасено с лета. Она улыбается. Надо отметить, что Агафья улыбается редко. Пошли к реке, с трудом пробираясь между поваленными кедрами. И только выбравшись на звериную тропу, облегченно вздохнули. Пришли домой уже под вечер.

Пока мы были в тайге, Лев Степанович вместе с отрядом туристов готовил дрова и строевой лес для строительства сеней. Спилили несколько берез, распилив их на чурки, свалили и пошкурили пихты для просушки. Агафье предстоит построить из них сени к избе.

Завтра нам надо колоть и пилить дрова, вязать веники из этих спиленных берез, одним словом, работы тьма. Ну а сейчас пора и поужинать. Лев Степанович все уже сварил, только нас дожидался. Но не успели мы поесть, как пошел дождь, который всех нас, вместе с туристами, загнал в маленькую избушку. Здесь же была и Агафья. Но все-то всё равно не убрались, и часть мужиков стояли под навесом у двери. В крошечной избушке было темно и тесно, и тут Лев Степанович предложил послушать записи церковного знаменного пения.

Отправляясь к Агафье, я взял в митрополии маленький батарейный магнитофон какой-то японской марки, что купили нам наши гости с Аляски, когда приезжали к нам на тысячелетие. Ох уж и надоел мне этот магнитофон в походе по тайге. Но я его тщательно берег и хранил везде, надеясь, что с его помощью удастся познакомить Агафью с церковной службой и пением. На пленке записи праздника Успения Пресвятыя Богородицы, записанные в Нижнем Новгороде, а также духовный концерт на празднике 1000-летия Крещения Руси, записанный в Покровском Кафедральном Соборе, что в Москве на Рогожском.

Сейчас самый подходящий момент для включения записи. И с нажатием клавиши храмина наша наполнилось прекрасным пением мощных старообрядческих хоров. Это было так неожиданно для всех, что все удивились, а потом сказали: «Почему же мы не слушали это пение до сих пор»? Особенно большое впечатление произвело пение «Отче наш» в исполнении Нижегородского мужского хора. Как огромная мощная лавина, обрушившаяся на нас и наполнившая наше убогое жилище до отказа. Зву-

ки эти мощны и плавны, вздыбливаясь морозом, бежали по коже спины. Слитые эти мужские голоса воспринимались как какая-то незыблемая твердыня, гора, как несокрушимая сила огромной волны, ударившая в утес и рассыпающаяся на тысячи брызг для того, чтоб через минуту ударить снова и снова, с еще большей силой. Вот оно, настоящее искусство! А хор выводил унисоном мелодию мощно и плавно и, кажется, нельзя было остановить это движение никакими силами.

Ах, музыка! Какой же надо было иметь талант тому безвестному распевщику, имя которого потеряно давно в веках. Воистину только божественным вдохновением можно создать такое!

А теноры все взмывали вверх на фоне рокота басов, оттягивающих звук где-то глубоко внизу. Ничего подобного я доселе не слышал, хотя и на концерте пел. Это был настоящий шедевр «Отче наш» Демевственного распева, после которого, кажется, ничего уже не может восприниматься. Не довёл Господь почему-то услышать это Максимиле.

Наступившую тишину прерывает голос отца Леонтия Пименова, объявляющего следующий номер. И снова шедевр, и опять, и опять. А дальше женский хор из села Стрельникова Костромской области. Не слушать его было нельзя. Нежные и чистые мелодии переливались и журчали ручейками. И странно мне: сам я там сидел и слушал, но все воспринималось словно впервые. Ах, древнецерковное пение, что может быть лучше тебя?! И тут Агафья говорит: «Пойдемте-ка в мою избу, и там будем слушать».

Кончилось это тем, что туристы попросили меня рассказать про старообрядчество у них в лагере сегодня после ужина.

Беседы у костра

Киx вечернему костру мы все и отправились. Лагерь их находился в трехстах метрах под Агафьиным лабазом. Пока ужинают ребята, я постараюсь рассказать про Агафьин лабаз. Это сооружение, довольно инженерное, устроено по всем правилам плотнического искусства, со всеми врубками. Собой представляет маленькую избеночку 5–6 м^2. Стоит она на высоких двух столбах пихты. Вершины у них спилены на высоте метров 7–8 от земли. Поперек между стволами деревьев, остроганных до гладкого состояния для того, чтоб по нему не поднимались мыши, закреплена на клиньях и врубках поперечная деревянная балка, на которой постлан пол из плах. По периметру пола срублены стены из круглого леса. Поверх перекрытие из рубленых плах, схваченных поверх лежащими лежнями, связанными меж собой. Такая же крыша из кедровых желобов, также закрепленных верхними лежнями. Все это завязано между собой накрепко. Все здесь на прочность проверяет медведь. Вход в этот дом на журавлиных ногах осуществляется по приставной лестнице, которая каждый раз убирается. Сколько же надо было проявить здесь смекалки, уменья и труда, чтоб выстроить этот неприступный лабаз? Трудно поверить, что все это сделала одна женщина и даже без чьей-либо помощи. Не понятен остается вопрос, как Агафья втаскивала на эту высоту тяжелые бревна?

— Агаша? А как ты втаскивала туда бревна-то?

— Очень просто. По наклонным жердям веревкой.

Вот как оказывается просто.

Но скромный ужин команды Николая Павловича подходит к концу. Пора мне начинать доклад о старообрядчестве. Меня уже приглашают к костру, как на сцену. Весь доклад у меня занял часа два. Уж было за полночь и довольно прохладно, но уходить спать никто не хотел.

— Александр Семенович, а почему же мы ни разу не слышали этого пения нигде. Оно до сих пор звучит в наших ушах.

Древнецерковное пение это совершенно другая музыка, она сейчас только у старообрядцев. Только они сохранили его в первозданном виде. В наших книгах мелодии записаны особыми нотами — крюками или знаменами от слова знамя. Если заглянуть в словарь, то там слово знамя содержит два понятия: «Содержания и Смысла». Например: Знамя Страны — честь и достоинство Родины. В церковных же певческих книгах знамя содержит молитву и музыку. Эти ноты были на Руси в употреблении до 17 века. Потом никонианская церковь решила переложить знамёна на западные линейные ноты и пение, но переложить крюки на линейную натацию нельзя, не искалечив мелодию. Вот поэтому вы никогда это пение и не слышали. Изучая наше средневековое музыкальное наследие, Д. С. Лихачёв метко сказал, что много лет древнерусская культура объявлялась «культурой великого молчания». Крюки забыли и сейчас поют по ним только старообрядцы, которые не стремились к переменам. Люди посмотрят на эти нотные знаки и пугаются, а самое интересное то, что петь по крюкам гораздо проще, чем по нотам.

За перевод нотации знаменного пения взялся большой ученый и музыковед Максим Викторович Бражников, положивший все свои силы на восстановление музыки древней Руси, на открытие ее молчаливой древней культуры. В конце своей жизни он написал: «Я отдал этому делу всю свою жизнь до конца. Но правда о церковном знаменном пении еще не сказана». А можно ли сказать правду? Возможно ли это? Впоследствии скажет он и о том, что просто так переложить крюки на современные ноты нельзя. Нельзя передать всех условностей знамен, подставив вместо крюка, заменяющую его ноту.

По-моему, им же — М. В. Бражниковым — приведен пример восприятия крюковой и нотной записи мелодий, как бы в сравнении двух картин: когда одна выполнена в мозаике — это будет звучание крюковой записи, а другая картина выполнена маслом — это будет расшифровка знаменной мелодии, написанная современными нотами. Вы, конечно, прекрасно понимаете, что мозаика гораздо богаче масляного полотна, я имею в виду настоящую мозаику. Переложили крюки на линейные ноты. Разослали новые книги по церквям, а старые изъяли. Возможно, за малым исключением уничтожили. Но после этого пение в церквях начало умирать. И, несмотря на то, что Синод настоятельно требовал пения по нотам, церковное пение стало умирать и умерло окончательно. По линейным нотам петь никто не хотел, и слушать такое пение тоже никто не хотел. Но поскольку без пения служба в церкви не совершается, стали петь богослужебные песнопения на мелодии русских песен или романсов. А также творения различных композиторов, удачные и неудачные. Для наведения порядка в этом вопросе в XVIII был издан указ полиции: «следить за тем, чтобы в церквях пение исполнялось только по музыке Бортнянского или другая по его согласию». И тогда П. И. Чайковский в частном письме писал: «С тех пор, куда бы вы ни пришли, везде унылый Бортнянский …От столицы до деревни раздается слащавый стиль Бортнянского и, увы! — нравится публике». Да потому, что другого публика и не слышала.

Надо сказать, что Бортнянский был в церковном пении человек случайный. Композитор, учившийся в Италии 10 лет. После возвращения в Россию его поставили директором капеллы (бывший царский хор). Бортнянский внес в церковное пение много светской музыки.

Старообрядцев же всегда гнали или в лучшем случае их игнорировали. И как же расправились с музыкальной культурой древней Руси?

Бортнянский — христианский композитор, писавший духовную музыку, но, увы, он не был Бахом. За Бортнянским шли другие рачители, коверкая и ломая то гениальное, высоту которого они не могли понять своим умом. И были забыты великие музыкальные творения, веками слагавшиеся творцами-распевщиками через нашествие на них Святого Духа. Эти шедевры унисонного знаменного распева, достигшие вершины высшего проявления творческого искусства ангелоподобного пения (как вы выразились, стоявшего до сих пор у Вас в ушах). Не могли они быть забыты! Сохраненные старообрядцами, они заговорили вновь с еще большей силой!

«А до чего же дошла со своими реформами Никонианская церковь?» — спросите Вы. Дошла до печальных вещей: Богородичен поют на мотив: «Сухой бы я корочкой питался», на Сугубой эктении — мелодия песни: «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке, сизый селезень плывет», следующая эктения — мотивчик польской колядки. На евхаристии — сердце литургии — вальсовый напев романса о пожаре Москвы в 1812 году, а пасхальный канон — «Барыня ты моя, сударыня!». И когда возмущенные прихожане выражают откровенное негодование плясовыми мелодиями в церкви, смущенный регент говорит, что другой мелодии у него нет, что и царь Давид «скакаше играя» и прочее. Срам и говорить об этом!

Никониане, конечно, понимают, что зашли в тупик и, лучшие из них находят в себе силы как-то из него выбираться. Возвращаются к древнему пению, переводя крюки на современные ноты.

Был я на празднике Славянской Письменности и Культуры в Великом Новгороде в 1988 г. Там пел патриарший хор, исполняя песнопения знаменного распева. Все эти песнопения мне были хорошо знакомы. Пелись по расшифровке крюковых знамен Бражниковым, но как же далеки они были от совершенства! Я-то их хорошо знаю. Эти же царапали мне душу, словно рот нестроганная ложка.

Все было брак! Публика конечно рукоплескала. Понять ее можно. Она наголодалась и ей не до тонкости, тем более что она никогда и не слыхала ничего подобного. Я же тогда на концерте сказал им, что, несмотря на все старания хора и профессионализм певцов, пение весьма посредственное, от которого молитвенного и душевного удовольствия не получишь и оно не сравнимо с клиросным церковным пением в Нижнем Новгороде.

В январе 1989 г. на заключительном концерте Первого московского фестиваля духовной музыки в Колонном зале дома Союзов выступали лучшие хоровые коллективы страны, но это древнее пение не получилось. К исполнению кого не придерешься, так это к академической капелле под управлением А. А. Юрлова. Фирма «Мелодия» выпустила целую пластинку с записью стихеры «Царь небесный» в её исполнении. Все там спето безукоризненно. Только великому Юрлову оказалось это под силу. Все исполнено в высшей степени точно! Я как-то спросил своего брата, Георгия Павловича Муратова, профессора Горьковской консерватории по классу хора, Заслуженного деятеля искусств РСФСР, почему удалось Юрлову спеть «Царь небесный» по нотам, но совершенно безукоризненно, хотя другие этого сделать не могут? «А потому, — ответил он, — что Юрлов пел стихеру не по нотам, а по слуху». Пожалуй, только слишком растянуты слова, но как я понял, растянуты специально, чтоб непонятен был текст песнопения. Тогда, во времена Никиты Хрущева, открывшего гонения на церковь пропаганда церковных песнопений не приветствовалась, и пластинка эта — подвиг Юрлова. Не так просто она ему досталась. Жаль не дожил он до наших дней; теперь капелла носит его имя. В мелодии допущена всего одна ошибка, но ошибка эта принадлежит М. В. Бражникову — профессору Ленинградской духовной Академии. Переводя крюки на ноты, Бражников не учел особенности одного из крюков в восьмом гласе. Там он исполняется необычно.

Александр Семенович, а почему Хрущев открыл гонения на Церковь?

— О! Это интересный вопрос! Как вам известно, Никита Сергеевич провозгласил свои «великие» слова: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!» А тут, оказывается, существует еще Церковь, с которой надо было срочно кончать! Он — Хрущев — только в нашей старообрядческой церкви закрыл более 50-ти приходов. Коммунизм, как известно он не создал, а вот над Церковию поизмывался. Но минули те времена!

Впервые старообрядцы продемонстрировали свое пение только в 1982 году, когда музыкальной общественностью был приглашен в Москву церковный хор из села Стрельникова Костромской области. Выступив в концертном зале консерватории им. П. И. Чайковского, сделали сенсацию в музыкальном мире столицы. И как тогда писал журнал «Советская Музыка»: «Мы бьемся, расшифровываем, переводим крюковую нотацию, а здесь все готово! Живое пение!…»

Тогда Стрельниковский хор дал несколько концертов, на которых имел большой успех. Вы понимаете, ребята, так уж сложилось, что все самое лучшее в мире человек отдал Богу. Вот вы видели прекрасные произведения архитектуры, живописи, иконописи, скульптуры, литературы… С этим мы как-то знакомы, а вот музыка, особенно крюковая, унисонного пения — молчит! Мы ее не слышим, и не только не слышим, но даже и не подозреваем о ее шедеврах. В наших музеях, до недавнего времени, крюковые рукописи сваливались в кучи и сжигались. А что было с ними в XVIII веке? Когда они практически были запрещены. Какими же трудами многих старообрядцев они дошли до нас?! Мои предки за эти книги отдавали свои жизни.

Костер догорал, от него уже оставалась только куча красных углей, мерцающих в темноте ночи, но никто

не расходился. Было интересно поглядеть на луну, которая вот-вот должна была показаться из-за горы.

Она, наконец, достигла края и выглянула из-за горы, осветив нас ярким светом. Было видно, как она движется, увеличиваясь в размерах. Вначале луна смотрела на нас одними своими «глазищами», но затем вся яркая взошла над скалой и, оторвавшись от нее, повиснув на небосводе, вдруг стала похожа на яркий колобок, катящийся по крутому склону вниз. Ночная красавица! Какая вдруг сказка открылась перед нами в ярком свете ночного светила. Мы даже не подозревали, что кругом все так прекрасно. Черный лес тайги сейчас же осветился ее фосфорическим светом, и между деревьев легли голубые тени. Белоснежный под луной пенный Еринат, шумел в нескольких метрах от нас, контрастно выделяясь на фоне черной горы. Освещенный же ее южный склон, покрытый тайгой, приобрел какой-то серебристо-голубоватый цвет. Ничто не нарушало покоя тайги. Была удивительная тишина. Никто не разговаривал, все были очарованы этим сказочным видением лунной ночи. Костер наш давно догорел, и куча красных углей покрылась слоем пепла…

Когда мы шли с Черепановым спать, то Лев Степанович сказал мне, что беседа прошла удачно. Вам, Александр Семенович, нужно почаще выступать перед публикой на эту тему. Его слова меня весьма удивили. Я-то думал, что он меня начнет критиковать, скажет, что нет у меня никакой системы, что я прыгаю от события к событию. А тут вдруг такой совет.

Утром *17-го августа*.

Команда Николая Павловича Смирнова начала строительство плота. На нем и мы с туристами собираемся сплавиться до Каира. Как это должно быть, будет интересно на плоту по бурлящей реке! Это просто удача! Не будь туристов-то, не знаю, как бы мы прошли этот путь по тайге в 30 км без дороги.

Мы же все втроем вяжем веники с вчерашних берез. Их надо всего-то полторы тысячи штук! Прошлой зимой Агафье привезли прессованного сена и несколько мешков комбикорма (один председатель подарил). А в этом году будет ли оно — неизвестно. Агафья полет огород и траву эту сушит.

Весело у Агафьи на дворе. Идет работа, пасутся козы, поет петушок. Курица снесла яйцо – шуму от ее кудахтанья на всю округу. А вот появись здесь соболь, он бы разделался с петушком в мгновение ока. У проходящей мимо Агафьи с охапкой травы, я поинтересовался:

— Не приходилось ли тебе, Агаша, держать ручного горностая?

— Как же? Прикармливали. Горностая и соболя. Горностай-то ничего, а вот соболь, этот не друг! Стояла у нас кадка с сушеной рыбой, так он прогрыз дно и за одну ночь всю рыбу из кадки по тайге растаскал. Вот он какой, соболь-то.

Да я тоже слышал, что соболь — страшный хищник. Если бы волк имел такой характер, тут всем была бы смерть! Удивительный у этого соболя нрав. Недавно читал в газете, что партию соболей перевозили на самолете в новый район обитания. Так они прогрызли клетку и, увидев внизу свою родную тайгу, все выпрыгнули с самолета, несмотря на огромную высоту. Вот что это за зверь.

В обед приходит к нам Агафья, неся зеленого лука из огорода прямо с грядки. Я знаю, картошка Лыковых по достоинству оценена и чуть ли не является драгоценной, а вот лук наши ботаники еще не рассматривали в микроскопы, не раскладывали его на составные части. Очевидно он тоже что-то стоит. Я думаю, что науке нужно внимательно разглядеть всякий овощ и злак в Агафьином огороде. Наверное, они нас всех еще удивят.

Строительство плота

В это время к нашему столу приходит Светлана Николаевна, и мы ее приглашаем разделить с нами трапезу. Она садится и Лев Степанович, накладывая ей в ковшик вареную картошку, спрашивает, успешно ли у них идет строительство плота? Светлана Николаевна почему-то сегодня не очень разговорчивая и молчит, отделавшись общими фразами. Но нас, конечно, это не устраивает, и мы настаиваем. Тогда Светлана неожиданно говорит, что с плотом ничего не получается! Вот те раз!

— Как это так? Почему?

— У нас вот какая неприятность — не держат гондолы воздух. Они оказались худые. Вот так новость!

— Их нам принесли перед самым нашим походом. Они совсем новые и проверить мы их не успели. Качество же склейки оказалось очень плохим. Это бы ничего, но Андрей, улетевший в прошлый раз на вертолете, увез в своем рюкзаке и клей в Москву. Вот беда!

Андрей нам встретился в тайге на восьмой день нашего пути. Он оторвался от своей группы и, можно сказать, почти заблудился, шел совсем в противоположную сторону. Тогда Сергей Павлович предложил ему пойти с нами, на что он и согласился. Но отпуск у него кончился, поэтому, когда 14 числа прилетел сюда вертолет из Красноярска, Андрей воспользовался этим и вместе с Сергеем (тоже москвичом) улетел. Была такая спешка. Времени на сбор было всего 5–10 минут. Быстро собрали им рюкзаки. На следующий день обнаружили Сережину кепку, с которой он не расставался весь поход, и его же рукавицы-верхонки. И с большой досадой вспомнили, что клей остался у него в рюкзаке! Что теперь делать?!

За столом тягостное молчание прерывает Лев Степанович.

— А я вас выручу. Тюбика клея «Момент» вам наверное вполне хватит. С этими словами он отправляет-

ся в избушку и приносит оттуда драгоценный тюбик клея «Момент», любезно оставленный кем-то из охотников на полочке у окна. Нет худа без добра. Господь, ведая бесовские козни, задолго позаботился о нашем благополучии.

Светлана, обрадованная такой удачей, убежала в лагерь. Не знаю, хватит ли им этого тюбика, хоть он и большой. Но будем надеяться на милость Божию. После обеда я пошел к туристам посмотреть, как идут у них дела. Мужики клеили эти злополучные гондолы из тонкой прорезиненной ткани, красивой ярко-зеленой окраски. Лицевая сторона ее ярко искрилась на солнце словно шелковая. Изнанка же покрыта тонким слоем резины.

— Где это вы такую прелесть достали? Ее жаль даже на гондолы тратить.

— Из Японии, Семеныч, откуда же еще?

— Вам хорошо, она у вас тут, Япония-то, рядом. Красивая вещь. Ну а как с гондолами? Есть ли надежда, что их удастся склеить?

— Думаем, что сделаем.

Одна гондола уже готова и лежит в стороне. Длиной она была метров пять и диаметром 70–80 см. На каждую гондолу уходит почти по десять квадратных метров полотна, а на 5 гондол — пятьдесят метров. Дорогой же получается плот! Около надутой гондолы хлопотали Светлана с Ириной, зашивая ее в мешковину для того, чтоб во время сплава не повредить о камни и коряги.

— Ну, ребята, вся надежда на вас! Желаю удачи!

Тут они меня в шутку куда-то послали.

Придя на Агафьин двор и отчитавшись Черепанову, как идут дела по строительству судна, сели мы с ним пить чай из веточек черной смородины. Как же вкусен таежный чай! Агафья его предпочитает всем напиткам. Она знает и заваривает много трав, даже пихту. Этими отварами и лечится. Да вот она и сама идет к нам. Я давно хотел ее просить подарить мне для нашего старо-

обрядческого музея ненужные ей в хозяйстве старые вещи. Вот, например, эта большая расколотая ложка, которая все равно не годна в дальнейшем употреблении.

— Возьми, Александр, можно. Давно, я ее делала.

— Ты делала? Да ты оказывается большая мастерица.

Смущенная похвалой Агафья уходит домой.

— А вот ты, Александр Семенович, не знаешь даже, что Агафья не только ложки может резать. Она режет даже иконы. Вот тот образ святителя Николы, что у нее в келье стоит, медный, так точная копия его в размер, но деревянный есть в верхней избе. Их даже не различишь! Как-нибудь я тебе покажу фотографию, только ты запомни лик Николы на медном образе.

А какие нательные кресты она режет. Знаешь? Из кедрового сучка. Твердые, темно-коричневые, смоляные с распятым Христом, а на обороте молитва написана. Тоже вырезана: Да воскреснет Бог… Вот понял!? А инструмент — простой нож! У нее большой талант! Вот что надо в музей-то.

— Что вы говорите, Лев Степанович? Хорошо бы посмотреть, но спрашивать об этом конечно неудобно. Она и рисует наверно не хуже Эльвиры.

Приходит Агафья, вновь неся старую берестяную посуду.

— Вот ведро по воду ходить, квашня. Все это когда-то мной сработано, сейчас уж старое. Ведро возьми, а квашня мне еще послужит.

— Спаси Христос, Агаша. А вот нет ли у тебя берестяной обутки, что отец сработал?

— Так уж нет, ее сожгли давно.

— Вот жаль.

Стоящая для музея вещь. Я ее только у Николая Пролецкого видел. Ведь недавно он их фотографировал.

— Как же так, Агаша? Отец столько труда в них вложил? И такие обутки — в печку! Да это просто преступление!

— Так ведь они уже не годились. Куды их?

Карп Осипович делал обутки из бересты, прошивая их нитками и ремешками, да деревянными гвоздиками приколачивал. Получались они как галоши — «чуни». Все Лыковы их носили, так как лаптей в Сибири не плетут, как на Волге. Здесь не растет липа, и лыко не надерешь. И как говориться: «Не запасешься лыком — ходить в ошметках».

Агафьин огород

Убрав подаренные вещи в свой рюкзак в избенке, я попросил Агафью показать мне еще её огород. И полезли мы в эту крутую гору, где растет картошка, пшеница с рожью и овес с коноплей, да к тому же и овощ всякий, но тот ближе к избе. И можно было наблюдать, что огород Агафья показывала мне с желанием. Уж очень аккуратно здесь росла картошка. Каждая борозда на своем ярусе — террасе. И верх ботвы нижнего ряда приходился на основание корней верхнего ряда. Такая крутая здесь гора под 45°. Возделывать такой огород очень трудно. Здесь каждая грядка картошки на полметра выше предыдущего ряда.

— Агаша, а как же ты садишь картошку на такой круче?

— Очень просто. Сажу снизу вверх, а копаю сверху вниз. Спускаю картошку вниз по натянутой веревке.

Оказывается все гениальное — просто, вплоть до подвесной канатной дороги. Когда по натянутой веревке корзина с картошкой свободно скользит вплоть до самой избы. Ну, молодец! Конечно, когда потаскаешься в эту гору — многому научишься. В страду же уборки урожая времени нет, дорога каждая минута, поэтому механизация ручных процессов на Агафьином огороде крайне необходима.

— А вот на тропе, видишь, «загад» растет? Эту траву с «потничником» в сапогах носят вместо портянок. Да вот и «потничник». Своим видом трава напоминала мелкую

осоку. Но я не придал особого значения этим травам. Они меня как-то не интересовали. Ну, трава и трава. Только потом мне пришлось познакомиться с этими травами очень даже досконально.

— Слышишь, Александр, рябчик свистит? Они вот тут в завале.

Я слышу свист, но, по-моему, где-то далеко в тайге. Агафья же уверенно направляется к завалу, отделяющему огород от тайги. Я иду за ней следом без особой уверенности в успехе. Но подойдя к завалу, мы видим взлетевших рябчиков. Стоя в завале из расчищенных с территории огорода деревьев, нам легко их наблюдать. Рябчики расселись по веткам кедров, их всего шесть штук. Агафья поясняет:

— Они тут еще не все. В выводке их обычно десять. И тут взлетают остальные. Вот теперь все. Вот смотри, это молодой петушок, вот тот, что по ветке-то ходит. А вот и рябушка, и вон, что шею-то вытянула. Видишь? Вот интересно, когда она на гнезде яйца парит, к ней можно подойти вплотную. Можно даже погладить ее, но только не рукой, а прутиком, — улыбаясь, говорит Агафья. Какая же нежная должна быть у нее душа.

— Рукой она не дается — улетает.

Как же хорошо Агафья знает тайгу, как свой дом. Не случайно в одной из газет написано — «дочь тайги».

Подойдя к пшеничному полю, которое на этой же горе, показывает мне, как зайцы стригут пшеницу.

— Ничего их Дружок не гоняет!

Да, Дружок здесь собака бесполезная, менять его надо. Лишний он здесь рот.

— А вот и плашка, о которой ты все спрашивал «Что это за капкан?». Я ей мышей здесь у пшеницы ловлю, когда она поспевать начинает. Иной раз по 50 штук в день попадает.

Этому я удивился. Я знаю, что иногда приходится защищать огороды от нашествия грызунов. На них в при-

роде бывают свои урожаи. Мыши иногда способны уничтожить весь урожай и не только зерновых культур. С большим энтузиазмом мыши ели и морковь, и горох. От свеклы оставляли только одну кожу.

Геологи решили помочь Агафье в ее беде и привезли ей с большой земли двух кошек. Но кошки, как ни странно, ловили мышей недолго, вскоре они переключились на ловлю белок, как на более прогрессивный вид охоты. Оставляя после своей трапезы на тропинке огорода одни лишь беличьи хвостики. Белка — более крупная дичь, и съев одну, кошка была сыта. Можно было отдыхать, наевшись мяса на мягкой подстилке из мха, греясь на солнышке. Судьба огорода и пшеницы кошек не волновала. Здесь кошки охотились не только на белок, иногда они притаскивали к избе задушенных ими в тайге змей и тут лакомились ими. Поэтому все надежды оставались только на ловушки.

— Вот смотри, Александр, как она устроена.

Выслушав объяснение Агафьи по устройству плашки и ее работе, я пришел к выводу, что этот капкан практически на любого зверя. Устроен он предельно просто и совершенно гениально. Простите, уважаемый читатель, за повторение этого понятия, но здесь нельзя сказать иначе. Плашкой ловят зверя на приманку, вырваться из нее невозможно и осечек она не дает. Наша обычная домовая мышеловка против плашки — неуклюжее создание. Ловит гораздо хуже, да гляди того и пальцы оттяпает.

Агафья и белок ловит плашкой, используя при этом в качестве приманки кедровые орешки, завернутые в тряпочку. Она все ловит капканами; не только зверей, но и птиц: рябчиков на рябину; кедровок на сор из избы, рассыпанный по снегу. Мыша плашкой задавит, а потом на него поймает горностая. Соболя ловит на кедровку или сеноставку. Интересно с Агашей в тайге. Все-то она здесь знает.

Спускаемся из огорода, и Агафья разрывает два курня картошки руками мне на семена.

— Это вот кругляшка, а это долгушка, Она вырастет такая длинная и в земле растет в разных направлениях — туда и сюда.

Ну вот, теперь и у меня есть знаменитая Агафьина картошка. Заворачиваю ее в чистую тряпочку каждый клубень отдельно, чтоб не повредить ее нежной кожицы в дороге. Весной посажу у себя в огороде, приятелям дам. Желающих много. Как она там примется в наших цивилизованных условиях?

Все научные выкладки по этому сорту «Лыковка», так она именуется в науке, мы с Вами, уважаемый читатель, еще прочтем, а вот как она оценивается в зоологическом мире? Помните, ее очень хорошо ел волк, да и не только он.

Позапрошлой осенью Л. С. Черепанов подарил три картошины своей знакомой — машинистке издательского отдела «Советская Россия» — Степановой Валентине Васильевне. И та, посадив ее весной, как водится, осенью собрала урожай, набрав целое ведро. На зимнее хранение Агафьину картошку положили в погреб отдельно от прочей до весны на семена. И вот однажды, придя в погреб за очередной сумкой картошки, Валентина Васильевна решила посмотреть, как там чувствует себя «гостья». Подняла доску покрывавшую ведро… О, ужас! Мыши уже съели половину! Не загляни сюда хозяйка еще недели две-три, от картошки осталась бы одна шелуха. Мыши предпочли Агафьину картошку не случайно. Чем-то она их привлекла.

Интересно отметить, что Лыковы умели хранить неприкосновенный запас картошки в ямах до трех лет, и она у них не прорастала. Делали они это очень просто, прокладывая слой картошки слоем луковой шелухи.

Мы ели картошку, а шел август месяц, и на ней не было ростков и в помине. К этому времени наша картошка в погребе уже изрослась бы вся. Это народный способ хранения картофеля, при котором фитонциды лука

нейтрализуют рост побегов картошки. Переложенные слоями клубни не прорастают и не гниют. Наука же идет другим путем. Для разработки способа сохранения естественных продуктов питания в длительных космических полетах, ученые пробовали опускать картошку в жидкий азот, а затем констатировали факт, что после замораживания, она чернеет.

Рассказ мой про Агафьин огород был бы совершенно неполным, не приведи я сведений из работы, уже известного нам ученого по сибирскому земледелию В. И. Шайдурского. Не буду утруждать Вас, уважаемый читатель, порой чисто научными терминами, химическими выкладками и формулами, интересующийся может прочитать работу в *«Сибирском вестнике сельскохозяйственной науки» № 2 за 1989 год*. Попробуем поговорить популярно.

Выбирая место под поселение, Лыковы нашли в тайге березовое редколесье. По темному цвету почвы можно было предположить о ее плодородии. И ошибки не произошло. Почва глубиной до 20 см на всех рельефах «пашни» имела положительную реакцию, что благоприятствовало выращиванию всех сельскохозяйственных культур. Содержание гумуса под пологом лиственного леса составляло 8,6–12,3 %. В почве много калия (K_2O) — 200–400 мг/кг, но мало фосфора — 34–140 мг/кг. Участок находился на южной стороне горы, которая хорошо защищает его от проникновения холодных северных ветров, что очень важно в условиях Хакасской области, где средняя температура в июне +17,2 °С. Участок под огород готовили так: тонкоствольные березы и осины вырубали под корень, после вековых деревьев оставляли пни. Очистив «пашню», приступали к рыхлению. В горах плужное земледелие невозможно. Лопата тоже мало пригодна. Лыковы освоили мотыжное земледелие. Мотыга совершенствовалась. Для обработки целинных почв применялась более крупная, на старых «пашнях» — широкая. Мотыгами же сооружали и террасы поперек склона

горы, чтоб предотвратить смывание плодородного слоя почвы.

Лыковы не знали зяби. Под все яровые готовили почву перед посевом. Опытным путем установили, что почвенной влаги вполне достаточно. Их наблюдения подтверждают данные Таштыпской метеостанции. Средняя норма осадков здесь — 425 мм. Что соответствует зоне достаточного увлажнения.

Не знали Лыковы ничего об азоте, фосфоре и калии, о влиянии этих элементов на растения. Но они применяли удобрения — «хлам» из кедровых шишек, травы и листьев. То есть компосты, богатые азотом, вносили под коноплю и все зерновые. Под репу, редьку и морковь, свеклу и картошку вносили золу. Для чего сжигали хворост и хвою.

Огород уходил вверх от основания горы на 300 метров и делился на нижний, средний и верхний. Культуры размещали с учетом их биологических особенностей, а также рельефа и микроклимата. На нижнем огороде возделываются морозоустойчивые культуры: морковь, репа, свекла, редька, лук, озимая рожь. Средний огород занят горохом, репой и картофелем. Верхний отведен под картофель позднего срока посадки. Разделение посевов позволяет избегать различных случайностей: нашествия вредителей (зайцев, мышей-полевок, белок, гусениц), градобития (замечено, что град идет полосой).

Интересны наблюдения Лыковых. Например, после 4-х лет бессменного посева картофеля начинает снижаться урожай клубней. Поэтому на одном месте держали картофель не более 3-х лет. Вот одно из свидетельств: «Озимые после гороха родят худо, если после гороха посеять яровые, то озимые родят лучше, нежили прямо после гороха. После озимой ржи хорошо родится картофель, после льна — озимые, после лука — всякие хлеба. После картофеля любит родиться ячмень и овес, но не любит расти озимая рожь».

Сибирские крестьяне всегда старались разместить лен по пласту и по обороту пласта. Под эту культуру обычно отводили залежь, целину. Лыковы же получали отличные урожаи льна, размещая его после картошки.

Чтобы ускорить прорастание и повысить урожайность картофеля, за три недели до посадки клубни извлекали из ям и укладывали тонким слоем в помещении на сваях, разведя под полом костер и прикрывая его большими камнями. Раскаленные валуны равномерно и длительное время обогревали семенной материал (как картофель, так и зерно).

Семена зерновых своевременно проверяли на всхожесть: высаживали в «расстилах» (берестяной посуде с почвой). Получали Лыковы о всхожести семян и быструю информацию. Всхожее зерно при опускании в воду образует пузырек. «Мертвое» зерно не дышит и воздушного пузырька не будет. Или другой пример: «живое» зерно на раскаленной железной печке вздувается, трещит и подпрыгивает, а «мертвое» обугливается и сгорает. Оригинальные приемы, так необходимы для практики.

Лыковы разработали свои сроки сельскохозяйственных работ и соблюдали их, ориентируясь на старинные праздники (Егорьев, Иванов, Петров дни). Как только появлялась возможность рыхлить почву, ее готовили под горох. Для прорастания его требуется повышенная влажность и невысокая положительная температура почвы. Всходы переносят небольшие заморозки. С посева гороха начиналась весенняя страда. До шестого мая сеяли также и морковь, затем приступали к посадке картофеля. Ранний картофель крахмальный и крупный, годился в пищу. Поздние посадки определялись как семенные. Репу, редьку сеяли накануне 22-го мая. Иногда репу высевали под зиму. Осенний посев давал более крупные корнеплоды. К посеву озимой ржи приступали 7 июля.

Обращает на себя внимание большой набор сельскохозяйственных культур. До сего времени в холще-

вых мешочках, а последние и в берестяной таре высоко «на воздухе», в лабазе, хранятся семена «голозерного», обыкновенного старорусского ячменя, «обыкновенной» пшеницы, озимой ржи, «мозгового» гороха, репы, брюквы, конских бобов, льна, конопли, лука-батуна. Богатейший генофонд!

О достоинствах старорусских сортов свидетельствуют факты. Репа, посеянная в условиях Абазы, дает корнеплоды до 2-х кг. Горох скороспелый — на растении 25–30 стручков, по 8–12 зерен в каждом. Картофель по урожайности не уступает многим селекционным сортам и значительно превосходит их по содержанию крахмала (26,2 %, в селекционных же сортах всего 14–17 %).

На огороде Лыковых не обнаружено ни вирусных, ни бактериальных, ни грибковых заболеваний растений. Не отмечено вырождения культур, хотя их размножение ведется многие десятилетия без сортосмены и сортообновления. Коэффициент размножения — 9–10. Посевы чисты от специфических сорняков и вредителей.

Уход за посевами начинается сразу, как появятся сорняки. Их выпалывают. Грызунов отлавливают самодельными ловушками, держали и кошек. Чтобы не было переззерницы, во время цветения озимой ржи по растениям протаскивали веревку. Если снег ложился осенью рано, его уплотняли. С целью сохранения озимых от вымерзания проводили снегозадержание хвойными лапками.

Уборку зерновых вели раздельным способом. Молотили цепами после полной просушки. Зерно очищали «на ветру», затаривали в холщевые мешки и бересту. Хранили на «воздухе» в лабазах, которые устраивали на высоких столбах, тщательно укрывали берестой и кедровой корой.

Картофель копали деревянными лопатами. Клубни помещали в берестяную тару, оберегали от ударов и повреждений. Просушивали, сортировали, затем хранили в круглых ямах емкостью по 500 ведер. Иногда наполняли

три таких ямы. Репы запасали 300–350 ведер. Страховой продовольственный фонд заготовляли на два года.

Лыковы не спешили с уборкой урожая, зато когда «приходила пора» спали считанные часы. Работали с восходом солнца и до заката, при луне всю ночь. Все подчинялось одной цели — как можно скорее завершить уборочную страду. Набожные люди, они переставали даже молиться, ограничиваясь ограждением себя «крестным знаменем».

Основной белковой пищей для Лыковых являлся горох. Они не держали скота, а охота на зверя была редким исключением. Горох — хороший предшественник под любую культуру и не требователен к теплу, что очень важно в условиях Сибири. Он позволяет рано начинать посевную страду, которую ожидали с большим нетерпением.

Много сеяли репы. Сочная, полезная, с большим содержанием витаминов, минеральных веществ, она служила пищей круглый год. Ее употребляли сырую, вареную, пареную, тушеную. Озимая рожь возделывалась как на хлеб, так и на кулагу. Эта высокопитательная пища, изготовленная из солода — молотых проросших зерен ржи — по специальной технологии (в горшках в русской печи). Кулага очень богата углеводами.

Лыковы возделывали почти все зерновые, технические, овощные культуры. Видимо этим можно объяснить, что более 40 лет без поваренной соли, 50 лет без фруктов, почти без животной пищи, они выжили в экстремальных условиях.

Уникальный опыт крестьянской семьи представляет большой интерес для науки. Много полезного могли бы узнать социологи, психологи, биологи, медики, филологи, историки и этнографы.

Я думаю, уважаемый читатель, что Вы по достоинству оцените публикации Виталия Игнатьевича Шайдурского, без которых у нас не сложилось бы полного впечатления по Лыковскому земледелию.

На самый верхний огород, где растет лен и овес с рожью, мы с Агафьей не дошли.

Когда с Черепановым, наколов вторую поленницу дров, сидели на чурбаках, к нам подошла Агафья со свертком в руках.

— Вот тебе, Александр, носить. Давай примеряй.

Дает порты и рубаху-косоворотку Карпа Осиповича. Пока я облачался в парадный костюм (брюки были суконные), Агафья принесла и кожаные сапоги. Рубаха мне была маловата, узка в плечах и с коротковатыми рукавами, но вполне справная, выкрашенная в красный цвет.

— Агаша, теперь тут только пояска не хватает.

— Сейчас принесу.

И слазив на подловку, достает мне поясок.

Дело доходит до сапогов. Они тоже окрашены в красновато-коричневый цвет. Весь костюм Карпа Осиповича Агафья шила сама и сапоги тоже. Добротные с высокими голенищами из добротной, выделанной ею кожи. Поясок тоже плела она сама и, как я потом узнал, Агафья плела очень красивые цветные пояса.

Засунув руку в сапог, я извлек из него, представляете себе — сено! Это оказались портянки! Суровая действительность жизни, никаких излишеств. Горькая правда. О существовании таких портянок я никогда даже и не слышал, не то чтоб их видеть и мотать…

— Агаша, я таких портянок никогда не носил. Как их наворачивают?

Тогда Агафья принесла точно такие же сапоги, разве что поменьше. И вынув их них травяные портянки, расстелила сено на траве. Затем поставила на него босую ногу, завернув ее в сенную портянку, надела сапоги.

— Вот так. Только все это тебе носить, Александр, а не в музей.

— А зимой тоже так носили?

— Да так и носили.

— И тепло?

— Тепло. Ноги никогда не потеют, сухие. На портянки берут только «потничник» и «загад».

И тут я вспомнил, как в огороде на тропе Агафья показывала мне эти травы.

Жизнь Лыковых была гораздо суровее, чем мы думали и даже чем можем ее себе представить. Сапоги носили не всегда. Все Лыковы босиком ходили по снегу совершенно свободно и даже осенью, порой по снегу копали картошку босиком. Часами, стоя в ледяной воде, ловили рыбу и тоже босиком!

Тяжело им было. Особенно когда преследовали, да и голодные годы были. Вот несколько слов из блокнота Л. С. Черепанова, много раз побывавшего на Лыковской заимке:

«Должно быть, в Агафье воскресили видения той, особенно тяжелой поры, когда Лыковы обживали берег Карлыгана у сужения Большого Абакана, возле щек, что в Северу.

Надо же такой прыти набралась осень — как во исполнении всевышней кары, столько лет подряд объявлялась не в свой срок, до уборочной поры. И начался у Лыковых все увеличивающийся недобор зерна. Но страшнее всего было то, что убитые заморозком зерна утрачивали свою всхожесть.

На диком безлюдье, в сущем «вертепе», ни с кем не связанным, Лыковым выпало познать всю горечь пустых весен. Нечего стало сеять. Правда, в забытом мешочке с горохом «ухранился» кончик ячменного колоска. Но сколько же нужно лет на выращивание семян?!

На беду и второго хлеба, картофеля, Лыковым едва хватило до проталин. Поэтому мучимые страшным голодом, вынужденно они покидали свой кров, бродили — паслись по распадкам, выискивая «едовые» растения.

Помните ее слова: «И солому толкали в ступах, и ее ели».

— Агаша, а как вы корень бадана ели? Я его пробовал пожевать, так у меня весь рот связало?

— Его, Александр, в семи водах отваривают, а потом только едят.

— А сколько мы потерпели от медведей?! Один медведь нам тридцать лет докучал. («…дадемися пакостник плоти аггел сатанин, да ми пакости деет…») Мы и ловушки на него ставили, и иголки в приманку клали (иголки были после пожара и в шитье не годились), и самострелы у лабазов настораживали, и якоря ковали, чтоб проглотил вместе с приманкой, пужала делали, ружья-то у нас не было. Всего-то и оружия — нож на палке. Ходили в тайгу только вдвоем. Медведь же этот всегда ходил за нами или впереди нас. Мы за шишками, и медведь тут, за грибами, и медведь тут. А однажды маралуха в яму попала, так медведь раньше нас к ловчей яме пришел. Всю ее разворочал. Мало до маралухи не добрался, отогнали мы его. Шуметь начали, камнем по камню брякать. Было это в самый Ильин день (второе августа). Праздник большой, работать нельзя, а тут маралуха в яме. И сторожили мы ее от медведя всю ночь, когда кончился праздник. У костра помню, молимся. Дмитрий псалмы читает, а медведь рядом ходит, голос подает. Он может даже по-человечески кричать. Подкрался к костру, да и лег за кучей дров, схоронился, ждет. Дмитрий пошел к дровам, а медведь на него, так Дмитрий уж через огонь от него прыгал.

Вынули мы на другой день маралуху из ямы, пошли домой. Медведь нас на тропе караулит. К избе за нами пришел и ходил вокруг избы всю ночь, разве только дверь не открывал. Еще днем мы всякое железо на веревке повесили и лопаты, и топор, чтобы как дверь открывать, оно бы брякало. Выходили из избы только с горящей берестой.

А в праздник Рождества Иоанна Предтечи у медведя гон, так в тайгу совсем не ходили. Медведя этого потом волки сожрали, так другой объявился.

Да, ходить в лесу — видеть смерть на носу. Либо деревом убъет, либо медведь задерет. У геологов в этот день (7 июля) ходить в тайгу официально запрещено.

— Агаша, а как второй медведь?

— Второй попал в ловушку, ревел два дня. Потом пришел еще больший медведь и того сожрал прямо в ловушке. Но сам он норовом был полегче.

— А когда всего чаще, Агаша, можно медведя встретить в тайге?

— Медведь он в жару лежит, а в ненастье всегда на ногах.

— А вот что ты делаешь, когда встречаешься с медведем в тайге?

— Молитву вслух читаю, и через то он уходит.

— Да, сильную же надо иметь молитву, чтоб духом медведя отогнать.

Вот сколько страха и горя хватили Лыковы в этом поединке с дикой тайгой. Что же им помогло одержать победу? Не превратиться в животных, не одичать, но сохранить человеческий облик в полном смысле этого слова. Всю силу разума. Конечно же, вера! Только она способна сохранить человека. Они никогда не были одиноки, но всегда в молитве имели общение с Высшим Разумом! И по слову Христа Спасителя: «Не хлебом единым жив будет человек, но всяким словом исходящим из уст Божиих».

Пища дает только поддержание человека в его животной жизни, о чем прекрасно сказал апостол Павел: «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем, не едим ли, ничего не теряем». Жизнь же саму человека, в полном смысле этого слова, конечно же, осуществляет Дух Божий.

Человеку неверующему понять все это трудно. Вот и В. М. Песков не случайно додумался показывать Лыковых «В мире животных». Василий Михайлович подсознательно, где-то в глубине души, тоже относит Лыковых немножко к человекообразным. Но это глубокая ошибка.

Обратите внимание, каким тонким умом обладал Карп Осипович. Однажды встретив в тайге двух заблудившихся людей, он привел их в свой дом и оказал им помощь. Один из них, а может быть и оба, были коммунистами. И он в противовес молитве Лыковых встал и запел: «Вставай, проклятьем заклейменный». Тогда его остановил Карп Осипович и сказал: «Кого это ты призываешь? Кто это проклятьем заклейменный? Так это же дьявол, сатану ты призываешь вставать?! Это он дьявол вечным проклятьем заклеймен!» И нечего было сказать этому «просвещенному» коммунисту «темному» отшельнику! К тому же поведение этого «просвещенного коммуниста» было просто бестактно в высшей степени.

Я вот в миру живу, но никогда до таких тонкостей понятий не доходил умом. Хотя «Вставай, проклятьем заклейменный» — слышал неоднократно. И совершенно четко вам скажу, что человек, проживший отшельнической жизнью в пустыне 40 лет, не может сказать глупость. На протяжении всей истории человечества к пустынникам приходили из мира люди за советом.

Агафья ушла в келью молиться Богу свое правило, я же отправился в туристический стан посмотреть, как идет строительство плота.

Гондолы удалось склеить не все, вместо пяти гондол поставлено только четыре, а это значит, что плот не будет иметь такую проходимость, на какую он рассчитан. По местному же мелководью на косах 12 человек с грузом он вряд ли поднимет. Но сам по себе плот представляет солидное сооружение. Все четыре гондолы связаны между собой в одну конструкцию несущего каркаса, по верху которого сделан настил из колотого вдоль подтоварника (жердей). Все скреплено крепкой капроновой бечевой. Спереди и сзади плота укреплены на опорах из небольших бревен рулевые весла. В центре делалось ограждение из подтоварника для груза. Все очень прочно и, кажется,

вполне надежно. И вот только гондолы, зашитые в чехлы, мне что-то не внушали доверия. Но ребята меня успокоили тем, что они уже не в первый раз сплавляются, и обычно гондолы не подводили.

Сколько же нужно капроновой толстой бечевы, чтобы все связать? Запутать, словно паутиной, завязать тысячи узлов!

— Александр Семенович, а вы сегодня не придете к нам? Хотели в прошлый раз попеть, да времени не хватило. Плот, очевидно, мы завтра кончим, и можно будет плыть. Так что здесь сегодня последний вечер нашего пребывания у Агафьи.

Как-то грустно стало от этого словно неожиданного для меня известия. Я даже к этому не готов, что завтра уплываем. Еще столько вопросов не выяснено, столько не спрошено!

— С большим удовольствием, ребята, вечером дам вам концерт духовной музыки. Всех приглашаю. Дело это доброе, полезное.

Спешу домой — сегодня мой черед готовить ужин. Но еще надо успеть на концерт, надо торопиться. Каждый из нас занят своим делом. Лев Степанович хлопотал по хозяйству и сейчас приводит в порядок свой дневник, аккуратно записывая свои впечатления и мысли, Эльвира Викторовна пишет этюд двора с горы огорода, я же готовлю ужин. Агафья как всегда — молится Богу о нас грешных!

К ужину все стекаются к трапезе. Эльвира Викторовна спускается с горы огорода, закончив свой этюд, с искусанными мокрецом в кровь лицом и руками. Нет от него никакого спасения, ни дыма, ни огня он не боится. Лев Степанович натирается «Тайгой» — жидкостью от всей армии кровососов, но толку нет. Кровопийцы кусают его все с тем же успехом ничтоже сумняшеся. Всего труднее это все переносить Эльвире Викторовне. Попробуйте выводить кисточкой, накладывая краски на этюд, а вас в это

время будут медленно жрать! Много ли хватит у вас терпения? Воистину искусство требует жертв.

Последний вечер у Агафьи

После ужина мы все направляемся к костру Николая Павловича, и Агаша идет тоже с нами. Я попросил у нее ту самую книгу с рукописью службы Петру и Павлу и празднику Успения Пресвятой Богородицы. Хотел познакомить ребят с крюковой нотацией, написанием крюковых знамен. Сегодня мы начинаем пораньше, чтоб не сидеть у костра до глубокой ночи, хотя это тоже очень поэтично.

Придя в их лагерь, увидел белое полотенце, лежащее на зеленом мху. На полотенце были разложены маленькие кусочки хлеба с ветчиной. Это был приготовлен деликатес после ужина, но пока ребята ели кашу. Порции у них были весьма маленькие, и за ужином особо задержки не было. После того, как было покончено с десертом, меня пригласили на «сцену». Во вступительном слове к слушателям, я объяснил им то, что мы находимся на территории местного монастыря, в котором всего одна послушница, она же и игуменья Агафья. Поэтому петь светские песни здесь непристойно, и я вам предложу прослушать духовный концерт. В программе различные церковные песнопения: ирмосы на праздник Успения Пресвятой Богородицы, самогласные стихеры на праздник Петра и Павла — верховных апостолов Христовых, в заключение духовные стихи. Программа всем понравилась, все согласны.

Соблюдая старые традиции, я просил публику аплодисментов мне не устраивать, так как в духовных концертах они не приняты. Вернее у старообрядцев и вообще у христиан аплодисменты не приняты. Перед пением обычно сначала рассказывал о содержании песнопения, затем шло само исполнение. Концерт имел большой успех. Ну как тут хвалить себя я не знаю. Не может хорошая му-

зыка оставить равнодушных. Всем очень понравилось. Агафья тоже была довольна.

Большую часть времени занимали вопросы. Они у многих остались еще со вчерашнего дня, так как времени тогда не хватило. Приходилось отвечать на них сегодня. Ну вот, например, просят рассказать о церковной музыке в целом. Это, конечно, целый доклад, но если вкратце… Вообще было очень интересно смотреть, какое впечатление произвели на ребят крюковые записи ирмосов. Один парень вначале взял книгу, а потом решил, что он держит ее неправильно, перевернул ее. Но разглядел, что держит ее, что называется вверх «ногами», другой смотрел даже боком. Пришлось вносить ясность в этот вопрос. Ребята недоумевали, как же это я так по ним хорошо пою, как не запутаюсь только в этих скобках, квадратиках, палочках, буквах и запятых.

Петь, друзья, по крюкам гораздо проще, чем по нотам. Не так уж они страшны, как здесь нарисованы. В них есть свои особенности и закономерности. Каждый крюк может содержать от одного до 6–8 звуков различной высоты и длительности. Раньше они были сложней, сейчас же крюки значительно упрощены благодаря пометам новгородского дьякона Александра Шайдурова, которые вошли в употребление в XVII веке в Новгороде и распространились повсюду. Шайдуров обозначил ноты буквами и над каждым крюком поставил наивысшую в этом знамени ноту. Вот так:

«Г» — (Ут или До) Буква «Г» означает и взята от слова «гораздо низко».

«Н» — (Ре) от слова «низко».

«С» — (Ми) от слова «средним гласом». Эта буква от скорописи превратилась в точку.

«М» — (Фа) от слова «мрачно».

«П» — (Соль) начальная буква от слова повыше мрачного.

«П » — славянская «В» означает слово «высоко» (Ля).

«Р» — означает слово «равенство», то есть нужно петь предыдущую ноту.

Введение дьяконом Александром Шайдуровым пометок значительно облегчило пение, да к тому же и украсило книги, придав им такой нарядный вид. Это стало способствовать тому, что книги стали красиво исполняться. Крюковые знаки постепенно переходят от скорописи к рисовальному начертанию. Книги украшаются красивыми заставками и золотом.

Ну, вот видите, дорогие мои, все как просто. Вы теперь над каждым слогом можете определить ноту, которая, как я уже говорил, здесь стоит наивысшая, например, П — Соль, а в крюку три звука, значит, два из них будут Ми и Фа. Вот и вся система. Необходимо еще пояснить, что «крюки» — общенародное выражение. Официально — «знамена». Отсюда — «знаменный распев». В крюке кроме музыкального значения показана их длительность, высота и количество нот. Есть ещё и молитвенное значение, и каждое знамя имеет свою молитву. Параклит — сошествие Святого Духа на апостолов — обычно стоит в начале песнопения. Он освещает певцов и всё их пение. Стопица с очком — сокрушение о своих грехах. Стопица без очка — смиренномудрие и кротость. Если вместо знамен поставить их молитвенное значение, получится смысловая молитва, которая будет отличаться от написанного текста.

Вся система церковного пения разделена на «гласы», их восемь. И глас поется одну неделю, а потом заменяется другим гласом, который поется также неделю и заменяется третьим, так они все поются друг за дружкой, и это приводит к тому, что в церковном пении всегда «новая мелодия».

Здесь я пропел «Грядет чернец из монастыря», где каждая строчка соответствовала в музыке номеру гласа с первого по восьмой.

А вот большие стихеры или даже ирмосы и другие песнопения поются на глас, который указан в нача-

ле стихеры. Все эти мелодии развиваются, как вариации на основную музыку гласа, На мелодию гласа может быть распета стихера, написанная по крюкам, а можно петь и просто текст на мелодию гласа.

Кроме этого есть еще так называемые «подобны» — это песнопения, исполняемые на мотив какого-то другого песнопения и они обозначаются так: например, подобен «Дал еси знамение» — само это песнопение известно, но на его музыку исполняются другие тексты.

Тексты, которые поются на подобны, различаются своей продолжительностью. Есть на пять, на восемь, двенадцать и более строк, но есть и бесстрочные, на такой подобен можно петь длинный текст.

Вот подобные стихеры Петру и Павлу. Вот послушайте я вам спою сам подобен, а затем стихеру самогласную из этого пения, вам будет все сразу ясно…

— Браво, браво!

Книги знаменного пения, как правило, были рукописные, как и та, которую вы листали. Только в 1883 году впервые были изданы книги печатными, хотя вопрос о печатании крюковых книг стоял с XVII века, но по техническим причинам невозможно было в ту пору печатать книги в два цвета. Первый круг церковного знаменного пения выпускает на свои средства уважаемый и почетный гражданин Москвы Арсений Иванович Морозов. Обратите внимание, братие – это все тот же род Морозовых, прославленных когда-то мученической смертью знаменитой боярыни Феодосии Прокопьевны Морозовой.

Было выпущено и бесплатно передано во все библиотеки духовных учебных заведений 1200 экземпляров всего «Круга церковного пения», в который входит, конечно, не одна книга.

Знатоком древнерусского пения был и Дмитрий Сергеевич Бортнянский, который написал о нем следующие строки: «По моему мнению, всякая система нот достойна внимания и одобрения... Конечно, в нынешнем веке

не уважается всякая иероглифическая система, но сие неуважение есть только следствие того, что все для нас глупо, что не понимаем».

Он же, Д. С. Бортнянский о двух системах записи музыки мелодий выразился так: «Хотя ноты и явственно представляют обращение мелодий и движение напевов, и способствуют ученику в скорейшем их познании, но можно сказать и вопреки тому: выучить напевы не трудно ученику даже и в полгода, но различение гласов, напевов и места мелодии долго не познает… Едва ли хорошие знатоки (по нотам), просолируют что-либо из церковного пения, и если сделают это исправно, то только механически. И так явственность новейших нот имеет и невыгоды свои…»

Вот поэтому-то по нотам и не могут спеть знаменную стихеру, как следует, но всегда выдают брак! Старообрядцы же до настоящего времени все церковные песнопения исполняют непосредственно по крюкам без расшифровки. Когда обычно новым людям показывают книги крюковых мелодий, то они бывают настолько удивлены, приходят в такое недоумение, так шокированы: «И это вы по ним поете?! Ничего подобного никогда не видели и не слыхали!»

Мелодии эти Божественные в полном смысле этого слова. Но листая эту службу Петру и Павлу, не могу, друзья мои, не обратить Вашего внимания на текст послания к Коринфянам апостола Павла, где он описывает свою жизнь и труды в ярких, сжатых и точных выражениях. Привожу текст послания в двух варинтах: на русском и славянском (с. 185). Вот прочтите.

Необходимо пояснить: почему пять раз по тридцать девять ударов? Потому что иудейский закон предписывал наказание до сорока ударов. Вот и наносили тридцать девять. Кроме всего этого у него были телесные немощи. Болели ноги, и об этом он говорит так: «Даст мися пакостник плоти, аггел сатанин да ми пакости деет (бес)

Славянский текст:

«В трудах множае,
в ранах преболе,
в темницах излиха.
в смерти многащи.
От иудей
пять краты четыредесять,
разве единыя приях.
Трищи палицами биен бых.
Единою каменьми
наметан бых.
Три краты корабль
опровержеся со мною,
нощь и день во глубине сотворих.
В путынных шествиях множицею.
Беды в реках, беды от разбойник,
беды от сродник, беды от язык,
беды во градех, беды в пустынех,
беды в мори, беды во лжебратии,
во бдении множицею,
в алчбе и жажди,
в пощении многащи,
в зиме и наготе.
Кроме внешних нападений
и попечение о всех церквях.
Бог и Отец Господа нашего
Исуса Христа, благословенный
во веки яко не лжу.

Русский текст:

Многократно при смерти
пять раз по тридцать девять
ударов.
Три раза били палками.
Однажды побивали камнями.
Три раза терпел
кораблекрушение,
ночь и день провел в глубине.
Беды от единоплеменников,
беды от язычников,
беды от предателей.
Кроме всего у меня
постоянное стечение людей
и попечение о всех церквях.

да не превозношуся. О сем три краты Господа молил, да отступит от мене. И рече ми: «ДОВЛЕЕТ ТИ БЛАГОДАТЬ МОЯ, СИЛА БО МОЯ В НЕМОЩИ СОВЕРШАЕТСЯ». (Довольно с тебя Моей благодати, Сила Моя в немощи совершается).

Удивительная жизнь! В одном месте апостол говорит: «Какая темница не имела меня своим узником?!» Но все это не сломило его воли. Вот его слова:

Кто изнемогает
и аз не изнемогаю,
Кто соблазняется
и аз не разжизаюся.
Аще хвалитимися подобает,
яже о немощах моих похвалюся.
Да явитмися Сила Христова.

Кто соблазняется
за кого бы я не воспламенялся.
Я же похвалюся
только своими немощами.
Да обитает во мне
Сила Христова.

Во всех своих трудах апостол Павел никогда не был ни у кого на иждивении, но всегда добывал себе хлеб своими трудами. «Ни единому из вас вожделех — сами весте».

Ну и, конечно же, говоря об апостоле Павле — величайшей личности истории человечества, нельзя не сказать о его высказывании относительно любви. Вот многие высказывались по этому вопросу, но так сказал только он: «Любовь долго терпит, милосердствует. Любовь не завидит, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется об истине, вся любит, всему веру емлет, всегда уповает, вся терпит. Любовь николи же отпадает».

«В труде и подвиге!» — который был столь велик, что евангелист Лука, написавший Евангелие, счел необходимым написать и деяния апостольские. Да что там, об этом можно говорить долго.

Интересна наша сегодняшняя беседа у костра, музыкальна и разнообразна. Немало нам поведал Николай

Павлович Смирнов, вспоминая свои многочисленные беседы с Карпом Осиповичем.

«А хочешь ты знать, как люди старой веры появились на Еринате и Абакане? Метались — искали страну «Беловодье» (Беловодье — райски богатая страна, находящаяся где-то за Китаем, на семидесяти островах. Это легенда, которая на протяжении 18–19 веков влекла многих старообрядцев. На поиски этой обетованной земли, где будь-то бы живут православные, которые имеют свои церкви, архиереев и даже патриарха). Много слышали о ней. Послали двух человек. Поднявшись по реке Бухтарме, они ушли в Китай. Прошли песчаные пустыни и дошли до страны Беловодье. Один там остался, а один вернулся обратно за людьми. Нас было 40 семей. Дошли мы до Китайской границы, где нас встретили китайские чиновники. Они попросили нас написать подробный список всех вещей, что мы имели с собой. Мы все это написали, но в списке не упомянули два ружья — скрыть хотели. Китайцы учинили нам досмотр. Нашли ружья и за обман не разрешили войти в Китай, но сказали, что там за хребтом, лежит лесистая пустынная страна.

Тогда мы пошли по дороге, где гоняли сайоты (тувинцы) скот. Гоняли большое количество быков на продажу. От них мы так же слышали про те места, они были свободные, Поселились мы в Ялуторовске, где мой отец моленную имел. (Потом Иосифа поставили в священники Старообрядческой Белокриницкой иерархии, и теперь вместо моленной была уже цероковь).

Есть такое место на земле, не в нашей державе, люди — корейцы называются. Работали тут на прииске «Атлас» бригадой в 8 человек. Ноги хомутом кривые, но оказалось, что на этих ногах не только стоять, но и ходить можно. Как случился у нас переворот (революция) — они ушли в свою державу».

— Александр Семенович! А почему у всех Иисус. А у старообрядцев — Исус? Слово «Иисус» — творение

никонианских справщиков, не знающих русского языка. В русской речи нет ни одного слова, ни тем более имени, начинающихся с двух «ИИ» подряд. Поэтому «Иисус» в русском языке быть не может. Имя Христово у всех народов пишется по-разному. Например, в Польше будет «Иезус». Но в русском языке может быть только «Исус».

Интересно было слушать у костра степенные рассказы Николая Степановича — как Лыковы в заповеднике жили, почему без ружья остались.

«Когда организовался здесь по распоряжению Ильича государственный заповедник, то нам нужно было опять куда-то уходить. Но начальник заповедника был хороший человек и разрешил нам остаться на этой территории, только потребовал, чтоб мы ружья сдали. Пришлось подчиниться. Но хороший человек вскоре умер. И как это часто бывает, на место хорошего приходит совсем нехороший. Плохой начальник потребовал выселения нас с территории заповедника. О возвращении ружья не могло быть и речи. Так вот и остались мы посреди тайги с одним ножом на черне. Без крова, без места, без средств к существованию. Огород был посажен, но все бросили и ушли. Осенью вернулись картошку копать. Пришли охранники, а мы опять тут. Бросились мы с Евдокимом бежать, а они стрелять начали. Я убежал. Отсидевшись немного в лесу, пошел посмотреть, что там натворили. Иду, на тропе Евдоким лежит! Говорит: «Не уходи, братко, схорони меня тут». Вот так все это и кончилось».

Притихшие мужики сидят и смотрят на костер. Как печально слушать такие рассказы. Места в тайге не хватило что ли. И какая жестокость. Заповедник был организован по распоряжению Владимира Ильича. Он здесь, когда в Шушинском в ссылке был, охотился. Отрапортовали, наверно, что заповедник организован, а людей-то всех постреляли и повыгоняли. Не один такой случай, как с Евдокимом был. И что это за люди такие были, и было ли в них что-то человеческое. Стреляли по человеку, как

по мишени. Убивали даже тогда, когда это и не требовалось. Ну, собрали бы урожай, и ушли, но никто видно не заботился ни о чем. Пусть умирают с голоду.

Подбрасывая дров в костер, Николай Павлович предлагает мне, уже второй раз, в будущем году совершить поход по этому маршруту. Я его сердечно благодарю. Но не все от меня зависит. И аще благословит Архиерей, то конечно непременно поеду. Сочту за честь снова побывать на Еринате. Навестить этот чудесный островок!

— Александр Семенович, а почему старообрядцы так не хотят сниматься и считают это за грех?

— Вопрос этот очень интересный и не всем понятный, вызывающий порой осуждение у людей. Вот в чем дело. В самом процессе фотографирования и щелчке затвора фотоаппарата никакого греха нет. Но почему же все-таки старообрядцы всячески избегают этого? Это не просто так. Здесь заложен глубокий смысл. И как вы правильно подметили, это делают все старообрядцы. Все они одинаково относятся к этому вопросу и на востоке и на западе. Конечно, многие смотрят на этот вопрос проще. Другие же его усугубляют.

Старообрядцы обычно люди духовно начитанные, духовно развитые, с высокими нравственными понятиями, с чувством своего недостоинства перед Богом, с чувством греховности своей жизни, неудовлетворенности своими греховными поступками. Ничтожности своей личности. «Аз есмь червь, а не человек». Старообрядцы, порой, не имея большого светского образования, часто ограничивающиеся в прошлом несколькими классами начальной школы, зачастую обладают большими познаниями в духовно нравственных и богословских вопросах. Есть среди них настоящие профессора, живущие иногда в глухой деревне. Уверяю вас с этими светилами не каждый и разговаривать-то сможет, да и сами они не с каждым говорить будут. Не хотят они свой недостойный образ на земле иметь, да еще оставлять его по-

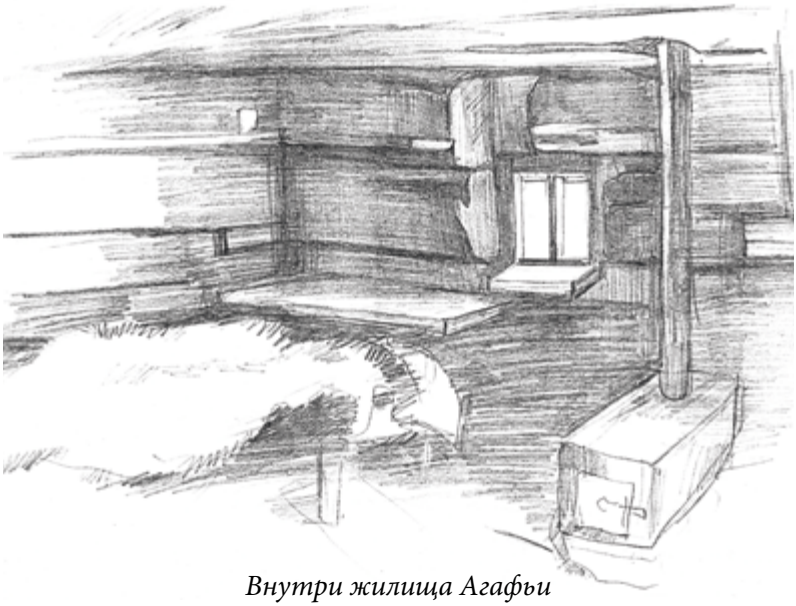
томкам. Вот спросите у Эльвиры Викторовны, как она все пыталась нарисовать портрет Агафьи. Агафья скрывала свое лицо. И не потому это делается, что старообрядцы боятся последствий, хотя это тоже имеет основание и совсем не лишнее. Претерпели они достаточно. Но при оставлении своего образа потомкам видят прямой грех: дело это пустое и не нужное. Не ведущее ко спасению души. А раз так, следовательно и греховное.

Вот, например, игра в шахматы — это дело или забава? Святые отцы рассматривают шахматы как забаву, уносящую много времени. Можно даже сказать как злую забаву. И поэтому в книге вопросов к исповеди (вопроснике) написано: «А не играл ли ты в шахматы?

Всякое пустое провождение времени вменяется человеку в грех. И более того: «За каждое слово праздное ответ предстоит дати перед Богом».

А если вы с шахматами не согласны, я вам приведу другой пример. Представьте себе игру в футбол. 25 мужиков (обратите внимание, не мальчишек, а мужиков) бегают по полю наперегонки и пинают мяч ногами, а иногда и друг друга. Верно? А стадион в сто тысяч — орет! Ну как вам это нравится? Вы скажете, что это отдых, ничего подобного! Игрушечки только детям одним разрешаются. Мы же, по крайне мере некоторые из нас, всю жизнь играют в игрушечки, не мудрено, что плохо живем. Интересно сказано в Писании, что в последнее время взрослые будут как дети, а дети, как взрослые. Иной раз ребенок такой вопрос задаст, что и не знаешь как ему ответить.

Нет у меня ни молитвы, ни милостыни, ни добрых дел. Зло, величание, лень и гордость, не говоря о большем — вот тот постыдный перечень моей жизни. Кто я такой чтоб свои портреты на земле оставлять? Чем прославился? Скверный мой образ не нужен потомкам. На него только пальцем можно показывать, да людей через осуждение в грех вводить.

Внутри жилища Агафьи

Ну, вам теперь понятно, почему не фотографируются старообрядцы? Память о себе человек должен оставлять в своих хороших делах. И если дела его будут достойны, люди помянут его имя пред Богом.

«Моисей Велик быв…» — так сказано в Писании, Что он оставил своим сыновьям? Только свое Имя. Оставлять же свои портреты — прямое величие и гордость, а это уже большой грех! Как когда-то люди решили построить Вавилонскую башню «до небес» в назидание потомкам, какие они были великие… Конец этой истории всем хорошо известен. Велик лишь один Бог!

Когда фотографии требуются для документов, тогда они фотографируются. Всячески Лыковы бегали славы мира. И когда получили весть от В. М. Пескова, о том, что Черепанов везет к ним в тайгу целую бригаду киношников для съемки фильма, то по прибытии гостей не выходили из избы до темна.

Операторы же считали, что не снять их — тоже грех. И те, и другие были правы. Съемка фильма велась Олегом Николаевичем Суриковым. Приятный человек, о котором сказал Карп Осипович: «Однако начальник-то у них баской». Что значит красивый, статный с бородой. И вот помню, как-то Агаша нам рассказывала, что он, Олег Николаевич, говорит мало, больше молчит, но когда говорит, то слушать надо!

Услышав это, Агафья смеется, а затем смущенная уходит молиться Богу. Свое вечернее правило.

А вот как снимался фильм, это рассказывает Лев Степанович.

«Между Суриковым и Лыковыми установился прекрасный контакт, и когда Олег Николаевич делал оконную раму для избы, Карп Осипович, подойдя к нему, сказал: «Ты же начальник, а все работаешь? Начальник-то должен чай пить».

Фильм, снятый Суриковым под названием «Таежные робинзоны», снимали скрытой камерой с большого расстояния так, что Лыковы и не знали о том, что их снимают в фильме. Современная оптика позволяет это делать. «И когда улетала «летучая машина — вертолёт», все равно, что мизгирь с ногами на спине (т. е. паук, перевернутый вверх ногами), мы с тятенькой хоронились под навес, чтоб сверху нас не снимали».

Очень отрицательно относились Лыковы к любым съемкам. Мне Агафья даже сказала, что за это крещение снимается. (В смысле, что человек этим действием оскверняет крещение). Я Агафью в этом, конечно, разубеждал, но достиг ли цели, не знаю. На Лыковых большой отпечаток оставило беспоповство, оно окружало их всю жизнь. Церкви они никогда не видели.

«Василий Михайлович (Песков) спрячется в кусты и оттуда фотографирует. А ведь из кустов нападает только зверь» — вот Агафьины слова.

Рассказывал нам Николай Павлович и о том, как однажды геологи заманили на Каире Карпа Осиповича, посмотреть телевизор. Уж очень хотелось им удивить старика чудесами современной техники. Карп Осипович пошел. Как раз шел концерт Аллы Пугачевой. Посмотрел он, посмотрел и сказал: «Непотребный бабий глас, баловство все это». Встал и вышел из клуба.

Свои впечатления он, однако, рассказал потом Агафье следующими словами: «Телевизор, он устроен очень просто. Это такой ящик, но только у него вынута одна стенка и вместо нее вставлено стекло. В это-то стекло все и видно. Можно даже посмотреть, что делается в Ново-Николаевске» (Новосибирске). Карп Осипович употреблял старые названия городов дореволюционной России.

Но не может быть бесконечен этот вечер у костра, как бы ни был интересен. Давно уже взошла над горой луна, осветив лес своим сказочно-мерцающем светом. Закончился последний день нашего пребывания на Еринате. Завтра, говорят, отплываем. Плот собираются закончить к обеду. Грустно как-то становится при мысли, что пора расставаться с этим удивительным краем нетронутой тайги... Но всему на этой земле есть конец. Опять идем звериною тропою при свете луны. Ее лучи, словно решето, пронзают лес, бросая от деревьев черные тени.

Утро 18 августа. Умывшись в Еринате, последний раз по Агафьиной книге читаю полуношницу. Открывая нужные мне страницы по знакомым закладкам из красивых перышек. Как приятно. После молитвы выпускаю кур в вольер, привязываю коз пастись. Агафья молится правило. Она молиться будет довольно долго.

Слава Богу, есть молитвенники еще на земле. Не все такие, как мы. Это нам некогда лба перекрестить. Куда-

то все стремимся, спешим объять необъятное, и при этом забываем, что «Едино же есть на потребу «Мария (Агафья) же благую часть избра яже не отымется от нея». (Ев).

За кого молится Агафья? Молится она за мир. Монахи — отшельники-молитвенники за весь мир и мир тем жив. Вспомните слова апостола Павла: «И те, которых весь мир был не достоин, скитались в горах, и вертьпах, и пропастях земных».

С Агафьей мы сегодня расстаемся, с ней все как-то успели подружиться, понять ее и еще больше, потом уважать. Я знаю, не пройдет это знакомство для каждого из нас бесследно.

Надо собрать вещи, чтобы быть готовыми по первому же сигналу. А затем нужно попрощаться сходить на могилку к Карпу Осиповичу. Положил 15 поклонов. Прости Христа ради и тебя Бог простит. Если бы он был жив, сколько можно было бы узнать интересного о старообрядцах этого края. Прожил он длинную жизнь — 87 лет ему было. Мог бы он жить и сейчас, да заразился гриппом и умер.

Перед обедом пошел посмотреть плот. Он стоял в стороне от лагеря на плаву. Веревка, которая держала его, была натянута, как струна, и вибрировала от натуги. Рулевые весла подняты кверху. Все готово к отплытию. Плот наш представляет инженерное сооружение. Все конструкции закреплены, все привязано, даже инструмент. Топор на удлиненной веревке, чтоб не утонул ненароком.

Ходила и Агафья смотреть плот и, очевидно, оценила его по достоинству. Она-то знает ему цену. Прошла по Каа-Хему все пороги.

Зашел к Агафье. Чувствуется, что и она грустит. Показывает мне гарнитур их красивых чугунков, покрытых оранжевой эмалью — посуда для русской печи. Песков Василий Михайлович подарил, вот когда в прошлый раз приезжал, привез вот этот календарь (Беспоповской Гребенщиковской общины из Риги).

— Я там у них был, Агаша. Нас на 1000-летие беспоповцы приглашали.

Сидим разговариваем. Я ей опять советую иметь в виду нашу церковь в Минусинске. Мало ли что может случиться. Дал Агафье немного денег. Тебе же нужно и сено привезти и мало ли всяких дел. Деньги она взяла. Показала мне портмоне: «Вот, еще мамин». Кошелек старинный, защелкивающийся, кожаный. К замочку привязана бечевочка — видно привязывали к поясу.

Выкопал у Агафьиной избы два молодых кедра.

— Один посажу у Митрополита под окном, пусть всегда напоминает ему о Сибири, другой — у Кафедрального собора о тебе на память.

— Не надо, Александр, этого делать, — говорит Агафья.

Пока мы занимались этой предотъездовской суетой, Дружок не дремал: разорвал мешок и съел полторы буханки хлеба в раз. Вот прыть! Вот мерзавец! Что теперь самито будем есть? Осталась одна буханка на троих. Да чего уж с него взять? Отдали ему недоеденную буханку — на уж доедай. Сами виноваты. Оставили без присмотра, а хлеба-то хорошего ему тоже охота поесть. Хитрец этот вину свою знает и держится в стороне, искоса поглядывая с опущенной мордой.

Время уже подошло к назначенному сроку, но команды к погрузке еще нет. Отплытие задерживается по каким-то техническим причинам. Груз наш собран и снесен на место. Все проверяем, забудешь что, так потом разводи руками. Будет уж поздно. Но вот, наконец, и команда.

Пошел к Агафье проститься. Прости меня Христа ради!

— Бог простит. Меня прости.

— Бог простит!

Агафья пошла провожать нас до плота. Плот стоит как раз на том месте, куда сел вертолет, когда мы сюда прилетели.

В это время к нам подходят трое охотников. Это те самые ребята, что прилетели сюда зимовье делать. Зимовье они кончили и теперь пришли к Агафье, чтоб с ней пойти на верхнюю избу.

Сам Астафьев Леонид Алексеевич остается здесь и будет вести промысел зверя на Агафьином участке. Изредка будет ее навещать. Мне Леонид Алексеевич понравился. Такой симпатичный человек, как-то располагает к себе. Я его просил навещать Агафью зимой периодически.

— Конечно, конечно, не беспокойтесь.

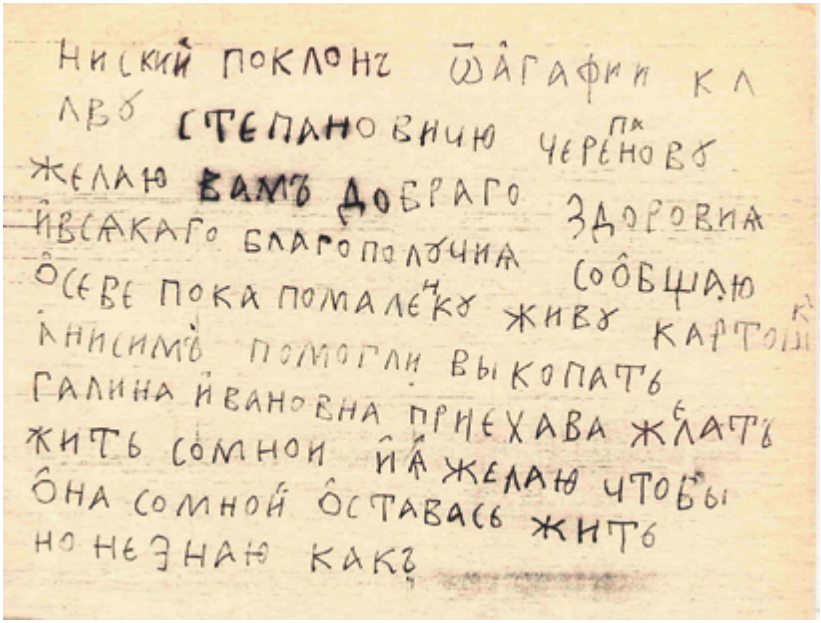
Алексей разводит костер и вот уже кипит в его котелке вода, варится картошка с тушенкой.

Прощаемся и мы с ним, но он говорит, что скоро встретимся, завтра! Я его понять сразу никак не мог, а выяснять было некогда. Как это завтра встретимся, когда расстаемся сегодня? Он пойдет с Агафьей на верхнюю избу, а мы вниз по Еринату? Ну да ладно, встретимся, так встретимся.

Николай Павлович назначил четырех лоцманов, которые поведут плот с нашими рюкзаками, дает последние наставления этим счастливцам перед отплытием. Здесь пока Большой Абакан еще мелок, и мы все идем пешком. Но вот команда «Руби концы!». И плот подхватывает быстрое течение. Пошли!

Агафья Лыкова
(http://ruvera.ru/data/img/content/1404122875.7229lykova_knigi.jpg)

Нискій поклонъ Ѡ Агафіи к
лвб Степановичю Черепновъ
Желаю вамъ добраго здоровиа
йвсякаго благополучиа сообщаю
Ôсеве пока помалекъ живъ карто
Анисимъ помогли выкопать
Галина йвановна пріехава жлать
жить сомной йа желаю чтобы
Она сомной Ôставась жить
но незнаю какъ

Из письма Агафьи к Льву Степановичу Черепанову

Семья Лыковых.
(http://ruvera.ru/data/img/content/1404120041.0715semya_lykovih.jpg)

(http://ruvera.ru/data/img/content/1404123726.4728lykova_troeruchnica.jpg)

В апреле 2014 года Агафью Лыкову посетил предстоятель РПСЦ старообрядческий митрополит Корнилий (Титов) вместе с духовным отцом Агафии иереем Владимиром Гошкодеря и священноиноком Евагрием (Подмазовым). Уже прощаясь, у вертолёта, Агафья вручила митрополиту веточку вербы и пригласила посетить заимку Лыковых в следующем году. *(http://ruvera.ru/people/agafya_lykova_fenomen#news)*

Крюковая или иерографическая система записи, она же носит еще название знаменной (см. стр. 36)

ГЛАВА 3.
В обратный путь

К избе в Сиверу

Абакан — река не простая, много он наставил ловушек нашему плоту. Много всяких опасностей и острых моментов приготовил. И вот первая из них — сели на мель с хода, проплыв несколько десятков метров. Так вот с хода гондолами по камням. Надолго ли их хватит? Лоцманы наши сходят с плота в воду в своих ботинках и сразу мокрые почти по пояс. Теперь они вот так и будут стоять у рулевых весел мокрые весь день.

— Помочь, ребята?

— Да нет, мы сами!

— Вот так и будет сегодня, Семеныч, всю дорогу! Говорит мне один из этих счастливцев, что на плоту.

Да, невеселые дела. Но у нас тоже не лучше. Переходим вброд Абакан, на другой берег. Здесь кончилась звериная тропа. Дальше не пройти. У нас тоже пойдет, очевидно, не веселее.

Агафья нас провожает до этого места и, простившись еще раз со всеми, уходит домой. И какое-то странное чувство испытываю я, смотря ей вслед. Помоги, Господи, ей выдержать и выстоять до конца.

Выбрав место помельче на перекате, где Абакан разливается на несколько проток, полез в воду в сапогах с надеждой перейти, да где там. Как из пожарного

брансбойта хлещет вода. Сразу полные сапоги. Опираясь на палку, выхожу на берег, снимаю сапоги, выжимаю портянки, быстро обуваюсь, но мокрые портянки в сапоги никак не лезут, а ребята тем временем уже далеко. Нет, так дело не пойдет! Лев Степанович тоже зачерпнул воды сапогами и у него та же процедура. Самая лучшая обувь у туристов — это ботинки. Легко и просто. Перешли речку — налилась вода, вышли на берег — вылилась. Прошли километр-другой и ноги сухие. А в резиновых сапогах вот так и будет всю дорогу. Чувствую, достанется нам сегодня «на орехи».

И сразу же начались ручейки и речки, переход вброд Абакана неоднократно. Портянки я уже не выжимал, нет на это времени, да нет и смысла. Только выливаю воду из сапогов, каждый из которых стал по пуду. Вода хлюпает в сапогах, вот ходьба! Дойду до привала — обую кеды. Но до него ой как далеко. Ну да ладно! Хорошо хоть «лошадка ружье везет», а мы-то уж за ней и пешком дойдем. Так-то еще путешествовать можно, а вот если б рюкзачок за плечи? Да по тайге, да по речкам? Вот бы где было хорошо! А налегке мы еще идем, и не важно, что в сапогах хлюпает.

Плот мелькает иногда в наших глазах. «Оседлали» его четыре молодца, да гора мешков. Там тоже несладко, перекаты, коряги, а тут залетели ребята в тупиковую протоку, разлилась там вода в конце по камням и все. Пришлось им выводить плот против течения — замучились мужики. Хорошо хоть не далеко заплыли. Дорогу-то здесь спросить не у кого.

Идет звериная тропа по займищу. Это пространство между рекой и горами. Здесь ведут промысел зверя, ставят капканы охотники. Один такой капкан на соболя я встретил на тропе, привязанный цепочкой к большому суку, сломленному непогодой.

Путь этот дорогой назвать нельзя. Звериная тропа узкая, то идет, то обрывается. И тогда мы лезем в неверо-

ятную чащобу и бурелом. Но иногда идем по сухому руслу реки. Порой по каменным осыпям, пробираемся краем или по скальным обломкам.

В тайге сейчас много ягод, особенно кислицы — красной смородины. Во множестве встречается она здесь повсеместно. Приятна на вкус, утоляет жажду. Сочная, красивая, яркая, она сама бросается в глаза, сок из нее так и брызжет. Но некоторым ягодам я и названия не знаю — синие, кисло-горьковатые. Всем известный шиповник; а вот целые заросли крыжовника, да такого вкусного и сладкого, как у моей тещи в огороде. Вот уж чего не ожидал, так не ожидал. Чего только не встретишь в тайге! Все на него напали, а он щедро угощает вкусной спелой ягодой.

Наконец, мы, достигнув привала, валимся на мягкий мох и лежим недвижимо. Тут бы мне надо переобуться, ан не тут-то было! Кеды-то мои на плоту, а плот привалов не делает. Плывут, сердешные, в рюкзаке! Вот так! Будешь в следующий раз умней! Намылит тебе холку этот поход. Здесь в тайге шуточек нет! Дело не шуточное. Как же я теперь пойду? А броды впереди ждут! Похлюпаешь сегодня сапогами. Надолго запомнишь. Здесь как на фронте. Тайга научит уму-разуму. Одна только незыблемая у меня надежда, с которой я все преодолею, хоть камни с неба — на милость Божию. Не оставит Он нас. Не бросит! А трудности, так это хорошо.

Недавно я в своем рассказе упомянул апостола Павла, как он «В путных шествиях многажды, в зиме и наготе», а у меня-то солнышко светит. Жить еще можно и бояться нечего! У верующего человека всегда есть надежда в жизни.

Но привал краток. И снова в путь! И снова броды, россыпи, чащоба тайги, каменные косы Абакана, на которых множество окатышей — гладких, отшлифованных водой камней. Они порой удивительно красивы, а лучшие из них я кладу в карман. Он у меня становится тяжелым, тогда я выбрасываю и кладу другие.

А вот следы постройки плота какими-то туристами. Оказывается мы здесь не одни. Это уже для нас новость.

Цель нашего сегодняшнего похода — дойти до избы «в северу». Там ночевка. Это будет половина пути, до Каира останется 15 км.

Идем, вооружившись длинными палками как третьей опорой. Палка хорошо помогает и при переходе через речки и через завалы, осыпи, скальные обломки, во множестве скатившиеся с круч, подпирающих реку гор. Впереди всех идет наш проводник и путеводитель Николай Павлович, дорогу он знает хорошо. Тайгой этой ходит не первый раз.

— Топтыгин!!!

Все быстро подтягиваются и смотрят отпечатки его страшных, огромных, когтистых лап, оставленных на песке тропы. Когти длиной почти с указательный палец. И ширина ряда этих когтей — прикладываю четверть, но не хватает и еще прибавляю к четверти четыре пальца другой руки — 30 см!!! Длина же ступни почти полметра!!!

Он совсем оказывается где-то рядом — впереди нас. Большой медведь! А вот почему он ходит впереди, надо было бы узнать у Агафьи. Вспоминаю ее слова: «Мы за грибами, а он впереди нас». Надо как-то у охотников спросить.

Говорят, скоро уже и до щек не далеко, там конец нашего пути.

Вдруг неожиданно потянуло дымком! Откуда тут дыму взяться? Но до чего же обостряется нюх на свежем воздухе. Дым в тайге чувствуется сразу. Оказалось, что это наши ребята-лоцманы уже приплыли и обживают место. Подходим и мы.

— Эй, вы откуда, ребята?! — кричит Николай Павлович.

— С Еринату!

Подходим и здороваемся, трясем руки нашим же мужикам. Слава Богу, живы. Мы давно с ними расстались,

мелькнули они несколько раз у нас на глазах, и река своим заворотом поглотила их, с тех пор больше мы за этот день и не виделись. И вот тут радость встречи.

— И что даже рюкзаки привезли и не утопили? Да…!

— Нет, Семеныч, не утопили.

— Что было на реке? — спрашивает своих лоцманов сухопутный капитан.

— Да были два хороших момента: раз залетели под лесину, повисшую над рекой. Все случилось так неожиданно, только Сашка успел крикнуть — ложись! И сучья процарапали нам спины, но пронесло! А в другой раз попали в завал схода. Вырулить не успели, едва весло не сломали, да хорошо еще не перевернуло нас.

Вот оказывается, какое это удовольствие, — плыть здесь на плоту. Правильно, что я не оставил в рюкзаке свой магнитофон, хоть и докучал он мне в дороге, хоть и боялся я из-за него упасть в воду. Конечно, с ним было идти по тайге неудобно, но перед дорогой, еще у Агафьи сделал я ему кожух из бересты, и, привязав за спину, так с ним и шел. Вообще-то он мне много доставляет неудобств в пути, то боишься, как бы его не украли, то, как бы не разбить или вот не накупаться, с ним в пути много хлопот. Вещь дорогая. Купили его нам в Москве в магазине «Березка» американцы, (старообрядцы, живущие в Америке), что приезжали на праздник 1000-летия Крещения Руси. Взял я магнитофон в Митрополии; он казенный и должен я его привезти в полной сохранности. Да и не зря я его вез. Познакомил Агафью с церковной музыкой.

Пришли мы на так называемый «Север». Но почему здесь так холодно?

— А, Семеныч, холодно здесь потому, что это Север. Здесь пятно вечной мерзлоты. Сибирь — есть Сибирь! Здесь на широте почти Саратова — вечная мерзлота. Как в погребе.

Пошли к плоту брать припасы, пора варить кашу. На берегу рыболовные снасти. Они-то и выдавали всегда

Лыковых, указывая на присутствие человека. Эти-то следы и искали отряды энкавэдэшников, водимых на отлов Лыковых, молодым тогда парнишкой — Иваном Тропиным. Да Карп Осипович провел тогда этого юного следопыта. Запутал след, и вернулся отряд не солоно хлебавши. Ловили Лыковых неоднократно и в сороковых, и в пятидесятых годах.

Но сейчас, слава Богу, другие времена.

Здесь у реки стоит прислоненный к дереву огромный плетень, собранный отдельными секциями. Его иначе не поднять. Это, так называемый «запор», или как у протопопа Аввакума названо — «заездок». Заездок служит для перегораживания реки с целью рыбной ловли. В нем сделаны окна, к которым ставятся плетеные из прутьев верши, туда-то и попадает рыба, в эти карманы. Высота запора около трех метров. Сплетен он из тонких планок, тесно прижатых друг к другу, переплетен лозовой корой словно ремешком. Запор на реке укрепляется на специальных опорах.

А вот это так называемый «кораблик», про который я неоднократно слышал, но никак не мог понять иногда долетающие до меня фразы о каких-то корабликах. Вот теперь его я вижу воочию, лежащего под кедрой. Он всем своим видом похож именно на игрушечный кораблик где-то около полметра длины. Изготовлен он из одной плахи по «бортам» набиты деревянные гвоздочки, за которые привязывается леска.

Интересный здесь метод ловли хариуса: пускают по воде этот «кораблик», к его носу привязывают веревочку, которой контролируют движение кораблика, периодически спуская его и поднимая против течения. По обоим бортам прикрепленные лески, на которых крючки с «насадкой» — «мушкой» — кончиком красного перышка, закрепленным на конце крючка. Перышко плавает на поверхности, и хариус хватает «наживку» снизу, попадается на якорек из трех маленьких крючков. Кораблик периодически причаливает к берегу для отгрузки улова.

Лыковы ловили рыбу в большом количестве, сушили ее и хранили в лабазах, которых по укромным уголкам тайги было несколько штук.

Но довольно разглядывать снасти. Уже от костра кричат и зовут есть кашу, и на такое дело пора спешить. Спешить еще надо и потому, что я первый ем кашу, как говорится, пробу снимаю вместо походного врача Светланы Николаевны. После моего «добро» кашу заправят тушенкой, так как я один соблюдаю пост, поэтому и ем кашу без тушенки. Но тушенка есть и в нашей команде, мы ее купили в Москве, перед походом. В команде же Николая Павловича есть пшено, поэтому мы и объединяемся на выгодных для обеих сторон условиях (если можно так сказать).

Мне первому накладывают из котла душистой каши. Аппетит у меня хороший после похода по тайге. Помолившись Богу, сажусь ужинать, да беда, сесть-то негде. Камни холодные, на них много не просидишь, поэтому приспособился есть стоя, а стоя съешь вдвое. Вкусная каша и, по-моему, вкусней чем с тушенкой.

Пока кипит каша с тушенкой, которой на весь котел не так уж и много, наши лоцманы заводят песню. Поют таким маленьким ансамблем, порой в такт, притопывая ногой. Во всем чувствуется отточенность исполнения. Походная песня интересного содержания, совершенно особого необычного напева, словно под рысь коня. Приятный сюрприз. Я даже кашу есть бросил. Браво! Браво! Молодцы, ребята. Поинтересовавшись, узнал, что они поют в Новосибирском ансамбле казачьих песен. А я-то и не знал, что тут есть свои певцы. Жаль, что раньше не распелись. Да как на территории Агафьиного монастыря распоешься? Неудобно. Вот теперь свобода. Пой, чего хочешь. Приятная новость.

После легкого ужина, который закончился довольно быстро, ребята потихоньку отправляются к избе. Я тоже пошел, решив оставить рюкзак на плоту.

— А где же изба?

— Ишь чего захотел. Попробуй, найди ее.

— Семеныч, а рюкзак-то у тебя где?

— Я решил его оставить на плоту.

— Напрасно. Ночью, коль медведь придет, то утром ты своего рюкзака не узнаешь.

— Да, пожалуй, вы правы. Уж после его лап точно не узнаешь, пойду, возьму. Пока я путался и ходил к плоту, то остался на поляне перед горой один, а куда идти и не знаю. Сказали, что надо лезть вверх метров на пятьсот, вот и все.

Разглядев едва заметную тропинку, пошел в гору, которая становилась все круче и круче градусов под 60. С тяжелым рюкзаком, цепляясь за кусты и корни деревьев, едва тащусь вверх и, самое главное, не знаю, сюда ли лезу. Где все ребята, куда попрятались?

Кругом никаких признаков жизни, и ни каких звуков. С этой горой, кажется, из сил выбился. На тропе свежий медвежий помет, это тоже оказывается звериная тропа, да впрочем, других-то троп тут и нет. Камни под ногами качаются, хоть и толстый слой мха. Из сил я выбился. Когда же край-то этой горе? И куда так далеко запрятал свою избу Карп Осипович? Наконец выхожу на ровную площадку огорода. Слава Богу, влез. Весь огород давно зарос травой, и только под ногами прощупываются грядки. А вот, наконец, и сама изба, фотографии которой я видел не раз в газете.

С запада к избе пристроены сени, равные ей по площади. Покрытая лубом, колотым с кедров, с большими карнизами кровли, стоит она приземистая, но крепкая. На кровле дымовая труба наподобие толстой бочки, внутри которой выложено камнем. Открытая дверь, возле которой суетится народ у рюкзаков.

В самой избе русская печь из дикого камня, по стенам лавки. Справа возле печи лежанка Карпа Осиповича. Все здесь как у русского крестьянина в деревне. Печной закуток. Небольшое оконце из мелких кусочков стекла. Лыковы очень дорожили стеклом и как его не берегли, дети все

же его разбили. В углу стоят большие берестовые чуманы, в которых хранится сушеная картошка.

Ребята готовятся ко сну, расстилая кто что и кому где нравится.

Около избы постройки небольшого двора. Какие-то сараи, для кого не знаю. Не видно никаких следов того, что здесь когда-то держали скотину. Кровли уже поистлели, частично упали. Во всем видно давнее отсутствие хозяина.

Изба стоит почти у края отвесной скалы, обрывающейся вертикально вниз метров на тридцать. С другой стороны избы упирающийся в гору огород, по которому бежит небольшой ручеек, из которого брали воду. Здесь же колоды с проточной водой для хозяйственных нужд. Посреди огорода — большой кедр. Под его кроной очень интересно устроена ступа. Вся она углублена в землю, а пест привязан веревкой к наклонному шесту, который сгибается при ударе песта в ступу, а затем, выпрямляясь, шест поднимает пест для нового удара. Получается полумеханизированная ступа. Здесь для удара пест поднимать не надо, он поднимается сам. В стороне от избы на двух столбах устроен лабаз, каких-то очень удачных пропорций. Все в нем как-то сочетается. Приставив лестницу, поднялся в лабаз. В нем два отделения по полтора куба каждое. Везде лежат берестовые чуманы с очищенной сухой картошкой — запас на голодный год. Всякие хозяйские вещи.

Лев Степанович говорил, что Лыковы в урожайный год запасали орехов полный лабаз. В основании лабаза сделан настил из плах, здесь под его защитой от непогоды лежат различные предметы быта. Здесь же и бредень, сплетенный из льняной нитки, с поплавками из бересты на верхней веревке. Бредень большой — метров под пятнадцать – двадцать.

С территории огорода открывается красивый вид на окрестные горы и каньон Большого Абакана.

Подходит Лев Степанович и приглашает меня посмотреть могилу Димитрия. Отойдя от избы в противополож-

ную сторону метров на сто, подходим к буйно заросшему молодыми березками холмику у основания горы. Взяв по лопате, расчистили бурьян.

Крест такой же, как и на могиле Карпа Осиповича, все тот же почерк, одной рукой видно делался. Агафья, должно быть, трудилась. Молюсь: «Покой Господи душу усопшего раба своего Димитрия…»

Как же это случилось? Все Лыковы умерли в одно время и все от гриппа. Обидно как-то от такой болезни умирать. Вот досада. Могли бы жить до сих пор. Сейчас бы побеседовали. Но, увы. Их больше нет на этой земле. Все они лежат здесь под крестами: Карп Осипович на Еринате, Савин и Наталья — у верхней избы, Димитрий здесь — в «Северу». Все они скончались от гриппа. Одна мать только Акилина Карповна умерла от голода в неурожайный 1961 год.

«Покуда на Лебеде были, злой этот медведь, страшную беду учинил — лабаз порушил». Тогда погибли на Каире не только все запасы, что имели Лыковы на черный день, но и все семена. Известно, беда одна не ходит. Все тогда сошлось на Лыковых. И скитания по тайге, и преследования, и неурожай два года подряд, и переселение на Еринат. От этого неурожая тогда даже зверь ушел из всего района. Вспомним слова Агафьи: «Солому толкли и ее ели. Мама-то с голоду умерла, нас спасла».

Но тогда, в эти страшные времена было все ясно. А здесь какой-то грипп, от которого умирали молодые и сильные люди, простуда для которых была не страшна. Они босиком ходили по снегу, часами стояли в ледяной воде по пояс, ловя рыбу, и все это без всяких последствий для здоровья.

Много вокруг инфекции всяких толков и перетолков. Впервые четкую и популярную информацию по данному вопросу я получил из уст профессора И. П. Назарова, которую я вам и приведу.

Иммунитета у человека два. Первый — клеточный (не специфический), второй гуморальный (или специфический) — приобретенный, выращенный уже организмом. В процессе заболевания новой болезнью, специфический иммунитет вырабатывается в человеческом организме под контролем и с участием «Вилочковой железы». Но у человека она активна всего только 40 лет, а затем жизнедеятельность ее ослабевает, и специфический иммунитет больше не вырабатывается. Как же в этом случае организм защищается от вируса?

Информация к выращиванию антител в организме закладывается в клетках памяти, находящихся в крови. При заражении организма определенным вирусом, против которого уже имеется информация, заложенная в клетках памяти, организм снова выращивает антитела по известной ему схеме и побеждает болезнь.

У Лыковых активный период «Вилочковой железы» уже прошел, и организм, заразившись вирусным заболеванием, не имея на него информации в клетках памяти, не мог выработать специфического иммунитета, против данного вируса — не справился с болезнью. В этом случае необходима помощь лекарственными средствами. А лекарственной помощи нет. Да к тому же в период болезни Лыковы подвергли свои организмы переохлаждению. Копали картошку из-под снега, ходили босиком, лазили в ледяную воду. Все это усугубляло и без того тяжелое положение. Поэтому в декабре месяце 1981 года, сразу трое Лыковых ушли в могилу.

Как же происходило заражение? В большинстве своем оно происходит в замкнутой среде, где обитает определенная вирусная или микробная культура. Это явление называется госпитальной инфекцией. Для наглядности пример: пока ребенок был дома, ничем не болел. Как пошел в детский садик — одни болезни! Все мы слышали такую фразу в жизни «это госпитальная инфекция». Там,

в детском садике обитает определенная вирусная или микробная среда, которой дома, где живет ребенок, нет. Попав в среду обитания неизвестного для ребенка вируса, организм им заражается, так как не имеет против данного вируса иммунитета.

Лыковы все ходили к геологам и все сразу заболели. Жар, кашель, першение в горле, озноб — признаки гриппозного заболевания и, не смотря на это, копка картошки из-под снега.

Когда кто-то из геологов приходил к Лыковым, они не болели, хотя и в этом случае есть определенный риск, но минимальный. Опасно было Лыковым приходить к геологам. И когда они ходили, то болели, что является результатом госпитальной инфекции. Не страшен приход людей к Лыковым, а страшен их приход к людям, где своя, возможно вирусная микроструктура. Слова Агафьи: «Как схожу к геологам, так и болею».

Зима 1988 года. Первая заболела Агафья. Она заболела сразу же после посещения геологов. Заболела даже уже там. (Разгар эпидемии гриппа в том году приходился на февраль). Общее недомогание, чихание, першение в горле, насморк, Агафья начала лечение с трав еще на Каире, потом там же стала принимать антибиотики, Пиридоксин и стрептоцид от горла. Придя с Каира домой, Агафья продолжает лечение лекарствами, оставленными И. Н. Назаровым и только благодаря этому выживает.

С Карпом Осиповичем увы, было по-другому. Заразившись от Агафьи, Карп Осипович умер через неделю от начала болезни. Агафья пыталась поить его таблетками, но он отказывался наотрез. Возможно, было бы несколько иначе, но он получил еще переохлаждение организма. Как-то ночью он решил выйти на двор. И там, на морозе, у самой двери потерял сознание. Упал. Агафья, обеспокоенная его долгим отсутствием пошла было за дверь, но Карп Осипович, упав у порога, припер дверь своим телом, и

Агафья долго не могла выйти и помочь ему. В это время, легко одетый Карп Осипович остыл, лежа на снегу. Все это конечно не могло не сказаться на организме, ослабленном болезнью.

Когда умер отец, Агафья болела еще четыре недели. И с большим трудом добралась до геологов, чтобы сообщить о смерти отца. Умер Карп Осипович на 87-м году жизни и конечно не от старости, а скорее всего от гриппа или какой-то гриппозной инфекции.

— Кровью харкал, — говорит Агафья.

Значит, у него было воспаление верхних дыхательных путей. Несмотря на свой преклонный возраст, без малого 90 лет, Карп Осипович имел крепкий организм. Его биологический возраст не совпадал с паспортным. Здоровый рацион питания и физическая нагрузка способствовала тому, что в семье Лыковых все были здоровы и жизнестойки. Все дети были живы и не умирали.

Интересный факт, когда в 1987 году Карп Осипович упал с кедра и сломал себе мениск, помощи ждать было не откуда. Однако Агафья сумела сообщить И. П. Назарову, который и прилетел на Еринат с врачом-травматологом Вадимом Тимошенковым из 20-й Красноярской железнодорожной больницы. Они оказали ему квалифицированную помощь, но помощь эта была оказана спустя три недели, когда перелом застарел. Наложив гипс и проинструктировав Агафью и больного, доктора улетели.

Только через месяц И. П. Назаров снова оказался на Еринате.

— Каково же было наше удивление, когда мы застали Карпа Осиповича ходящего по избе с маленькой палочкой. Гипс был снят даже несколько раньше времени. Мениск сросся, что бывает редко даже у молодых людей. А это у старика в 87 лет, да еще с застаревшим переломом.

Уже темнеет. От могилы идем к костру пить чай. Весь, большой когда-то огород сплошь зарос травой. Вот сколь-

ко здесь сена. Жаль, что есть его здесь некому. Пропадает трава. На Еринат его отсюда не донести.

У колоды с проточной водой валяются оленьи рога. Поднял один большой и ветвистый из заросшей густой травы, когда-то крупного марала. За несколько лет рог уже поветшал, отрублен топором, брошен он здесь за ненадобностью.

У костра ребята рассказывают всякую всячину, попивая смородиновый душистый вкусный чай. Мне же нужно идти молиться правило. Завтра двунадесятый праздник Преображения Господня. Идет всенощная служба в церкви. Пошел к обрыву скалы, здесь как-то уютно в молодом кедраче. Достав компас, определил восток и молюсь правило. Красивое тут место. Так порой молится и Агафья, часто уйдя в сторонку от избы по лестовке на восток часами.

Кончив правило, подошел к костру, где Николай Павлович рассказывает ребятам всякую бывальщину.

— А вот, Лев Степанович, держал Карп Осипович все же какую-то связь с миром. Читал я как-то ему присланное письмо, в котором кто-то сообщал: «Что помер их владыка-то» имея в виду Л. И. Брежнева. «Но враг рода человеческого не дремлет! Измыслили деньги давать. Пенсией называется».

Так под эти разговоры и кончается наш день. Уже совсем стало темно, и мы уходим понемногу спать. В сенях на полу лежит несколько мораловых шкур. Ребята ложатся, кому где нравится. Одни — в сенях, другие — на лавках в избе, на полу. Народа много, но и место есть. Правда шкур конечно на всех не хватает, но никто не в обиде, что Бог постелил, то и мягко.

Интересно Лыковы жили, во всем соблюдая закон. Они не только не ели нечистых животных, но даже, похоже, к ним и не притрагивались. Не встречал я здесь ни одной медвежьей шкуры, ни волчьей, ни какой другой.

— Семеныч, а мы видели того медведя-то. Когда сюда поднимались, он на тропе был и потом ушел в сторону.

— Да я, мужики, видел его помет там, на тропе, как сюда карабкался.

— Он наверно, Ваня, и сейчас где-то здесь бродит. По-моему, он около человека любит поболтаться? Или это не так? Не знаю.

Разговаривать больше охоты нет. Свеча погашена, утомленные и полные впечатлений от минувшего дня, мы быстро засыпаем.

Утром 19 августа приятное, яркое солнце. Праздник Преображения Господня! Встав рано и умывшись водой из ручейка, что течет к колодце, услышал, словно чей-то голос, разговор. Прислушался, и верно. Кто-то спускается с горы к избе. И вот появляются уже знакомые нам охотники. Леонид Астафьев с товарищами. Приветствую ранних птичек.

— Откуда идете? Как добрались?

Идут они с верхней избы, что стоит на ручье Сок-Су (холодная вода). Там стоит третья изба Лыковых, так называемая «Верхняя». В той избе жила женская половина. Мать Акилина Карповна с Натальей и Агафьей. У женщин там были свои производства. Лев Степанович мне рассказывал, что там стоит ткацкий станок. Лыковы много пряли пряжи, шили одежды. Между избами тропа в 9 км, по которой ходили друг к другу в гости.

Не знал я, что так можно было сделать. Не понял вчера Леонида, когда он сказал мне, что завтра встретимся. Обязательно сходил бы я на верхнюю избу. Посмотреть, почтить память Савина и Натальи, лежащих в одной могиле. Тогда я как бы всех Лыковых видел. Жаль не знал. Леонид однако, спешит. Им нужно сегодня побыстрее дойти до Каира и сегодня же улететь в Таштып самолетом. Еще раз прощаемся, и они уходят, теперь уже без обещаний будущих встреч.

Не знали мы конечно тогда, что нам надо бы тоже поспешить с ними до Каира. Не могли мы предвидеть всех

последствий нашего промедления. Ну да если б знать, где упадешь, соломку бы постелил. Мы же вместо спешки не торопясь, готовим завтрак, кипятим чай.

— Семеныч, иди, снимай пробу с каши.

— Нет, ребята, сегодня я завтракать с вами не буду.

— Что за новости у тебя, Александр, опять?

— Сегодня двунадесятый праздник. В церкви обедня еще не отошла.

— Послушай, дорогой, сейчас же в дорогу идти и в лучшем случае будет только ужин, и неизвестно когда. С тайгой не шутят!

— Возможно и так, Лев Степанович, но закон, есть закон! Не я его писал, не мне и отменять, а потом раноядение — вообще грех! И больше того скажу вам. Все эти завтраки для человека вредны и лишни. Я ими уже не пользуюсь лет двадцать пять и надобности в них не ощущаю. Да и неудобства от них много. Нужно жене раньше вставать и готовить, а она работает так же, как и я. Когда же ей отдохнуть?

— Что-то я не пойму, Семеныч, твою философию. А как ты относишься к известной формуле: «Завтрак съешь сам, обед подели с товарищем, а ужин отдай врагу»?

— Все это так, но при этом, как известно, завтрак мы съедаем, обед с товарищем не делим, а ужин врагу не отдаем. Кроме этого за день чай пьем несколько раз с булочкой. Едим и едим, и от этого только болеем. Вот и весь результат.

— Идите, завтракайте, а то каши не останется.

— Не могу вам ребята не привести слова апостола Павла по этому вопросу:

В христианском законе предусмотрено пищу принимать два раза в день: в обед и ужин. На это есть соответствующая молитва: За обед — Отче наш, за ужин — «Едят нищи и насытятся …». А вот на завтрак молитвы нет!

Закон христианский вменяет человеку в грех: раноядение (завтрак), полуденное ядение (полдник), безвре-

«Аще не ямы избыточествуем,
аще не ямы лишимся»

Пища нас к Богу не приближает.
Едим мы, ничего не приобретаем,
не едим — ничего не теряем.

менное ядение (всякое потребление пищи не в распорядке дня, или просто взять кусок со стола (в говение, в среды и пятки, объядение и тайноядение (украдкой от других).

В борьбе с христианством, в частности с постами, нам усердно проповедовали «ученые» есть побольше калорийной пищи. Все это делалось по указке религиозных недоброжелателей. И вот результаты — посты оставили, а пресыщением занялись. Посмотришь на некоторых — сплошное дебельство плоти, в дверь не проходят, болеют. Часто молодые девушки разъедаются до того, что ходят, словно в положении.

Совсем другое дело у старообрядцев (никониане посты тоже не соблюдают) четыре длительных поста, среды и пятницы каждой недели позволяют иметь здоровый организм.

Послушав меня, общество решает вопрос компромиссом, выделяя мне сухой паек — два маленьких, тоненьких кусочка хлебца, как в войну, не больше. Остальной хлеб съел Дружок — полторы буханки в раз. С этим мы и отправляемся в путь.

Спуск с Лыковского плато идет уже по другой тропе, вековой тайгой. Могучие кедры в 3–4 обхвата. Кругом мох, влажный воздух с еще ночной прохладой. Один из этих великанов лежит, поверженный человеком. Огромный пенек, словно стол, стоит у тропы. Здесь можно посадить свободно полдюжины человек пить чай. Часть ствола (вершина) диаметром в 80 см лежит в стороне от пенька. Метров на 20. Дивлюсь поверженному великану. Для какой цели валили дерево? Мне было известно, что Лыковы, живя в тайге, никогда не губили зря кедры, несмотря на все их обилие здесь. Это же дерево

пилено ручной пилой. Вот помучились! Его и «Дружбой» не скоро свалишь. Тяжелая работа. Однако большая часть ствола взята, оставшуюся вершину тоже можно использовать на дрова, но до избы тащить их уже далековато. Да дров-то и там напилить можно. Найти их в лесу — не проблема. Жаль как-то это дерево. Кедр в толщину почти в два метра. Но долго дивиться на пенек некогда, все уже прошли мимо, один я только тут остался. Пора догонять ребят.

Еще перед походом мне сказали, что идем мы к лодке, и туда пригонят плот к «щекам». Через полчаса мы были на берегу. От воды, метров на 30 под кедрами стоит на подкладках «Царь–челн», построенный братками. «Савин с Дмитрием потом болели с натуги, надорвались, таща его к реке», — рассказывала Агафья.

Судно было сделано из того самого кедра, что большим пеньком остался при тропе. Оно не лишено архитектурных форм и пропорций, с красивым форштевнем, высокими бортами, гладко остроганный и красивый, лежит он на подкладках, покрытый корьем. Корье кое-где провалилось, и на дне челна стоит вода. Челн еще совсем новый. Свежевыструганное его тело не потеряло еще белого цвета. Он никогда не плавал. И кто его столкнет теперь в полую воду? Поплывет ли когда-нибудь? Нет здесь такого человека-богатыря, чтоб вдохнул в него жизнь. Зачем построили его братки? Чисто выдолбили, сделали лавочки. Скорее всего, построен он нам на удивление. Через это видим мы, какую они любовь к красоте имели. Не челн, а целый корабль длиной в 10 метров с красивой кормой характеризует строителей, как великих тружеников, способных и в высшей степени разумных, сплоченных одним порывом воли. Не зря долбили и выжигали челн братья. Он принес свои добрые плоды! Все мы его смотрим, все восхищаемся!

Иногда, попадая в экстремальные условия порой необитаемых мест, некоторые из людей дичают. И, как пра-

вило, происходит это с теми, кто не имеет в себе доброго корня, крепкого фундамента. Много я слышал, что преступный люд в подобных обстоятельствах занимается даже каннибализмом, пожирая друг друга словно звери.

Совсем иначе дело обстоит у христианина. Он никогда не может превратиться в дикаря. Живя ли отшельником в глухих и недоступных местах, сидя ли в одиночках казематов по двадцать с лишним лет, обитая ли в цивилизованном мире больших городов — Христианин всегда остается Человеком. Он не впадает в панику, не накладывает на себя руки. Он всегда не один, имея упование и молитву к Творцу, которая всегда способна оградить его от крайнего падения. Общение в молитве с Богом, как с Высшим Разумом, постоянное Богомыслие, поднимает человека над окружающим миром, на недосягаемую для многих высоту святости. Наделяя его самыми высокими человеческими чувствами. Таких примеров тысячи.

Живя среди зверей в глухой тайге тридцать девять лет никому не известные, Лыковы не потеряли своего нравственно-человеческого лица. Помните слова Карпа Осиповича к людям, сошедшим с вертолета: «Чем вам помочь?»

Лев Степанович наводит свой японский аппарат на челн. Но тот не снимает, ввиду слабого освещения объекта съемки. Челн заслонен деревьями, да и солнце еще только всходит из-за горы. Конечно, темновато.

— Ну что, Лев Степанович, не снимает ваш японец? Дайте-ка дорогу русскому. Он у меня работает наверняка. Затвор как часики. Нажал и готово. И ручаюсь вам, фотографии будут, хотя вы мой ФЭД и называете металлоломом.

Но вот по утренней реке далеко за поворотом слышится казачья песня. Это наши лоцманы гонят плот к нашей стоянке у «Щек» — вертикальным скалам, что сжимают Большой Абакан с обеих сторон. Сейчас здесь он спокоен, но в половодье, наверно, на это место и смотреть страшно. Песня плавно льется по поверхности воды и

вот плот, наконец, показывается из-за поворота. Лоцманы подгребают его к берегу большими рулевыми веслами. Грузим рюкзаки, а потом с самыми лучшими пожеланиями счастливого плавания, отвязав чалки, отталкиваем его от берега на стрежень. Пошел! Подхвативше течение его разворачивает, но рулевые весла выравнивают его, и он выходит на основную струю. Плот пошел, а мы тоже пошли в свой последний путь по тайге.

Нам сегодня предстоит дойти до Каира — притока Большого Абакана, всего 15 км пути. И снова началась непролазная порой тайга, звериные тропы — самая удобная здесь дорога. И опять броды, ручьи и речки, осыпи и буреломы. Переход Абакана с берега на берег, что становится делать все труднее и труднее. Песчаные косы, каменные россыпи, скальные нагромождения. Иногда идем сухим руслом Абакана.

Сегодня я иду уже не в резиновых сапогах, а в кедах. В них лучше. Вода после брода выливается. Но они очень неудобны на скальных обломках. Не имея твердой подошвы, они совсем не подходят для ходьбы по острым камням.

На песчаных косах видны следы маралов и волков — они их спутники. В тайге встречаются места их пиршеств — обглоданные кости копытных. Конечно, вполне это могут быть и следы браконьеров.

Идти «хорошо» по звериной тропе. Срываем на ходу ягоды, но остановиться и поесть их некогда. Марш довольно высокого темпа. На пути попадается небольшая протока или точнее — заводь с чистой водой. Часть ребят форсирует ее с хода вброд, но она довольно глубокая по пояс. Кому же охота в мокрых штанах ходить? Рядом с тропой наклонная лесина, словно в поклоне склонилась она над водой, доходя до противоположного берега своей вершиной. Некоторые и решили ей воспользоваться, полезли на нее гуськом. И все бы хорошо, да один сумел сорваться и полетел в воду метров с четырех, а за ним еще двое не

удержались на качающейся лесине и тоже вниз, обдав всех градом брызг. Воздушные акробаты, да и только. Теперь пойдут не только в мокрых штанах, но и рубахах с куртками. Смех и грех. Хорошо, хоть только в иловой грязи вымазались. Выходят все черные.

— Кости-то целы, ребята?

Посмеялись, конечно, над этими пилотами. Хорошо, хоть я не полез, а то накупал бы свой казенный магнитофон. Чтоб тогда?

И опять вперед! Как в солдатах, помню на ученьях. Идем по каменной косе и вдруг выстрел! Эхом отразившийся в горах. И опять тишина. Оборвалась жизнь очередного марала. Стреляли, однако, недалеко. Скоро наверно и Каир. Уже пройдено с десяток километров.

Проходим второе поселение Лыковых. На правом берегу Абакана, где впадает ручей Каир-Су, гора образует прилавок (уступ), на котором и стояли избы. Интересно жили старообрядцы. Мельницы строили даже на ручьях. По мельницам у них даже был свой мастер.

Здесь когда-то жил монах Галактион, стояла мельница. Было целое поселение. Теперь там ничего не осталось кроме безымянных могил, поросших травой. В 1930-е годы вытравили здесь всех людей. С 1930-х годов наверно и могил не найти. Кто их теперь помянет? Многих и сродников уже нет в живых. И только Святая Церковь поминает «Иже от века представившихся праотцев, отцев и братиев наших».

Здесь короткий привал. Все довольно притомились за дорогу. Лежат ребята и едят чернику. Жаль, что мы идем по левой стороне реки, а перейти ее сейчас уже не возможно. Сходить бы поглядеть на остатки заимки. Николай Павлович говорит, что избенки поразвалились, а на которых и крыш нет. Но короток привал и снова в путь.

Давно уже солнце завалило за полдень, давно я уже съел свой завтрак — выданный мне сухим пайком, а Каира все нет! Нет и плота. Просто какая-то неизвестность.

Хорошо хоть дождя нет, день солнечный и ласковый. А то пришлось бы шагать не только с мокрыми ногами, а мокрыми насквозь. Не представляю я себе этот переход по мокрой тайге даже теоретически.

Сегодня ради праздника Господня, можно бы и рыбки поесть, да вот где ее взять? Тут не только рыбки, хлеба-то и того нет. Уж не знаю, что будет на Каире. Но будем надеяться на Господа Бога.

Тут я вдруг ощутил какой-то новый запах. Не сразу догадался, что пахнет соляркой. В лесу повышенная возбудимость не только биотоков мозга, но и обоняния тоже конечно. В городе на подобный запах я и внимания бы не обратил, просто его бы не заметил даже подсознательно, но совсем другое дело — в тайге. Вскоре послышалось и отдаленное тарахтение и я понял, что где-то работает, очевидно, бульдозер. И тут совершенно неожиданно мы оказались на летном поле Каира, а несколько вдалеке стояли домики геологов.

Вот и кончился наш путь. А как-то даже жаль.

Пройдя летное поле, мы увидели наш плот, причаленный к берегу. Ребята давно уже приплыли и теперь только поджидали нас. Тут же стояли и два плота тех туристов, что строили их пониже Агафьиной земли. Все они оказались москвичами и уже отплывали, предварительно скупив все продукты в Каирской столовой.

Наши лоцманы, слава Богу, живы, верно, плот потрепан. На одной из гондол разорван чехол, но гондола к счастью цела. Конечно, наш плот сидел гораздо ниже, чем у москвичей, у тех не было проблемы с гондолами. На тех двух плотах все гондолы надуты, и плоты держат хорошо, они словно паруса корабля, наполненные ветром, готовые его нести в дальнее плавание.

— Откуда, ребята?! — Спрашивает своих лоцманов Николай Павлович.

— С Еринату!

— Как доплыли?!

— Нормально. В одном месте только заплыли не в ту протоку, досталось нам пилить лесину, брошенную с берега на берег. А так все нормально.

Вот они наши рюкзачки — не перевернулись, не утонули! Целы и невредимы доплыли до Каира. Если б не плот потерли бы они нам спины по этим иногда не проходимым дебрям. Как бы мы с ними лазили через буреполом. А Большой Абакан здесь уже полноводный и широкий, вброд его уже не перейдешь. Он уже не шумит на перекатах; гонит волну, стал мутноват и глубок, и столь же стремителен.

Интриги на Каире

Но вот мы снова в цивилизованном мире. И, конечно же, в нем не принято спрашивать: «Чем вам помочь? Что для вас сделать?». Хорошо хоть разрешили домик-то занять. Живем в болке (так он именуется у геологов). Болков свободных много, занимай любой.

Туристам нашим, однако, болок мал, и они живут в клубе. Он тоже пустой. Здесь в цивилизованном мире есть все: и баня, и рация, и столовая — она же магазин и, конечно же, начальство! Под власть которого мы поступили.

Нанеся начальству визит, доложив о прибытии, узнали, что самолета сегодня не будет. Он уже улетел. К его-то отлету и спешил Астафьев со своими помощниками. Астафьев-то улетел, а вот как нам теперь улететь?

Эльвира Викторовна пошла в столовую, купить хлеба и продуктов. Но, увы, хлеба там не оказалось. Все скупили туристы. Мы же после доклада начальству, оказались самыми последними, и не удивительно, что нам ничего не продают. Все идет по классической теории — сидим голодные. Когда Эльвира доложила обо всем Льву, он отнесся к этому с полным недоумением.

— Как это так ничего «нет»?! Здесь всегда всех кормили. Все обедают, кому не лень. Почему вдруг ничего нет? Они просто браконьерное мясо жарят, а мы им мешаем! В этом вся и причина!

Лев Степанович здесь уже бывал много раз. Всех он тут знает и порядки все местные знает. Возмутившись духом, сам пошел в столовую.

Надо полагать, как я отнесся к этому «НЕТ»! Весь сегодняшний рацион моего питания составляют ягоды да хлебушка грамм тридцать. Было еще несколько кедровых шишек, сброшенных кедровками на тропу. Птица эта склевывает только спелые зерна ореха, а верхушку шишки бросает вниз. Словом я сегодня на том же самом пайке, что и Лыковы были, когда по тайге скитались. Поесть бы конечно надо после этого перехода. Но чего поешь, коль нет. Я не унываю. Пост — вещь полезная. Но сегодня Преображение Господне и можно даже рыбой разговеться, а тут и хлеба-то не дают. Вот досада. Лев Степанович за меня откровенно переживает, дорогой он меня спрашивал несколько раз: «Как, Семеныч, ноги тянешь?». Но я думаю, он сейчас придет и скажет: «Пошли все в столовую!». С его энергией можно много добиться.

Но все было несколько не так. Придя из столовой, Лев Степанович доложил мне о том, что он договорился с Анной Степановной — местной поварихой, и продавцом, и завхозом — она нам всем варит суп с тушенкой. Тебе, Александр Семенович, на этот раз пост придется очевидно отложить или иди к ней и сам договаривайся.

Час от часу не легче! Успенский пост — строгий. Рыба сегодня разрешается, только по случаю праздника, а вот чтоб тушенка — тушенка конечно нет. Ну что ж, все ходили к Анне Степановне, пойду и я. Меня конечно час назад к себе приглашали туристы ужинать, но я так и не собрался. Было как-то неудобно, а теперь они свой ужин давно уже съели.

Придя в столовую, вернее на кухню, где так приятно пахло сдобными булочками и ванилью, я увидел, что все блестит чистотой, порядком и стал популярно объяснять Анне Степановне свое положение. Она меня поняла не сразу. Конечно, все это для нее лишняя работа, но обе-

щала мне сварить пустую кашу на воде. Я ее благодарю, пшенная каша — это прекрасно!

Через сорок минут ужин готов. Иду и забираю все кастрюли: в одной суп с тушенкой, в другой каша на воде. Кстати стоит она всего 6 копеек. Прав Иоанн Златоуст: «Не оскудеет часто постящийся».

Устроили торжественный ужин! До чего же хороша каша!!! Помыв посуду, пошел все складывать на кухню. И вот тут, придя в обеденный зал, первый раз я зашел со служебного входа, обратил внимание на небольшую витрину, за стеклом которой лежали рыбные консервы. Вот досада, не видел раньше! Купил две баночки хека в томате и масле. Решил по случаю праздника всех угостить. Но после тушенки есть серебристый хек никто не стал даже в масле. Так и пришлось разговляться мне одному.

После такого плотного ужина получил от Анны Степановны комплект спального белья. Жизнь, кажется, стала улыбаться. Но мне это только казалось.

Собрался проводить наших туристов, они меня приглашали побеседовать вечером. Вся команда Николая Павловича отдыхала после таежного марша, расстелив по полу палатки и спальные мешки. Цветной телевизор изрыгал из себя какой-то рок. Но тут его выключили, и беседа наша началась.

Первый вопрос, как я и предполагал, был о Преображении.

— Александр Семенович, объясните нам…

Я привожу на память текст Евангелия: «Поят Христос Петра и Якова, и Иоанна на гору высоку едины и преобразися пред ними. И просветися лице Его яко солнце, ризы же его быша белы яко снег. И предсташа Илия и Моисей с Ним глаголюща, и облак светел осени их, и се глас Господень из облака глаголющ: «Се есть сын мой возлюбленный, о нем же благоволих, того послушайте».

В Евангелии точный и сжатый текст. Конечно, если бы вы представляли икону Преображения Господня, что

значительно облегчило бы нашу задачу, но поскольку вы, очевидно, с сюжетом иконы не очень знакомы, я вам его поясню.

В центре на возвышении горы в белых ризах изображен Христос. Справа и слева от Него — пророки Моисей и Илия. Внизу поверженные на землю апостолы.

Из текста следует, что Христос взял с собой на гору Фавор трех своих ближайших учеников. Все они пошли на гору помолиться. Пока Христос молился, ученики его заснули, а когда проснулись, то увидели Христа в новом облике. Лицо его было, как солнце, а ризы его были белы, яко снег. Света было столько, что на иконе изображается молния, исходящая от ног Спасителя. Увидели ученики и пророков Моисея и Илию, стоящих со Христом.

Увидев все это, Петр сказал Христу: «Наставниче, добро есть нам зде бытии: сотворим сени (шалаши) три, едину Тебе, и едину Моисови, и едину Илии…». (Он от восторга не знал, что говорил).

В это время на них нашел светлый облак, и когда он их объял, то из облака раздался Глас Отца: «Сей есть Сын мой возлюбленный, о Нем же благоволих, Того послушайте». От этого Гласа Бога Отца апостолы попадали на землю, как мертвые. Когда же они очнулись, то все было уже обычно. Моисея и Илии уже не было, и Христос имел свой обычный вид.

В Своем преображении Христос показал своим ученикам Славу Свою не всю, но только столько, сколько могли вместить в себя ученики («Яко же можаху»; «Елико вмещаху ученицы»). Слава же Его превосходит понятие человеческого ума.

Христос является владыкой не только живых, но и мертвых. Всем известно, что Илия был живым взят на небо на огненной колеснице за его заслуги перед Богом, а Моисей вкусил земную смерть. Поэтому наличие и свидетельства двух этих пророков и показывает Христа, как Владыку живых и мертвых. Цель преображения

Господня на Фаворе — показать Своим ученикам, что Он настоящий Мессия, Христос и Сын Божий. Дабы они вскоре, видя Его распинаема на кресте, в Нём не усомнились. Так как между апостолами и иудеями шел постоянный спор: иудеи не веровали и не хотели веровать во Христа, но видя Его чудеса, считали, что Он один из пророков, восставших из мертвых. (Моисея или Илии).

Потом шел вопрос за вопросом и ответ за ответом. Беседа наша затянулась до самой ночи. Потом опять просили меня напеть им стих о Боярыне Морозовой. Им особенно интересовались ребята из Новосибирского ансамбля. И когда я пришел, наконец, в наш домик, там все уже крепко спали.

Конечно, можно было и раньше закончить эту беседу, но завтра уже туристы отплывали вниз по Большому Абакану, и сегодня у нас был последний вечер и последний разговор. Утром, пополнив запасы продовольствия, плывут они до Абазы на плоту еще две недели.

20 августа — воскресный день. Встав пораньше и справив все свои обязанности, идем со Львом Степановичем к радисту, а потом к старшему мастеру по бурению с одним, но большим вопросом: «Как улететь?». Ответ один: «Самолет сегодня будет, но в виду большой загрузки, вас отправить возможности нет. Ждите другого рейса».

В пятницу сюда залетели работники местной авиалинии для сбора ягод на субботу и воскресенье. В тайге сейчас много черники и брусники.

С нами в домике живет один пенсионер уже несколько дней и ежедневно ходит по ягоды. Приходит к вечеру из леса, разбирает чернику и несет очередное ведро на кухню в холодильник. Набрал уже ведер пять. Собирает ягоду совочком. Вещь простая, но удобная. Я давно слышал об этих приспособлениях по сбору ягод, но вот только сейчас впервые верчу этот совочек в руках. В устройстве его нет ничего хитрого, но производительность по сбору

ягод значительно возрастает. У нас в Европе почему-то им не пользуются, а зря. Я себе такой сделаю.

В поселке сегодня все отдыхают. Мастера все ушли на охоту и рыбалку, надев болотные сапоги, рабочие тоже в тайге. Один только радист и «сидит» на рации. Никого в поселке. Вернутся только к вечеру к прилету самолета.

Распростились мы уже и с нашими попутчиками-туристами, проводив всю команду Николая Павловича Смирнова в дальнее плавание по Большому Абакану. Надо сказать, что он здесь действительно большой. Приток Каир добавил воды вдвое и теперь под килем у них вполне достаточно. Пожелаем и мы им счастливого плавания и новых впечатлений. Тепло простившись, остались мы «у моря ждать погоды».

Из тайги все потихоньку возвращаются, но рейса так и нет. Теперь вся эта компания остается на завтра, а это значит, что если завтра и будет рейс, то мы опять не полетим. Но самолет все же должен завтра полететь. Не будут же они здесь держать своих работников. Да кто их поймет, работники они или их жены, да пенсионеры. Но так как все равно в самолет не уберутся, то должен он сделать два рейса, тогда очевидно и мы с ними улетим.

Мечты, мечты, где ваша сладость? Ах, какие же вы розовые-розовые! Но судьба готовила нам другое!… Хлеба нам здесь не продают, в столовой не кормят. Продали только крупу и все. Ну, у меня-то все равно пост. Ем я немазаную кашу на воде и ладно. А вот Черепанов с Эльвирой чего ради постятся? Может быть, они в ревностных христиан превратились после общения с Агафьей? Вряд ли это так. Все это наводит нас на грустные мысли.

Однако отчаиваться не надо. Это грех и не должен так поступать христианин, имеющий твердое упование, которое, по слову апостола, не посрамит! И давно погиб бы человек, если бы не Господне заступление. Бог, зная коварство и злобу лукавого и все глубоко предвидя, внушил мысль экономке Митрополита Матроне Яковлевне —

старушке доброй, собрать мне в дорогу мешочек сухарей. Вначале я и брать-то его не хотел, но взял чисто по традиции. В тайгу же без сухарей не ходят. Как там, в пословице-то говорится: «Идешь в лес на день, запасов бери на неделю». Взял я ее гостинец и не зря! Этот-то мешочек сухарей нам здесь и пригодился. В цивилизованном мире, а не в глухой тайге сухарики пригодились! В поселке геологов на Каире, где есть и столовая, и магазин, где кормят всех пенсионеров, приехавших за ягодами, не только своих рабочих, где снабдили продуктами в дальнюю дорогу всех туристов и только нам одним похоже ничего не дают. Но почему?! Что-то тут не так! Но отогнав грустные мысли, решили, что в понедельник все вопросы решим. Сейчас начальству не до нас. Воскресный день — отдых, охота, рыбалка. Кому больно надо заниматься нами? Людей конечно можно понять. Так мы и решили.

К вечеру погода портится. «Зайцы баню затопили». Повисли над головой облачка, пошел мелкий-мелкий дождик — ситничком называется. Зарядил, пожалуй, он надолго. Похолодало. Но в болке (домике для геологов) есть печка. Дров тоже достаточно. Топим. Этим и кончается наш второй день на Каире. Дождь всю ночь.

Утро. За окном сплошное молоко тумана. Мы оказываемся в туче. Здесь высота около тысячи метров. Естественно, сегодня погода не летная. К обеду, однако, день разгуливается и, поев каши с сухарями, запив чайком без сахара, пошел я пройтись по поселку. Здесь всего 15 домиков. Деревянные тротуарчики. У каждого домика по две собачьи конуры. Но сейчас в поселке всего две собаки. Одна черная да одна белая с налитыми кровью злыми глазами. Крупная лайка — это собака Ивана Тропина. Тропин имеет здесь свой домик, в котором сейчас живет его друг — Ерофей Седов, работающий сейчас здесь бурильщиком на буровой. Раньше Седов был буровым мастером, но по слухам не обеспечил выработку. Случились у него неприятности по работе — сгорела буровая. Дру-

гая съехала с горы при транспортировке и лежит сейчас металлоломом на краю поселка. В пьяном виде он, говорят, по кому-то из ружья палил. Верно это или нет я утверждать, конечно, не могу, только после всего перевели его на рабочую сетку и теперь он работает простым бурильщиком.

Он-то и пригласил меня зайти к нему в дом побеседовать. Опять я в доме Тропина. Сени, жилая комната, оклеенная обоями.

— Седов Ерофей Сазонтьевич, — отрекомендовался хозяин, протягивая руку. Познакомились, присели. Прежде всего Ерофея Сазонтьевича интересовало кто я и кем послан. Он, похоже, имел обо мне полную информацию. Но решил еще раз все уточнить.

— Я Лебедев Александр Семенович. Послан к Агафье Карповне Старообрядческим Митрополитом Московским и всея Руси Алимпием.

Ерофей Сазонтьевич заскрипел табуреткой. Похоже на то, что мое признание не оставило у него никаких лирических иллюзий. Видно есть от чего Ерофею Седову скрипеть табуреткой.

Ранее он охотился на участке, где жили Лыковы, и имел прямое отношение к делу своего приятеля Ивана Тропина. Надо сказать, что все косвенные участники грязного поступка Ивана сейчас зашевелились.

Сергей Петрович Черепанов (однофамилец Льва Степановича) начальник Геологоразведочной Партии, в которой работал Тропин лодочником, тоже принимает здесь активное участие. Для всяких сомнительных и подозрительных дел Ивана почему-то всегда находился попутный вертолет.

На мой вопрос: «Как же это все получилось?» Ерофей Седов рассказал мне следующее: «Сам я привез Тропина по просьбе Агафьи на Еринат. И я в этом деле косвенно тоже виноват. Я думал, что Иван будет жить с Агафьей как брат с сестрой, а он такое сотворил».

— Вы совершенно правильно говорите, Ерофей Сазонтьевич, Агафья просила Тропина пожить у нее и помочь в хозяйстве и стройке. Он же ей родственник и свободный от работы человек — пенсионер. Но Тропин взялся совсем за другое дело. Агафья рассказывала мне, как он с ней обращался. Не стесняясь, говорила все, как было: как Иван ее к иконам ставил, как требовал, чтоб свечу зажигала и три поклона клала. (Это, как вам известно, вместо венчания). Лестовку изорвал, а потом и всю одеж-ду на ней изорвал, говорила, как он ее раздевал донага! Ему за такие вещи, сами знаете, грозит лет 15, да к тому же никогда не отмыться от своего преступления. Напиши только Агафья заявление, и сидеть Ивану до конца дней своих в тюрьме. И только высокие ее человеческие качества: незлобивость, человечность и всепрощение удержали Агафью от этого.

15 лет к его 64 годам вполне бы хватило для его пожизненного заключения. Удивительно, как он до сих пор ума не имеет! Посоветуйте ему как товарищу, на Еринат не показываться для его же блага, не то дойдет он до тюрьмы. Ведь никому из нас это не нужно. Если остались у него там вещи, пусть ему кто-то привезет их. Всех-то дел у него там: куртка, да сахарного песку килограмм 15 с флягой, видно под брагу.

Агафья его боится как огня. Отзывается о нем крайне отрицательно: «Пил и матерился беспрестанно» — ее слова. «Целый месяц меня мучил. Одно все время на уме. Ни дела, ни молитвы от него!»

Вот Ерофей Сазонтьевич, какая характеристика. К тому же он еще и лодырь. Не надо травмировать Агафью. Она же иноческий образ жизни ведет, если вам всем это о чем-нибудь говорит. Поэтому только Иван Васильевич ходит на свободе. Он-то должен это понять или нет!?

— Да он плохо себя держал. Я ему говорил, чтоб он пожил сначала полгодика, а он сразу.

Какая интересная мысль высказана Ерофеем. Обратите внимание, уважаемый читатель, на его слова: «Я ему го-

ворил, чтоб он пожил сначала полгодика, а он сразу». Значит, насилие над Агафьей было заранее запланировано ими.

— Иван-то Тропин, когда на Каир пришел, увидел меня, стал благодарить, что я ему девственницу нашел. А потом в разговоре сказал мне, что бросил ее через голову на койку, и она ударилась головой о косяк…

Это со слов Ивана Тропина в словах, которого скользит приукрашенность его же деяний. Все было гораздо хуже. Он ее изнасиловал, когда она от удара о косяк потеряла сознание.

— Договорились мы до того, что Иван Тропин сказал мне: «Выходит я ее изнасиловал». Ему действительно лучше там не появляться. А моя-то прямая вина состоит только в том, что однажды, без всякой задней мысли, я ее обнял и поцеловал в щеку. И Карп Осипович живой еще тогда, возымел мысль, что я ее домогаюсь. А я-то, ее поцеловал без всякой задней мысли, как сестренку.

Какая наивность и лесть скользит в этих словах Ерофея. Очевидно, он тоже домогался, и не случайно Карп Осипович возымел такую мысль. Человек он был не глупый. Все это высказано Ерофеем дабы оправдать себя в глазах других людей. Так и хочется перевести это одной фразой: «Я-то во всем этом, люди добрые, не виноват. Я-то хороший!»

Уходя от Ерофея, я еще раз посоветовал ему унять своего приятеля, дабы тот не наломал дров еще больше. На вопрос Седова, что я намерен предпринять, сказал, что напишу обстоятельную докладную записку по данному вопросу, а вот что уже предпримет Владыка, не знаю.

Выйдя из избы Ивана Тропина, как из затхлого подвала, вздохнул полной грудью. Второй раз я захожу в его дом, и второй раз испытываю в своей душе внутреннее нежелание входить под этот кров как в Абазе, так и здесь. Какая-то неприязнь. Вспомнились слова Анисима Тропина — дяди Ивана: «Иван Тропин прохвост, а Седов тоже плут хоро-

ший». Анисим выразил мысль очень правильно, но скромно. Иван Тропин не только преступник, но и хулиган.

Домогаясь Агафьи и вынашивая план овладеть ею, Иван Тропин привез ей на Еринат подарки: чью-то шубу, сарафан, новый поролоновый матрас и другие разные вещи. Что называется: «Разорился парень бедной, купил девке перстень медной». Все эти дары лежат у Агафьиной избы в куче. Ей к ним, по моему мнению, и прикасаться противно.

В его словах, сказанных Агафье: «Ты не Богородица, чтоб тебе девственницей быть!» отчетливо виден его цинизм и предельная наглость. Можно привести и еще более крайние его выражения, да бумага не терпит. Но приведет Бог собачке свою конуру.

Когда же все свершилось, то Седов поздравил Ивана с успехом. Вот его отношение к этому делу.

Ерофей считает, что много помогал Агафье: копал картошку, делал другую разную работу. Но это еще не ясно, кто кому помогал. Лыковы не жили в долгу. Агафья вынимала соболей из его капканов, которые шли ему в план, работая тем самым за него. А он, Седов, из материалов, заброшенных для Агафьиной избы, взял брус и рубероид для покрытия своей охотничьей избушки, вследствие чего половина крыши Агафьиной избы покрыта корьем вмес-то рубероида. Вот его помощь. И если он делал что-то или картошку помогал копать, то делал это очевидно не бескорыстно.

Здесь на Каире все говорят, что помогают Агафье, и это конечно так и есть, но есть здесь люди и других нравов. Взяли у Агафьи картошку, а в обмен прислали слежавшуюся муку, которую даже козы не едят. Карп Осипович говорил, что зимой вставала Агафья на лыжи и со всеми расплачивалась, отрабатывая за оказанную услугу своим трудом.

Конечно, на Каире народ относится прекрасно к Агафье во всем своем большинстве и об этом ярко свидетельствует тот факт, что мужики Тропина избили за то,

что тот обесчестил Агафью. Ребра ему сломали и синяков наставили.

Согласно учению христианской церкви преступник (в данном случае Иван Тропин) получит свое наказание здесь же на земле, а в ином мире — другое. И, по всей видимости, это так и будет. Преступление всегда рождает наказание.

Придя в свой болок, я получил нагоняй от Льва Степановича за то, что пошел на разговор с Ерофеем один.

— И вообще с Седовым разговаривать без магнитофона не следует. Нужно было позвать меня.

— Лев Степанович, не мог же я сказать ему: «Подождите, я позову Черепанова, а то разговаривать с Вами один я побаиваюсь. Времени же у меня не было, чтоб Вас предупредить или пригласить.

— Да, конечно. Но на будущее имей это в виду. Пойдем-ка, Александр Семенович, сходим к старшему мастеру бурения Паршикову Василию Васильевичу, поговорим с ним о хлебе насущном.

Придя, узнали, что самолет будет сегодня в час дня, но мы на нем не улетим, так как наша очередь под номером 20.

Послушали мы все это и решили радировать первому секретарю города Таштыпа тов. Нефедову А. К. о нашем бедственном положении. Перед поездкой мы были у него на приеме, и он нам обещал полную поддержку. Ей-то мы и решили воспользоваться.

г. Таштып.
Райком партии
Нефедову А. К.
«Третьи сутки находимся Волковском участке. В питании нам отказано. Вылет нашей группы откладывается».

Подписи: Черепанов, Лебедев, Матакова.
28 августа 1989 г. уч. Волковского.

После такой телеграммы нас поставили на довольствие, то есть стали нам продавать продукты. И не только картошку, но даже и тушенку. К ужину пост у моих коллег кончился. Но по поводу отлета пока неясность.

Кто нас здесь понимает из начальства, так это старший геолог Меринанов Геннадий Тимофеевич. Человек он любознательный и просил нас рассказать про поездку, а узнав, что я послан Митрополитом Старообрядческой церкви, просил меня рассказать и о старообрядцах. Сказал, что много о них слышал, с ними работал, прекрасного о них мнения. Хорошие они люди! Я вкратце в кабинете старшего мастера рассказал, но там конечно не лекционный зал, много не расскажешь. Приходят люди, решают производственные вопросы, словом — прорабская. Там не до рассказов, поэтому Геннадий Тимофеевич приходит к нам в свободное от работы время побеседовать. У нас в болке иной раз идут интересные разговоры. Лев Степанович — писатель. Прекрасный рассказчик, исключительно владеющий своими вопросами. Написал ряд книг, много повидал на своем веку, плавал по морям, спускался к затонувшим кораблям. Одним словом, есть о чем рассказать.

Вот и сейчас к нам пришел Геннадий Тимофеевич и сказал, что вылет самолета откладывается до трех часов. Все как в любом настоящем аэропорту.

Геннадий Тимофеевич уже не молод и прекрасно знает свое дело. Мы слушаем его рассказы о полезных ископаемых этого края, разных породах. Льва Степановича интересует вопрос о том, есть ли здесь селитра, так как есть сведения, что старообрядцы изготовляли порох в этих краях сами. Геннадий Тимофеевич эту версию отвергает. Говорит, что здесь селитры, очевидно, нет. Здесь залегают железные руды, но они с содержат небольшой процент металла — от 6 до 20 %. Разрабатывать эти месторождения никто не будет, а на разведку железной руды здесь почти за 10 лет истрачено 11 млн рублей. Все это чистые убытки. Месторождение не перспективное. Определены границы

залегания железной руды, ее запасы описаны и отправлены сводки в министерство и на этом все. Сейчас досверливают последние метры скважин и участок снимается. Его можно было бы и не разрабатывать. У нас стоят и более крупные месторождения не тронутыми.

Конечно, собраны разные образцы. Их в болке нашего геолога целый музей. Различные минералы, различные породы, руды, высверленные на больших глубинах. Все стоят в шкафах с бирочками: какой камень откуда. Ну, просто горный музей. Сделаны разрезы залегания. Словом очень интересно.

Геннадий Тимофеевич и сам очень интересный и общительный человек и общение с ним обогащает нас. Во взаимных беседах скрашивается наше здесь одиночество. Скуку и досаду на пустое провождение времени. Ах, как жаль, что сидим мы не на Еринате у Агафьи, а на Каире.

Но что говорит народная мудрость: «Не живи, как хочется, а как Бог велит». Очевидно, есть какой-то неизвестный для нас смысл в нашем, кажется пустом здесь пребывании. Иначе, зачем же мы здесь сидим? Но я знаю, в жизни ничего не бывает случайного, но все имеет свой смысл. Очевидно, что-то и мы здесь должны понять, что-то выяснить, дать чему-то ответ. Иначе где же логика? Нам только кажется, что время идет бесполезно, но это глубоко ошибочное мнение. Я уверен, не зря мы здесь проводим время.

Самолет сегодня так и не прилетел. Остаемся на четвертые сутки. Что будет завтра — полная неясность. Создается впечатление, что сидеть нам здесь долго-долго. Нас, верно, успокаивает только то, что здесь кончается топливо — солярка, на которой работают дизеля. Топливо сюда доставляется самолетами. И у нас вся надежда на эту солярку, не будут же они сидеть без топлива. Смена состава бригад здесь происходит через 10 дней, ее совсем недавно произвели.

Об Агафьиной молитве

Но не на одну только солярку моя надежда. Моя надежда, прежде всего, на молитву и на молитву Агафьину! Вернее только на нее. Вы, конечно, знаете, дорогой читатель, что очень часто человек обращается к Богу следующими словами: «За молитв святых отец наших, Господи Исусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас». Или: «Замолитв Пречистой Твоей Матери…»

Почему так начинается молитва? Да потому, что грешный человек, зная свои согрешения и свое падение перед Богом, не рискует обращаться со своей молитвой непосредственно к самому Богу, но только просит помиловать его за те святые молитвы Святых Отец, что в пустынях, в вертьпах и пропастях земли молятся о всех нас и за весь Мир.

Точно так же ссылаясь на молитву Богородицы, просит человек Бога помиловать его через Ее Святые Молитвы. Точно так же надеюсь я на молитву Агафьи. Она нам помогла в нашем пути сюда, она же поможет нам и выйти обратно и преодолеть все трудности на нашем тернистом пути.

Я слышал, как Агафья молилась на Еринате. Помните, дорогой читатель, певучий голос ее молитвы: «За молитв святых отец наших, Господи Исусе, Христе Сыне Божии, помилуй нас».

Я часто видел ее стоящую около кельи и молящуюся по лестовке. Смотрится это совершенно обычно. Стоит человек час, стоит другой на молитве. Что же за действие такое оказывает молитва?

Могу ли выразить словами и худым своим умом постичь значение молитвы? Нет, конечно! Молитва выше человеческого разума! Вдохновенная, исходящая из глубины сердца, она не имеет границ. Ей все подвластно и нет ничего невозможного для молитвы ни на небе, ни на земле. Ни духовного, ни физического. На все может дейст-

вовать горячая молитва, и возможностям ее нет предела. Помните пословицу: «Молитва матери со дна моря достает». Из ада выводит!!! Воскрешает мертвых. Неоднократно написано это в Священном писании. Молитва может воздействовать даже на решение самого Творца! «Аз сделал так понеже ты умолих Мя». Молитва на небо возводит; она на бесы непобедимое оружие и заступление. Молитва направляет человека к добру, смягчает порой злой нрав его сердца, располагает человека к добрым делам, вселяет в него уверенность в достижении добрых его желаний и надежд, одоление действа всякой злобы. Она залог благоприятного исхода из самых трудных обстоятельств жизни. Молитва для человека постоянное утешение и надежда, общение с Богом и его помощь. Через нее человек никогда не бывает одинок.

Можно неверующему человеку в тайге с ума сойти. Таких случаев достаточно и доказывать это не надо. Но Агафья — отшельница, живущая в глухой тайге, через молитву имеет общение с Творцом и от него, черпая свои силы, остаётся в твердом разуме. Нет у нее ни паники, ни страха.

Молитва, исходящая из глубины души, соединенная с постом и милостыней — приятна Богу. Вот такая молитва и у Агафьи. Она нам вместе с туристами, возможно, отдала последнюю свою картошку. Не пожалела, оказала нам милость. На эту-то ее молитву все мои надежды и упования. О силе Агафьиной молитвы мне здесь на Каире рассказали случай, который известен всем геологам. Я вам его передам: будучи однажды на Каире Агафья дожидалась вертолета, чтоб добраться до Ерината. Старший мастер бурения уже известный нам Василий Васильевич Паршиков ожидал прилет на Каир какого-то начальства с ревизией. Ну, на производстве всегда есть недочеты. Часто в этом виноват сам мастер, часто по другим причинам возникают всякие недостатки. Естественно, Василий Васильевич не очень желал приезда большого начальства

и как-то, обратясь к Агафье, сказал: «Хоть ты, Агафья, помолись, чтоб не прилетали».

Вот точно та же мысль и обращение как в уставной молитве: «За молитв святых отец наших…» Не надеялся В. В. Паршиков на свои обращения и чаяния к Богу, но знал, что Агафьину молитву Бог послушает.

— А что, уж больно, что ли надо? — спросила Агафья.

— Да уж вот как надо, — проведя рукой по горлу, сказал Василий Васильевич.

И Агафья начала молиться.

А Василию Паршикову по рации сообщают: «Встречай гостей — полетели». Агафья молится. Комиссия летит.

Проходит около двух часов и вертолет, появившийся над Каиром, делает разворот для посадки на летном поле.

Агафья молится.

Вертолет садится.

Как вы думаете, уважаемый читатель, кто одержит победу? Молитва или вертолет? Агафья продолжает молиться.

Надо конечно иметь огромную веру!

И вот по ее молитве, Бог послал вдруг сильный ветер с гор. Да такой, что вертолет сесть не мог, развернулся и улетел обратно. Вот, дорогие мои, что такое молитва! Вертолет улетел. Агафья продолжала молиться, благодаря Бога.

К вечеру день. Пришел из тайги и наш сосед с ягодами.

— Я вот сегодня брал с собой в лес обеих лаек, так они один только раз залаяли на кого-то зверька и все. Пусто в лесу. Все выбили браконьеры.

— Ну, у вас тут еще ничего. И если уж зверя нет, то ягоды-то еще есть. В Европе дела обстоят гораздо хуже. Там даже брусничник выдрали с корнями. Его заваривают вместо чая. Все лечатся от чего-то, а болеют без конца. Чудит миром народ. Соблюдали бы посты, так не болели б; кто-то вдруг скажет, что брусничник от всех болезней, ну тут все бросаются им лечиться. Всем миром в лес и вы-

дирают его с корнем. А потом мода пойдет на другую траву и с той так же. А у вас еще и брусничник, и ягоды есть.

Ужинаем, чем Бог послал. Домики наши окутало опять тучей. Опять все темно. Лев Степанович приводит в порядок дневник. Конечно это дело важное, это хлеб писателя. У меня же никакой мысли нет подобного рода, чтоб писаниной заняться. Верно, отправляясь в эту поездку, я сказал жене, как-то даже механически, бессознательно, что хочу попробовать взяться за перо. Но все это от того, что больно уж своеобразна моя командировка. Взял три тетрадки под дневники. Надо же будет все рассказать и сделать отчет Владыке. Поэтому тоже пишу свои впечатления. Но нельзя же за столь короткое пребывание на Еринате все постичь. Сама Агафья говорит, что пуд соли надо съесть с человеком, чтоб его узнать. Но с другой стороны, заехав так далеко на восток и столько повидав, истратив к тому же церковные деньги, я должен как-то описать эту поездку и отчет положить в библиотеку Покровского собора. Словом от поездки должен остаться какой-то след. Одними разговорами тут не отделаешься, а если и отделаешься, то это будет неправильно. Тем более материал есть.

— Лев Степанович, вот вы неоднократно ездили к Агафье. Эта поездка у вас уже десятая, поэтому я бы хотел почитать ваш дневник. Хотелось бы мне, насколько это возможно, полнее получить представление о чертах характера и жизни Агафьи Карповны. Вы не возражаете?

— Нет, Александр Семенович, я не возражаю, наоборот, я вам даже рекомендую взяться за перо. Думаю, у вас это получится.

— Решения такого у меня пока не сложилось, но материал-то мне все равно надо знать.

— Вот, Александр, я сейчас как раз пишу мысли к Агафьиному портрету. Почитай, да я тебе и сам расскажу еще из прошлых моих поездок интересные моменты, и у тебя будет полная информация.

— Что ж, благодарю, Лев Степанович!

Конечно, в блокноте писателя одни только мысли и без рассказа тут не обойтись. Давайте этот рассказ послушаем с некоторыми комментариями и сокращениями.

«На Еринате, после утренней молитвы, художник Э. В. Матакова много раз принималась рисовать пустынножительницу Агафью, но уже через несколько минут с досадой быстро захлопывала папку, убирая карандаши в ячейки. И смотря на Агафью, вновь восхищалась тем, что Агафья живет в бурном потоке мыслей, лицо постоянно меняется в своей динамике, не поддается быстрой фиксации на портрете. Как не старайся за ней не угнаться. И я, присматриваясь к Агафье, невольно прикидываю в уме, какой случай взять из запасников своей памяти для описания словесного портрета Агафьи, может тот, что произошел в Лыковской избе «в Северу». Когда наш фотомастер Н. П. Пролецкий привез Агафье Рождественский подарок: сразу три красивых куклы и, положив их на лавку, сказал: «Бери».

Агафья как всегда одетая в горбач под тканным поясом, деловито суетилась у чела русской печи:

— Зачем оне мне? — сказала, имея в виду куклы.

— Да ты хоть посмотри, какие они! — по свойски, как сестре предложил Пролецкий.

Она быстро направилась к туеску с ржаной мукой, потом встала над куклами и опустила руки. Более чем кроткая, без каких либо желаний. Словно за пределом повседневности…

И вспомнилось ей ее тяжелое и трудное раннее детство. Борьба за жизнь, голод, как «паслись» по тайге, прятались. Воспитывалась Агафья всеми, росла у всех на глазах. Еще до исполнения трех лет Агафья скоблила бадановые корни для «варева».

Мать никуда не отлучалась от Агафьи, нечего было тревожиться. А каким взглядом одаривала Агафью? — обнимающим всех равно. Поэтому Агафье хотелось быть особенно прилежной, стараться.

Разумеется, общему труду Агафья отдавала все свои силы, а уважение и любовь всех старших побуждали ее работать еще больше и лучше. В семье Агафья вела себя совершенно естественно. Носа не задирала и ниц не падала. На пятом году жизни Агафья уже трудилась под стать взрослым — от рассвета до темна. Без догляда. Вставала, молилась со всеми вместе Богу и, поднимаясь на бугор, скидывала гальку с целинных залежей.

Перед исполнением шести лет она надежно, со всеми предосторожностями поддерживала огонь в каменных сводах растил, где проращивали картошку перед посадкой. А шести годовалой вовсю раскладывала клубни по ямкам в горизонтальных гребнях огорода на крутой горе. Так она росла и совершенствовалась, обретая привычки трудиться, подвизаясь на выдумку и смекалку.

Как только была свободная минута, младший брат Дмитрий брался за книгу. Агафья тут же прилипала к нему. Острым охотничьим ножом заострив палочку и обмакнув ее в сок черники, Агафья осторожно выводила на бересте угловатые буквы древней кириллицы… Потом составляли уже слоги и старательно распевали их в слова. И однажды взяв псалтырь, открыв его (ей в ту пору было шесть лет), не знала она тогда, что это Богодуховенная книга, написанная великим Давидом — царем и пророком на еврейском языке в стихах, была переведена на старославянский язык просветителями славян Кириллом и Мефодием. Переведена прекрасно, высокохудожественно, белым стихом.

Потом только она узнает, что Давид был национальным героем своего народа, поэтом и музыкантом и полководцем, не знающим поражения и страха.

Будучи 14-летним юношей, Давид выехал перед ратями на поединок с богатырем Галиядом (Голиафом — перевод никонианских справщиков) — человеком огромного роста, облаченным в броню вместе со своим конем. Никто

из воинов израильского войска не мог с ним сразиться — все боялись!

Но Бог посрамил Галияда. На поле битвы, между двумя сошедшимися ратями, против него вышел мальчик в холщевой одежде с сумкой через плечо и пращей в руке.

Подняв копье, дабы пронзить противника, Галияд поскакал на него, Давид же, силой Божией храним, вынул камень из своей сумки, вложил в пращу, запустил его прямо в лоб Галияда с такой силой, что камень врезался ему в череп. Хулитель Бога был мертв. Давид же подбежал к нему и его же собственным мечом отсек ему голову.

И побежала вспять рать иноплеменных!

Все это узнала Агафья из Псалтыря позже. Она имела прекрасный учебник, он написан высокой и вдохновенной лирой и славит Бога лучше всех книг, написанных кем-либо на земле. Неудивительно, что она так рано научилась читать.

Кроме того Агафья освоила возле сестры Натальи и счет до десяти тысяч. Научилась славянским цифрам-буквам, а просвещенный брат Савин учил Агафью закону Святых Отцов.

Мне не удалось вызнать, как Агафья овладела способностью все сделать быстрой рукой, и мужскую работу тоже. Все она делала для блага своих близких, как и те не менее искренне заботились о ней. Работа у всех на глазах побуждала Агафью зреть вперед, чтоб замешки какой или худа не вышло. Все в семье делалось на глазах. Несправедливостей не было. Отношения между всеми были здоровые, деловые и добрые. Все стремились помочь друг другу. Живя по слову апостола Павла: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов». Не только в дому столь нравственно высокой и деловой была обстановка, но и за порогом родительской избы. Продумано по всем правилам подрубленное дерево непременно

падало куда нужно, как бы вознаграждая Агафью за обращение с ним по совести. Не как-нибудь, а на совесть Агафья возделывала землю, и та приносила свой посильный урожай. Но она же наказывала за небрежение, в частности, когда не получала требующегося ей удобрения: золу или листья деревьев. И вот что навсегда запало в душу Агафье: весь мир построен на совести. Не надо исключительных способностей, достаточно поступать по совести, чтоб потом не испытывать на себе лиха. Это должно быть ясно всем, потому некому здесь творить зло.

А чем же закончилась запоздалая встреча Агафьи с куклами? Н. П. Пролецкий успел углядеть, как Агафья заново углубилась в себя, чуть улыбнувшись, а следом дала понять, что куклы сработаны были искусником, «добре». Но не вышла за пределы строгих своих взглядов, собственного представления, сложившегося в ее духовном мире. Не заботясь о том, что о ней скажут люди.

— Ну, это все равно негоже, мертвыми-то забавляться ребеночками.

Однако Агафья не чуждалась красоты, но во всем знала меру и край. В этом году участок геологической партии размещался ниже впадения притока Соктыозек в Абакан. На галичной проталине за тальниковыми кустами стояли их палатки. За неделю до майских праздников из вертолета, из общей кучи, вместе с продуктами, среди ящиков, мешков и узлов к ногам геологов упал сверток. Геологи сорвали с него упаковочную бумагу…

Надо же! Что надумало прислать начальство с большой земли — красный ситец на лозунги! Но нужны ли лозунги в глухой тайге для горстки людей? Кого здесь агитировать?

Кому-то в голову пришла мысль отдать красный ситец Лыковым. Кто-то принялся утверждать, что Лыковы от красного ситца откажутся, что им нужен только черный. Однако красный ситец Лыковых не смутил, и Агафья сшила из него два сарафана — себе и Наталье. И я, когда

увидел их в этих сарафанах, спускающихся вниз по тропе, крутой горы огорода, был удивлен и просто поражен этим необыкновенным явлением.

А вот другой штрих к портрету Агафьи. Когда мы поднимали жидкую глину на потолочное перекрытие новой избы, что поставили лесники для Лыковых на Еринате. Перед обедом зашел у нас разговор, на сколько дней придется растянуть прихваченный с собой печеный хлеб. А под вечер к нашему костру пожаловала Агафья с только что испеченной ковригой. Мы все дружно замахали руками:

— Ты что надумала, а? Обитаешь в тайге! Одна! Излишков у тебя ни крошки. Нас вздумала хлебом кормить!

Все мы пытались направить Агафью вспять. Но Агафья не сплоховала. Явила народную мудрость:

— Где братчина, там это… складчина.

Мы были побеждены, пришлось принять хлеб Агафьи. Впрочем, щедрость Агафьи не знает границ. После нашего мартовского посещения ее на Еринате, вблизи Агафьиной обители волки загнали на край скалы марала. Прыжок его вниз был неудачен. Марал сломал себе ногу и, ища убежища, побрел подальше от берега в самые буруны. И уже к вечеру обреченный марал стал легкой добычей ночевавшего у Агафьи охотника.

На Агафью свалилась большая работа не на один день: отмачивать маралье мясо, вялить его на огне и досушивать в русской печи. В хорошо продуваемом лабазе, в окружении молодого пихтача, выделяющего фитонциды, сушеное мясо хранится очень долго. Но уже к лету от маральего мяса ничего не осталось. Агафья разделила его гостям, что дом строили. «Когда еще удастся им есть лакомую дичину».

Как-то Агафье пришло на ум поподчевать нас печеными кедровыми шишками. Что ей стоит влезть на кедрушку возле костра? Я изумился тому, как быстро Агафья приближается к вершине кедра, словно на крыльях. Да весит ли она что-нибудь?

Вообще Агафья верила, что все люди ныне не в пример тому, что принудили Лыковых скрываться в тайге, ей ничего плохого не сделают, нечего опасаться».

— Семеныч, туши давай свет. Спать пора. Весь дневник перепишешь!

— Ложусь, ложусь, Лев Степанович. Спокойной ночи.

Утро 22 августа. Туча как вчера покрыла весь Каир, так и держит его в объятиях и ночь, и утро. Но этого мало. Идет дождь. Но стрелки барометра, установленные на окне, несмотря на потоки воды, ползут вверх. Я не могу пройти мимо этих оригинальных и предельно простых приспособлений, позволяющих безошибочно предсказать погоду.

Сделаны они здесь в каждом домике. Работа барометра основана на свойстве дерева ели. Как известно, ель опускает свои ветки к ненастью и поднимает их вверх при хорошей погоде. Но как практически пользоваться свойствами этого дерева я не знал. Представьте себе, что вы стоите около елочки в лесу. Какую погоду предсказывает положение ее веток — понять нельзя. Опущены они или подняты — не определить. Оказывается, определить это очень просто, но только не в лесу, а у себя дома. Я вам рекомендую сделать такой прибор. Он заранее, за несколько часов и точно предскажет вам погоду. Устроен он следующим образом: после новогоднего праздника, когда елочка начинает осыпаться, и ее за ненадобностью убирают из комнаты, возьмите и отпилите у нее нижнюю часть стволика с одной или двумя веточками (удобнее с одной). Стволик может быть длиной всего 10 см., лишь бы у него была цела веточка, и желательно ее иметь подлинней и с самым кончиком. Далее кусочек стволика и сама веточка очищаются от коры, и стволик прибивается двумя гвоздочками к оконной раме со стороны улицы. Прибор почти готов, Теперь оконное стекло представляет собой как

бы поле шкалы, на которую наносятся деления, веточка же представляет собой стрелку, которая движется по вашей шкале. Деления, как правило, наносятся цветным восковым карандашом, или приклеиваются маленькие полоски бумаги. Три-четыре деления вполне достаточно. В пасмурную погоду, когда идет дождь, ставится нижнее давление, то есть нижнее положение веточки-стрелки фиксируется. В ясную погоду, когда веточка поднята вверх, риской отмечается верхнее положение стрелки. Третья черточка на стекле ставится между ними. Теперь все готово. Смотря на этот не хитрый, но очень точный прибор, Вы, уважаемый читатель, всегда наперед будете знать погоду.

Вот и сейчас, несмотря на то, что идет дождь, прибор работает безотказно. Куда отклоняется самый кончик веточки, туда отклоняется и сама веточка. И отклонения её кончика доходят до 180 градусов. Туман, дождь, кажется погода испортилась на целую вечность, но вы замечаете, что веточка упорно поднимается вверх. Это значит, что скоро будет хорошая погода и за нами прилетит самолет.

Самолет до Таштыпа

Идем на радиостанцию справиться о программе полетов на сегодня. Но новости неутешительные. На сегодня полеты отменил сам С. П. Черепанов — начальник геологической партии, тот самый, который не пускал нас к Агафье, теперь не хочет нас вывозить обратно. Нами получены новые сведения и буквально его решение по нашему вопросу слово в слово так: «Л. С. Черепанова с его группой не вывозить, если даже будут свободные места. Держать их на Каире 15 суток. Если у них нет денег для питания, пусть колют и пилят дрова, и за эту работу их кормить. Пусть посидят. Глядишь, больше не будут сюда нос совать».

Вот это да!!!

Пятнадцать суток. Словно решение прокурора за хулиганство или нарушение общественного порядка. Нашелся прокурор! Удельный князек! Попали мы в его вотчину. Самодур, не знает, как над нами поиздеваться. Захотел, чтоб мы на него работали. Не круто ли берешь, Черепанов? Как-то даже забавно становится.

Подумали мы, подумали и решили дать вторую телеграмму в Таштыпский райком Нефедову. Придя на радиостанцию, просим радиста передать текст, но не тут-то было. Принимать и передавать наши телефонограммы ему, оказывается, запретило местное начальство – Паршиков Василий Васильевич.

На наше счастье на радиостанцию пришел наш заступник Мерихов. Мир не без добрых людей. Геннадий Тимофеевич руководству Геолого-разведочной партии не подчиняется. От местного начальства он человек свободный и от себя лично передал нашу радиограмму:

г. Таштып
Райком партии
Нефедову

Начальник ГРП. отказывается вывезти нашу группу. Прошу вашего вмешательства

Черепанов Л. С.

На радиостанции мы узнали, что к Агафье хотят переехать на жительство Линьковы — супружеская пара, которая жила на Еринате, еще при Карпе Осиповиче. Мы этому обрадовались. Есть теперь Агафье с кем зиму коротать.

Но прорваться через Черепановский заслон им не удалось. И как выяснилось позже из письма, полученного через два месяца, где Линьковы сообщили, что лётный кооператив запросил с них на переброску на Еринат две с половиной тысячи рублей. Набрать такую сумму Линьковы, конечно, не могли и уехали опять на Енисей. Вот так тут заботятся о том, как помочь Агафье.

А с нас за переброску на Еринат летный кооператив хотел получить по 95 руб. Трудно у нас без серебра быть человеком.

День разгуливается, но самолета нет! Ну до чего же надоело ждать! Отойти никуда нельзя, вдруг прилетит. Хотелось сходить на буровую: никогда не видел, как бурят скважины, но уйти нельзя. А как хотелось сходить на рыбалку, половить на мушку хариуса. Здесь он хорошо ловится. Соседи каждый день потрошат. Слыхал, на днях здесь застрелили тайменя «в яме» весом в 35 кг. Но видеть этой рыбы мне не пришлось. Про нее только разговор. Велика, говорят, была эта рыбка.

А как, интересно, подняться на гору, где вечная тундра или просто голые камни и снег. И только ожидание самолета удерживает нас от этого мероприятия. Вдруг прилетит, и местное начальство скажет: «Садитесь, пожалуйста, скатертью дорожка».

У нас ничего нельзя ни спланировать, ни предусмотреть. Как-то даже странно. Все зависит от случая. Вдруг нам говорят, что самолет вылетел и через два часа будет здесь. То говорят, что самолета не будет, а он летит.

И он действительно летит!

К прилету все идут на летное поле, оно здесь рядом за поселком на берегу Большого Абакана. Мы идем тоже. Хотя точно уверены, что нас не посадят. А вот наш сосед по домику уверен, что улетит с шестью ведрами ягод. И это так и будет, а вот мы с командировками в кармане останемся здесь ждать какого-то другого рейса.

Но вот самолет идет на посадку. Пробежав по дорожке, подруливает к нам. Идет разгрузка, встречаются друг с другом люди. Некоторые уже заносят свои вещи в самолет.

Ко мне подходит человек с папкой в руках: Сергей Петрович Черепанов. Знакомимся. Он выказывает желание со мной поговорить.

— Сейчас?

— Нет. Вот отправим самолет. Там у меня в конторе.

— Хорошо. Давайте поговорим.

Лев Степанович в это время разговаривает с командиром экипажа. Но вот уже прощание и взлет. Все пенсионеры и домохозяйки улетели. Мы же пошли в свой домик ждать очередного рейса.

Сергей Петрович просил меня к нему зайти поговорить. О чем? И когда это сделать? У него сейчас, конечно, производственные дела, где я с ним тут буду разговаривать? И почему только со мной? Нас здесь трое. Сидим четвертые сутки. Есть у нас старший Лев Степанович. Они однофамильцы. Мне же с ним разговаривать совсем не о чем, да к тому же и желания на это у меня никакого нет. Всего один вопрос: как улететь? Очевидно, когда Сергей Петрович кончит решать свои вопросы по бурению, тогда он, наверное, придет к нам в болок или нас вызовет.

Лев Степанович, очевидно, так же рассуждает и готовится к предстоящему разговору, заправляя новую ленту в магнитофон.

Сергей Петрович врывается в дверь как ветер!

— Мастеру житья не давали, а со мной и разговаривать не хотите? Да?

Быстро проходит вперед, садится на табуретку. Лев Степанович молниеносно включает свой магнитофон, выставляя вперед микрофон, запись пошла!

Сергей Петрович несколько осекся, но потом оправился и бодро продолжал свою вдохновенную речь о том, как они — работники ГРП всегда заботились о Лыковых. Всегда старались им помочь, а вот теперь меня, за все мои добрые дела и пожелания таскают к прокурорам. И что Иван Тропин хотел Агафье помочь (пожалел волк кобылу…), и что она, Агаша, во всем сама виновата, а Карп Осипович тоже хорош… Далее шло такое!!! Такое!!! Что рука моя отказалась писать! Поливая отца — Карпа Осиповича, страшной грязью, пользуясь здесь своей неограниченной властью и тем, что мертвые молчат, Сергей Петрович не стеснялся в выражениях. Но никогда бы он не сказал

это при живом отце, а если б и сказал, то далее пришлось бы им разговаривать на пистолетах!

А как смогла бы выдержать все это чистая душа Агафьи, всю эту скверну в ее адрес? Странно было бы ей слышать в словах Сергея Петровича, что она и соблазнительница, и чуть ли не развратница! Услышав это, Агафья умерла бы от таких слов!!!

И вот это — руководитель геолого-разведочной партии. Какие же там порядки в этой партии? Местное начальство на Каире, в лице старшего мастера бурения Василия Васильевича Паршикова, под стать Сергею Петровичу — такой же грубиян!

Как ты хамски себя ведешь. Защищаешь Ивана — насильника, по которому давно тюрьма плачет. Не мудрено, что тебя прокурор таскает. Нет дыма без огня. Не был бы виноват — никто бы не таскал. Вы все еще ответите за случившееся с Агафьей вместе с Иваном.

Какая странная у вас дружба: начальника партии с лодочником этой же партии. Что общего у вас? Очевидно, браконьерское мясо, которое тебе поставляет последний, а ты ему вертолет «попутный» для его грязных дел. Не интеллектуальные же свойства сдружили ваши личности? Сама Агафья говорит: «Не выпросишь вертолета-то», а для Тропина — пожалуйста.

Что ты за человек, Сергей Петрович Черепанов? Шекспира надо сюда, чтоб описать твой портрет. С твоих слов: «Продай мне, Агаша, козу» надо полагать, что деньги она с тебя не возьмет, вспоминая твои к ней благодеяния, куда ей их в тайге? Агафья козу должна тебе подарить. Срамота! Не нашел ты в Таштыпе коз. Гуляют они там по всем улицам. Покупай и дои. Обязательно надо клянчить у Агафьи последнее. И это несмотря на то, что в твоем доме – дворце на берегу Абакана, как мне сказали, во дворе стоят три коровы.

Привык ты себя здесь царьком считать, все тебе здесь сходит безнаказанно. И с нами ты тоже так же поступа-

ешь. Но не надейся, мы не будем у тебя рабами, за кусок хлеба колоть дрова 15 суток. Потом брошенный камень в тебя не вини.

Корил нас Сергей Петрович и телеграммами, и особенно обвинял Льва Степановича. Про муку вспомнил, что Лев Степанович привез в райком и положил там на стол ком этой муки, еще в прошлый раз. И другое, и третье, и пятое, даже то, что он и не делал.

Чем же закончилась его пламенная речь, которую никак нельзя было даже перебить? Сергей Петрович предложил нам оплатить самолет по 20 рублей, выписав один чек на троих (за перевозку грузов более 0,3 тонны). С паршивой овцы хоть шерсти клок — очевидно, так он рассуждал. Деньги мы, конечно, ему заплатили, но для нас так и осталось неясным: сколько же все-таки стоит перелет между Таштыпом и Каиром? 93 рубля, или 2,5 тысячи, или 20 рублей? На этом Сергей Петрович и кончил свое красноречие. Ушел, не попрощавшись, хлопнув дверью!

— Ишь, разошелся!

Ну, теперь ждем самолета. Деньги уплачены. Теперь настала наша очередь лететь. Ягодники и пенсионеры улетели, теперь можно и командировочным отправляться.

Ну не тут-то было! Началась гроза и стало понятно, что обещанного сегодня второго самолета не будет. Остаемся на сутки, на двое…

Дождь кончился к вечеру. Опять «зайцы баню топят». Клочья облаков повисли над деревьями и домами. Однако, несмотря на непогоду, самолет, как ни странно, вылетел во второй рейс. Теперь здесь в плену сидит сам Сергей Петрович Черепанов — руководитель партии. Неужели вместе полетим? Но этому не суждено было совершиться. Самолет не долетел до Каира 20 минут лета и повернул обратно ввиду плохой погоды.

24 августа. За окном все та же белая туча. Сырь кругом невероятная, мокрые все кусты. Пока ходил на речку умываться, все брюки стали мокрые. Какие тут самоле-

ты? Вот аэропорт, сидим уже пятые сутки, а можно было бы и улететь при некотором доброжелательстве С. П. Черепанова. За это время команда Н. П. Смирнова на плотах прошла половину пути. На горячих ключах успели погреться. Попарили кости после этих дождей.

Николай Павлович рассказывал, что бассейн сделан очень просто. Входишь в избу, раздеваешься, открываешь западню в полу и прыгаешь вниз. И сразу же по шейку в теплую воду. Сидишь там, пока не надоест. На этих-то ключах и спасается от прокурора Иван Тропин. «Лечится от чего-то». Должно быть, устал он уже от этой поликлиники. Надоело, поди. А вылезать из этой воды не хочет — боится прокурора.

На улице идет дождь, но, несмотря на это, «стрелки-веточки» барометра поднимаются вверх, значит, скоро будет хорошая погода, а через час узнаем, что самолет будет во второй половине дня — около трех часов. На этот раз нам нет никаких препятствий к полету.

Зачерпываю последний раз воду из протоки к чаю. После обеда пошел пройтись. Как выйдешь из поселка, то справа за малинником устроен навес, под которым обычно жили Лыковы, когда бывали на Каире. Здесь жила и Агафья, пока мы за ней не прилетели. Под навесом лежанка покрыта сеном, под которым Агафья забыла впопыхах, когда прилетел вертолет, свою тетрадку с конвертами и адресами, а вспомнив, попросила Льва Степановича, чтобы он их взял и ей как-то передал.

У лежанки костер, в котором остались одни только обгорелые головешки, а в 10 метрах чистая протока с тихо струящейся водой.

Получив инструкцию от профессора И. П. Назарова и строжайше соблюдая гигиенические правила общежития, Лыковы не жили в домиках геологов. Особенно строго все это Агафья соблюдала после смерти отца.

Самолет прилетел в два часа. Выгрузил горючее, посадил людей и нас тоже. Начальник С. П. Черепанов с нами

не полетел, остался на другой рейс. И прощай, Каир, Саяны. Увижу ли вас еще когда? До чего же вы красивы! Вот опять под крылом горные их пики.

Через два часа, благополучно приземлившись в Таштыпе и положив вещи в заезжую, поспешили в город. Рабочий день уже заканчивался, надо было спешить. С деловым визитом нам удалось попасть только к прокурору города Кикичевой Ниной Федоровной. Нехорошо конечно начинать с прокурора, но что поделаешь?

Нина Федоровна приняла нас хорошо. Обо всем расспросила. Мы же пришли к ней обеспокоенные дальнейшей судьбой Агафьи, которой необходима защита закона от посягательств Ивана Тропина и ему подобных. Здесь же были изложены и другие вопросы пребывания Агафьи на Еринате: учреждение опекунского совета, высказано было предложение на проверку переводов на имя Ерофея Седова в помощь Агафьи. Он имел возможность получать переводы со всей страны и расходовать эти деньги по своему усмотрению, никому не давая в этом отчета.

Об открытии счета на имя Агафьи в банке. О пропуске и переправе женщин, желающих разделить с Агафьей ее отшельничество.

— Нина Федоровна, мы в лице Агафьи имеем совершенно уникальный случай женщины-отшельницы. Отшельники-мужчины были и есть, но женщина-отшельница, да еще в глухой тайге, за тридевять земель, за горами от поселений людских — явление не только редкое, но в данном случае совершенно уникальное и, пожалуй, не единственное ли? И со стороны человечества о ней конечно должна быть проявлена максимальная, но ненавязчивая забота. В дальнейшем там, на Еринате, возникнет монастырь. Многие хотят ехать на жительство к Агафье, но не многие понимают сути отшельничества, строгого монашеского жительства.

Церковные правила говорят так: «Аще хочешь идти в монастырь, то затворись в своей келье на три года.

И если увидишь, что все страсти можешь терпети, тогда иди в монастырь». Наше же общество к постам и иноческой жизни совершенно не готово.

Надо открыть вопрос об оказании медицинской помощи. Хорошо бы охотхозяйству заключить с Агафьей договор на добычу соболя и другого пушного зверя и через это снабжать ее хотя бы мукой. От этого всем польза.

Тропин увез 100 ведер картошки, и ничего взамен.

Геологам пора бы вернуть ей свой долг и привезти, наконец, мешок муки хорошего качества.

— Хотелось бы, Нина Федоровна, с Вашей помощью добиться изменения отношений к Агафье некоторых геологов. О свертывании участка Волковского и многих других вопросов.

Ну и конечно сам собой встал вопрос о поведении, вопиющем поведении, самого Сергея Петровича Черепанова.

Беседа наша шла часа полтора.

Нина Федоровна сказала нам, что с Иваном Тропиным уже разбиралась. Но дело его не закрыто. Пока он получил мое устное запрещение появляться на Еринате. Но вот за последнее время Тропин исчез из моего поля зрения, и как только я его увижу, я ему выдам письменное запрещение.

Нина Федоровна, конечно, откровенно сказала, что Таштыпский исполком конечно против судебного процесса.

— Мы понимали, что исполкому лучше все сгладить, замазать, словно и не совершалось никакого преступления. Это понятно.

Далее Нина Федоровна рассказала нам, как она сама побывала у Агафьи в связи с констатацией смерти Карпа Осиповича, а также разбирательством дела Тропина.

— Я с Агафьей обстоятельно говорила обо всем. Она мне все рассказала, но! Заявление писать отказалась. Свое белье как вещественное доказательство тоже сожгла.

Смотрела я все одеяние Агафьи. Одета она очень просто, в хлопчатобумажный сарафан. Как только она в нем не мерзнет? Я-то в шубе, а она? Посмотрела, что ей прислали. Вещи все хорошие, но Агафья их не носит — лежат они в куче перед дверью слева и справа. А вот бани у Агафьи нет. Как она моется? Но вот что интересно, нет от Агафьи дурного запаха, ни изо рта, ни от тела.

А вот вчера пришла ко мне на прием одна интеллигентная женщина, прекрасно одета, все в порядке, но я все свои силы собрала, чтобы выдержать разговор. Думала, меня вырвет, как от неё пахло... Не знала, как разговор кончить».

Интересно сказано по этому вопросу в Псалтыри у пророка Давида «…гроб отверст гортань их, языки своими льщаху. Суди им Боже…». Здесь говорится про нечестивых людей и в переводе: «изо рта у них пахнет как из гроба, языком они сплетают лесть. Суди им Боже».

«Агафья спокойно разговаривает, прекрасно мыслит, все обстоятельно рассказывает. Я представляю когонибудь из нас на ее месте. Что бы с нами было, окажись мы в глухой тайге? С ума бы сошли. Одичали бы, без помощи погибли. Здесь же твердость духа. Полное спокойствие. И еще говорят, что будь-то бы Агафья…в какомто таежном тупике. Ничего подобного, это мы в тупике, а не Агафья».

На этом мы распростились с Ниной Федоровной, которая нас заверила, что все сделает для пользы дела.

На сегодня у нас все покончено с геологоразведочной и с ее начальством. Вырвались мы из когтистых лап руководства. Слава Богу, на большой земле. Придя в заезжую лесничества, ужинаем чем Бог послал, разговариваем. Легко как-то на душе. Словно камень с шеи свалился. Пьем чай. Хотя уже и поздновато, но спать почему-то не хочется. Много конечно сегодня всяких событий и впечатлений. Схлынуло с души и тяга вынужденного безделья на Каире и весь этот кошмар недоброжелательности.

Истоки живой речи Лыковых

По Лыковым набирается порядочный материал. Один только Лев Степанович 11 провел экспедиций. Надо полагать, в его трудах и трудах других участников многие вопросы будут достаточно разнообразны.

Но меня очень интересует язык Агафьи, Карпа Осиповича, его языка я, к сожалению, не слыхал, но и он должен быть очень интересен. Я же сам очень люблю свой церковно-славянский язык. Прекрасно его понимаю, могу свободно на нем говорить, если так можно выразиться, он вошел в меня с раннего детства, со слов молитвы моей матери и с тех пор всю жизнь меня сопровождает. А вот Агафьин язык особенный. Он такой у нее чистый-чистый. Ничем не запачканный, как воздух тайги, или как вода в Ерината: чистая, вкусная.

Но для того, чтобы рассказать о таком сложном понятии, как разговорный язык, да простит меня читатель, я опять предложу по этому вопросу статью «Истоки живой речи Лыковых» филологов Казанского университета, о которых мы уже говорили.

«Прошло 11 лет со дня «открытия» Лыковых. Старообрядческая семья, стремившаяся в затворничестве сохранить веру отцов и остаться, быть может, навсегда безвестной в тайге, оказалась, вопреки всему, известной не только на всю страну, но даже и за ее пределами. Как тут не вспомнить слова Христа Спасителя: «Сила бо моя в немощи совершается».

У Лыковых уже побывало 11 научных экспедиций, в том числе четыре организовали и осуществили диалектологи Казанского университета. А началось все с того, что семь лет назад, прочитав в «Комсомолке» документальную повесть В. М. Пескова «Таежный тупик», доцент Казанского университета З. М. Альмухамедова, занимающаяся изучением русских национальных говоров, высказала предположение, что речь Лыковых идеально «законсер-

вированная», может представить определенный научный интерес. Версию нужно было проверить. Первый же визит к Лыковым в 1983 году подтвердил ее предположение: речь Лыковых — достойный внимания объект.

Поражало и то, что речь Карпа Осиповича Лыкова, говорившего «на о», отличается от речи его дочери Агафьи, которая непривычно растягивала слова и «акала». Так был открыт «Лыковский языковой феномен» — существование двух говоров, резко отличающихся друг от друга в условиях микросоциума одной семьи. Вот два примера: первый из рассказа К. О. Лыкова о жизни на Алтае у племянника Анисима Тропина: «Мы у них на фатере *(квартире – ред.)* жили. Молочка так ложечки никогда не уделили, когда ребяты были. Савин был, да Наталья маленька. То есть никогды, штоб медку ли, или кортошек поделились бы. Вот и не манит». Второй отрывок из рассказа Агафьи Лыковой, где речь идет об Алексее Уткине, геологе, который помогал Лыковым заготовлять дрова зимой 1983 года. «Алексей ныне Се пАсАблял нам дров-тА пАсАбить. Как на работу взяли, тАХды все».

Перед учеными-диалектологами встал вопрос, как же могло случиться так, что в условиях полной изоляции от внешнего мира существовали, сохраняя свои особенности, говоры, принадлежащие к разным русским наречиям? По всей логике говоры должны были ассимилироваться в условиях такого тесного контакта, но этого не произошло.

Знакомясь с Лыковыми, мы старались восстановить историю формирования их говоров. Удалось установить, что родители К. О. Лыкова были родом их Ялуторовска (Тюменской области), точнее отец оттуда, а мать из Саламатска. Диалектологам известно, что говоры западных районов Тюменской области, где и находится Ялуторовск, не вполне однородны, хотя многие из них до сих пор имеют северорусскую окающую основу. От родителей и досталось К. О. Лыкову «оканье».

Акающая речь Агафьи отличается от говора отца и по темпу, и по реализации согласных, кроме того, она сохранила церковные произносительные нормы. В детстве Агафья, родившаяся и выросшая в тайге, не знавшая никого, кроме своих родителей, сестры и братьев, больше всего общалась с матерью, которая научила ее молитвам и чтению. От нее-то и переняла Агафья акающую речь.

Геологи, общавшиеся с Лыковыми с 1978 года, рассказывают, что все младшие Лыковы, включая и Агафью, — акали. Правильность наблюдений подтверждается и нашими встречами с родственниками Агафьи по материнской линии, живущими в поселке Килинский в Горной Шори на Алтае. Основано это селение было еще в начале 1930-х годов XX века старообрядцем Климентом Килиным. Родословная обитателей Килинска восходит к ветковцам-старообрядцам, бежавшим от гонения в Польшу и образовавшим там до двух десятков слобод под общим названием «Ветки». Сейчас эта территория принадлежит России и называется городом Гомелем в Белоруссии. «Ветка» долгое время была одним из духовных центров старообрядчества. В XVIII веке царское правительство трижды разоряло «Ветку», посылая туда войска численностью до пяти полков, нарушая границу с Польшей, предавая всех казни. Казнили не только живых, казнили даже мертвых, выкапывая гробы и сжигая их на кострах. С «Ветки» было насильственно выведено под крепкий монастырский надзор более 50 тысяч старообрядцев. Надо полагать, что Сибири-то они не миновали. В ту злую пору в Сибирь уходили миллионы, терпели муки, горели на кострах. (Журнал «Огонек» за 1989 год). В Сибирь бежали из Новгородской, Псковской и даже Архангельской губерний, а также и с Поморья».

Но вернемся, дорогой читатель, опять к говорам. Хотя может быть это и скучноватая теория, но трудам науки надо отдать должное и ученых мужей хорошо послушать.

«В результате миграции начали возникать «островные говоры», а с другой стороны, в результате междиалектных контактов стали формироваться на сибирской земле так называемые вторичные акающие говоры. Носителями такого говора и являются Килинские старообрядцы. Слушая рассказы Килинских родственников Лыковых, мы пришли к заключению, что мать Агафьи была носителем вторичного сибирского акающего говора, который она передала своим детям. Говор же Карпа Осиповича относится к старожильческим сибирским окающим говорам, сформировавшимся на северорусской основе.

Оба говора (Агафьин и отца) являются своего рода живыми свидетелями истории русского языка. Благодаря обособленности и изолированности, говор Лыковых сохранил многие самобытные черты. На одну из таких черт мы и обратили внимание, когда Агафья пела псалмы, обращая при этом свое сопрано к Богу. Речь идет о строгом соблюдении ею церковных произносительных норм, в которых отразились и древние канонические правила чтения богослужебных книг, и живые традиции древнерусского знаменного распева, берущего свое начало в византийских храмах.

Обитатели таежной заимки на реке Большой Абакан свято хранили книжную христианскую культуру. В одной из экспедиций мы предложили Агафье прочитать «Слово о полку Игореве» — памятник литературы Древней Руси. С этой целью были нами отобраны отрывки из текста. Сначала несколько недоуменно и настороженно она прочитала первые строки. Но рассказ о князе и его дружине, о сборах на битву с врагом, видимо увлек ее. И Агафья читала и читала. Необыкновенно звучало «Слово» среди притихшей тайги. Во время чтения Агафья запнулась только три раза, встретив незнакомые слова. А все древнерусские слова и грамматические формы ее нисколько не смущали. Язык «Слова» ей был понятен. По-разному читают «Слово» актеры, поэты пытались передать атмосферу да-

лекого от нас времени. Манера чтения Агафьи во многом похожа на монотонный речитатив, замедленный полураспев, близкий к молитве погребения… Очень интересна у Агафьи погласица (мелодика) фразы при чтении. Чтение Агафьи также интересно и потому, что она стоит гораздо ближе нас к автору «Слова» и его современникам. Агафья удивляет нас не только тщательным, замедленным проговариванием слов в нос, что отсутствует у носителей современного русского языка, например во французском, американском варианте английского языка. Напрашивается вопрос, не является ли прононс у Агафьи следствием патологических изменений в речевом аппарате? По мнению профессора Красноярского мединститута И. П. Назарова, изучающего феномен Лыковых, носовой оттенок связан не с наличием каких-либо дефектов челюстно-лицевого аппарата, а вероятно с отсутствием большой разговорной практики и длительным чтением молитв в определенном стиле и ритме. Возможно, что носовой оттенок связан и с орфографической традицией, имеющей под собой фонетические основания. Ведь хорошо известно, что в древнерусском языке были и носовые гласные звуки. Их, наверное, и хранит Агафья Лыкова в своем говоре.

Удивительно богата и разнообразна лексика Лыковых: от бытовой до религиозной. В речи их можно услышать такие слова, которые отсутствуют в современном литературном языке, но сохраняются в отдельных говорах. Например, для обозначения прошедшего года Лыковы употребляли слово «лони», которое широко распространено в архангельских говорах. Интересны такие слова, которые связаны с условием жизни и особенностями природы: поваренка — ложка, картовная яма — картофельная яма, каралька — пустая булка, тростить — говорить много, шоркаться — тереться обо что-то (о медведе), наводняться — стать сырой от дождей (о земле), сухорость — отсутствие росы, дресва — берег реки, свободный от воды. Както беседуя с Агафьей, мы услышали слово «мужатица».

Оно заинтересовало нас, и вскоре мы узнали от Агафьи, что это слово встречается у Златоуста и означает жену, гулящую от мужа…

Одной из особенностей говора Агафьи является отсутствие шипящих, на их месте она произносит свистящие, то есть на месте «ш» она произносит «с», на месте «ж» — «з» и так далее.

В заключение скажем, что Лыковы — это пришельцы из далекого прошлого нашей страны. Но они уже соприкоснулись с нашей жизнью. И это случилось не только в конце 1970-х годов, а раньше — в 1920–30-е годы XX века. Язык, быт, психология — все интересно и заслуживает внимания специалистов, но внимания тактичного и осторожного.

Утром 25 августа в восемь часов мы поспешили в Таштыпский райком. Сегодня нам назначил встречу Лукьянов Валерий Михайлович второй секретарь, но придя к нему, получаем неутешительный ответ:

— Валерия Михайловича нет, и не будет. Он уехал в Абакан по важному вопросу.

«И пошли они, солнцем палимы, повторяя: «Суди его Бог!». *(Некрасов)*

Лукьянов конечно занятой человек, могут быть у него и важные дела в Абакане. Но уж раз он назначил встречу сам, а потом сам же и уехал, то должен был хотя бы поручить наш вопрос кому-то. А может быть он просто решил так: ну походят и отстанут. Но мы решили все же не уходить и решили постучать в следующую дверь, благо здесь их много. Попали к заместителю председателя Райисполкома и высказали ему свои предложения.

Но! Заместитель нам сказал: «А о ком мне больше заботиться? О Лыковых, что ушли от советской власти?! Ушли от активной жизни в обществе? Или о детсадах и яслях? А?! С этой атаки на нас, зам начал навязанный ему разговор, высказывая основную мысль, преобладающую в умах

представителей советской бюрократии. Все они здесь думают совершенно одинаково. Так думал и этот зам, не видя за собственным величием простого человека.

В жизни же было не так, даже совсем не так, как думал близорукий зам. Не от советской власти ушли Лыковы, объясняем мы заму, а от уродства коллективизации. Ушли, когда надо было сделать выбор между жизнью и смертью, свободой, собственным достоинством и рабством. Нужно сказать и о том, что дед Агафьи был священником белокриницкой иерархии, замученным в тридцатые годы. *(Газета. «Староверы Верхокамья». 2014 г. № 3 (42))*. И уход в тайгу был у Лыковых единственным вариантом.

Выслушав эти доводы, гордый зам сменил гнев на милость. Он об этом ничего не знал. Видя нашу настойчивость (уходить мы не собирались) и, понимая, что разговор надо продолжать, от этого не уйти, зам предложил перенести обсуждение вопроса в кабинет председателя Райисполкома В. В. Баулина.

У Василия Васильевича разговор протекал в нормальном русле. Проблема эта назрела и ее все равно надо было решать, если не сегодня, то завтра. В кабинете Баулина было достигнуто соглашение по всем вопросам и мы распростились с хорошим чувством, надеясь на хорошее решение всех Агафьиных проблем. Председатель Райисполкома обещал: решить вопрос об опекунском совете, введя в него работника исполкома по социальному обеспечению М. Е. Кизласову и врача терапевта. Осталось нам только надеяться и ждать, что все это осуществится.

А через час автобус уже увозил нас из Таштыпа. За окном проносилась однообразная степь, да изредка встречались хакасские надгробья.

Жалость расставания, чувство чего-то недоделанного, невыполненного долга. Хотя все мы старались в меру сил и своих способностей. Что удастся нам еще сделать в Абакане? Куда мы приедем через три с половиной часа. Ах, мысли, мысли — эти труженицы, не знающие покоя.

Многие хотели помочь Лыковым, облегчить их положение. Многие же не понимали и не желали понять. Не хотят, не желают и сейчас иметь перед своими душевными очами, видеть духовный подвиг человека, женщину!!! Оставившую мир, ушедшую в уединение дикой тайги и там посвятившую себя Богу. Ее образ беспокоит сознание, задает вопрос за вопросом спящей совести: вот как живет она! А как ты живешь?! И поэтому люди стараются вытащить Агафью из тайги любой ценой, чтоб она была похожа на всех. Не тревожила бы сознание о Вечном Бытии. Не могут некоторые люди выносить духовный подвиг другого человека, на фоне своих сомнительных стремлений и порой постыдных дел.

Но надо ли выводить Агафью из тайги? Зачем? Пусть она живет там, как считает нужным. Пусть хоть кто-то будет примером для каждого из нас. Можно же ей помочь и по-другому.

За десять лет не догадались до лучшего ни райкомы, ни крайкомы. А как можно было бы интересно организовать взаимоотношения с Лыковыми. Товарообмен! Вот путь помощи. Снабдив Лыковых техинвентарем, мы бы сразу убили «трех зайцев»: привлекли бы Лыковых к активной жизни в обществе. Оказали бы им активную помощь предметами первой необходимости, получили бы и большую выгоду сами в виде пушнины, кедрового ореха, черемши, грибов и ягод. Да разве все перечислишь. Лыковы бы снимали разумно урожай тайги. Отпала бы необходимость закидывать в этот отдаленный район промысловиков- охотников. Все бы были довольны и в выгоде. А что для этого нужно? Заключить трудовое соглашение на поставки. Я тебе — ты мне. Вот вам и решение всех проблем. И не надо иметь семь пядей во лбу, чтоб все это сделать.

Но охотхозяйство края не может этого сделать отчасти от того, что лень. Но думаю больше от страха перед пресловутыми райкомами.

Что принесло наше общество Лыковым? Смерть! Как это ни странно, да еще изнасилование Агафьи, последней представительницы этой семьи, совершенно уникальной и, увы, уже не существующей!

Много сменилось руководителей в райкомах за десять лет, но ни один до этого не догадался. А как все это было, мы все знаем. Ну, к примеру, раздавался телефонный звонок в кабинете и лениво-повелительным тоном: «Ну что вы там развели? С одной бабой справиться не можете, растрезвонили на весь мир. Кончайте все это», — сказал некто «Иван Иванович». Очень может быть, это было и так.

А чем же все-таки мы помогли Лыковым? Прислали только однажды прокурора для констатации смерти Карпа Осиповича да расспросили обстоятельства дела по преступлению Ивана Тропина — насильника Агафьи. Кстати прокурор не нашел достаточно улик и свидетельств против Ивана. Да и исполком против, как нам поведала Нина Федоровна в Таштыпе. До сих пор тот гуляет на свободе и посмеивается. А надо бы ему давно принести плоды покаяния.

Главврачу, в чьей санитарной зоне проживают Лыковы, не пришла в голову мысль об оказании им минимальной медицинской помощи. Один только Назаров и лечил их по доброте своей душевной и инициативе.

Могли бы Лыковы снабжать геологов своей несравненной картошкой. И когда им геологи, наконец, дали ружье и некоторые продукты, то Карп Осипович просил прислать им капканы на соболя, колонка и норку, чтобы отплатить добром за добро. Его слова: «Агаша тогда встала на лыжи и за все расплатилась». Интересно оприходовали ли этих соболей в геологической партии?

Начальство наше не могло организовать даже опекунского совета. Один Ерофей Седов, по личной инициативе имел возможность получать переводы со всей страны и расходовать эти деньги по своему усмотрению, никому не давая в этом отчета. Хорошо, если распоряжался

честно. Кто теперь проверит, на какую сберкнижку клал Седов переводы, предназначенные для Агафьи. Я, конечно, не хочу обвинить в чем-то Ерофея Созонтьевича, но кто знает.

В Абакане и Минусинске

Оставив шумную автостанцию, идем приятными, тенистыми улицами к гостинице. Кругом чистенько, аккуратно подстрижены кусты, много прохожих, но сутолоки нет. Как-то располагает к отдыху и душевному покою этот приятный городок.

Устроившись в гостинице, пошли и накупили всего с голодухи. Пообедали на славу, но отдыхать с дороги некогда. Нужно идти на прием ко второму секретарю крайкома Е. А. Зубову. Он нам назначил сегодня прием на три часа дня.

Большой просторный кабинет, несмотря на знойный день, сохранял прохладу и свежесть раннего утра. Дышится легко и свободно. Очевидно скрытые кондиционеры, работают в заданном режиме.

Поздоровались, познакомились. Рассказали Евгению Андреевичу о положении на далеком (почти 600 км бездорожья тайги) Ринате. О всей сложности существующей обстановки, о трудностях воздушного моста Каир–Таштып. Пришлось, конечно, упомянуть и Сергея Петровича Черепанова, побеседовать и о Тропине.

Ознакомили Евгения Андреевича мы и с нашей беседой с прокурором Таштыпа Ниной Федоровной Кикачевой, о принятых решениях в Таштыпском Райисполкоме, по поводу опекунского совета с В. В. Булавиным. Но кроме всего этого обсудили вопрос о создании счета на имя Агафьи. Тогда к ней можно всегда летать, используя свободные вертолеты.

Евгений Андреевич одобрил все наши решения, заверил нас о том, что все возьмет под свой контроль. По-

интересовался о нашем самочувствии и о наличии билетов на обратную дорогу.

Билетов у нас, конечно, не было, но просить Е. А. Зубова мы постеснялись. Сочли неудобным вешать на него все наши заботы. Понадеялись на свои силы и конечно зря!

Попрощавшись со вторым секретарем крайкома (и так уже разговаривали почти два часа) бежим в телецентр на запись. В 17 часов у нас сегодня творческий отчет о поездке и о посещении Агафьи на Еринате. Но к 17.00 мы опоздали. Нас уже ждали и сразу: «Скорее, скорее, ребята!!!». Не успел я и дух перевести, как сижу уже за круглым столом Абаканского телецентра перед камерой. Пока нас инструктировали, наводили аппараты и крутили объективы, мы отдышались и пришли, что называется, в себя.

Главный редактор и ведущий программы — Юрий Матвеевич Пустовой, если вы помните, уважаемый читатель, еще до поездки, просил потом не забыть дать интервью по результатам экспедиции.

На интервью для хакасского телевидения нам было отведено 27 минут. За это время были показаны живописные эскизные работы Эльвиры Викторовны Матаковой — нашего художника-профессионала. Приведен рассказ всех членов экспедиции о посещении Каа-Хема, знакомстве с монастырем и поездке на Еринат. И конечно о жизни Агафьи в тайге.

В этой передаче мне, как представителю Митрополита Московского и всея Руси, было отведено значительное время, в которое я и сказал, что, во-первых, привез от Митрополита подарки для Агафьи: кожаную лестовку и большой сверток свечей из воска ярого, что Агафью этот подарок тронул до глубины души, почти до слез. Рассказал Агафье о Русской Православной Старообрядческой церкви, информировал Агафью, что в городе Минусинске есть такая церковь, передал Агафье нашу церковную литературу и другие гостинцы от московских старообрядцев.

Мною была высказана мысль о том, что Агафья, конечно, останется на Еринате отшельницей и со временем там появится монастырь. Местное партийное руководство хотя и против этого, но ничего с этим не поделаешь. Все монастыри рождались так. Приходил отшельник и копал себе землянку, потом к нему присоединялись другие братия, и организовывалось общежительство. Так рождались все монастыри, а за монастырями шла цивилизация.

В истории иноческого жития много примеров отшельничества среди мужчин, но крайне редки случаи отшельничества среди женщин. Агафья сама по себе случай редчайший и уникальный, женщины-отшельницы в глухой тайге. В условиях, когда ведется постоянная борьба за существование! Подходить к Агафьиному вопросу надо особенно осторожно. Помочь ей не навязчиво, пустить туда других женщин, желающих разделить с ней духовный подвиг. В условиях монастыря всегда может помочь человек человеку.

Удивительная оперативность Абаканского телевидения. В пять часов шла запись, а в восемь материал вышел в эфир в рубрике «Жизнь края».

Здесь в Абакане дополнительно узнали о том, что С. П. Черепанов дал команду «Держать нас на Каире и не вывозить, если даже будут свободные места в самолете». Даже здесь это известно. Срам.

В телестудии Лев Степанович познакомил меня с местной писательницей-хакасской Валентиной Кирилловной Татуровой. Мы довольно долго с ней разговаривали, но было уже поздно, и она попросила о встрече еще в воскресенье. У Валентины Кирилловны много вопросов касательно старообрядчества. Все это она хочет выяснить.

Утомленные этими насыщенными событиями дня и интересными встречами к ночи мы повалились спать. Завтра новые события, встречи, разговоры.

Однако не спалось. В голову лезут одна за другой разные мысли. Уж больно просто они там, в крайкомах

и исполкомах со всем соглашались. Все готовы сделать для необходимости жизнеобеспечения Агафьи в условиях полной изоляции в тайге. И я сам думаю, что все эти работники партаппарата и советской власти края действительно хотят помочь делу. И я тоже согласен с тем, что они чисто даже по-человечески стремятся помочь Агафье и наверно все же сдержат свое слово. Они же имеют не только желание, но еще и власть. Но как осуществить эту помощь? Все это нужно делать, обо всем заботиться, словом работать. Но работать часто лень, а иногда просто и некогда, дел много разных, а бывает и так, что работа не получается. Здесь упорство нужно! Убедить людей, победить недоброжелательность, сдвинуть этот камень с места. Но конечно есть и добрые силы. И, очевидно, начальники свое обещание все же сдержат. А уж если не выйдет, опять придется толкать это дело нашей общественности.

Но вот, наконец, сон разрушает все проблемы, унося меня почему-то снова в тайгу на звериную тропу.

Утром, помолившись Богу, начинаем новый день! Пошли за билетами. Все мы летим или едем в разные стороны страны. Потом еще долго будет каждый из нас обрабатывать в своем сознании всю информацию, богато снабженную впечатлениями.

Но все в жизни человека дается с трудом. Здесь на нашей грешной земле не рай, все тут достается человеку в поте лица. В кассе нас ждало полное разочарование. И как это мы не учли, что кончились летние каникулы и у школьников, и у студентов? Все вдруг куда-то едут, и билетов нет во все стороны и на все виды транспорта, а в Москву можно улететь только через три недели.

Выйдя из толпы очередей, собрались в кружок. Что же делать?! Вспомнили мы тогда крайком, и направились туда. Но сегодня суббота. Кто нас ждет в крайкоме? Все же пошли, выхода у нас другого не было.

— Вам что, ребята, — спросил нас постовой в вестибюле.

— Да так вот и так.

На наше счастье был тут ответственный по хозяйственным вопросам, мы к нему.

— Помогите!

— А где же вы были вчера? Вам же Евгений Андреевич предлагал?

— Да мы постеснялись. Понадеялись на свои силы.

Зубов видно знал положение дел и сказал завхозу, чтоб тот нам помог.

Записки в кассы хозяйственник нам написал, и билеты мы получили. Слава Богу, эпопея с билетами теперь решена. Билет в кармане! Мой самолет Абакан–Москва летит в воскресенье 27 августа, а у Эльвиры поезд уходит через полтора часа и мы все втроем отправились её провожать на железнодорожный вокзал. Она уезжала в Красноярск. Посадили в поезд. Попрощались.

Лев Степанович тоже сегодня летит в Красноярск, а затем в Москву, но летит позднее. Мне же надо поехать сейчас еще в Минусинск в церковь за всенощную. Лев Степанович пошел проводить меня до автостанции, где мы с ним и распрощались, пожав друг другу руки.

До Минусинска здесь не так далеко и через полчаса я уже шагал по его улицам, сойдя у большого Собора. Собор этот знаменитый. Я о нем давно наслышан. Здесь рядом, как известно Шушенское, где был в ссылке В. И. Ленин. Когда они с Надеждой Константиновной сочетались браком, а при царе в ссылке можно было это сделать, то венчались в этом Соборе.

В 1930-тые годы воинствующие атеисты — эти вечно бесноватые люди, решили закрыть собор. И когда это случилось, то верующие написали в Москву, указав в своем ходатайстве, что в Соборе венчался сам Ленин! После таких хлопот храм открыли снова.

Сейчас собор приведен в порядок сияют его золотые купола, весь он покрашен желтым колером с выделенными белыми архитектурными деталями. Живо смотрится на солнце, играя бликами золота крестов, сверкая куполами. Асфальтированные дорожки, газончики: все в порядке. Приятно посмотреть. Но двери собора еще закрыты. Служба пока не началась.

Обходя собор вокруг, я обратил внимание на красное красивое здание старинной, крепкой, купеческой постройки, стоящее с южной стороны от собора. Это оказался местный, тоже знаменитый на всю Сибирь краеведческий музей. Еще вчера Валентина Кирилловна советовала мне непременно зайти в него.

Музей занимает два здания старой и новой постройки с переходом между ними. Основан Минусинским провизором Николаем Михайловичем Мартьяновым в 1877 году. Здесь же у стены на постаменте из гранита, благодарное человечество воздвигло и бюст Н. М. Мартьянову (1844–1904 гг.). Музею он отдал тридцать лет. Про музей я слышал не однажды. Все советовали не пройти мимо, в былое время о музее писали как о чуде — жемчужине Сибири. Мимо пройти я не мог, поэтому вошел внутрь.

В переходе между зданиями на первом этаже богато и подробно представлены древнехакасские захоронения — вертикально поставленные надгробные плиты больших размеров трех – пяти метров. Создается впечатление, что мы попали на кладбище. У оснований плит, врытых в землю на несколько метров, растет трава. Такого не найти ни в одном музее страны. Представлены открытые останки и раскопки могил. Все сделано здесь очень тщательно и достоверно.

В другом отделе предметы уникальных коллекций бронзы и оружия. Прекрасно представлен быт хакасов, утварь, предметы обихода. Богатейшие бесценные коллекции экспонатов по истории и этнографии всех народов

Южной Сибири и Азии. Прекрасные отделы по геологии, зоологии и ботанике. Здесь Н. М. Мартьянов собрал всю фауну верхнего Енисея.

В создании музея принимали участие видные ученые России. Здесь работал даже Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский. Музей неоднократно посылал свои экспонаты на выставки. Так в 1896 году в Нижнем Новгороде музеем получен диплом первого разряда. В 1900 году в Париже музею присуждена серебряная медаль и диплом. По мнению специалистов Минусинский музей может составить честь любой европейской столице. Здесь собрано лучшее археологическое собрание страны — 30 тысяч предметов; этнография — 10 тысяч предметов; геология и зоология — 40 тысяч. Всего не пересмотришь. Музей насчитывает более 140 тыс. экспонатов. Одна только библиотека — 100 тыс. различных изданий. Уж ее-то я пропустить не мог, а зайдя, конечно, задержался. За стеклянными витринами шкафов в развернутом виде стояли и лежали наши крюковые книги. Конечно, я не мог лишить себя удовольствия пропеть некоторые тексты, про себя, конечно. В соседней комнате великолепно представлена и история старообрядчества.

Все это мне напомнило о том, что уже не идти, а бежать пора в церковь. Я довольно долго пробыл здесь, разглядывая все подряд. Всего тут, к сожалению, все равно не пересмотришь. Закрываю глаза и ухожу. Еще надо найти нашу старообрядческую церковь. Где-то она тут в чужом городе, пока отыщу. С большим сожалением ухожу из музея. Жаль, что времени нет.

Вышел на улицу, а где здесь наша старообрядческая церковь? У кого же спросить? Навстречу мне идет мужчина с бородкой. Парадный костюм, блестящие лакированные ботинки. Все в нем как-то торжественно. Сразу видно, что идет человек в Храм.

К нему-то я и обратился с вопросом:

— Где находится в городе старообрядческая церковь и как туда проехать?

Прихожанин собора мне охотно объяснил, где церковь и на каком транспорте можно к ней проехать.

И вот я приближаюсь к церкви. По сравнению с никонианским собором наша церковь выглядит бедновато. Рубленый дом с главкой и крестом на крыше. Но глаз удовлетворенно отмечает: новый забор, просторный церковный двор, новое рубленое строение. Во всем чувствуется какая-то хозяйская рука, свежая деятельность. Церковь совсем маленькая. И где это? В краю, где проживает множество старообрядцев. Сюда они бежали еще в XVII веке, гонимые страшными притеснениями и муками. Скрывались здесь для того, чтобы спасти веру. Заселили доселе недоступные районы Сибири.

Но вот кончилось гонение! Воспрянула церковь! Возможно на малое время, как сказано в Писании. И призывает Невеста Христова чад своих, спасающихся в горах, и вертьпах, и пропастех земли. «Придите насладиться пира церковного и мира», собирая всех под свои крылья. Но дети не пошли. Они остались глухи к призыву своей матери церкви. Одичали и отвыкли. Молятся теперь, попрятавшись по своим кельям, загородились, погрязли в неправильных учениях. Клюнули на удицу льщения никонианской клеветы по поводу митрополита Амвросия. Будто он крещён обливательно. Разбились на 33 течения, и каждое считает, что только они и правы. Как овцы без пастыря разбрелись они по горам и дебрям Сибири, да и не только Сибири, а даже и до последних земли. Что же хорошего в этом, братие? И появились у нас на Руси: беспоповцы да беглопоповцы и всякие там разные единоверцы. Много всяких толков и течений, а *истина-то одна*! Это благодаря нашему внутреннему несогласию сияет никонианский собор золотыми куполами в центре города,

а наша церковь стоит на какой-то улице, маленькая, деревянная. Но настоящая-то она — эта маленькая деревянная, да никто об этом не знает и это благодаря тому, что все ее чада рассыпались и разбрелись.

Конечно, я вполне сознаю, что беспоповство — это исторически сложившееся явление, но до каких пор, братие, все это будет продолжаться? Порой относимся друг к другу хуже, чем к неверным. Правильно ли это? Когда одумаемся?!

Чем же отвечают сыны и дщери церкви на ее призыв? Приведу пример из письма черницы Максимилы с Каа-Хема, Малый Чадыралыг: «От нашего невежества из письма видно. Истинные священницы истреблены все. И их — священников — тепере не восстановить. И мы мыслим, что не право де теперь митрополитов и архиепископов и епископов имети, а теперь де вновь поставленных священников не приимаем…». И мне она говорила: «Александр, не ходи в церковь — погибнешь. Скажи Митрополиту, велик грех при его должности в церковь ходить».

Максимила о церкви не имеет ни малейшего представления, никогда она там не была, даже ради любопытства и познания и, к сожалению, не одна она такая.

Как же спасаются люди? Ни полного крещения, ни причащения, исповедь — разве, что скитское покаяние, но скитское покаяние только в пустыне, а здесь-то мир! Ни брака, ни миропомазания, ни погребения. На что надеются люди?!

Читают же они ежедневно символ веры: «Верую во единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь», а церковь отметают. Поют: «Ненавидящии Сиона посрамитеся от Господа …», где Сионом названа церковь. И после этого убеждают других в церковь не ходить.

В её письме есть такие строчки: «...что ете последние времена церковь убежала в горы, а на месте святе мерзость запустения». На что я тогда ей ответил: «Пойдем, Максимила, я покажу тебе благолепие на месте святе». Она мол-

чит. Давно пора бы нам, братие, съехаться на съезд старообрядцев всего мира, то есть нашей страны — России, так как мы все из России.

А как поступили старообрядцы Америки? Поехали они по свету искать правую веру. Признали Белокриницкую иерархию правильной, рукоположили своего наставника в священники. Сейчас уже есть и священники, и церкви на Аляске, в далекой Австралии, Соединенных Штатах.

Наша церковь ранее называлась Старообрядческая церковь Белокриницкого согласия. (Австрийцами нас называли потому, что тогда при Николае I нами была восстановлена церковная иерархия путем присоединения митрополита Амвросия. Все это происходило на территории Австро-Венгрии, так как в России этого сделать было нельзя.

В праздник 1000-летия Крещения Руси Собором было изменено название церкви, и теперь она называется «Русская Православная Старообрядческая Церковь». В России существует еще одна старообрядческая церковь, так называемая беглопоповская, имеющая официальное название «Церковь Древнеправославных Христиан». Во главе ее стоит архиепископ Геннадий. Эта церковь тоже образовалась во время гонений. Наши разногласия состоят лишь в том, что в пору царствования Николая I со стороны никонианской церкви против личности митрополита Амвросия были пущены всевозможные клеветы и всякие нелепости. И многие старообрядцы им поверили. Эта ложь содержала сведения о том, что митрополит Амвросий будто бы крещен обливательно, что пришел в Белую Криницу ради денег и всякая другая клевета и грязь. Против старообрядчества никонианская иерархия использовала все средства, и все они были хороши.

В Евангелии приведен прекрасный пример того, как долго может жить ложь. Помните? Когда жиды научили воинов, стерегущих гроб сказать, что Христос не вос-

крес, а был украден учениками, и дали им мзды довольно. И когда воины так и сделали то «И пронеслось слово сие между иудеями до сего дня». Вот уже две тысячи лет живет эта ложь.

Старообрядцы, не принявшие священства через митрополита Амвросия, организовали делегацию своих представителей в Грецию, которая побывала на родине митрополита и собрала о нем много всевозможных сведений. Вернувшись в Россию, они издали книгу, порой утомительно читаемую, в которой идут бесконечные свидетельства о крещении в разных местах Греции. Везде оно было совершаемо в три погружения. Во всей стране не было обнаружено ни одного случая обливательного крещения. В книге изложены и другие сведения о личности митрополита. Приведены справки из Патриаршей канцелярии Константинополя.

Но книга не принесла веры тому, кто не хотел верить. Так и остались одни беспоповцами, другие — беглопоповцами. Такому легкомыслию, с каким некоторые старообрядцы поверили никонианской клевете и не поверили своей собственной делегации, специально посланной в Грецию, можно только удивляться, дорогие братия. Опровергнуть клевету господствующей никонианской церкви в ту злую пору у старообрядцев не было никакой возможности. Лишенные права слова и печати, они вынуждены были молчать.

Так до настоящего времени и находимся мы огромным своим числом в сетях заблуждения. И удивительно, почему сейчас не хотят подумать над этим вопросом, когда прошли века, когда многое доказано исторически. Ничего не мешает сейчас нам убрать ту перегородку хотя бы между двух параллельных церквей: Белокриницкой и Беглопоповской. Давно нам надо слиться в одну Апостольскую и Соборную Церковь. И это конечно будет именно так в будущем. Я знаю, были к этому поползновения и разговоры между нашими иерархами на уровне Архи-

епископов и почти договорились, да вопрос уперся в глупую и досадную пустоту: «А кто кому будет подчиняться?». Просто горький смех. Теперь в Русской Православной Старообрядческой церкви — митрополия. Решен и этот вопрос. Но воз и ныне там. Сплошной застой. И почему-то никто не думает об ответственности за это дело, не беспокоится. Никто ничего не решает.

Еще интересней вопрос с беспоповскими согласиями. Только и слышишь от них: конец света, да конец света! Но каждый из них знает: «О том же часе никто же весть, ни, даже Ангели Божии, что уготовал Отец свою областию (властью)». Мысли эти роем проносятся у меня в голове. Но вот и церковный двор. Кладу три поклона и вхожу в Церковь. Как давно я здесь не был. Больше месяца. Как соскучился. Иконостасик. Горящие свечи. Народу еще немного. Половиками выстлан пол этой маленькой и какой-то сельской церкви. Кругом чисто и опрятно. Слава Богу, пришел и встал на правый клирос.

Услышав новый голос на клиросе, отец Симон Килин, приоткрыв дьяконскую дверь алтаря, поманил пальцем к себе регентшу и что-то сказал ей. Оказывается, отец Симон сказал, чтобы я пошел на левый клирос и возглавил там пение. Головщик левого клироса отсутствовал. Так мы и сделали. Служба прошла хорошо. Пел я с большим удовольствием.

После всенощной отец Симон стал мне показывать свое хозяйство. Вот расширили территорию, спланировали землю, теперь есть возможность совершать Крестный ход. Забор новый поставили, покрасили. Сделали новый пристрой к церковному дому и многое другое.

Придя в дом, отец-настоятель показывает мне висящие на стене в рамках две фотографии: на первой из них епископ Арсений Минусинский, в облачении в полный рост. Ему в тридцатые годы сделали железную клетку и с кручи высокого утеса сбросили в Енисей. Какой ужас!

Надо бы эту клетку достать и поместить в исторический музей. Возможно, это когда-нибудь и будет.

На второй фотографии епископ Афанасий Забайкальский. Его со священником связали спина к спине — и за борт. Удивительно как изощрялись над ними палачи. Мученики же наши предпочли смерть эту лютую, но не отступили от церкви.

Уже было темновато, когда я добрался до автостанции и, сев в последний автобус, благополучно доехал до Абакана. В гостинице из всей нашей кампании остался я один. Лев Степанович уже улетел, и на его постели спал уже другой жилец.

Завтра и я покидаю Сибирь, с которой сдружился, успел полюбить. Но вот, наконец, наступает сон «очима моима и веждомам дремание и покой скраниям моим». (Псалтырь).

Утро 28 августа 1989 года. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. До чего же досадно организована моя жизнь. В великий праздник в церковь попасть не могу. Разные хлопоты, аэропорты, самолеты. Вот досада. Нет края заботам. В такие дни надо поступать с делами только так — взять и все их бросить! Только успел помолиться Богу, как вызывают в вестибюль. Оказывается, пришла Валентина Кирилловна Татурова. Я уж и забыл, что обещал ей сегодня дать интервью, и сегодня мы договорились о встрече.

ГЛАВА 4.
Беседы с хакасской писательницей о расколе

Реформа патриарха Никона и царя Алексея Михайловича

Валентину Кирилловну интересуют старообрядцы. Она о них хочет знать все. Много о них слышала, много раз их видела, они живут с ней рядом, ими населена Хакассия и Тува, да и вообще Сибирь. Они заселили когда-то Аляску, и она была присоединена к России. Но Валентина Кирилловна почему-то о них ничего не знает. Говорят это какой-то особый народ. Чем они так спаены? Какой идеей? Многие из них во время гонений покинули Родину, разъехались по всему Миру, живут сейчас почти во всех странах и нигде они не потерялись. Везде сохранили свое лицо, свою культуру. Не смешались с местным населением различных народов, не умалились, но умножились. Говорят, в России они вынесли жесточайшие гонения и пытки, прошли сквозь огонь и воду и остались живы! Они словно железная фаланга римлян, на которую обрушились полчища варваров, они же разбив их, остались непобедимы!

Да, много Вы хотите Валентина Кирилловна. И скажу Вам, стремления Ваши благородны. Разговор этот конечно не на 15 минут и не на два-три часа. Ну да ладно. Слушайте, коль терпения хватит.

Иногда верно мысль льется легко и свободно, словно по асфальтовой дороге катишь на автомашине. Но вот иногда рукопись никак не движется вперед. Словно тропа, по которой идешь, загромождена корягами и буреломом таежных завалов, через которые нужно ежеминутно то подлезать, а то перелезать. Или вдруг события, записанные в дневнике, не убираются в свое время. Вот парадокс. В жизни убирались, а на бумаге не хотят. Как это так? Говорят, бумага все стерпит, но это, по-моему, только у больших мастеров. У меня же никак не хватает дня для описания событий, их осмысления и я занимаю их у ночи.

Было когда-то такое чудо в истории человечества, когда Исус Навин молитвой остановил солнце в своем течение, ему не хватало дня, чтобы разбить врага. И день по его молитве продолжался до конца битвы. И как об этом поется в ирмосе: «Солнце иногда устави Исус». Но я, увы, только Лебедев, а не Навин. Поэтому, чтобы продлить день занимаю время у ночи.

Но все это ладно. Бывает гораздо хуже, вдруг обрывается мысль, пропадая куда-то, и никак не возвращается обратно. Словно автомашина, остановившаяся на дороге, больше не заводится. «Искра в баллон ушла», в полном смысле этого слова. И пока не отремонтируешь — не поедешь.

Но часто чувствуешь, что лежащий перед тобой исписанный лист бумаги, словно лишил тебя душевных сил, выжал, словно лимон, истратил всю твою психику. Наступила какая-то пустота в душе и больше уже сегодня ты ничего не напишешь.

Как прав был Пимен-летописец, сказавший однажды: «В писании работают всего два пальца, а болит все тело».

После крещения Руси равноапостольным князем Владимиром Русская Церковь в течение почти 700 лет расширялась и процветала, наслаждаясь миром и спокойствием. Мир этот не могли нарушить ни ереси,

ни даже орды татар с огнем и мечом, прошедшие не однажды по Руси и триста лет тяготевшие над ней своим игом. Но татар было, видно, мало врагу рода человеческого (дьяволу), те искали только поживы. Далее враг становится все изощреннее и ищет не только поживы, но ищет душу народа. Неоднократно пытались Русь склонить к католичеству и не только военной силой. Но и это осталось позади. Тогда решили Русь уничтожить физически. И вот новые варвары, которых не знало дотоле человечество, обрушились на православие. Уничтожили все и все испоганили, но ни террор, ни насилие не сломили тебя, Русская Земля. И откуда ты берешь силы?! Снова и снова вставая из пепла!

Управление Церковью сначала осуществлялось в Киеве, и только после разорения Киева Батыем в 1240 году митрополия была перенесена во Владимир. Затем уже при митрополите Петре перенесена в Москву. Русская Церковь в начале управляется греческими иерархами и только потом при митрополите Ионе в 1448 году Русская Церковь получает свою независимость и с тех пор управляется своими русскими святителями.

Тогда же при Ионе произошел и раздел Русской Церкви на Северо-Восточную и Юго-Западную, которая продолжает подчиняться греческому патриарху и вскоре попадает под влияние католичества. В это же время под ударами османов (турок) произошло падение Константинополя.

Русская же Православная Церковь на Северо-Востоке настолько упрочилась, что получила патриаршество. В 1589 году при царе Фёдоре Иоановиче в Москву прибыл восточный патриарх Иеремия, который обращаясь к царю Федору сказал: «Ветхий Рим пал от ересей, вторым Римом-Константинополем завладели Агарянские внуки — турки. Твое же великое царство — *третий Рим* — всех превзошел благочестием» *(Проф. Ключевский. Курс русской истории)*.

Агарянские внуки от имени их пра-прабабы Агари — рабыни Авраама. Но если бы Москва хранила веру

нерушиму, благочестие блюла, давно бы уж Россия была Третьим Римом. Но в том-то и беда, что в погоне за Русско-Греческим престолом и царь, и патриарх забыли благочестие. Как Адам, живя в Раю, соблазнился и вверг человечество в тяготы земной жизни в поте лица своего добывать хлеб насущный. Сколько же нужно теперь труда, чтоб человеку в царствие Божие внити. «Не согреши Адам – не требовали бы и мы поста».

Так и Русь. Через отступление свое от истины ввергла себя в бездну несчастий и бед, которые идут вот уже, начиная от XVII века, через 1917-й год и дальше. И чем они кончатся и когда, никто не знает. Доньде же не покаются. Но интересно то, что никонианская церковь, мне кажется, о покаянии своем перед старообрядческой церковью и не очень помышляет. Все мы думаем, что коммунисты каяться начнут, но с кого им пример брать-то? Пример должны показать церковные иерархи никонианской церкви.

С грехопадения идёт на Руси беда за бедой, падение за падением. Русь только тогда начнет вставать, когда ее Бог простит! Пока мы все не покаемся как Ниневия, рассчитывать на успех нам не приходится. Идея Третьего Рима, как испытание через соблазн, посланное Богом на Русь. И мы, увы, этого не выдержали. Проявили алчность и за это наказаны.

Патриарх Иеремия и другие иерархи Востока правильно говорили и правильно считали Москву Третьим Римом. Да и давно бы она им была, держи только непоколебимо православие и все бы ей сопутствовало ко благу. А Москва — столица могущественного государства, где вера народа и благочестие были на должной высоте, имела к тому все основания. Вот как об этом вопросе пишет царю в челобитной сам патриарх Иосиф в 1649 году. «А в твоем государстве, царствующем граде Москве святая соборная первопрестольная Церковь, мати всем церквям… И весь

мир ею просвещается, сияя аки столп до небеси, никогда не поколебима и не рушима, право и истинно, яко же из начала приняла Божественный устав, тако ж и все Божия церкви стоят по правилам святых апостол и святых отец и по истинному христианскому закону».

В ту пору Россия словно птица расправляла свои огромные крылья, подчиняя своей воле многие народы. Как сжатая пружина она стремительно распространялась на восток, осваивая огромные пространства Сибири. Успешно разоряя ханства своих злейших врагов — татар. В Москве видели оплот всего православия не случайно. Но эта же идея Третьего Рима для Руси стала и камнем преткновения.

— Обратите внимание на эти понятия, Валентина Кирилловна, многие не могут понять причину раскола, так вот Третий Рим — одна из них. Не год и не два, а целые столетия она занимала умы не только царей, но и всей придворной знати. Началось это давно еще Василию III — великому князю, еще царю Ивану Грозному предлагалось все это и проповедывалось.

Царь Алексей Михайлович с раннего детства воспитывался ей. Идею Русско-Греческого престола Алексей Михайлович впитал, что называется с молоком матери. Этой идее была подчинена вся его дальнейшая жизнь. В этом убеждали царя все. А он доверчивый и молодой, ему всего было 17 лет, принимал всю ложь иезуитов за чистую монету.

Царствуя в России, Алексей Михайлович воспринимал Русско-Греческий престол совершенной реальностью. Все это было у него до детской наивности. Протяни руку и возьми. Общим крестовым походом России с Западной Европой и Польшей против турок можно было осуществить это вполне.

А как это было интересно боярам, ведь с образованием Русско-Греческого государства, для них открывались

такие возможности, такие высокие новые должности и богатства, от которых у всех кружилась голова. Все они в этом вопросе были положительными советчиками.

Иезуиты внушали царю, что освобождение греков от турок есть его просто христианский долг. Иерусалимский же патриарх Паисий советовал ему сделать к Византийскому престолу первый шаг. Какой? Да всего-то изменить «некоторые» детали в богослужебной практике Русской церкви, приблизив ее, таким образом, к Греческой церкви.

Спрашивал царь и греческих купцов: «Хотите ли вы и желаете ли, чтобы я освободил вас из плена и выкупил?». Они отвечали: «Как же может быть иначе? На тебя, православный царь, вся наша надежда». И действительно другой надежды не было. Но до войны за Константинополь было еще конечно далеко, а вот изменить «некоторые детали» богослужения в русской церкви было можно уже и сейчас. И началось!

Несбыточной этой идее Греческого престола были принесены огромные жертвы и кровь русского народа в лице старообрядцев. Они не захотели менять «некоторые детали» богослужебной практики Русской церкви. И началась лютая зима гонений и мученической кровью невинных тогда была залита вся Россия.

Страшный церковный раскол, как землетрясение потряс Русь. Расколол ее церковь, исковеркал ее вековые устои. Покрыл позором имя и царя, и патриарха. Все можно менять на земле кроме Божественных законов! «Небо и земля мимо идут, но словеса Мои не прейдут» — рече Господь.

Но оставим пока, Валентина Кирилловна, царя Алексея Михайловича с его поспешным, легкомысленным, но решительным заявлением своим боярам после беседы с греческими купцами: «Бог взыщет с меня за них… Я принял на себя обязательство… принести в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления».

Посмотрим на ту политическую обстановку, которая была в ту пору вокруг России. Издалека, как бы с высоты истории, теперь уже спокойно изучая все эти вопросы, можно видеть теперь и истинных врагов, подстрекающих Русь вступить в круговорот этих кровавых и драматических событий. То были иезуиты. Прежде всего заинтересованные в проповеди Третьего Рима и церковной реформы на Руси. Умело подливая масло в огонь, настойчиво добивались они своей цели на протяжении столетий. Забрасывая в Россию своих агентов и снабжая их инструкциями. Теперь инструкции их уже музейное достояние, но тогда, еще задолго до Алексея Михайловича, еще Ивану Грозному папский легат, викарий всего севера Антонио Посевино, приехавший на Русь, предлагал царю, льстиво принося в дар украшенную золотом книгу Флорентийской унии. А вслед за ней весь Цареградский престол и имя императора Царьграда и всего Востока, только соединись верой с папой.

«Все блага мира я тебе отдам — только поклонись мне» — рече искуситель Исусу. Что же сказал Иван Грозный в ответ? «Что до Восточной империи, то Господня есть земля; Кому хочет Бог, тому и отдаст ее. С меня довольно и моего государства, других и больших государств во всем свете не желаю». Грозный был большой политик и, увы, не таким мудрым был Алексей Михайлович, о слабоумии которого написано достаточно, взявший себе в голову, что он законный наследник престола греческих императоров.

Интересно говорит митрополит Макарий (Булгаков) о методах диверсионной работы иезуитов: «С самого отделения своего от Вселенской Церкви (тогда западная церковь впала в ересь католичества) римские папы постоянно пытались подчинить себе православный Восток, в частности Россию. Об этом прекрасно свидетельствует история. Но никогда эти попытки не были так сильны, близки к цели и опасны для православия, как в XVI веке. В Гре-

ции им благоприятствовало падение империи (1453 г.) и последовавший за тем упадок просвещения. В России — недостаток просвещения и присоединения ее юго-западной части к Польше (1569 г.). Главным орудием как здесь, так и там явился новоучрежденный в 1569 г. Орден иезуитов. Быстро проникли они в Польшу и западную Россию, основали свои школы в Полоцке, в Вильно, на Волыни для воспитания в своем духе православного юношества. Всюду они рассеяли сочинения против восточной церкви для уловления в свои сети и людей взрослых, считавшихся чадами православия от колыбели. И эта несчастная уния, возникшая в западном крае России в конце XVI века, была первым плодом этих усилий.

Так же быстро проникли достойные ученики Лойолы в Грецию, завели свои училища в Галатах и даже в Константинополе, выдавая себя за безвозмездных учителей юношества, старались быть духовниками народа, всюду рассевая плевелы своих пагубных сочинений. Между тем за пределами Греции, в знаменитых университетах и академиях Запада, куда за недостатком собственных училищ, спешили греческие юноши, жаждавшие просвещения, они незаметно напитывались тем же духом, опутывались теми же сетями. Папа Григорий XIII в самом Риме основал греческую коллегию, в которой безвозмездно воспитывал приходящих греков и русских. Вся эта усиленная деятельность Ватикана объясняется Лютеровою реформою: лишившись вследствие ее множества своих чад, папы думали восполнить свою потерю подчинением себе Восточной церкви и не щадили для этого никаких средств».

Для достижения своих целей Ватикан стремился втянуть Россию в войну с Турцией, которая угрожала не только православному Востоку, но и католическому Западу. С этой целью они влияли не только на самого царя, но и российскому патриарху уделяли достаточно своего влияния. Обещая царю престол греческих императоров, а патриарху греческий патриарший престол и всего Вос-

тока. Никон нисколько не противился льстивому иезуитскому влиянию. Он уже мнил себя папою и вводил папские порядки у себя на Руси. В угоду иезуитам и ради сближения с западной церковью, Никон вводит на Руси четырех и шестиконечный крест, открывая гонения на восьмиконечный крест. Повелевает преднесение креста перед патриархом, делает себе шляпу на манер кардинальной, башмаки украшает крестами (как у папы), митры его имеют вид то титры, то западной короны.

Интересно то, что до своего патриаршества Никон не только отрицательно относился к грекам, он попросту презирал их и уж конечно к католикам не испытывал особого доброжелательства, но за посулы Византийского престола греческих иерархов он вместе с царем готов был идти на любые реформы. И вот вдруг Российский патриарх высказывается о сомнительности якобы русского благочестия церковных обрядов и законов. Как огонек в ночи манил его вместе с царем греческий престол.

Никон не имел никакого образования, не обладал каким-либо достаточным умом, не имел какой-либо выдающейся родословной и почему-то вдруг по личному указанию царя сделался всероссийским патриархом. До Никона все иерархи русской церкви выдвигались по жребию из достойных кандидатов, Никон же первый из тех, кто поставлен по указке сверху. Доселе остается загадкой истории, каким образом ему удалось в кратчайший срок проделать головокружительную карьеру от босоногого мальчишки-мордвина до патриарха всея Руси.

Мне посчастливилось недавно, Валентина Кирилловна, познакомиться с одной интересной исследовательской работой московского писателя Г. П. Гунькина. «Патриарх Никон и Елеазар Анзерский», опубликованной в «Древнерусской книжности» по материалам Пушкинского дома. Там очень интересные исследования. Постараюсь Вас не утомлять: «Возвышение Никона было столь стремительно, что оно потрясло воображение современ-

ников и их потомков. И старообрядческий автор начала XVII века растерянно отмечает: «Неведомо, через какие предстательства, знаем бывает великому Государю Алексею Михайловичу и святейшему патриарху Иосифу Никон. И поставлен быть архимандритом в Спасов монастырь. Дивиться и сему достойно, что такой скверный сосуд на столь высокия степени восходити начинаше».

Елеазар — Соловецкий местночтимый святой основатель Свято-Троицкого Анзерского скита (остров Анзер близь Соловков). Он предрек прозорливо рождение у царя Михаила Федоровича сына — наследника престола. Это царю было так желанно, что Елеазара не отпустили в его обитель дондеже не исполнилось его предсказание и у Михаила Федоровича родился сын Алексей. С тех пор и считалось, что царевич Алексей родился по молитвам Елеазара.

Никита Минович (будущий патриарх России) с женой разошелся с целью обоим подстричься в монахи. После этого и отправился Никита на край Русской земли на остров Анзер к Елеазару в 1635 г. О Никоне сложилось устойчивое мнение как о безграничном честолюбце, карьеристе на церковном поприще. Вот как говорится о нем в истории Русской церкви: «Цель переселения Никона из многолюдной столицы на необитаемый остров, по точным наблюдениям его жизни и стремлений и домоганий, была та /что/ он старался поместить себя на такое место, где бы он мог быть виднее и заметнее.

Никон знал, что ему белое священство не даст никакого повышения, в особенности при таком безграмотном образовании. Однако домогательство свое он исполнял очень искусно…»

Никон пребывал в послушании у Елеазара, исповедуя ему (согласно устава) все свои даже малейшие помыслы. Старец Елеазар прозорливо разгадал коварство Никона. Страстность натуры, одного из страшных монашеских грехов, была в нем непреодолима.

Никон получает известие, что его бывшая жена не пожелала принять монашество и собирается вступить в новый брак. Это грозило концом его духовной карьеры. Он стал писать письма московским сродникам и не успокоился, пока пострижение не состоялось.

Елеазар в ту пору поехал в Москву за милостыней на строительство церкви и взял с собою Никона как человека, имеющего родню в столице, и через это могущего быть полезным. В Москве Елеазар, как можно было предположить, был допущен к государевой руке, а возможно видел даже наследника Алексея, которому в ту пору было лет восемь. Хождение Елеазара по милостыню было удачным.

По смерти царя Михаила и воцарения Алексея Михайловича, Елеазар снова ходил в Москву. В результате скит получил независимость от Соловецкого монастыря и деньги на строительство церкви были собраны.

Никон прожил у Елеазара в скиту три года и, не вынеся трудов и молитв, а скорее всего, не вынеся на себе власти другого человека — Елеазара, с острова тайно бежал.

В опубликованной В. Н. Перетцем работе объяснение таково: «Чистаго же ради жития оный старец Елеазар пророческими дарованиями обогатився, о пребывающем у него в послушании Никоне сам братии своей прорицая глаголаше: О, какова смутителя и мятежника России в себе питает! Сей убо смутит тоя пределы и многих трясений и бед наполнит! Виде бо святый единому служащу Никону литургию /яко достовернии анзерские жители рекоша/, змия черна и зело велика, около выи его оплетшася, и вельми ужасеся. И от того времени возненавиде святии Никона и тяжко гневашеся нань сотвори его бежати».

Согласно И. Шушерину, бегство Никона с острова было в тайне от старца Елеазара. Никон рвет наложенные на него узы духовного послушания (поступок небывалый для древнерусского монаха) и отважно бросается в новые странствия.

С Анзера, где тяготил его духовный авторитет Елеазара, Никон ушел от учителя и ушел не на Соловки, где выглядел бы перебежчиком и где растворился бы в иноческой массе людного монастыря, а ушел в самый удаленный и труднодоступный монастырь Севера на Кожозере. Там стал независимым пустынником, поселившись в келье возле монастыря. Никон везде хотел быть первым!

В середине 1642 г. скончался игумен Кожозерского монастыря Иоанн и братия избрала недавнего пришельца Никона на его место. Почему? Разве не было в монастыре достойных монахов? Здесь не малую роль сыграло и то, что Никон считался учеником Елеазара, а последнего, конечно, знали на Кожозере. Отметим и бесспорные личные качества Никона: властную силу, способность привлекать к себе людей, дар обворожения, за что впоследствии получил он от Аввакума, наряду с кличкой «борзой кобель» и прозвище «лиса». («Егда же приехал, с нами яко лис: челом да здорово…. Егда поставили патриархом, так друзей не стал пускать и в крестовую»).

Став игуменом Никон оказался в родной стихии власти, он правил обителью твердой рукой: жестокой в обиходе, но не щадил сил для преуспевания обители. За три года игуменства (1643–1646) он добился шести церковных грамот: пять от Михаила Федоровича и одну от Алексея Михайловича. Монастырь креп и благоденствовал. Число братии увеличилось до ста человек.

В 1646 году Никон по монастырским делам прибывает в Москву. Алексей Михайлович, тогда еще совсем юный царь — семнадцатилетний отрок, знающий и почитающий своего молитвенного отца старца Елеазара, не мог оставить без внимания и его ученика Никона, который произвел на него огромное впечатление. Более того, они оба оказались братьями! Царь был молитвенный сын отца Елеазара, а Никон был духовный сын Елеазара. Это символическое братство было решающим. Царь видел в нем силы правителя и Никона от себя не отпустил». (Г. П. Гунькин).

Далее Никон быстро пошел в гору и через него, Никона, угодно было врагу рода человеческого — дьяволу, уничтожить православие на Русской земле. И, забегая вперед, скажу, благодаря только стойкости старообрядцев и мученической их крови, была сохранена вера на Руси. Они выдержали все! И всемирный праздник 1000-летия Крещения Руси – это прежде всего их праздник! Непоколебимо сохранивших все устои православия до сего дня.

— Вы помните, Валентина Кирилловна, я Вам приводил слова предшественника Никона патриарха Иосифа, в котором он свидетельствует о чистоте русского православия в своей челобитной к царю, а слова патриарха Иеремии, обращение старца Филофея к Василию III? Все это ярко свидетельствует о тщательном соблюдении устоев и законов веры. И сами греки признали за Русью Третий Рим. Их слова не были ложью. Только на Руси в ту пору соблюдалось православие и блюди царь с Никоном русское благочестие Москва давно бы стала Третьим Римом. Но им не терпелось. Они так торопились! И начали реформу.

В современной печати часто мелькает оправдательная мысль философов никонианских о том, что в Русской церкви назревала уже реформа сама собой, что она была необходима и не начни ее Никон, ее начал бы другой. Понятно конечно, что все эти господа просто выгораживают патриарха XVII века, так как сами сидят в этой же, простите за слово, луже. Все это чистое вранье! Давно, господа, нужно взяться за покаяние и честно сказать: «Простите нас, Христа ради. Согрешили мы». Но пока до этого у них еще не дошло.

Русская церковь не нуждалась ни в каких реформах. Правое дело — править — только портить, что и было сделано Никоном. Кто же был виновником этой реформы? Почитаем у Н. Ф. Каптерева: «Инициатива произвести церковную реформу принадлежит не Никону, а самому царю Алексею Михайловичу и его духовнику Сте-

фану Внифатьеву. Они первые, еще до Никона, вздумали произвести церковную реформу, ранее наметили ее общий характер и начали еще до Никона понемногу проводить ее в исполнение; еще до Никона вызвали в Москву из Киева знающих греческий язык книжных справщиков… И главное, они же создали и самого Никона как реформатора грекофила. Никон, сделавшись патриархом, только выполнил ту программу, которая ему была дана, конечно, в самых общих чертах, царем и Стефаном Внифатьевым… В выполнение самой программы царь активно не вмешивался, предоставив в этом деле полную свободу Никону».

«Царь и Стефан Внифатьев приняли меры, чтобы привить Никону, как кандидату в патриархи, на место Иосифа, грекофильское направление, и Никон, благодаря этим мерам, превратился в человека способного осуществлять церковную реформу, ранее намеченную царем и Стефаном Внифатьевым».

В осуществлении этой реформы у царя были союзники. Иезуиты исподтишка, не менее активно готовились и осуществляли свои планы. Патриарх Иосиф — «Аки столп Русской Церкви до небеси», блюдя интересы православия, был противник реформы и видел в ней большую опасность для церкви. Но как это часто бывает в истории подобных случаев, патриарх Иосиф вдруг неожиданно скончался. Это случилось 15 апреля 1652 г. Естественно возник вопрос, а своею ли смертью он умер? Известно, что еще при жизни ему грозили и есть предположение, что он отравлен ядом цекуты, так как из письма царя известно, что тело его уже на второй день смерти стало быстро разлагаться, хотя шел апрель и было холодно. Такое разложение трупа характерно для этого яда. Конечно нет оснований причислить к насильственной смерти патриарха ни царя, ни Стефана Внифатьева тем более, но на Руси были лица заинтересованные в скорейшем проведении

этой реформы, которой мешал патриарх, и его очевидно убрали.

Интересно бы сейчас исследовать останки патриарха Иосифа и эту версию проверить. Для современной науки это вполне возможно.

Уход патриарха в мир иной, развязал всем руки, и реформа началась по той самой программе, что разработали задолго до ее начала иезуиты. В истории Русской Церкви, как я уже упоминал, есть интересный документ опубликованный Макарием Булгаковым о смутном времени, хотя это смутное время было и раньше, но все идеи этого документа-инструкции вполне подходят и ко времени царя Алексея Михайловича и той политической обстановки тогдашней Руси.

Из инструкции иезуитов к Самозванцу, как ввести унию в России читаем: «… 1. «Самому государю об унии заговаривать редко и осторожно, чтоб не от него началось дело, а пусть сами русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразования, и тем продолжат путь к унии.

2. Издать закон, чтоб в церкви русской все подведено было под правила соборов отцов греческих и поручить исполнение закона, людям благонадежным, приверженцам унии: возникнут споры, дойдут до государя, он назначит собор, а там можно будет приступить и к унии.

3. Намекнуть черному духовенству о льготах, белому о наградах, народу о свободе, всем о рабстве греков.

4. Учредить семинарии, для чего пригласить из-за границы людей ученых, хотя и светских».

Еще при жизни патриарха Иосифа царь имел сговор с Никоном о реформе. Никон проделал молниеносную и удивительную карьеру от босоногого мордвина мальчишки, из глухой деревни Вельдеманово, что в Нижегородском крае, до патриарха Руси. И, несомненно, какая-то сильная рука подталкивала его на этом пути.

С момента прихода к церковной власти патриарха Никона (1652) реформа началась сразу. Цель ее состояла в том, чтобы сбалансировать некоторые уставоположения и обряды, да и другие правила Русской Церкви. Сделать ее похожей на греческую. Этим самым выполняется первый пункт инструкции: «… а пусть сами русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразования, …», а так же и второй пункт этой иезуитской инструкции: «Издать закон, чтоб в церкви русской все подведено было под правила соборов отцов греческих и поручить исполнение закона, людям благонадежным, приверженцам унии: возникнут споры, дойдут до государя, он назначит собор, а там можно будет приступить и к унии».

Как видите, Валентина Кирилловна, все исполнилось точно по инструкции разработанной, продуманной и написанной задолго до этих событий иезуитами. Это им нужен был церковный раскол русской церкви. (Из доклада современного исследователя, историка и публициста Б. П. Кутузова, проведшего большую работу по истории раскола. Его трудами я буду пользоваться иногда и дальше).

И вот Никон издает указ и глашатаи на площадях и церквах возвещают о том, чтобы люди молились теперь не двуперстно, но троеперстно, чтоб земные поклоны в великом посте на молитве Ефрема Сирина были не земными, а поясными и тому подобное.

Когда услыхал об этом Аввакум, то высказался так: «Еретическая зима хощет быти. Сердце озябло и ноги задрожали».

Интересно отметить, Валентина Кирилловна, что вот этот метод «командного руководства» — «с завтрашнего дня молиться или что-то иное дело делать только так», — начался еще тогда, когда начала падать великая Русь и дошел до 1917-го года и оставался дальше. Это он нас привел «к разбитому корыту»

Я вам поясню суть двуперстия и суть троеперстия. Двуперстие — перстосложение, берущее свое начало от самого Христа и его апостолов и принятое на Руси от тех же греков при крещении Руси великим князем Владимиром, но потом в греческой церкви перстосложение было заменено на еретическое троеперстие в результате небрежности. Этого вопроса мы еще коснемся.

Греческая церковь, после двух уний с католиками — лионская в 1274 г. и Ферраро-Флорентийская в 1439 г., да еще и пребывание под игом османов в течение двухсот лет, в своей церковной практике далеко ушла в еретические порой уклоны. И не удивительно, что в ней много не так как это должно было бы быть. На Руси же вера сохранялась неизменной.

В двуперстии, вот посмотрите, Валентина Кирилловна, указательный палец вместе с наклоненным средним символизирует два естества Исуса Христа: Совершенного Бога (указательный) и совершенного человека (средний) — равные между собой. И по высоте эти пальцы сделаны равные. При чем указательный простерт вертикально вверх и олицетворяет вознесение Христа на небо. Средний тоже поднят вверх, но слегка согнут — сделан равно по высоте с указательным. Он символизирует преклонение человеческого естества пред Богом, преклонение небес и сошествие Спасителя на землю.

«Преклонь небеса сниде на землю, зрак рабии прием, в подобии человечестем бысть и образом обретется якоже человек. Смирил Себе послушлив был даже до смерти, смерти же крестней». Средний палец, олицетворяющий собою нашу человеческую плоть, сгибается перед Божеством как бы в поклоне.

Я вам это объясняю популярно, порой просто своими словами, чтобы вам было проще понять. Вообще же двуперстие имеет сложную символику.

Три остальных пальца десныя руки: большой, безымянный и мизинец олицетворяют Триипостасное Божество

Святыя Троицы: Бога Отца и Бога Сына и Бога Святого Духа. Не три Бога, но Един. И все три пальца складываются вместе.

Интересно отметить, что еще в ветхозаветной (иудейской) церкви существовал обычай подавать сигнал к общей молитве белым лентием (полотенцем). Старейшина собрания поднимал вверх белый плат, беря его тремя перстами, два других были простерты вверх. Это-то перстосложение (прообраз двуперстия) уже тогда существовало в ветхозаветной церкви. Сохраняя обычай ветхозаветной церкви, ныне дьякон на амвоне, подымая правой рукой орарь, призывает народ к общей молитве: «Паки паки, миром Господу помолимся». И клирос поет «Господи, помилуй».

В двуперстии хорошо и наглядно видно, как догматы Святой Троицы и двух естеств Исуса Христа воплощаются в физической форме сложения перстов. В двуперстии одним сложением перстов исповедуется весь символ веры. Такая, довольно длинная молитва начинается словами: «Верую во Единого Бога Отца…» Поэтому изменить сложение перстов нельзя. Да и о других обрядах можно сказать то же самое, все они являют собой физическое воплощение догмата. Поэтому обряды менять нельзя. Это все равно, что сменить догмат, и только не знающие сути люди говорят: «Подумаешь, изменили-то только обряд, а не сущность». Это понятие в корне неверно. Обряд это и есть сущность, которая воплощена в свою физическую форму.

Двуперстное сложение перстов берет свое начало от самого Христа и апостолов. Все последующие перстосложения, когда-либо изобретенные человечеством, берут от него свое начало.

Двуперстное перстосложение изображается на всех древних иконах и этим исторически фиксируется. Возьмем книгу «Древние Фрески Византии» — двуперстие будет смотреть на нас прямо с суперобложки. В журнале *«Наука и религия» № 4 за апрель 1989 г.* рядом с текстом Евангелия

от Петра изображена скульптура апостола из музеев Ватикана VII-го века, где апостол Петр изображен с двуперстием в десной руке.

В одном из журналов «Наука и религия» двуперстие изображено крупным планом и на нем нанесены линии направления выходящей энергии из наших пальцев. Согласно этому чертежу, где энергия исходит из двух простертых перстов и замыкается на трех сложенных пальцах, что очень интересно, выходящая из двух перстов указательного и среднего энергия замыкается через голову, плечи и живот. Я, конечно, не знаю, как измеряется вся эта энергия и как она вообще фиксируется, но теория эта довольно интересна. По этой теории двуперстие признано правильным перстосложением с физической точки зрения, как имеющее лучшие физические характеристики физиологических полей энергии тела, которая при ограждении крестным знамением действует на весь наш организм. Да оно так и должно быть. Духовное с телесным у нас неразрывно. И как это по христианскому учению, так это должно быть и по науке.

Вот это двуперстное перстосложение Никон и приказал заменить на троеперстие, которое было к тому времени уже у греков. Троеперстие выглядит так: здесь просто соединяются три пальца: большой, указательный и средний вместе, символизируя Святую Троицу. Два же других: безымянный и мизинец в троеперстии ничего собой не символизируют. Патриарх повелел иметь их наклоненными и праздными.

Из вышесказанного становится совершенно ясно, что троеперстие не изображает в своей сущности полного догмата. В троеперстии два естества Исуса Христа отсутствуют совсем. «А два перста иметь праздными». Троеперстие догматически не правильно, погрешительно и ни на чем не основано.

Троеперстие никак не вяжется и по смыслу: начертая на теле крест тремя перстами (ограждая себя троеперсти-

ем) мы тем самым высказываем мысль, «что Троица распиналась на кресте», что конечно не верно. Ограждая себя двупестным перстосложением, мы ясно символизируем распятого на кресте Христа. У греков троеперстие, как я уже говорил, возникло в результате невежества и небрежности. В троеперстии нет никакой догматической основы.

Здесь наблюдается какая-то, прямо сказать, иудейская диверсия. Они всегда хотели и хотят всячески, любыми путями изгладить имя Христово из Церкви. Заменить его чем угодно и кем угодно, любым суррогатом.

Заглянем в книгу ответов дьякона Александра Керженского Питириму, где приведено множество древних свидетельств двуперстия, и увидим, что в древности в двуперстном сложении Святая Троица символизируется тремя перстами приложением большого пальца к безымянному и мизинцу – как бы в ряд: большой, безымянный и мизинец. Это чаще делается не наложением, а приложением большого пальца к безымянному и мизинцу, так как у старого человека нет уже нужной гибкости в пальцах.

При изображении Святой Троицы в ряд, если человек допускал в этом какую-то небрежность в перстосложении, то из догматического перстосложения сейчас же получается еретическое троеперстие.

— Давайте, Валентина Кирилловна, представим человека не совсем просвещенного, далекого порой от догматизма, ну какого-нибудь крестьянина древних, средних веков, а то, вполне возможно, и нашего времени, у которого двуперстие давно, вследствие небрежности, перешло в троеперстие и он молится сейчас просто кулаком. Я это явление наблюдал сам на практике. В троеперстии кулак образуется сам собой. Этого давно хотел враг рода человеческого. Так молятся теперь множество никониан. Крестясь кулаком.

— Вам теперь понятно, Валентина Кирилловна, как все это произошло?

— Понятно.

Но в Византии были и другие перстосложения. Была такая ересь монофизитов, она известна с V века. Монофизиты проповедовали, что Христос имел только одно естество — совершенного Бога, а человеком просто не был. Они переделали двуперстие на одноперстие и молились одним пальцем. Хитростию вводя народ в заблуждение, объясняя, что Бог един. И поэтому они молятся одним пальцем. Тогда после многобожия Римской империи это имело какой-то смысл. Это еретическое учение было многочисленно и продолжительно. Эта злая ересь, отвергая человеческое естество во Христе, влекла за собой погружение церкви в такую мутную пучину ереси, зачеркивающую всю сущность христианства.

Церковь боролась с подобными явлениями, и они были изжиты, но ереси все время находили новые и новые формы. Все эти случаи рассматривались Святыми Отцами на соборах, где вырабатывали противоядье против этого зла. На одном из византийских соборах в XI веке было записано о перстосложении так: «Аще кто не крестится двуперстно, якоже и Христос, да будет проклят».

В XVII веке в Греции троеперстие было повсеместно распространено вследствие того, что живя под игом османов и других причин, греки теряли православие. Да попросту сказать, и покорена-то Греция была только по той же причине. И поскольку троеперстие преобладало, Никон его и ввел на Руси дабы все в русской церкви было как в греческой. Но до этого Русь активно следила за правоверием. Всевозможные же ереси проникали и на Русь через Юго-Западную церковь. И в 1551 году в царствовании Ивана Грозного на Руси был Стоглавый Собор, под председательством преподобного митрополита Макария, который собором Русской Православной Церкви на 1000-летие Крещения Руси был причислен к лику святых. Стоглавом собор назывался потому, что рассмотрел сто вопросов, дал на них ответы и получилось сто глав.

Среди этих вопросов рассмотрен был и вопрос о перстосложении, и определением соборным было повторено соборное определение византийского собора XI века слово в слово: «Аще кто не крестится двуперстно, яко же и Христос, да будет проклят». Никон же отверг постановления собора единолично.

— Вам, Валентина Кирилловна, возможно, наскучила эта нудная лекция о перстосложениях, утомлены вы этой теорией сложения перстов?

— Что Вы, что Вы? Мне очень интересно!

— В таком случае я Вам расскажу про еще одно перстосложение. Оно встречается не часто на древних иконах. Я его встречал у Архангела Гавриила на иконе Благовещение; видел на иконе Трех святителей у Иоанна Златоуста. Больше, кажется, ни у кого не видел. Выглядит оно так: три перста десной руки — указательный, средний и мизинец — простерты вертикально вверх, а большой и безымянный соединены вместе в виде кольца. Что же это за перстосложение и какая тут догматика?

Когда Никон своевольно запретил и проклял двуперстие и повелел народу молиться троеперстно (щепотью), похожей на кулак. Но кулаком благословлять все же неприлично, а тем более двумя: Никон благословлял двумя руками. Не все с этим были согласны. Боярин Стрешнев выдрессировал свою собаку «благословлять» двумя лапами в подражание патриарху, за что Никон ему отомстил.

Я давно интересовался: откуда пошла у никониан-ских вдадык идея благословлять народ двумя руками. И вот, наконец, в книге «Философия русского религиозного искусства» есть пояснение этому. При описании иконы «София Премудрость Божия», где Христос багословляет обеими руками, в ознаменование благодати, исходящей от двух естеств Исуса Христа: Совершенного Бога и Совершенного Человека. Да, Христос имел на это все основания, но никонианские владыки на это полномочий от Него

не имеют. Потому-то боярин Семен Стрешнев и выдрессировал своего кобеля, пародируя Никона.

Дело в том, что на Руси к грекам доверия особенного не было. Авторитет они свой потеряли еще в то время, когда унию с Римом подписали, и все на Руси, конечно, понимали, что греки под игом турок теряют остатки православия, и истинное благочестие было только у русских. Сам Никон откровенно, раньше, когда был еще архимандритом в Москве, говорил об этом. Вот его слова: «Гречане и Малые России потеряли веру и крепость, и добрых нравов нет у них, покой и честь тех прельстила, и своим нравам работают, а постоянства в них не объявилося и благочестия нимало».

Став патриархом Никон «повернул руль» на 180 градусов, стал почитателем греков и говорил: «Я хоть и русский от роду, но душой грек». Все это произошло с ним понятно под чьим воздействием.

Поэтому, взяв вышеуказанное перстосложение, он начал благословлять им народ. Но что это за перстосложение? Под ним нет никакой догматики, ни теории. Но почему оно в правой деснице у Златоуста? Это просто знак внимания?

Некоторые толкуют его так, что в трех перстах, простертых вверх, символизируется Святая Троица, а в замыкании большого пальца с мизинцем усматривают круг, как знак вечности.

Но если мы будем разбираться с этим перстосложением, то придем к неожиданному выводу, что это ни что иное как ораторский жест, призывающий к тишине, порядку и вниманию!

В философской полемике Древнего Рима каждое положение перстов имело свой смысл, как язык жестов. Впервые описание этого перстосложения встречается в трактате у Квинтилиана — язычника, оратора и теоретика ораторского искусства Древнего Рима, жившего в первом веке новой эры. Квинтилиан трактует его как

знак внимания. В нем совершенно не обязательно замыкание конкретных пальцев — большого и безымянного, но любого с большим. Этот жест и до настоящего времени встречается у нас в употреблении, но у нас он видоизменен и употребляется в виде замыкания большого пальца с указательным.

Вот, Валентина Кирилловна, как интересно, и все про пальцы! Вы, конечно же, обращали внимание на такой жест? Посмотрите на двух людей, ведущих полемический спор. Когда один хочет возразить другому, то поднимает правую руку с замкнутыми указательным и большим пальцем, как бы говоря: «Минуточку, минуточку»! — останавливая собеседника и далее развивая свою мысль. Вот что это за перстосложение и на иконах оно понятно. Это перстосложение стали называть на Руси именнословным или крестом благословенным. Оно еще называется «малаксой» по имени греческого протоиерея и богослова Николы Малаксы, жившего в VI веке, который его изобрёл и догматически истолковал его значение. Именнословное перстосложение прижилось в Греции и взято Никоном на Русь.

Аввакум же это перстосложение назвал метко и точно — «раскорякой». Я как-то смотрел передачу церковной службы в одном из соборов столицы, где никонианский архиерей благословлял народ. Его рука была показана крупным планом, и хорошо было видно, что в его руке нет вообще никакого перстосложения, и он благословляет народ ничем.

Что же такое «именнословное перстосложение?» Это все тот же ораторский жест, но слегка видоизмененный, в нем все пальцы десныя руки изображают собой буквы Имени Христова: «ИС и ХС». Вот так: прямой указательный палец простерт вертикально вверх и изображает собой букву «И». Слегка согнутый средний палец олицетворяет собой «С», а большой с безымянным, перекрещенные между собой, представляют букву «Х». Слегка согнутый мизинец — букву «С», а мизинец и перекрестие большого

и безымянного пальца — перевернутую букву «Р». В результате чего получается «ИС» и «ХрС». Одним словом нагородили целый огород. Удивительное упрямство, доходящее до абсурда. Двуперстие гораздо лучше: в нем все свято, ясно и понятно.

Ну, хорошо, ладно, попробуем допустить именнословное перстосложение к употреблению как некий благословляющий крест. Но при этом мне хочется спросить у авторов и их последователей: «Хорошо если я человек русский или, скажем, грек, здесь буквы понятны и перстосложение имеет какой-то смысл, но представьте себе что я немец или китаец, как мне складывать пальцы для именнословного перстосложения? У тех народов другие буквы-то! Вот и получается нелепость. Просто все сводилось к тому, чтобы сделать русскую церковь похожей на греческую.

Как-то странно смотреть на священника, благословляющего человека правой рукой с торчащими вперед крайними пальцам — указательным и мизинцем, быстро подносящим руку к лицу человека, словно в глаза хочет ткнуть.

Вот тут-то и получается неурядица всех этих вновь изобретенных перстосложений. Величие же двуперстия налицо! Оно для всех народов и всех времен! В нем все ясно и определенно!

— Ну, Вам, Валентина Кирилловна, крупно повезло: мало кто это знает.

— Благодарю Вас, Александр Семенович, но вот мне не понятно, а каким перстосложением пользуются католики?

— Да я вижу, Вам понравилось говорить о пальцах десныя руки, а я-то думал, что вы утомлены.

У католиков перстосложения как такого нет, все они молятся, ограждая себя крестообразно ладонью, имеющей простертые пальцы. Здесь смысл заключается в том, что эти простертые пять перстов символизируют пять ран

Господних или пять чувств человека и, ограждая себя крестообразно, как бы всеми своими чувствами они обращаются к Богу, вспоминая его страдания и раны на кресте. Пять ран!

Вот, Валентина Кирилловна, сколько всяких перстосложений изобретено людьми и равных двуперстию нет. Двуперстие самое истинное и полное перстосложение. И как Вы знаете толкований много, но истина одна! И давно пора понять миру и конечно никонианской церкви и всему в ней заблуждающемуся человечеству, что все, что они изобрели, есть ложь! Они, конечно, это понимают, но ересь крайне упрямая вещь. Хотя есть, конечно, трезвые умы и честные люди в никонианской церкви и они, понимая свое падение, несомненно, стремятся к истине. И конечно к ней придут. Двуперстие отвечает всем требованиям. Тогда не надо ни каких благословенных крестов изобретать.

Отрадно, что никонианская церковь сегодня нашла в себе силы и мужество признать свои ошибки. И, по прошествии более трехсот лет жесточайших гонений и страшного террора на старообрядцев возведенным собором 1666–1967 годов, сейчас признала старообрядцев правыми и своим собором 1971 года торжественно отменила соборные постановления 1666–1667 годов «как не бывшие».

Отрадно, что никонианская церковь идет к истине и признанию своих ошибок, хотя идет и крайне мелкими шагами, но все же движется. Первый такой шаг был сделан еще в 1765 году в «увещевании православной кафолической церкви» говорилось о признании и православности старых обрядов и спасительности употребления их. А затем по инициативе царя Николая II ряд положительных решений в этом направлении был принят церковью в 1906, повторно в 1918, повторно в 1929 годах. Затем уже собор 1971 года подводит как бы итог пройденного пути. Но на всех этих шагах допускается одна неточность,

к сожалению. Везде признается равноценность и спасительность старого и нового обрядов. Но известно, что двух истин не бывает. Вот я вам приведу соборные постановления 1971 года:

«1. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23/10/ апреля 1929 года о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестные им.

2. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23/10/ апреля 1929 года об утверждении и вменении, яко не бывших, порицательных выражений, относящиеся к старым обрядам и, в особенности к двуперстию, где бы они не встречались и кем бы они не изрекались.

3. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23/10/ апреля 1929 года об упразднении клятв Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их христиан, и считать эти клятвы яко не бывшие.

Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви любовию объемлет всех свято хранящих русские обряды, как членов нашей Святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами… Да приведет Господь растоящаяся паки во едино, и в любви друг ко другу, да исповедуем едиными устнами и единем сердцем Отца, Сына и Святого Духа».

Все хорошо! Спустя 300 лет признали правду старообрядцев! Но при этом правыми считают и себя. Кто же прав?! Как известно — Истина одна! Значит раскаяние иерархии Никонианской церкви еще не полное. Поэтому Никонианская церковная иерархия пока еще и не просит прощения у Старообрядческой церкви. Все это, пока у нее впереди.

«Рцем вси зань» — Господи помилуй.

Труден путь покаяния. Да поможет им Господь!

А пока никонианская церковь по-прежнему пропагандирует свои новины. Искажая русскую историю. К примеру, учебник истории для 10 класса (*авторы А. Н. Сахаров. А. Н. Бахов)* учит: «От крещения Руси было трехперстие, символизирующее Бога Отца, Бога Сына, Бога Святого Духа. Но раскольники стали креститься двумя перстами. Они же, раскольники и церковный раскол учинили». Но, как мы видели, все было наоборот. К чему такие учебники? И кто их заказывает?

И еще пример, памятник в нижегородском Кремле основателям Нижнего Новгорода (1221 г). князю Юрию Долгорукому вместе с епископом Симеоном — с малаксой правой десницы. Греческий протоиерей Малакса, который ввел это перстосложение — малаксу, еще только родится через 400 лет в VI веке. И кто такой епископ Симеон? Что за личность? Был епископ Дионисий — основатель Печерского монастыря 1221 г.

На Бору памятник преподобному Сергию Радонежскому, благословившему Дмитрия Донского на Куликовскую битву в 1380 г. Но у него тоже в правой деснице малакса. Откуда? Везде эта неправда.

А тогда — 300 лет назад боярыню Морозову везли на пытку. Смело ехала она, закованная в цепи, подняв двуперстное перстосложение вверх. Страшно даже подумать. Боярыню, тетку царя вздернули на дыбу! А что ж было с простым людом?

За двуперстие вешали и сжигали в срубах. На Руси, Валентина Кирилловна, на кострах не сжигали. У нас сжигали более гуманно — в срубах, но от этого конечно легче, сами понимаете, не становилось.

Никон вводил на Руси греческие порядки, в буквальном смысле слова копируя не только их церковную практику, но и всю атрибутику. Начиная от каблуков и мантий, жезлов архиерейских и внутренних интерьеров церкви до перемены всей архитектуры церковных строений и монастырей на греческий лад. А на Руси еще с 1480 года

было введено в архиерейскую присягу клятвенное обещание не принимать греков ни на митрополию, ни на архиепископию как находящихся под властью неверного царя, то сейчас великое их множество было приглашено на Русь. Во всех делах были греки. И царь, воспитанный в пренебрежении ко всему русскому все это поощрял. Отец Павел Флоренский в своей статье «Троице-Сергиева лавра и Россия» назвал деятельность патриарха Никона «реакционной и вообще антинациональной».

При Никоне на Руси строго выполнялись иезуитские инструкции: «Все подвести под правила соборов отцов греческих» и «Для чего призвать из-за границы людей ученых, хотя и светских». В России началась книжная справа — вторая деятельность патриарха Никона.

Вы понимаете, Валентина Кирилловна, на Руси в ту пору не было налажено книгопечатания. Книга писалась от руки, но писалась специально поставленными на это дело мастерами, работающими под строгим контролем. В книгах не допускалось никаких исправлений, неточностей, зачеркиваний или помарок. Малейшая ошибка считалась великим грехом.

Возьмем старинную книгу, написанную в далеком XIV–XV веке и полистаем ее. Буковка к буковке, ни помарочки. И тетрадка у школьника, в наши годы по чистописанию не была такой чистой и аккуратной, как книга. На Руси книги почитали и берегли, жертвовали собой, вынося их из пожара. Книга никогда не оставалась без внимания. В ней было ошибок меньше, чем в современной книге опечаток.

Не обошел книгу своим вниманием и Стоглав. Собор в 1551 г. сличив все доподлинно, указал только на некоторые неточности, списки и знаки препинания. Других замечаний собор Стоглавый не сделал.

Как я вам уже говорил, что истинные виновники и инициаторы реформы: царь и Стефан Внифатьевич еще до патриаршества «Никона пригласили в Москву зна-

ющих греческий язык книжных справщиков из Киева» (Н. Ф. Каптерев). С этого все началось, Никон дело это только расширил. Не имея достаточного образования, он окружил себя учеными греками. Их множество тогда понаехало на Русь. Мне как-то пришлось прочитать целую книгу под названием: «Характеристика лиц, пришедших на Русь при царе Алексее Михайловиче». Автора я, к сожалению, не помню, молод был, не записал. В ту пору на Русь хлынуло множество всяких деятелей, ученых, лиц духовного и светского звания, всякого рода воспитателей. Греция, Украина, Западная Европа, Париж и Рим: все бросились учить Россию. Бахвалясь и гордясь собой, порой совершенно мнимой ученостью, они заняли в Русском государстве «тепленькие» места. Всем им в этой книге дана исчерпывающая отрицательная характеристика. Ни одной положительной личности.

Книжную справу Никон поручил Арсению Греку. Об этом человеке нужно сказать несколько слов. Появился он на Руси еще при патриархе Иосифе. И русские, найдя в нем крайнего еретика, отправили его в Соловецкий монастырь на покаяние. Там он и пребывал до той поры, пока Никон патриарх его оттуда не извлек, поручив ему всю книжную справу, сделав его самым главным человеком. Почему именно его?

Арсений был образованным человеком. Учился в школах Парижа и Рима, воспитанник иезуитов; он так ловко подстроился к Никону, что тот сделал его своим келейником. Живя с патриархом в одной келье, Арсений рекомендует Никону и другое крайне важное лицо в русской истории того времени — Паисия Лигарита.

Вот как о нем отзывался Константинопольский патриарх: «Паисий Лигарит — лоза не константинопольского престола, я его православным не считаю, ибо слышу от многих, что он папежник, лукавый человек».

Лигарит был католический миссионер, направленный на Восток в 1641 году. В Москве он выдавал себя

за Газского митрополита, ловкий и хитрый, он быстро входит в доверие к царю, который его слушает «как пророка Божия».

Далее, Симеон Полоцкий (Самуил Емельянович Петровский-Ситианович), окончил иезуитскую коллегию в Вильно — воспитатель детей царя. (Не удивительно, что Софья и Петр I были гонителями старообрядцев). По повелению царя Симеон пишет трактат против старообрядцев.

Мелетий Смотрицкий — этот еще до Никона, задолго до раскола придя на Русь в 1648 году, готовил общественное мнение, в своем предисловии к грамматике, о будто бы существующей неисправности русских богословских книг.

Братья Лихуды — воспитанники иезуитских коллегий Венеции и Падуй, сторонники Никоновской реформы, 15 лет стояли в управлении Московской духовной академии.

А вот свидетельство протопопа Аввакума о них: «Овчеобразные волки Симеон и Епифаний. Знаю я Епифана римлянина до мору, егда он приехал из Рима… А Семенка чернец оттоле же выехал, от римского папежа».

Особенно много пришло на Русь тогда всякого люда из завоеванной османами Греции, где турецкие власти притесняли православных. Но кто уходил из своей страны? Покидал Родину тот, кому не дорога была ее судьба, кому в ней не было места. Все эти люди приходили на Русь за милостыней или поживой, принося с собой и святыню для продажи, сбывая ее за большие деньги. Русские, конечно, не скупились и казны не жалели. Так на Руси появилась Глава Иоанна Предтечи Крестителя Господня, таким же образом были приобретены и мощи младенцев побитых Иродом при рождестве Христовом. Все эти и другие святыни находятся сейчас в Киево-Печерской Лавре. Много разных дельцов тогда пришло из Юго-Западной Церкви: униаты, католики, иезуиты и прочий люд.

Прочитав вышеуказанную книгу-характеристику, я сформулировал себе одну общую характеристику всем

эти пришлым людям и, к большому сожалению должен признать тот факт, что все они, как правило, были проходимцами. Запрещенные, низверженные, лишенные сана, с подложными грамотами, самозванцы и прочее.

Арсений Грек не был исключением из их числа — крайний еретик. У католиков — католик, иезуит. У греков — православный, у магометан — магометанин, у русских — опять православный. У иудеев — иудей. При медицинском осмотре оказался обрезанным.

Вызывает подозрение и Стефан Внифатьевич — духовник царя. Уж больно он старался в пропаганде греческого православия в попирании русских богослужебных книг. И когда в Москве были изданы книги из Юго-Западной Церкви, а также значительным тиражом «Книга о вере», Стефан Внифантьевич особо заботился об их распространении. Все 850 экземпляров книги «О вере» были проданы за два месяца. Очевидно, Стефан как духовник царя тоже подвергся иезуитской обработке. Вряд ли они его обошли стороной.

И вот всей этой бессовестной братии было доверено все дело Русской Церкви. Что можно было ожидать хорошего от их деятельности и книжной правки. Многие и до настоящего времени думают, что они действительно что-то исправили.

— Александр Семенович, я не пойму. Подождите. Как же так? Что же за человек был Никон? Что он делал?!

— Никон отрицательная личность Русской истории во всех отношениях. Сам он был не лучше своих подручных. Попирая все и стремясь только к власти, по словам Ю. Ф. Самарина, хотел «основать в России частный национальный папизм». С. Н. Соловьев писал так «На отношения царской власти к патриаршей Никон высказывал взгляд, который никак не сходился с преданиями восточной церкви, утвержденными в России историею». Митрополит Макарий рисует нравственный облик Никона в очень темном свете. Н. Ф. Каптерев тоже не побоял-

ся очень отрицательно высказать правду о Никоне, хотя и уклончиво — не позволяла политическая обстановка.

А вот, что написано в церковном календаре о нем, я Вам, Валентина Кирилловна, прочитаю: «Никон имел жестокий и упрямый характер, держал себя гордо, надменно и недоступно. Называл себя по примеру римского папы, «крайним святителем», титуловался «великим государем» и после царя, был первым богачом тогдашней Руси. К архиереям он относился надменно, не хотел их называть своими братьями, страшно унижал и преследовал остальное духовенство. Все страшились и трепетали перед ним».

Церковным диктатором называет Никона В. О. Ключевский. О крайне отрицательном нравственном облике Никона свидетельствует его келейник Иона, князь Шайдуров и другие.

Некоторые деятели никонианской церкви, в какомто слепом своем неразумии (если только не специально) и поныне считают, что Никон великое дело сделал на Руси, чуть ли не в святые его возводят за Воскресенский монастырь — Новый Иерусалим. Не могу понять, за что!? Не он творец тех архитектурных шедевров, макеты их привез Арсений Суханов с Востока по повелению самого же Никона. А его книга, которую он написал в свое оправдание за эту деятельность на Руси, по словам митрополита Макария Булгакова — скучнейшая вещь! «Нужно иметь великое терпение, чтобы читать книгу Никона даже по частям…». Потом Никон просто лжец! Об этом мы еще поговорим. Неоднократно прибегал он к обману.

А вот протоиерей современной никонианской церкви Лев Лебедев о Никоне пишет совсем иначе: «Святейший Никон, Патриарх Московский и всея Руси, — одно из самых великих явлений Русской и Вселенской Церкви, отечественной и мировой истории и культуры. Значение его до сих пор не вполне осознано по ряду определенных объективных причин». *(Лебедев Л. К 300-летию со дня кончины Патриарха Никона // Богословские труды. 1982. № 23).*

Далее мы еще коснемся «его великих творений на Руси». Ранее, как я уже говорил, Никон был порицателем греков, но с момента восхода на патриарший престол буквально преобразился. Возлюбил их и даже сказал: «Что хоть я и русский, но в душе грек». Будучи мордвином по национальности. Не мудрено, что у него Арсений Грек был его правой рукой. И когда в 1654 году на соборе было решено исправлять книги по древнегреческим и древнерусским образам, то на самом деле исправление книг шло под руководством Арсения Грека по новым греческим образцам выпущенным в иезуитских типографиях Рима и Парижа, в которых заранее были заложены хитрые ереси. Эти книги и сами греки считали погрешительными.

Почему же по новым книгам шло исправление? Да потому, что нужно было достичь единства с современной греческой церковью. Соединить церковную практику греков и русских. Ни патриарха, ни царя вовсе не интересовал вопрос сличения книг и исправления ошибок. Православие их вовсе не тревожило. Вот в этом-то и была вся беда на Руси. Ни патриарха, ни царя не интересовала истина! Оба они стремились к земным благам и земным престолам. Политические вопросы больше интересовали патриарха, чем церковь. Отсюда и началось падение Руси!

Некоторые люди до настоящего времени так и думают, что на Руси были исправлены книги, так как в них было много ошибок, но исправление книг шло по принципу: «Как-нибудь исправляй, лишь бы не по старому». Аввакум убедительно свидетельствует об этом следующими словами: «Как говорил Никон, так и сделал: «Печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому», — так су и сделал».

Все это было уже не исправление книг, а их изменение и порча. Сейчас это все уже давно доказано наукой и не раз. Интересны исследования профессора Н. Д. Успенского по изданным Никоном служебникам. Во всех своих шести изданиях они все разнятся в текстах. Об этом же

свидетельствует и проф. А. А. Дмитриевский следующими словами: «Все эти издания в текстуальном отношении весьма сильно разнятся друг с другом, причем разности между изданиями мы наблюдаем не только в несколько строк, но иногда в страницу, в две и больше.

Да и понятно все это. После такой переделки книги были испорчены как богослужебные, догматические, а потом уже и как литературные произведения. Древние наши книги считаются шедеврами древнерусского литературного языка. Они когда-то переведены на славянский с греческого просветителями славян Кириллом и Мефодием, переведены высокохудожественно и являлись образцами русской словесности. Теперь же их переводят разные проходимцы, которые и языка-то русского толком не знают.

Весьма метко сказал об этом Каптерев: «Арсений Грек, как иностранец, не мог постичь все тонкости перевода на русский язык, поэтому его переводы нередко уступали старым переводам в ясности, точности и уместности того или иного выражения, казались иногда двусмысленными и соблазнительными. Епифаний Славинецкий — крайний приверженец буквализма в переводе, он в жертву буквализма принес ясность и понятность самой речи, сочиняя собственные слова и их сочетания, очень искусственные и маловыразительные, отчего его переводы всегда неуклюжи, нередко темны и малопонятны, так что смысл наших некоторых церковных песен усвояется с трудом».

Никон, конечно, понимал, что делал не дело, но продолжал творить беззаконие и, что интересно, при всем этом он не считал себя инициатором книжной справы.

Пользуясь безнаказанностью, благодатной почвой и полной свободой зло росло на Руси как снежный ком! Дело дошло до трагизма. Изменялась и суть молитв, вводилась тщательно замаскированная и сознательная порча священных текстов врагами православия с целью поглумиться над Церковью. Порой была чистая бесовщи-

на и поклонение лукавому, а порой новый перевод доходит до смешного.

Я Вам, Валентина Кирилловна, приведу некоторые примеры нового перевода по исправлению Псалтыри: «И упасеши я палицею железною» — то есть буду тебя охранять боевым оружием — железной палицей. Новый перевод: «И упасеши я жезлом железным» — буду охранять тебя железной палкой. Ну, какой перевод, по-вашему, лучше? И для чего было переводить по-новому эту фразу? Неужели хуже был выполнен перевод Кириллом и Мефодием? Их переводы высокохудожественны, прекрасны, читать их одно удовольствие.

А вот пример перевода, по нелепости доходящего до юмора, горького конечно юмора: Из ектении на освящение воды в Богоявление: «о еже быти воде сей приводящей в жизнь вечную». Новый перевод: «о еже быти воде сей скачущей в жизнь вечную». Комментарии тут, по-моему, излишни. Но от этих переводов, даже и столь нелепых, раскола церковного не будет. Они не столь принципиальны. Но есть и злые переводы и заведомая замаскированная порча священных текстов. Словно какие-то колдуны хитрым образом вливали свой яд. Вот эти примеры: Из чина крещения: «Запрещает ти диаволе, Господь наш Иисус Христос, пришедыи в мир и вселивыися в человецех». Новый текст: «Запрещает тебе Господь, диаволе, пришедыи в мир и вселивыися в человецех.» Страшно даже приводить в пример подобный текст. Обратите внимание, Валентина Кирилловна, сколь тонко здесь изменен текст. Не сразу даже и уловить можно. Насколько хитро все сплетено, а смысл здесь обратный. В новом переводе уже диавол запрещает. Кому?…

Далее: «Молимся тебе, Господи, ниже да снидет с крещающагося, молимся тебе, дух лукавыи». А здесь уже чистая и откровенная молитва лукавому.

В Символе Веры: старый перевод: «И в Духа Святого Господа истинного и животворящего». Новая редакция: И

в Духа Святого Господа… животворяжего». Здесь в новом переводе убрано крайне важное слово «истинного». В новом переводе Духа Святого не называют истинным. Это не только неприлично, но канонически не правильно.

Обратимся к Евангельскому тексту и обратим внимание на то, что Христос четыре раза на его страницах говорит о Духе и четыре раза добавляет к Духу эпитет «Истинный». «Пошлю вам Духа истинны. Той вас наставит на всяку Истину и т. д.». Да в самом Символе Веры говорим: «Иже от Отца рождена прежде всех век. Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена, а не сотворена». То есть Христос как Бог истинныи родился от истиннаго Бога Отца. Но поскольку данные эпитеты прилагаются Богу Отцу и Богу Сыну, то должно прибавляться слово «истиныи» и к Святому Духу. Так как Лица Святой Троицы равноправны и равны между собой.

Здесь недопустимое искажение догмата Святой Троицы. И кем это вносится? Распоясавшимися и падшими беззаконниками и жрецами сатаны.

Там же: «рождена, а не сотворена». В новом переводе: «рождена… не сотворена». На что Аввакум говорит: «За единое «АЗ» умереть готов».

Изменение Символа Веры, притом даже в двух местах, явление недопустимое. Эта литературная трактовка и догматическая формула утверждена Вселенскими Соборами, и менять ее Никон не имел никакого права. В решении Вселенских Соборов, окончательно утвержден Символ Веры и сказано так: «Аще даже и Ангел Господень снидет на землю и скажет, что написано не так, то все равно не менять, ибо все это запечатлено кровию мучеников».

Никон же, со своими подручными, все меняет самолично. Перечислить все редакции просто не возможно, они измеряются тысячами. Исковеркано все! Не могу не привести, как описывает перевод книг Священного Писания с иудейского языка на греческий знаменитый

Евсевий Панфил в своей «Церковной Истории». «Царь Птоломей, стараясь украсить созданную им в Алесандрии библиотеку особо отличными сочинениями всех народов, потребовал от иерусалимлян перевести книги Священного Писания. На исполнение воли Птоломея Иерусалим послал 70 старцев, сведущих в Писании и в обоих языках. Птоломей опасаясь, что совместное пребывание даст им возможность скрыть в переводе истину, разлучил их друг от друга, повелев каждому сделать перевод всех книг. Когда они собрались у Птоломея и сличили переводы, «Бог был прославлен», а Писания признаны божественными. Потому что все Толкователи одни и те же мысли перевели одними и теми же выражениями, одними и теми же словами. Дабы и жившие там язычники признали, что Писание переведено по вдохновению Божиему».

Приведу Вам, Валентина Кирилловна, одно из характерных высказываний, ярко отражающих картину богословских текстов после Никоновских литературных деяний: «Во вновь изданных книгах, против прежних святоотеческих, много несогласия произыдоша: овая бо отъяшася, овая не приложишася, ина пременишася, а ина изменишася, другая же новоприменишася, яже вся исчислити не возможно».

Большую работу провел в 19 веке Д. С. Варакин, сравнивая тексты древних книг с никонианскими переводам. К примеру, в стихере «на Господи Возвах» на Благовещение Пресвятой Богородицы говорится: «не познах бо мужа, браку есмь не причастна», а в новом тексте: «Не познах бо мужа» — «не познах бо сласти».

«Когда же эти книги насильно прислали в церкви, то все епархии начаша изобиловати мятежами. И всяк град смущением наполнишася и всяка обитель и село».

С этого изменения все и началось. И пошло, и пошло! Конечно, не во всех действиях был виноват Никон в прямом смысле, но он «прорубил плотину, и стихию потока было уже не остановить». Менялось все! Даже одежды

и те переделывались на греческий лад. Никонианские попы с метровыми в ширину рукавами, сколько в этом неудобства.

Порой, оказавшись в каком-нибудь другом городе, в воскресный или субботний день я иду в церковь, но поскольку наших церквей мало, иду иногда ради традиции в никонианскую, хотя мне это запрещено — ходить в еретичествующую церковь. Но я, грешный, иногда ради познания или проповеди, схожу. Так вот, однажды в г. Свердловске был на всенощной. Отстоял и, выйдя из храма, рассуждал о том, что лучше бы не ходил. Правы наши отцы, запрещающие ходить в никонианские храмы. Одно только осуждение и осталось на душе. Уши бы не слышали изуродованных молитв и слов песнопений, вывернутых порой шиворот на выворот. Глаза бы не видели всех этих новых несуразных порядков в церкви. Старообрядческую церковь с никонианской даже нельзя сравнить. Все тут делается не так и все раздражает. Все молитвы и песнопения, хотя они и измененные, но это все же, безусловно, молитва. Люди других редакций и не знают и привыкли думать, что так это и надо, так это и должно быть. Интересно стоит народ. Кто в чем, одна женщина с непокрытой головой, другая рядом в белой панаме, третья, повязанная платком, четвертая в шляпе. Тут же девица с распущенными волосами и в брюках.

У всей этой массы народа какой-то неопрятный, неряшливый вид. Люди стоят, одни крестятся непрестанно, другие изредка, треть не крестится совсем. Бабушка стоит на коленях, рядом женщина разглядывает потолок. Дьякон на амвоне говорит ектению, клирос в это время поет какие-то невразумительные вариации на тему «Господи помилуй». Вот читается молитва Господня — «Отче наш», но почему-то люди всё также ходят по церкви взад-вперед. Видно не знают, что ходить сейчас по храму строжайше запрещено, или просто возможно не слышат, что читается.

Постов в этой церкви серьезно вряд ли кто соблюдает, вот так чтобы как у старообрядцев. Попы вообще, говорят, творят чудеса, но этого сам я, Слава Богу, не видел, а потому и говорить не буду. Да нечему тут и удивляться. Одним щелчком выключателя, зажигаются здесь все лампады иконостаса, свечи на подсвечниках горят из крашеного парафина — беда, да и только! Паникадилы, превращённые в электролюстры!

Есть, конечно, в церкви и добрые христиане, и образцовые священники, не все общество никонианской церкви подверглось тлению. Но и те, обманутые никонианщиной, принимают ее ложь за истину. Вот в чем беда!

Можно, конечно, меня критиковать за такие высказывания, но это кому, как хочется, но поверьте, Валентина Кирилловна, все, что я сказал — все это так и есть! И поймите, не злорадно, но с глубокой болью в душе говорю я Вам все это. Никоновская реформа привела ко всему этому, к разложению не только самой иерархии, но и паствы. Скоро Вы это поймете сами, к этой теме мы еще вернемся.

А дальше, испортив святыя книги, что повлекло к порче даже церковного языка, неугомонный Никон с невероятной дерзостью, на которую способен не каждый, начинает новый виток своей деятельности — теперь уже в области иконописи! Цель-то его была переделать всю Русскую Церковь.

Приведу опять же высказывания Н. Ф. Каптерева: «Никон говорит на соборе не о таких книжных исправлениях, под которыми бы разумелись внесение в них невежественных ошибок, описки и подобные неважные и легко исправимые погрешности, но требует исправления книг, поскольку они содержат, по его мнению, нововведенные чины и обряды, требует, так сказать, исправления самой Церкви, а не только книг».

Никоновское иконоборчество и гонения на Осьмиконечный крест

Ссылаясь на якобы новый стиль написания икон, старые иконы Никон назвал еретическими. Иконы древних соборов, перед которыми молился русский народ, Чудотворные образы, не раз избавлявшие страну от нашествия и бед, вдруг стали еретическими. То были творения лучших иконописцев.

Вот что писала газета «Труд» за 21.10.1981 года: «Никон открыл второе иконоборчество и повинен в истреблении сотен древних икон, которые казались ему «еретическими». Их уничтожение началось летом 1654 года. Патриарх повелел обыскать все храмы и дома именитых людей Москвы и собрать «подозрительные» иконы»… Им он выкалывал глаза, — писал очевидец, — после чего стрельцы, исполнявшие обязанности царских глашатаев, носили их по городу и кричали: «Кто будет писать иконы по этому образцу, постигнет примерное наказание».

«А в начале следующего 1655 года Никон в Успенском соборе Московского кремля, в присутствии Алексея Михайловича, учинил массовую казнь не угодных ему икон. Лично разбивая об пол собора лучшие произведения иконописи». И откуда только столько бесстыдства у этого мордвина и такая прямо-таки сатанинская злоба? И у кого? У всероссийского патриарха? Просто не укладывается в голове.

Нельзя не отметить того, что в XV веке искусство иконописи на Руси достигло степени чуда (*Журнал «Наука и жизнь»*), но у Никона в «еретические» тогда попали лучшие творения иконописцев. Возможно, они не были равны Андрею Рублеву, но в Успенском Соборе Московского Кремля плохих образов конечно не было. Лучшие образы сжигались, разбивались, записывались. Словом, уничтожалось все самое лучшее в Русской Церкви. Не обошла эта участь и знаменитую на весь мир икону Святой Трои-

цы Андрея Рублева. Но к счастью она все же не погибла. Эту драгоценность, шедевр мирового значения, отыскали уже в XX веке в Троице-Сергиевой лавре. Академия наук три года снимала слой за слоем, освобождая записанное сонной кистью невежд великое творение.

Какой же страх и смятение испытывали тогда люди в Успенском соборе при виде этого злобного измывательства патриарха над святыней. Но никого не нашлось остановить Никона. Дыба, кнут, огонь и смерть стояли за спиной у всякого, кто возражал этому деспоту.

Вот Вы, Валентина Кирилловна, спрашиваете меня, а для чего же все это творил Никон. Может он хотел что-то исправить в иконописи? (Хочется добавить к этому реплику: «Как и в книгах»).

Он — Никон — под предлогом неканоничности или других каких-то придирок толкнул, что называется, снежный ком с горы, который, превратясь в лавину, уничтожил впоследствии всю русскую иконопись. Иконы вместе с древними книгами, хранимые у старообрядцев, изымались и сжигались под любым предлогом в кучах и кострах вплоть до наших дней — шестидесятых годов XX столетия и на сегодня, придя в никонианскую церковь и увидев убожество их стенных росписей и бумажных икон, изготовленных фотоспособом самого низкого качества, с сомнительными ликами. Рука не поднимается на них креститься. Это после Рублева-то. Поймите Вы, Валентина Кирилловна, что на Руси за иконописью был не менее строгий контроль, чем за книгописанием. И Стоглав в своем решении по иконописи записал рекомендации иконописцам писать иконы подобно Рублевским образам, ставя в образцы для подражания его творения.

Еще Иван Грозный в свое время создал иконописную мастерскую в Московском кремле, где работали лучшие иконописцы тогдашней Руси. Эти иконы получили название — иконы царских писем. Выполнялись они в исклю-

чительно высокой технике письма. Никон повелел писать иконы на новый манер.

Понимаете, Валентина Кирилловна, все эти изменения в русском православии начались еще конечно и до Никона и существовали в своем как бы зачатке-зародыше, вина патриарха состоялась в том, что он дал этому зародышу широкую дорогу. И дело дошло до того, что в этих кострах, зажженных Никоном когда-то, впоследствии в огромных масштабах погибла русская культура. Масштабы этих костров не всяк и представить себе может. Сжигались иконы и книги в таких количествах, что на месте костров, медных книжных застёжек было столько, что можно было ими грузить железнодорожные вагоны. Об этом свидетельствует житель Рязанской области из села Иссады Никанор Агафонович Туркин, умерший в возрасте 102-х лет. В его родне многие были духовными лицами, и даже был епископ Павел Туркин, недавно реабилитированный посмертно. У самого Никанора Агафоновича была большая библиотека, человек он был весьма начитанный. (*Записано со слов настоятеля храма города Рязани священноиерея Александра Кукушкина*)

Не мудрено, что после всего этого на Руси осталось крайне мало древнерусской литературы в ее подлинниках. Вот и Слово о полку Игореве, найденное Мусиным-Пушкиным, оно же было не в единственном экземпляре. Мы же нашли, очевидно, последний экземпляр.

Какой-то теневой вдохновитель стоял во главе всей этой вакханалии, оставаясь неизвестным. Все эти вершители и патриарх, и царь Алексей Михайлович, все они были только исполнителями чьих-то идей, на самом деле все было гораздо сложней и Никон впоследствии назовет Большой Московский собор 1666–1667 годов сатанинским сборищем, иудейским сонмищем.

Я Вам скажу, Валентина Кирилловна, что шедевр иконописи, этого изумительного искусства, расцвет ко-

торого на Руси достиг своего совершенства, родился не сразу. Становление его шло тернистым путем гонений, ссылок и кровью мучеников во времена иконоборческой ереси еще в Византии. Кровью мучеников расплатилось человечество за все это. В ту далекую пору иконы стали приравнивать к идолам. Церковь прошла через это горнило, но оно же, как ни странно, подняло иконопись на новую ступень совершенства, породив этот прекрасный стиль изображения святых, покоривший мир. Никон возможно конечно и понимал, что творил не дело, но ради III-го Рима он был готов на все. И как у католиков нет иконописных изображений, а все их капеллы расписаны живописью, то и российский патриарх пошел на то, чтоб утвердить живописное написание икон в русских храмах. Он повелел писать в царских мастерских Христа одутловатым и упитанным младенцем, и это все преподносилось народу как выражение здорового ребенка.

О…о! Многострадальная Русь. Сколь крат ты терпела набеги? Половцы, татары, ляхи со Лжедмитриями. Много ли осталось после этого твоих памятников — литературно-богословских творений отцов Русской Церкви. В пылу пожаров, деспотизма и насилия, но не было еще на Руси такого врага, который бы системно, пунктуально и тщательно уничтожал богословско-нравственные труды святых отцов. Никонианские духовные власти не доверяли сжигать книги, где попало. Сжигали только в специальных крематориях доверенные лица, чтоб их не разворовали и не попрятали. Вот поэтому и можно было медными застежками вагоны грузить.

Не было на Руси в ту пору врага хуже никонианства. 350 лет будет Русь нести его иго. Все окрестные народы оказывали приют бежавшим из России старообрядцам: Ляхи и венгры с румынами, турки, монголы и китайцы и другие народы Востока; никто не гнал и только иерархи

никонианской церкви вместо утверждения мира на земле сеяли смерть через костры и муки пыток.

Но не только иконописью «увлекался» Никон. Далее он вводит изменение и в начертании креста. Я Вам поясню, Валентина Кирилловна, с древних времен на церкви был четырехконечный крест, который сохранился до XI века. Пока не произошел раскол Римской Церкви на католиков и православных. Католики, уклонившиеся в ересь католичества, так и оставили у себя четырехконечный крест, а вот православие стало изображать крест полный — восьмиконечный.

Поначалу и на Руси были четырехконечные кресты и княже Владимирский собор во Владимере — памятник XII века, тому свидетель. На нем, обратите внимание, и до настоящего времени стоит четырехконечный крест. А с момента утверждения православия, на всех храмах Руси стали ставить осьмиконечные кресты.

В Юго-Западной церкви, которая находилась под влиянием Рима, католики, стремясь к сближению церквей постепенно, обманным путем вводят шестиконечный крест, как переходный между четырех и осьмиконечным. И шестиконечный крест утвердился в Юго-Западной церкви до настоящего времени.

Никон же идет еще дальше католиков. Он на Руси вводит сразу оба креста: четырехконечный и шестиконечный, стремясь сблизиться с католиками и в этом вопросе. И вот посмотрите, что из этого вышло, Валентина Кирилловна. Вот скажем в г. Арзамасе стоит знаменитый собор на городской площади. На нем все три креста сразу: осьмиконечный, шестиконечный и четырехконечный. И это так по всей стране. На главе осьмиконечный, над папертью — шестиконечный, на колокольне — четырехконечный, или все наоборот.

Ну вот, неужели же сейчас нельзя навести порядок в таком важном вопросе, как крест на церкви? Так нет.

И до сих пор продолжается у них эта неразбериха с крестами. Уж и Никона-то давно нет, а безумные его нововведения до сих пор живы.

В Старообрядческой церкви почитается тоже конечно и четырехконечный крест, но ему отведено там свое место, он на ризах у священнослужителей.

— Александр Семенович, я как-то не все понимаю. Вы так быстро говорите, не успеваю соображать. Я, конечно, видела кресты на церквях, но никак не соображу, что же там изменил Никон.

— Вот так раз, Валентина Кирилловна, что называется — приехали. Толкуем, токуем, а вы никак не поймете, о чем? Да когда же я вам все объясню, времени-то нет, уже пора собираться в аэропорт, а мы опять углубляемся в теоретические вопросы.

Осьмиконечный крест выглядит так: имеется основное вертикальное древо. На нем большая перекладина для рук, внизу также наклонная перекладина для ног, так называемое подножье. Оно имеет наклон справа налево вследствие того, что Христос так его поставил, опершись на него ногой. Так она и принята на кресте. Подножие ставится у основания креста для того, чтобы распятый человек опирался на него ногами и служит совсем не для облегчения его страданий, но для увеличения их. Так и Христа, прежде чем распять подвергли не только издевательству, но и бичеванию, которое заключалось в том, что его избивали плетьми, на концах которых ремни имели или свинцовые шарики или острые косточки, рассекающие плоть. Цель бичевания заключалась в том, чтобы избить до полусмерти. После чего Его распяли.

Распятие на кресте это самая ужасная смерть, какую только изобрело человечество. Распятый при пригвождении ко кресту не получал каких-то серьезных, смертельных ран, которые бы влекли за собой смерть. Язвы от гвоздей на руках и ногах не были столь опасными для организма. Здесь у человека не нарушались его жизненно важ-

ные внутренние органы и поэтому человек жил на кресте по нескольку суток. Смерть наступала только от гангрены, развивавшейся на месте язв, повышалась температура тела, мучила жажда под палящими лучами южного солнца. Я, конечно, не могу описать страдания Богочеловека и не буду. Но когда силы оставляли распятого человека и тело его повисало на руках, его начинало мучить еще и удушье. И вот здесь-то и нужно было подножие. Человек бы умер от удушья и страдания его кончились бы. Но подножие ему не давало умирать. Опершись на него ногами, человек опять получал возможность вздохнуть и жизнь его, а вместе с ней и его мучения продолжались. Вы знаете наверно, Валентина Кирилловна, что когда жиды пришли к Пилату и просили его: «Да не оставит телеса в субботу, понеже велик день тоя субботы», — наступила еврейская пасха и посланные с сотником воины — «Первому перебиша голени и второму, распятому с ним. Исуса же, видеша уже умерша, не сташа Ему перебивать голени, но один от воин копием ребра ему прободе и абие (тотчас) изыде кровь и вода».

Из этого хорошо видно, что для скорейшей смерти распятого было достаточно ему перебить голени, тогда человек не мог дышать, поскольку не мог уже больше опереться на подножие сломанными ногами и задыхался.

Наклонное положение подножия Святые Отцы толкуют тем, что благоразумный разбойник, обратившийся ко Христу и получивший прощение от Него, был распят одесную сторону креста Господня (по правую сторону) и правая часть подножия поднята вверх, указывающая на восхождение его со Христом в Царство Небесное.

«Истинно говорю тебе. Ныне же будеши со мною в раю». Вот бы нам с вами получить такое разрешение!

И вот, наконец, вверху креста над Главой Исуса Пилат повелел прибить доску, на которой написал — кто распят и его вина, на трех языках. «И прибив дщицу Пилат, написав на ней титла: сокращенные слова — еврей-

ски, гречески, римски — И.Н.Ц.И. — Исус Назарянин Царь Иудейский».

Как видите, Валентина Кирилловна, эта доска, написанная Пилатом, является неотъемлемой частью Креста Господня. И шестиконечный крест, без нее, не является полным. Иезуиты же свой обман народу Юго-Западной церкви мотивировали тем, что будто бы верхняя доска, прибитая Пилатом, не имеет к Кресту Господню никакого отношения, так как прибита после, но это как вы видите совсем не так.

— Ну, теперь вам все понятно о крестах?

— Теперь все.

— Вот придете вы на кладбище и на каждом кресте есть такая табличка, кто здесь похоронен и без нее нельзя. Конечно, на наших кладбищах можно увидеть какие угодно кресты. Здесь отлично видна вся наша безграмотность в этом вопросе. Я даже встречал кресты, поставленные стремглав, или подножие вдруг попадает вместо большой перекладины для рук и много других вариантов. Видно, что человек делал, а что делал — не понимал. Что может быть хорошего от такой работы. Одно горе. О! Невежество наше! И по Златоусту: «Неведение есть велие зло».

Реформу с крестами Никон сделал для того, чтобы подвести народ к тому положению, дабы всё можно было смешать в одну кучу. Так сейчас хотят поступить экуменисты. И в этой темной уже куче никто ничего не поймет. В ней будет окончательно погублено православие. Но этому не бывать, так как Церковь Христова вовеки не погибнет. Человечество придет к истине только правильным путем, когда все еретики отстанут от своих заблуждений. Святая Церковь постоянно молится о мире всего мира, о благосостоянии Святых Божиих церквей и о совокуплении всех. Но это все еще впереди, а пока Никон меняет все самолично.

Изменение перстосложения, Символа Веры — это уже даже не обряды, а догматы. А далее шли изменения

за изменениями без конца. Оказалось, что и даже Имя Христово мы «неправильно» и пишем, и читаем. По его патриаршему указу стали писать не Исус, а Иисус, ходить на крестных ходах не по солнцу, а против солнца, и вокруг аналоя так же. При венчаниях, крещениях и освящениях храмов и так далее посолонь (по солнцу) ходили все 700 лет существования церкви — шли за солнцем — Христом. Такой здесь заложен смысл. Теперь оказалось, что все русские святые и чудотворцы все делали «неправильно».

Божественную литургию всегда совершали на семи просфорах, теперь все делали по-новому — служат на пяти. Что еще не изменил Никон? Много можно говорить о его нововведениях, и все не так просто перечислить. Он и его единомышленники меняли все, сокрушали и упрощали, не только сокращали саму литургию, но сокращали целые службы, искореняли церковные догматы и апостольские предания.

— Подождите, Александр Семенович, все это какой-то кошмар! Как дурной сон.

— Да, вот только, к сожалению, все это не сон, а явь.

Нововведения Никона для русского народа были как удар обухом по голове. Всех повергло в недоумение. Люди не верили своим глазам и ушам. Что было делать? Многие напугались, а многие и возразили, и начался в России ропот среди всего русского народа. Многие посчитали патриарха антихристом — на него он и похож был. Такую смуту заварил на Руси. Да как он только посмел!

Но Никон-то был патриарх, а не простолюдин. Жестко поступали с теми, кто возражал. Дыба, кнут, огонь и плаха — всегда были готовы. Деспот-патриарх жалости не знал.

Об ужасных последствиях для России (да и не только для России) этого раскола тогда многие и не подозревали, тайно надеясь, что одумаются царь. Но надежды эти не осуществились.

Пройдет 300 лет и уже в XX веке отец Павел Флоренский в одном из своих писем напишет знаменитые слова: «Всемирная атмосфера испорчена едва ли не с XVII века. Тщательное исследование русской церковной реформы XVII века полностью подтверждает эту догадку, ибо русская духовная катастрофа по своим последствиям имеет не только местный российский, но и глобальный характер. И если это следствие идеологической диверсии, то диверсия эта глобального масштаба» *(Б. П. Кутузов)*. Очень меткие слова.

Тогда же в России был кромешный ад. Царь и Никон делали одно дело. Осуществляли одну политику, одну идею Москва — Третий Рим. И для достижения этой цели, все средства были хороши. Никон, ободренный царем, делал что хотел, пользуясь неограниченной властью, творил он реформу за реформой. Ни с кем не советовался и не перед кем не отчитывался. Соборов не собирал. Опираясь на царскую дружбу и власть, проводил церковную реформу решительно и смело. Вместо древнего церковного пения теперь вводилось театральное многоголосье. Возмущена была вся церковь.

Ему, российскому патриарху, нужно было радеть о чистоте веры, а не о престолах. Поступать по слову Спасителя: «Ищите прежде царствие Божие и правды его и все остальное приложится вам». Если бы только так поступал всероссийский патриарх, давно бы и Москва и Россия была Третьим Римом. Не было в мире такого благочестия и твердой веры как на Руси. Но, увы, в политике Российского государства все делалось наоборот. Несогласных пытали, казнили и жгли. И не было на Руси нигде спасения, из нее можно было только бежать, куда глаза глядят. Наступила зима гонений. Террор был страшный! Судили саму Церковь! Отсюда начались все наши беды, и от XVII века мы дошли до революции 1917 года и до настоящей плачевной действительности.

О! Безумие человеческое! Недалекое и неумное стремление владеть Константинопольским престолом. Зачем он был нужен России?

Церковный раскол — это конечно падение Руси, и доколе мы будем падать? Только покаяние способно нас восстановить из пепла. И Россия, конечно, встанет! Милостив Господь! Есть и вера, и сила в народе. Он – народ, в огромной своей массе хранит все те устои и корни веры, способные поднять нас, кажется, из праха.

В ту пору приехал в Москву Антиохийский патриарх Макарий с другими патриархами Востока. И Никон, воспользовавшись этим для поддержания своего авторитета, предложил им высказаться о перстосложении. Они же полностью зависимые от царя, пришедшие по существу за милостыней не могли перечить ни царю, ни патриарху и написали следующее: «Предания прияхом с начала веры от святых апостол, и святых отец, и святых семи вселенских соборов творити знамение честнаго креста тремя первыми персты десныя руки. И кто от христиан православных не творит крест тако, по преданию восточной церкви, еже держа с начала веры даже до днесь, есть еретик и подражатель арменом. И сего ради имамы его отлучена от Отца и Сына и Святого Духа, и проклята».

Это изречение было объявлено устно всему стечению народа, а затем и письменно в изданной Никоном книге «Скрижаль». В ней проклинался весь Русский народ за исповедание в Символе Веры Духа Святого «истинным», проклинался и за православное исповедание веры, проклинался и за сами древние церковные предания.

Все это и сделало Никона и его единомышленников еретиками и отступниками от святой Церкви.

Вот вы спрашиваете: «Почему же никто не остановил Никона в его действиях? Разве не было таких людей?»

— Были, конечно, и такие люди, но они уже давно сидели в казематах, горели на кострах, пребывали в изгнаниях с первых же дней реформы.

Епископ Павел Коломенский, протопоп Аввакум и иже с ними пострадавшие

На Соборе 1654 года, собравшемся по вопросам книжных исправлений, против Никона выступил епископ Павел Коломенский, правильно понявший цели книжной правки, и заявил: «Мы новой веры не приемлем!»

Никон сорвал с него ризы и собственноручно избил прямо на Соборе. Тогда же с Собора его и увезли, подвергнув таким пыткам в застенке, от которых епископ Павел сошел с ума, а впоследствии был сожжен в срубе.

Других священнослужителей, не согласных с реформой, отправили вслед за Павлом, и больше их никто уже не видел. В России начался страшный террор раскола. Люди не могли опомниться от обрушившейся на них беды. Находились в шоке оцепенения ужаса и постоянного страха. Были как бы вне себя, видя открывшуюся перед ними леденящую сердце пропасть, в которую нужно было неминуемо прыгать.

И первыми, испившими эту горькую чашу страданий, были священномученики: епископ Павел Коломенский, протопоп Аввакум, поп Логин из Мурома, Даниил из Костромы, дьякон Федор и многие, многие другие, имена которых один Господь знает. Святая Церковь всех их поминает в короткой ектении так: «епископа Павла Коломенского, Аввакума и иже с ним пострадавших». Всех безвестно погибших в ссылках и тюрьмах, утопленных, замученных, сожженных, замороженных, растерзанных, удушенных, зарубленных, казненных, заживо закопанных в земле, заживо зажаренных в печах — как инок Авраам. По слову Аввакума: «хлеб сладок Святой Троице испекшийся».

И это были лучшие сыны народа и церкви, стоявшие за правду до конца, не пожелавшие поступиться своей совестью ради истины. Справедливо о них сказать словами

Евангелия: «Всё оставиша и вслед Тебе идоша». Несть им числа! Мученической кровию которых умылась тогда Русь!

— Нельзя, Валентина Кирилловна, не сказать о некоторых из них: протопоп (прото, значит старший) Аввакум — не поддавшийся на уговоры ни царя, ни патриарха, но смело «обличавший иху лесть». Священномученик за веру Христову, испивший чашу горьких и долгих страданий в течение 29 лет. В нем была какая-то, кажется, сверхчеловеческая воля.

Аввакум — активный борец, не сложивший своего оружия до последнего издыхания в борьбе с никонианской ересью. Под конец жизни 12 лет безвылазно сидел он со своими соузниками в земляной тюрьме г. Пустозерска (Архангельская губерния) в вечной мерзлоте полураздетым и голодным, не видя семьи: матушка его и дети были там же в заточении.

В ту пору Пустозерск был литературным центром России. Обладая исключительным талантом великого писателя, он в своих произведениях сумел сочетать воедино церковнославянский и современный ему разговорный русский язык. Аввакум написал пять челобитных царю Алексею, убеждая его отступить от заблуждения.

В 1681 году случился бунт в Москве. В Богоявление, когда духовенство и народ пошли из Кремля на Москва-реку святить воду (на Иордань), кто-то с колокольни Ивана Великого раскидал листовки, призывающие к стойкости в вере. В листовках упоминалось, конечно, и имя Аввакума. Тогда же и гробницу царя Алексея вымазали дегтем. (Пойти на Москву-реку — выражение москвичей).

И в связи с этим, Синодом официальной церкви Аввакуму был вынесен смертный приговор через сожжение в срубе «за великие на царский дом хулы». Хулы, которых с его стороны никогда не было на царский дом. Ведь он его знал, неоднократно учил и царя, и всех его чад с царицею своим словом. И в своих челобитных убеждал царя вернуться к истине. В последнем своем послании к Алексею

Михайловичу Аввакум пишет: «Посылаю тебе свое благословение, теперь уже последнее …».

«За великие на царский дом хулы» — придумано Синодом дабы расправиться, наконец, с протопопом.

Но время и история все ставят на свои места. Найдены новые документы сотрудником Пушкинского дома в Ленинграде профессором Натальей Владимировной Понырко. Из них можно сделать заключение, что Аввакум не является организатором этого бунта в Москве, а следовательно и обвинение «Сжечь в срубе за великие на царский дом хулы» Аввакуму и всем его соузникам предъявлено неправильно и не заслуженно. Бунт 1681 года в Москве — дело не их рук.

После сожжения Пустозерских узников на Руси появились иконы Аввакума, впервые в 1724 году. Синод дал команду эти лики выискивать и сжигать. Опять пытки и кровь.

Вам, Валентина Кирилловна, как писательнице своего народа, просто необходимо прочитать творения протопопа. Они Вас просто обогатят своей яркой, сочной и живой речью, звучностью, красотой и точностью выражений. Поверьте, читать его просто одно удовольствие. Не пожалейте на это времени. Изучение языка Аввакума М. Горький предлагал осуществлять еще в школе, но его, конечно, никто не послушал. В наш злой век это было невозможно.

Творения Аввакума читаются легко и интересно. Сейчас они переведены на все языки мира, и только у нас в России мало кому известны. Опальный протопоп знаменит еще и тем, что никогда не ходил на сделку со своей совестью, смело обличал, невзирая на лица, пламенной и красноречивой речью.

В своих произведениях, а они состоят из его «Жития…» и нескольких десятков посланий, хорошо прослеживается характер Аввакума. Начиная свое «Житие» с рассуждения о Святой Троице, протопоп дает как бы характеристику самому себе. По ним можно определить

его христианские воззрения, после чего прямо переходит к житию: «А родился я в Нижегородской губернии за Кудьмою рекою в селе Григорове. Отец мой священник Петр, уподобишася пития хмельнова. Мати же моя постница и молитвенница всегда учиша меня страху Божию».

Далее я приведу примеры из его жизни, характеризующие его как личность. Однажды пришла к нему вдова и сказала, что воевода у нее дочь отнял. Аввакум пошел к воеводе и потребовал, чтоб отпустил тот девицу к матери ее. А воевода ни в какую. Что воеводе сельский поп? Воевода имел физическую и административную власть. Священник имел духовную власть. И дело дошло у них до серьезного разговора и воевода не выдержал: «… аки пес вцепился мне в персты зубы своими и егда наполнишася гортань его крови тогда отпустих. … Аз замотах руку платом идучи к вечерни…» И здесь, где-то у бань, «воевода выскочил на меня с двумя пистолями и из одной в меня запалил! И волею Божиею порох на полке пыхнул, а пистоль не стрелила. Он ее бросил и абие /тотчас/ из второй запалил! И бысть такоже. Он меня лает, а я ему рех: «Благодать во устех твоих, Иван Родионович, да будет».

Каков язык, Валентина Кирилловна. А? И как отстаивал и защищал Аввакум вверенную ему церковную паству от власть имущих?

А вот другой пример: Пришла к нему на исповедь (она у старообрядцев всегда тайная) девица «малакией всякой повинна» (извращениями) и подробно излагая ему свои согрешения, начала его соблазнять. «И аз – врач духовныи, сам разболехся жжомый огнем блудным. Прилепил к аналою три горящих свещи и возложих нань руку (на пламя руку) — дондеже истлеет во мне злое разжение».

Примерами стойкости его натуры наполнено все его житие. Приводить их я не буду. Очень много надо говорить.

Никон хотел расстричь Аввакума, но за него заступился царь, так как хорошо знал протопопа и любил по-

слушать его пламенную проповедь. Поэтому Никон Аввакума не расстриг, но в 1654 году отправил его в далекую Даурию на Амур, куда отправлялся отряд казаков под командованием атамана Пашкова (шло покорение Сибири) походным священником.

Пашков, человек крутого нрава, имел предписание мучить Аввакума. И он это делал. Сложны были их отношения. Пашков мучил не только протопопа, а мучил всех. Не щадя жизни, Аввакум всегда вступал за правду. Пробыв в дикой Даурии десять лет, Аввакум был отозван в Москву в 1664 году. И когда отплывал, то Пашков пришел к нему попрощаться, уважал он протопопа за его правду. И тут Аввакум написал интересные слова в своем «Житие…»: «Кто кого из нас здесь мучил — Господь в день судный разберет».

Тогда Аввакума решили взять лаской. Вызвав в Москву, царь сам принял его ласково, надеясь на то, что Даурия сломала характер протопопа, и он смирится, пойдет на уступки. Царь даже отдал в его власть атамана Пашкова, вызванного вскоре также в столицу на суд ради тех зверств, которые он творил в Даурии над народом. «Вот тебе, протопоп Аввакум, атаман Пашков. Твори над ним, что хочешь», — сказал царь. И как же поступил протопоп? Он убедил Пашкова постричься в иноки. «Только это тебя может спасти». И сам же его постриг. Впоследствии Пашков, будучи иноком, построил церковь.

Но царская милость вскоре сменилась на гнев. И Аввакум обращается к Настасье Марковне (своей жене) со следующими словами: «Связали вы меня. Не знаю, что делать». На что Марковна ему отвечает: «Что ты протопоп. На нас не смотри. Обличай никонианскую блудню!»

Вскоре после этого кончилась царская ласка и Аввакума решили отправить подальше от столицы в холодный Пустозерский край, где он будет сидеть до конца своей жизни в глубокой и холодной яме вечной мерзлоты. Там он будет до собора 1666–1667 годов и опять туда же вер-

нется, и там же примет свой мученический венец в пламени костра.

«Аввакум — больше чем писатель, он умер за то, что писал». Так отозвался о его деятельности академик Д. С. Лихачев.

Протопоп до конца дней своих не сворачивал с выбранного им раз и навсегда жизненного пути. Весь этот путь можно выразить следующей литературной формулой его слов: «Сице аз протопоп Аввакум верую, сице исповедую, с сим живу и умираю».

В современной литературе часто встречается выражение наших ученых мужей-литературоведов, в котором Аввакума называют расколо-учителем. Я категорически против такого эпитета. Никогда Аввакум никакому расколу не учил и не мог учить. Всю свою жизнь он отдал до страшного своего смертного конца учению против раскола.

Все его соузники по земляной тюрьме Пустозерска: инок Епифаний (духовный отец Аввакума), поп Лазарь, дьякон Федор, служили правде до конца. Своими словами подвизая народ на борьбу. Слали челобитные царю и патриарху, убеждали их остановиться от безумия. Рукописания их растекались по всей Руси. Им за это дважды резали языки, чтоб не говорили, а они все говорили. 14 апреля 1670 г. полуголова (подполковник) Иван Елагин, резал язык попу Лазарю. И когда язык ему отрезал, было крови так много, что ею обагрились два больших полотенца и вот диво. Одно полотенце Лазарь бросил молчаливым зрителям со словами: «Возьмите дому вашему на благословение». Как же говорил человек без языка? Его язык-то в это время был в клещах у палача, а Лазарь говорил чисто!

Рубили руки, чтоб не писали, борясь с расколом, отстаивая православие. А раскол все свирепел. И надежды на то, что царь одумается, таяли как вешний снег.

Когда Соловецкие иноки получили новые служебные книги, испорченные Арсением Греком, то служить по ним

отказались и сожгли их как еретические, написав царю челобитную, в которой просили лишь об одном: разрешить им молиться по-старому. Царь, вместо разрешения, послал туда отряд стрельцов, и Соловецкий монастырь оказался в длительной осаде на восемь лет, пока не был взят и полностью разорен. Но пока, за своими крепкими стенами иноки служили Богу истиною.

О разгуле раскола я Вам приведу довольно яркий пример боярыни Морозовой. По картине Сурикова всем она хорошо знакома. Кто же она такая? И куда ее везут, закованную в цепи?

Феодосия Прокопьевна Морозова самая богатая женщина Руси, именитая боярыня, тетка царя. Её за несогласие с реформами Никона, за твердость в истинной вере заковали в цепи. В глубоком подвале Чудова монастыря ее с сестрой ждет дыба! Станок для нечеловеческих пыток, которые мало кто мог вынести. Этим орудием решено было вырвать у сестер отречение от православия и признание никонианских нововведений.

Так что же такое дыба?! В книге «Старообрядчество, Его Смысл и Значение» В. Е. Макарова (Москва, 1908 г. С 30) приведен очень не многим известный документ XVIII столетия, извлечённый из дел «Тайной канцелярии», под названием «Обряд, како обвинённый пытается». Прочитав его, я пришел в ужас. Не буду приводить подробно эту инструкцию, она ужасна. Совершенно неслучайно старообрядцы предпочитали добровольную смерть в костре сруба, проруби и любые другие добровольные смерти пытке на дыбе.

С 16 ноября 1671 г. чудовский архимандрит – будущий российский патриарх Иоаким — Феодосию Прокопьевну вместе с сестрой-единомышленницей княгиней Евдокией Урусовой, заковал в цепи, не дав ей проститься даже с единственным двенадцатилетним сыном Иваном, увез на истязание.

К страдальческой жизни мученицы Феодосия давно уже была готова и тайно постриглась в монахини под именем Феодоры и вот началась их мученическая жизнь. Она будет долгой, целых 23 года скитаний по темницам, пытки, увещевания, голод и издевательство. Её сын Иван, не выдержав страданий матери, вскоре с тоски умер.

На дыбе велено Морозову держать подольше. А когда к ногам привязывают тяжелое бревно и палач встает на него ногой, то завернутые назад руки, привязанные к перекладине дыбы, с хрустом костей выворачиваются из плечевых суставов назад!

Но Морозова сильней палачей! Вместо ожидаемого признания Никоновых новин, она скривленным от боли ртом им говорит: «Лукавые отступники. Это ли христианство? Так мучить человека?». Ремни, на которых она висела, протерли ее тело до жил, и уже без чувств, ее сняли с дыбы для того, чтобы повесить теперь Урусову. Но дыбы было мало. Евдокию еще бьют кнутом вначале по спине, а потом по животу. А затем ее всю в крови, с завернутыми назад руками, вместе с Феодосией Морозовой в одних сорочках бросают на снег, придавив обеих мерзлой тяжелой плахой.

И так они лежат часа три.

Но мученицы побеждают мучителей! Не добились они этими пытками отречения сестер от правой веры.

Тогда Тишайший (царь) вместе со своим беззаконным синклитом, решают не предавать мучениц публичной смерти на костре (на людях и смерть красна), а обрекают их обеих на медленную и мучительную смерть в земляной тюрьме, отправив подальше от столицы. В Боровске Калужской губернии бросают сестер в яму-острог.

Но народ чтил своих героинь-мучениц. И потекли к ним люди разных сословий. Благо приходящих сочувствующая стража караула не задерживала. И слава Морозовой текла рекой по Руси!

Задумался Тишайший не маху ли он дал, не послушавши совета Иоакима и его архимандритов: «Голову с плеч сорвать» строптивой боярыне.

В Боровск приехал дьяк с царским указом: «Разыскать, кто к ним ходил и как доходил». И розыск начался: Сотника Александра Сазонова, пускающего старообрядцев к Морозовой сослали в Белгород солдатом. Стрельцов, что на карауле стояли «оплошно», отправили в пожизненную ссылку вместе с семьями. Тех, кто навещал Феодору с Евдокиею — «четвертовать и вешать». Отца Поликарпа да с ним еще 14 человек, куда попал и слуга Морозовой Иван с инокиней Иустиниею, сожгли публично на костре в Калуге по делу Морозовой. Потом еще казнили 30 человек, сменив весь состав караула.

Положение узниц было приказано усугубить. Им вырыли новую, еще более глубокую тюрьму. Теперь на десятиметровой глубине шахты-колодца, за несколькими ярусами перекрытий, в подземной нише, на самом дне сидели узницы. К ним сюда не только не проходил свет, но было даже не ясно, что там, на воле, зима или лето.

«В глубокой темнице, во тьме кромешной: страдали они от земной задухи, от спертого земного пару наступала у них тошнота. Сорочек не переменить, не вымыть было нельзя. В ветхой, худой, полуистлевшей одежде, которую нельзя было снять от холода, развелось множество вшей, не дававших им покоя ни днем, ни ночью. Потом у них отобрали и эту одежду, оставили их в одних сорочках. Им не оставили даже лестовок в утешение. Взамен их они навязали 50 узелков из тряпиц и по тем узелкам попеременно молились. Пищу им давали «премудрости учительницу» сиречь зело малу и скудно. (В. Г. Дружинин «Памятники первых лет русского старообрядчества»). Старец, приехавший их увещевать, от их темницы пришел в ужас. Два раза в неделю приносили им хлеб и воду. Если же добавляли огурец или яблоко, то значит, был какой-то праздник.

Разговаривать с узницами было запрещено. Они были совершенно отрезаны от мира. Пребывание в темноте, в неизвестности, в звенящей тишине, сырости и голоде, подтачивало силы узниц. Их было решено уморить голодом.

11 сентября 1675 г. умирает от истощения Евдокия Прокопьевна Урусова. Морозова никак не может сообщить о кончине сестры. И тело Евдокии несколько дней лежит на земляном полу темницы, пока караул не принес очередную порцию хлеба и воды.

Спустя 52 дня умирает и сама боярыня. Перед самой смертью она обращается к стражнику:

— Помилуй меня, дай мне калачика…

— Ни, госпожа, боюся …

Страже под страхом смертной казни запрещалось бросить кусок.

— Ну хотя бы мало сухариков или огурчика … Ну вымой мне сорочку перед кончиной…

Вот так жестоко все было. В ночь на второе ноября 1675 г. смерть оборвала земные страдания боярыни Феодосии Прокопьевны Морозовой. Она преставилась. Сестры умерли от земной задухи, голода, жажды и вшей.

С удивительным иезуитством истязали Морозову. И кто? Церковные власти. «Патриархи-звери, митрополиты-убийцы!»

Суриков, рисуя свое знаменитое полотно, показал только часть события. Впереди саней, везущих боярыню на пытку, ехала ее золоченая карета, запряженная 12-ю белыми аргамаками, и в ней сидит ее единственный сын Ваня, рыдая, закрыв лицо руками. Пытки матери часто происходили на его глазах, не выдержав которых он умер. А на картине Сурикова мальчик Ваня бежит слева от саней в овчинном тулупчике.

Когда первой умерла княгиня Евдокия Прокопьевна Урусова, то тело её, поднятое из земляной тюрьмы, лежало так пять суток в остроге. Пока царь принимал решение, как поступить. «И приказал бе царь: извести вон и в

пустыне, на лесу, погребсти тело ея». И рече думный Илларион: «… аще рече сие тело будет, то уж капитоны (Капитон — основатель толка в вяземских лесах Владимирской губернии) и раскольники обретшее имут взятии с великою честию тело ея, яко святых мученик мощи и начнут глаголати еще и чудеса многия бывают. И будет последняя лесть больше первыя. И годе бысть се царю».

Слова «Жития» ярко и образно напоминают нам буквально дословно речи жидов к Пилату: «Да пришедшее нощию ученицы украдут Тело Его и рекут людям: «Восстал из мертвых» и будет последняя лесть горши первыя».

Мучители же пошли еще дальше царя Алексея Михайловича. Не рискнули вывезти тело вон из града до лесу, но, завернув в рогожу, здесь же в остроге и закопали. Отсюда уже никто не мог тайно похитить ее мощи.

Когда же умерла Морозова, ее похоронили здесь же рядом с сестрой в одну могилу. На этой могиле лежала плита со следующей надписью: «Лета 7184 года погребены на сем месте сентября в 11 день боярыня князя Петра Семеновича Урусова, жена его княгиня Евдокия Прокопьевна, да ноября во вторыи день, жена боярина Глеба Ивановича Морозова боярыня Феодосия Прокопьевна, а во иноцех инокиня схимница Феодора, а дочери обе сокольничьего Прокопия Федоровича Соковнина, а сию доску (каменную палиту — А. Л.) положиша на сестрах своих родные братья, боярин Федор Прокопьевич, да сокольничий Алексей Прокопьевич Соковнины».

Но креста на могиле тогда братьям царь поставить так и не разрешил. И не только Алексей Михайлович, но и в дальнейшие годы, могила была без креста, и возвышалась над землей только толстой плитой из белого камня почти в метр. Её братья должно быть специально сделали потолще, чтоб зря никто не свернул с места. И не зря старались.

Прошли века. На месте острога уже был городской сад. Могила была у всех на виду, И только после 1905 года

удалось старообрядцам поставить на могиле крест с неугасимой лампадой.

— Вы, должно быть, знаете, Валентина Кирилловна, что в 1905 году был издан правительством манифест, по которому старообрядцы наконец-то были избавлены от преследования и гонения и наконец-то обрели долгожданную свободу.

Кроме креста вокруг могилы была установлена кованная металлическая ограда, и вся могила была приведена в порядок. Словно барометр, могила великомучениц русских как будто предсказывала грядущую еще более страшную бурю новых, еще более ужасных испытаний, перед лицом которых нужно было еще более укрепить свои позиции. И время этих испытаний пришло.

Я забегу несколько вперед, Валентина Кирилловна, дабы более не возвращаться к данной теме.

Наступила революция. Новая власть, не успев еще даже встать крепко на ноги, после окончания гражданской, открыла новую, доселе невиданную войну на уничтожение всей Церкви. Антицерковная деятельность нового правительства России тогда касалась всего: изымания церковных драгоценностей, конфискации святых мощей. Не миновала эта участь и останки сестер Соковниных. С этой целью и раскопали могилу мучениц, осквернив ее своим вторжением. Могилу решено было уничтожить, разумеется, постепенно. Для этой цели, несколько лет спустя, кто-то распорядился увезти надгробную плиту в Калужский музей. Крест после раскопки могилы исчез бесследно. Кованая ограда оказалась на огороде одного известного жителя города. Могила почти сравнена с землей.

И вот спустя 300 лет со дня мученической кончины Феодосии Морозовой второго ноября 1975 года, мы небольшой группой нижегородцев приехали посетить мо-

гилу мучениц. Могила была только обозначена, и на ней лежал дикий камень, не очень больших размеров.

— Александр Семенович, а как же сейчас вернуть надгробье обратно? Оно же сохранилось в музее?!

— А с камнем вот как было: Увезя в Калужский музей, плиту там бросили под водосточную трубу, где она и пролежала много времени. Под воздействием постоянных осадков плита расслоилась и теперь была не толще 30 см., а потом и лопнула. Сотрудники музея давно о ней забыли и только некоторые из них знали, что этот камень с могилы боярыни Морозовой.

Спустя четверть века, готовя выставку по старообрядчеству в Боровском Пафнутьевом Монастыре к 1000-летию Крещения Руси, отыскал остатки этой плиты директор музея Пафнутьева монастыря Виктор Иванович Осипов. Вернул плиту обратно в Боровск. Своими силами привел ее в порядок и установил в одном из помещений монастыря, где она и находится до настоящего времени.

— А почему же Осипов ее не положил на могилу? Там бы ее и осматривали все. И на могиле бы праху боярыни поклонились.

— Все дело в том, Валентина Кирилловна, что могилы боярыни Морозовой, увы, не существует.

— Как не существует?! Что же она потеряна что ли?

— Нет, не потеряна, а просто срыта. В начале 80-х годов XX века решили сделать пристрой к рядом стоящему райкому и могилу срыли, все увезя в отвал.

— Но неужели не нашлось человека во всем городе, который бы спас мощи боярыни Морозовой.

— Котлован копался столь неожиданно и стремительно, что общество было поставлено перед фактом, а к тому же и не все знали о том, что под небольшим валуном покоятся останки великих мучениц.

— И все же мне это не понятно! Не верю я в это! Не верю, Александр Семенович, что все вывезено в отвал.

— Да, Валентина Кирилловна, Вы правы. И я не верю в то, что люди не спасли останки Морозовой и Урусовой, тем более что на месте острога никого не хоронили кроме них. По свидетельству старообрядцев мощи вывезли и перезахоронили в тайном месте. Будем надеяться на это ибо не возможное от человека возможно от Бога.

Там в Боровске многие старообрядцы считают, что и пристрой к райкому-то сделали ради того, чтоб могилу уничтожить и не возможно доказать, что это не так. А вот если б перенесли останки мучениц, никто бы так не сказал. Как бы это было хорошо, оставить грядущим поколениям нашу историю. Ныне, уже в XXI веке, в Боровске поставлена часовня прекрасной архитектуры в память св. мучениц.

Но давайте продолжим наш разговор. Обратите внимание на то, что если уж боярыню, тетку царя, подвесив на дыбу, держали над огнем с полчаса, вывернули ей руки, Урусову так же, а Марью Данилову на дыбе же иссекли сразу в пять плетей и окровавленную монахиню потом вместе с боярынями бросили нагими спинами в снег, где, придавив им грудь плахой, держали с завернутыми назад руками часа с три, то, что же делалось с простым мужиком?! Он просто умирал, как муха. Юродивого Федора, что у Морозовой жил, шесть раз пытали на дыбе огнем, а в конце сожгли вместе с отцом Полиектом в Калуге. Люди тогда или шли на мучения, или бежали, куда глаза глядят. Бежали, бросая все, покидая Родину, где им больше не было места. Но и бежать-то было непросто. Всех хватали и сажали по тюрьмам. Насильно причащали, забивая в рот деревянную пробку с отверстием, ломая зубы, вливали причастие через пробку в рот, а то и отрывая челюсть. Все можно было. И такое издевательство шло повсеместно. Творилось что-то ужасное. Народ говорил, что на престоле сидит сам сатана-патриарх-мучитель и убийца.

Повсюду кровь, повсюду пытки. Но, несмотря на все это, новую веру принимать никто не хотел. Этих людей стали называть старообрядцами. Официальная — никонианская церковь считала их еретиками и раскольниками, называя их всякими оскорбительными прозвищами и именами, и всякими нелепыми измышлениями клеветы. В Петровскую эпоху численность населения сократилась на 20 % с учетом рекрутчины. Миллионы уходили в Сибирь, терпели муки, горели на кострах. Кроме того, согласно статистике, за рубеж эмигрировало 10 % населения. Такое массовое бегство исследователь А. Пыжиков квалифицирует как национальную катастрофу (С. 92). Государственную границу охраняли от собственного народа. Открывая огонь на поражение. Для сравнения: после революции 1917 г. выехало за рубеж — 2 %.

Те, кто покорились нововведениям, стали называться новообрядцами или никонианами. Никонианская церковь считалась у старообрядцев-гонительницей, еретичествующей церковью. Она же, пользуясь своей силой и властью, назвала себя православной. Но каково было это ее православие судите сами, коль огнем она жгла невинных людей, мучила лютыми пытками своих же братьев, принуждая их отступить от православия.

Истинною церковью считается только та, которую гонят, а не которая гонит. Так и сказала Феодосия Морозова думному дьяку сквозь слезы, видя в кровь иссеченную плетьми инокиню Марию Данилову, страдания которой она спокойно перенести не могла: «Это ли христианство, чтоб так людей мучить?!»

Вспомним слова Христа: «Нет раба более господина своего. Гнали меня, будут гнать и вас». И все 12 верховных и 70 меньших апостолов гонимы были и разве без малого приняли смерть — побитые камнями, распятые стремглав (вниз головой), сожженные, замученные.

Сбылось это слово и на старообрядцах. За период трехсотлетних гонений, старообрядцы претерпели невероятное.

— Я Вам, Валентина Кирилловна, поясню слово «никониане», для большей вашей ясности: всякое еретическое учение имеет своего лжеучителя, как, например: Арий — ариане, Нестор — несториане, Григорий — григориане. Так и последователей Никона народ назвал «никонианами».

— А кто такой раскольник?

— Раскольником называется лицо, отклонившееся от линии официальной церкви. Но в данном случае от линии церкви уклонились ее официальные представители: патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, с теми угодниками, которым все равно, во что и как верить. Они-то и потянули за собой всю страну и всю церковь. Вследствие этого сами они и являются раскольниками. Теперь-то это, спустя столетия, хорошо видно, и мы с Вами это дело разбираем. Иерархи же не хотят признавать свою неправду до настоящего времени, считая нас раскольниками.

Я приведу пример: человек взял колун и ударил им по полену. Кто здесь будет раскольник? Колун или полено? Ну, конечно же, колун. Но вот находятся такие, которые начинают убеждать, что раскольник-то полено. Ну не абсурд ли это? А человек, ударивший по полену, не Никон-ли?

Церковный раскол — это страшная трагедия всего народа. Некоторые думают, что церковная жизнь их не касается. Это глубокая ошибка. Церковный вопрос — это самый главный вопрос в государстве, и неважно отделена от государства Церковь или нет. Всех он затрагивает, от мала до велика, от бедного до богатого, от верующего до не верующего. В нем сосредоточение всей политики.

Возьмите, к примеру, церковный раскол Римской Империи на католиков и православных. Что он принес народу? Крестовые походы, войны, да море человеческой крови и страданий от Рима до Иерусалима. Но каждая ересь рождает следующую ересь. И породил католицизм протестантизм. Поборы в пользу Рима, индульгенции и другие

действия католиков не могли не вызвать протеста у немецкого народа.

Но в результате спора, начатого Лютером и закончившегося Вестфальским миром 1648 г., Германия, как писал Л. Н. Гумилев, за тридцать лет войны потеряла 75 % своего населения (перед началом войны в Германии было 16 миллионов человек, после окончания — 4 миллиона). Вот вам цена церковного раскола. Каждая страна Европы по-своему участвовала в них. Ян гусы, ян жижки… А Варфоломеевская ночь, когда католики вырезали около 30 тысяч протестантов! И до настоящего времени они стреляются в Ольстере. Расколы всегда рождают сектантство и всякую ересь, но этого мало, вся беда состоит в том, что с каждым расколом Церковь падает всё ниже и ниже, изменяя правила святых отцов, церковь скатывается до уровня секты.

На Руси же церковь до Никона патриарха сохранилась в своей первозданной чистоте. О церковном единстве всегда заботились все. Вот, к примеру, князь Александр Невский воюя сразу против двух врагов татаро-монголов и католиков, наиболее опасными считал последних.

При Никоне же патриархе Церковный Раскол в России принес столько бед, что перекрыл, кажется, все рекорды Рима и Западной Европы вместе взятых, приведя Россию к неисчислимым бедствиям, от которых мы до сих пор плачем.

На этом я закончу, Валентина Кирилловна, пора уже ехать в аэропорт. За один раз тут всё равно всего не перескажешь.

— Я Вас, Александр Семенович, очевидно, поеду провожать, хотя тоже планировала во второй половине дня другие дела, но рассказ настолько меня заинтересовал, что поехали в аэропорт и поговорим еще.

— Ну что ж, благодарю за внимание. В чужом городе без провожатого плохо. Так мы и порешили.

С Церковного Раскола пошло растление Руси. Изменив однажды церковные законы, теперь меняли все! И всё всем разрешалось! Для убедительности, я приведу несколько высказанных мыслей В. Распутина, статья «Смысл давнего прошлого»: …и если в XVI веке (по Ключевскому) сложился взгляд на Москву, как на третий Рим, то теперь было совсем не то. Государственное неустройство породило думы, что у страны нечему учиться, за нее нечего больше держаться. В Московской правительственной среде стали появляться люди, не верующие не только в свои силы, но не верующие ни во что. И на место падающей веры открываются двери иноземному влиянию. Принято считать, что это началось с Петра, однако при Алексее Михайловиче немецкая слобода достигла своего расцвета.

В середине XVII века процветал невиданный разврат высших и нижних слоев. Народ курил, пьянствовал, да так, как никогда до того не водилось, а превзошло только через 300 лет, уже в наше время. Процветало воровство, бродяжничество, сквернословие, все запретные плоды вкушались жадно и ненасытно, как перед концом света. И третий Рим превращается в Вавилон. Государство валилось вместе с верой.

В это время только у старообрядцев была твердая дисциплина. Они сплоченные гонениями, являли беспримерную стойкость. «Восхищение ими способно доходить до ужасания, и ужасание — до восхищения. Они подняли человека в его физических и духовных возможностях на такую высоту, какой он в себе не подозревал. Невольно является предположение: а что, если б не десятая, не пятая часть народа, а вполовину и за половину происходил он из тех же качеств, веками не давал бы себя замусорить всевозможными передовыми идейками и изобретениями сомнительной необходимости, какими обогатилась за последующие столетия цивилизация, — что стало бы с этим народом?! Ведь ясно же теперь, что ... никакими еретика-

ми староверы не были, что раскол состоялся по границе, по которой внешние несогласия разводили страну по разные стороны от предначертанной ей судьбы».

И если на всемирном суде русских когда-либо спросят: «От чего вы никогда не отступили, чем все пожертвовали?» — то они укажут на раскол. Вот некоторая наша часть верила, не предала, но пожертвовала».

У гонителей, которыми в основном всегда были церковные иерархи, отсутствовали все сдерживающие начала. Однажды, раз испачкав свой мундир кровью мучеников, далее пачкаться они уже не боялись.

Все это было похоже на какую-то бесовскую свистопляску господствующего класса людей, одурманенным всеобщим пьяным разгулом самых низменных страстей и пороков, среди костров с горящими невинными человеческими жертвами и потоками мученической крови. Сцена эта довольно точно рисовала Русь в период гонений при Алексее Михайловиче и Никоне, Софье и Иоакиме со всеми их последователями.

Патриарх Никон недолго оставался на патриаршем престоле. Через семь лет своего деспотизма, властолюбия и гордости он всех оттолкнул от себя. Не довольствуясь своей властью патриарха, Никон вмешивался и в государственные дела, пытаясь и царя подчинить своей воле. Царь охладел к Никону и лишил его своей прежней дружбы. Тогда Никон решил отречься от престола и через это подействовать на царя, рассчитывая на то, что напуганный этим царь начнет его уговаривать, тогда-то и потребует он от царя повиновения его своей воле и снова будет патриархом.

И вот 10 июля 1657 года, во время торжественной литургии в Успенском Соборе Московского Кремля, Никон обратился к духовенству и народу со следующими словами: «От лени я совсем окоростел и вы окоростели от меня. От сего дня не буду вам патриарх; если же помыслю быть патриархом, то буду анафема».

Сказав это, Никон снял с себя облачение, надел черный монашеский клобук, взял простую клюку и вышел из собора. Но царь Никона не удерживать, не уговаривать не стал.

Удалившись в Воскресенский монастырь, прозванный им Новый Афон, Никон скоро вновь пытается вернуться на патриарший престол, но безрезультатно. Примириться же со своим положением простого монаха он конечно не мог. Продолжал осуждать и проклинать архиереев. Проклял он и царя со всем его домом. Да и не удивительно все это. Жизнь все ставит на свои места и каждому воздает должное.

Бегство Никона с патриаршего престола внесло еще большую смуту в церковную жизнь. Теперь никто не знал, что с ним делать. В это время в Москву приезжает еще одно «знаменитое лицо» — Паисий Лигарит. Тайный и изворотливый иезуит, получивший образование в Риме. Приехал с подложными грамотами; он сумел обмануть царя и завоевать его доверие. Ему-то, этому проходимцу, и поручил Алексей Михайлович все дело Никона. И вот иезуит теперь становится во главе Русской Церкви.

Паисий Лигарит заявил, что необходимо собрать большой собор, на котором Никон должен быть проклят как еретик за то, что приказал не исповедовать воров и разбойников перед смертию.

В это время были получены достоверные сведения о том, что Паисий Лигарит действительно католик, состоит на службе у римского папы, извержен из сана и проклят восточными патриархами за его иезуитство.

Современный исследователь Б. П. Кутузов — автор многих работ по истории XVII века пишет о нем так: «По соврёменным данным, Лигарит — католический миссионер, направленный на восток в 1641 году. В Москве он разыгрывает роль православного газского митрополита, приобретает огромное влияние на царя Алексея и во многом определяет решения Собора 1667 года, он главный

подручный царя в осуществлении «греческого проекта». «Его, по словам Каптерева, сам царь слушал «как пророка Божия».

И вот этот «лукавый человек» теперь правит Русской Церковью. Где разум у царя?!

Алексей Михайлович собирает в 1666 году Большой Московский Собор для решения всех накопившихся церковных дел. На собор были приглашены восточные патриархи: Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, о которых тоже надо сказать несколько слов. К тому времени они оба были низложены со своих кафедр собором восточных иерархов и никакого права не имели решать церковные дела.

Осталось разве что причислить к этому яркому букету католиков-иезуитов и Семена Полоцкого, давно болтающегося на Руси, характеристику которого прекрасно дал сам Аввакум: «Овчеобразные волки Симеон и Епифаний. Знаю я Епифана римлянина до мора, егда он приехал из Рима… А Сенька чернец оттоле же выехал, от римского папежа».

Не лишними будут и современные исследования Б. П. Кутузова. «Симеон Полоцкий (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович) — выпускник польской иезуитской коллегии в Вильно, наставник царских детей (воспитавших их в польско-латинском духе), ловкий борзописец, пишущий комедии для царского театра, активный сторонник никонианской реформы, написавший полемический трактат против старообрядцев по заказу царя Петра, принесший большой вред русской словесности введением в литературу польско-украинского жаргона…»

Вот эти-то «друзья России» и стали рассматривать и вершить вопросы Русской Церкви на своем злом Соборе 1666 года. Многие из старообрядцев и сейчас утверждают, что это-то и есть число апокалипсического зверя.

Совершенно естественно, Валентина Кирилловна, что на этом злом соборе все шло через пень в колоду. Ни-

кон, зная о низложении Паисия и Макария, на Соборе лаял их и называл самозванцами, бродягами и турецкими невольниками, продажными людьми. Они, не оставаясь у него в долгу, крестили его лжецом и обманщиком, мучителем и убийцей. Сравнивали его с самим сатаной и говорили, что он даже хуже сатаны. Кончилось это тем, что Собор лишил Никона сана и сделал простым монахом.

А далее, Валентина Кирилловна, я не могу Вам не привести, опять же слова Каптерева, хотя я Вас и утомил, возможно, цитатами, но вы уж потерпите. «Сам Никон никогда себя не считал инициатором в деле книжных исправлений. Оставив патриаршию кафедру, он совсем перестал интересоваться своею церковною реформою и, в конце даже отнесся резко отрицательно как к тем самым грекам, по указаниям которых он производил свои церковные реформы, так и к самим печатным греческим книгам, на основании которых велись все книжные исправления во время его патриаршества».

Далее живя в монастыре, Никон стал печатать книги по старым образцам и признал старые служебники добрыми, по которым можно править службу Божию.

Что же принесла Никоновская реформа?

Хорошо обобщил этот вопрос в своем исследовании Б. П. Кутузов: «Оценивая, в частности, это слепое копирование современного греческого образца, о. Павел Флоренский в статье «Троице-Сергиева лавра и Россия» назвал деятельность патриарха Никона «реакционной и вообще антинациональной». Если сказать точнее, деятельность Никона и Алексея Михайловича следует признать антиправославной, антицерковной и антирусской… Особенно ярко антинациональный характер реформаторской деятельности выявился на соборе 1667 года,

когда по царской программе, официально была развернута кампания по оплёвыванию вековых православных русских традиций, обрядов, всего прошлого русского быта. Каптерев оценивает эту соборную деятельность, как «тенденциозное унижение пришлыми греками русской церковной старины, ее публичное тенденциозное поругание». Вот где следует искать истоки современной болезни забвения и поругания своего исторического прошлого! И недаром о. Павел Флоренский в одном из своих частных писем говорит, что «всемирная атмосфера испорчена едва ли не с XVII века». Тщательное исследование русской церковной реформы XVII века полностью подтверждает эту догадку, ибо русская духовная катастрофа по своим последствиям имеет не только местный российский, но глобальный характер. И если это следствие идеологической диверсии, то диверсия эта глобального масштаба».

Ну, вот теперь Никон был отстранен от церковного руководства, позднее его отправят в ссылку. Умрет он в 1681 году, так и не примирившись ни с царем, ни с Церковью, ни с архиереями.

Итак, Валентина Кирилловна, лжеучитель и гонитель Никон был низвержен, но дело его продолжалось и тогда и, как это ни странно, и сегодня.

Собор 1666–1667 годов продолжал свою деятельность. Прежде всего, перед собором был поставлен поп Лазарь. И на вопрос патриархов: «Почто не принимаешь новыя книги?» Он им отвеща: «Сего ради не принимаю, яко всем старым книгам противны суть, и просто принимать их не хощу, молю вас, повелите мне идти на судьбу (суд) Божию в огонь, и аще сгорю, то правыя новыя книги, аще не сгорю, то убо правы старыя книги».

На то патриархи отвеща: «Древле убо русския люди не приняли просто святого крещения от наших греческих святителей, но просили знаменя (чуда), Евангелие Хри-

стово подожити на огонь, и аще не сгорит, тогда веруем и крестимся вси».

Было это в 886 году, когда на Русь пришел греческий святитель Михаил. И помолившись Богу, совершил это чудо. Вот такого же суда потребовал и поп Лазарь.

«И ныне поп Лазарь хощет судиться тако же. И не мы его к этому принуждаем, но сам он тако изволит». И се слово трижды возгласиша всем».

«А больше сего мы судить не умеем! — Скажите царю». И отпустиша Лазаря до суда свободным.

Царь думал семь месяцев положиться ему на суд Божий или нет: «понеже совесть зазираше ему» и знал он, что поп в огне не сгорит! Так этот суд и не состоялся.

— А что же стало с попом Лазарем?

— Все русские власти в течение этих семи месяцев дары начаша к патриархам носити мнози: злато, серебро и соболи и прочая другая вещи. И через это стали той правый суд заминать лестию, яко лукавые лисове хвостами свой след заметают. Патриархи же, угождающие нашим отступникам, попа Лазаря остригли, а про суд Божий и забыли. Попу же Лазарю сказали: «как вырастут волосы у тебя Лазаре, будь опять поп!» И трижды рекли это слово.

И сей суд смех есть и малым детям. Да нечего на них дивиться! Все воровство (неправда) в наших русских властях была, а в них бы и правда была. И в этом Бог им судья будет».

И далее дьякон Федор пишет: «И, несмотря на все эти жертвы, увещевательныя рукописания, уговоры, для вразумления Алексея Михайловича, плодов добрых не приносили. Не было тогда у царя советчика доброго. Даже его духовник Андрей — враг Христов бысть, униат и блудодей!

Но, как известно, каков сонм, таковы и решения. Нельзя от этого собора было ожидать ничего хорошего. Но несмотря ни на что восточные патриархи, по свиде-

тельству дьякона Федора, «Оне убо сперва стали правильно судити о нас, стоящих за старыя книги». Но к патриархам был приставлен толмач Дионисий, тоже пришедший с востока на Русь за десять лет до того: «И той Дионис — блудодей церковный, развратил души патриархов тех, глаголя им сице: «Отцы святые, заезжие вы здесь люди, аще тако станете судити без помазания (не как угодно царю), и вам чести большия и милости довольной и даров не будет от великого государя и от всех властей такожде, но сошлют вас в монастырь, якоже и Максима Грека нашего святогорца, и во свою землю не отпустят вас, аще в задор станет дело! Как им надобно, так и пущайте!»

Они так и стали делать. Собор одобрил новые книги, исковерканные Арсением Греком, новые обряды и чины. Двоеперстие собор объявил еретическим, а троеперстие утвердил на вечные времена как великий догмат. Проклял тех, кто в символе веры называет Святого Духа «Истинным». Проклял и тех, кто будет совершать службу божию по старым книгам.

Закрепив свое решение страшными клятвами, собор благословил мучить отступников соборных постановлений тягчайшими казнями: заточать их в тюрьмы, ссылать, бить говяжьими жилами, отрезать им уши и носы, вырезать языки, рубить руки.

Никон назвал эти соборные постановления безрассудными.

Эти-то официальные постановления и породили раскол.

— Александр Семенович, ну вот иерархи вместе с царем учинили церковный раскол. Мучили безвинных людей и даже именитых боярынь, под пытками принуждали их отступить от правой веры и изменить обычаям и церковным уставам. Как же это так?

— Да, Валентина Кирилловна, церковный раскол — это страшный грех, который не искупляется даже мученической кровью. И все это иерархи вместе с царем

Алексеем, повинные в расколе получат свое. Об этом мы с вами еще поговорим, а пока я хочу вам рассказать хотя бы вкратце и о других мучениках в земле Российской просиявших.

Ссылки и казни последовали сразу же после собора. Протопоп Аввакум, инок Епифаний — его духовный отец, поп Лазарь из Мурома, дьякон Федор — тот час были сосланы на север в Пустозерск. И заточены в земляной холодной тюрьме. Там вечная мерзлота. Чтобы они не проповедовали, им вырезали языки, всем кроме протопопа Аввакума, видно заступился царь, и всех расстригли. Но велика была вера их! Сбылись над ними слова Христа-Спасителя: «Именем моим — бесы ижденут, языки возглаголют новым, змия возьмут и если что смертное испиют — не вредит им…» Отрасли у них отрезанные языки снова, и они опять стали говорить чисто. Вот свидетельство их об этом: «Христос же Спаситель наш Свет и Праведный Суд~~и~~я, не оставил нас, паки (снова) даде языки и слово нам по прежнему…». «Они же, кровососы наша Павлик и Илларион /митрополиты Павел и Илларион/ и архимандрит Яким начаша доносити царю и клевету всяку на нас возлагаху. Опять де говорят ясно.

Царь же рече им: «Слышал и аз о том».

Они же начаша царя увещевати глаголя сице: «Врут они, или им мало отрезали языки. Пошли паки (снова) нарошно к ним, врагом нашим, и повели им при всем народе до снования вырезати языки их».

Царь же рече им: «Батьки, суть не устать казнить-то, да боюсь и Бога! Была им уже казнь, — и духовная ваша и наша градская!

Они же лукавии змии, оболгаху нас перед царем, будьто мы послания на Дон к казакам написаша и тех возмутиша. И тем они льстецы, паче возмутиша царскую душу.

К нам в Пустозерье послан бысть полуголова (подполковник) Полтеев с повелением снова нам языки вырезать до основания и по руке отсещи всенародно. Христос

же истинный Бог наш, не остави нас. И по казни той, даде нам паки (снова) говорить ясно и раны скоро исцели, яко всем людям дивитися и славити Бога о бывшем чуде».

Полтев, приехав к Москве и придя к царю, сказал ему вся бывшая о нас; царь же заповеда ему крепце не возвещати о том на Москве ни одному человеку. Архиереям же тем кроволюбцам, Якиму, сам царь сказал, яко сотворил Бог с ними. Они же окаянныи слышавшее и безгласни быша перед ним.

Раскол свирепел. И зверствам никонианских церковных иерархов можно было только удивляться. До чего же может дойти человеческая злоба?! Истязать беззащитных. И странно, все эти служители — иерархи новой церкви, один к одному подбирались, Видно условия жизни их породили и та сортировка дьявольского решета, добрых в застенки на муки и казнь, а злых в церковные иерархи. И добра от них, конечно, ждать было нечего, такие как чудовский архимандрит Иоаким, будущий патриарх московский, личность без убеждений и принципов, откровенно заявлял: «Я не знаю ни старой веры, ни новой, но что велят начальницы, то готов творить и слушать их во всем». Этот-то Яким — патриарх московский и приказал сжечь всех узников Пустозерска: протопопа Аввакума, инока Епифания, попа Лазаря, дьякона Федора. Теперь за них некому было заступиться: царь Алексей Михайлович уже умер и Россией правил Федор. Через две недели после сожжения пустозерских узников умер и царь Федор.

14 апреля 1682 года в страстную пятницу патриарх Иоаким сделал это зло. Были сожжены все узники в срубе. В последнем слове Аввакум, простерев руку с двуперстным сложением креста, обратился к собравшемуся народу, пришедшему проводить всех их в последний путь, со словами: «Вот будете этим крестом молиться, вовеки не погибните!»

12 лет сидел он в этой холодной земляной тюрьме, и позволили ему выйти из нее только на костер. И удивился он красоте и пестроте земли, и вспомнил он про тот пестрый корабль пестротами разными украшен — «Твой корабль, сказал ему Ангел. На, плавай, коли докучаешь». 30 лет мучили протопопа и вот костер сруба оборвал земные страдания всех узников Пустозерска.

«Не будете молиться двуперстно — погибнет город ваш!» И сейчас не существует более города Пустозерска. Пусто там все. Стоит только обелиск, поставленный В. Малышевым в память великому страдальцу земли русской и ее совести, сожженному здесь со своими соузниками. Пустое озеро с плещущимися там щуками, да Печерой, подмывающей крутой берег и уносящей своим течением остатки строений Пустозерска.

— А что стало с царем и восточными патриархами — судьями, ввергшими Русь в пучину бедствий?

«И по нашей казни, пишет Федор, поехали они во свою землю с богатством великим. И на пути ограблены быша и все сокровище их неправедное погибло во един час. В то же бо время у единого патриарха сын удавился с тоски, яко велика богатства лишен бысть. На Москве бо живучи, торговали они вином и табаком, — запрету им не бысть о том. Егда же приидоша во свою землю, царь ихний турской и греческой султан, повеле повесити их на висилицы, назва их изменниками и ворами, понеже без его Салтанова повеления ушли тайно к нашему царю на Русь».

— А как же умер царь Алексей?

— Пришло время, занедужил царь. И с одра болезни, поняв, что он наказан Богом за гонения и притеснения старообрядцев, шлет скорого гонца в Соловецкий монастырь с приказом о снятии осады и разрешения инокам служить по старым книгам, да к тому же с письмом о молитве за него.

Как вам известно, Валентина Кирилловна, Соловецкий монастырь несший осаду в течение восьми лет,

обратите внимание, не от иноземных захватчиков, а от своих же русских, через предательство инока Феоктиста был наконец-то взят. После чего последовала зверская расправа над его иноками. Поверьте, ни одна иноземная рать не сделала бы такого, что сделано было там. Замучено 400 человек иноков и случайно осталось от братии знаменитого монастыря всего четырнадцать человек. Они-то и написали о замученных и брошенных без погребения братиях челобитную царю.

В этой челобитной есть зарисовка того трогательного момента, когда встречаются два гонца. Один везет из Москвы приказ царя о снятии осады, другой везет в Москву царю Алексею Михайловичу рапорт воеводы о взятии Соловецкой киновии и о казни непокорных иноков.

И встретившись, поехали гонцы обратно каждый восвояси. Некому стало тогда молиться за царя. Через восемь часов после казни иноков умер и царь Алексей.

— Обратите внимание, Валентина Кирилловна, кажется, на одре болезни одумался царь Алексей. И, кажется, выздоровей он — все бы пошло на лад, но это было бы неправильным мнением. И выздоровев, царь бы предался опять тем же беззакониям, а посему Бог и попустил совершиться и такому злодеянию как взятие монастыря и расправа над иноками, дабы и это злодеяние приложить к той чаше зла, содеянного для России царем Алексеем. Мог бы конечно гонец не опоздать, приехать пораньше и предотвратить разорение знаменитой обители, но пораньше его не послал царь, по приказу которого был осажден и наконец, спустя восемь лет, взят и разорен монастырь и тела святых мучеников были простерты и повешены повсюду без погребения. Так судил царю Господь. Но если бы истинно было царское покаяние, сподобил бы его Господь своей благодати. А какова судьба предателя Феоктиста, указавшего тайный ход в монастырь? Ужасен был его конец? Будучи в Вологде, он повредился умом, впал в неистовые страсти и блудные скверны. Получил труп-

ную болезнь — гнойную проказу с головы до пят. Многовременно мучим нестерпимо болящими струпьями, отдал свою злодейскую душу.

Теперь уже в России не было ни Никона, ни царя Алексея, но раскол все разрастался, гонения все ожесточались и достигли, кажется, своего апогея при патриархе Иоакиме, или, как в народе его называли, Якиме. Раньше он ссылался на повеление начальства, сейчас же сам был страшный гонитель истинны. Невзирая на то, что все лжеучители кончили свою жизнь совсем не завидно, даже и Арсений Грек — справщик книжный опять угодил в монастырь под крепкий надзор. Якима это не остановило.

В России отклонение от веры рассматривалось не только как религиозное преступление, но и как преступление перед государством, государственной политики Третьего Рима. И вследствие этого гонение на старообрядцев достигло такой силы на Руси, какого не существовало ни в одном государстве мира. Даже в Римской Империи на первых христиан, даже при Нероне-кесаре. Нигде и никогда не было такого, чтобы матери и отцы убивали своих собственных детей, своими собственными руками, сжигали сами себя, лишь бы не попасть в руки мучителей, где под пытками, человек может не выдержать, предать, отступить от православия. Иные же бежали с насиженных мест, куда глаза глядят, уходили часто целыми селами, бросали дома и весь свой, трудами нажитый скарб. Уходили в холодную Сибирь, бежали в другие государства вплоть до Австралии.

И это были лучшие сыны отечества, не искавшие компромисса, не ходившие на сделки со своей совестью, но жертвующие не только личным покоем, но и самой своей жизнью.

Не были они врагами веры, не были они и врагами государства. Были они солью земли, той опорой Руси, на которой держалось все ее благополучие. Как же тогда обнищала Русь!!!

Русью в ту пору впервые в истории страны правила девица, царевна Софья. И по настоянию патриарха Иоакима в 1685 году Софья издает 12 грозных и страшных статей против старообрядцев. В них они названы ворами и раскольниками, врагами церкви и государства.

Обратите внимание, Валентина Кирилловна, что инициатором этого безумия был все тот же Иоаким — церковный высший иерарх России. Какого же содержания были эти статьи? За тайное содержание старой веры бить кнутом и ссылать в отдаленные места. За малейшую помощь старообрядцам или какую-то милость (дать ковш воды) — бить кнутом и батогами. За оказание приюта — кнут, ссылка и конфискация имущества.

Одна из статей имела такую реакцию: Если кто из старообрядцев вновь перекрещивал крещенных в новой церкви и, если он и раскается в этом, принесет покорность, будет иметь духовного отца и искренне желает причаститься, то его, исповедав и причастив, все-таки казнить смертью без всякого милосердия!

Отказавшихся причаститься сжечь. Причастившихся тоже сжечь, но только после причастия.

Вот вся логика и этому автор патриарх Иоаким. Спрашивается, что же это был за человек? Просто какое-то чудовище. И правильно его назвали узники Пустозерья — кровососом. После его творений можно понять, что не постеснялся этот Яким Страстной Пятницы и сжег узников. Не дав им дожить три дня до Светлого Воскресения.

В России во время этих катаклизмов расколов и революций, последующего насилия, родивших восстания и бунты погибли миллионы безвинных людей и каких — лучших сынов отечества! И если у царя Алексея Михайловича еще были какие-то сдерживающие начала, метался он из крайности в крайность, то жалел, то снова гнал к Третьему Риму, то уже у царевны Софьи наблюдался весьма жестокий нрав. Воспитанная Семеном Полоцким, этим

иезуитом, та не знала жалости. Это-то и породило на свет тот страшный указ.

Как она говорила: «Раскольников — жечь!»

А она стояла во главе государства. И жгли!!! Кругом жгли. Пороли, четвертовали, рубили головы, резали языки, ломали клещами ребра, вспарывали животы, закапывали живьем в землю, морозили, в стужу обливая водой, превращая живого человека в сосульку, томили в тюрьмах и подземельях. Зверствам не было конца, из страны можно было только бежать! Правительство и духовенство уничтожало своих же братьев. Казнили даже стариков, женщин и детей. Морозова — яркий тому пример. Аввакум в «Житие» повествует, как воевода приказал повесить двенадцатилетнего пацана только за то, что тот крестился двуперстно. И повесили!

Гонение приводило в ужас даже самых стойких. И была совершенная безысходность. Старообрядцы тогда выбирали либо правду, либо смерть!

И мучимые побеждали мучителей! «Гонение и вера подняли человека на такую высоту, о которой он даже и не подозревал». (В. Распутин)

Но эти чудеса, как вырастание вновь отрезанных языков, не могли остановить или вразумить мучителей. Упрямство, бредовые идеи отдельных их представителей, стоящих у власти государственных и церковных престолов, не желание признать свою неправду, ущемить свою гордость, перестать отстаивать честь своего, испачканного кровью мучеников мундира, опомниться, в конце концов, от своего безумия, послушать голоса разума, столько раз предлагаемого лучшими представителями народа! Увы, нет! Да могли ли они опомниться, такие деспоты и ничтожно мелкие личности, как патриарх Иоаким со своими подручными, способными только мучить людей. Делать зло всегда проще, чем добро творить. Яким не способен был на лучшее и зло гонений продолжалось.

И как же было досадно, погибали старообрядцы — лучшие сыны отечества. Они были самыми бесправными в своем государстве, всеми попираемы и притесняемы. И их, как ни странно, было много! Они поднялись из глубины народа доселе никому не ведомые, о которых даже и не подозревали. И заблистали под солнцем истории в своих боевых доспехах, готовые положить голову за поруганную веру и честь Руси. И вкусив смерть, победили! Их молитвами сократил Бог лихие годы правления царевны Софьи, хотя и Петр I был тоже не подарок.

— На этом, Валентина Кирилловна, я, пожалуй, и закончу, все равно за раз все не перескажешь. Посмотритека, Вы уже исписали весь свой блокнот. Ведь мы с Вами разговариваем уже пять часов подряд. Сейчас уже должны объявить регистрацию на рейс.

— Все это так, Александр Семенович, но я думаю, что рейс Ваш задержат, так как самолет еще не прилетел, а по времени ему уже давно надо быть здесь.

— Ну, Валентина Кирилловна, Вы тут, пожалуй, наговорите!

— Я Вам пока задам вопрос: «А как существовали другие вероисповедания в тогдашней России? В ту страшную пору религиозной борьбы».

— А их и не трогали. Уже во время Петра I в России католики имели костелы и школы, немцы имели свои кирки и обучали своих детей, как им хотелось. Никто их не преследовал. Татары имели мечети и школы.

Царь Петр, как известно, провозгласил веротерпимость в Российском государстве и все национальности ей пользовались. И только свои исконные российские граждане были вне закона, всеми попираемы и притесняемы. Бесправие был их удел!

Но этого мало. Жизнь Старообрядческой Церкви сложилась так, что и до настоящего времени она — Старообрядческая Церковь ничего не имеет. Как отобрали у нас всё никониане в XVII веке, так до настоящего времени

у нас ничего и нет. Ни школ, ни семинарий с академиями, ни даже каких-то курсов. Никакие учебные заведения страны не обучают ни наших детей, ни взрослых. И это несмотря на то, что в нашей церкви уникальное древнее пение и певческие наши книги не имеют пятилинейных нот, но записаны особыми знаками (знаменами) — крюками, так что когда покажешь кому либо древнерусские певческие книги, то собеседник, как правило, приходит в восторг, говорит, что никогда не только не видел, но даже и не подозревал о существовании таких шедевров!

– Как же вы по ним поете?!

– Да вот так и поем.

— Конечно, Валентина Кирилловна, рассказывать о книгах знаменного распева так вот, что называется на пальцах, трудно и я очень надеюсь на то, что когда вы приедете в Москву, то найдете время для посещения Покровского Кафедрального старообрядческого Собора, что на Рогожском, он от Таганки не далеко и мы с вами там поговорим. Я Вам все там покажу. Посетить собор я Вам просто настоятельно советую. Вы откроете для себя такой пласт доселе неизвестной вам культуры, о котором даже и не подозреваете. Лучше наших древнецерковных песнопений нет! В древнецерковном пении все шедевр, в полном смысле этого слова и только в старообрядческой церкви их поют. И при всем этом, при исключительной уникальности нашего пения и особых нотных записях, которые многие годы для науки и общества молчали, на сегодняшний день в нашей церкви нет даже никакой певческой школы. Все обучение идет от отца к сыну в индивидуальном порядке.

Священство наше тоже нигде не готовится. Нет у нас, как я уже говорил, ни семинарий для этого, ни академий. В нашей церкви только достойные становятся священнослужителями. Есть перечень из сорока пунктов, которому должен соответствовать кандидат в священники, да и не только он сам, но и его матушка! Вот как. Поэтому

со священством у нас вопрос трудный. Священства у нас не хватает.

Церковь наша живет, и как видите жила, в очень трудных условиях постоянных гонений и притеснений. Идет узким путем и тернистой дорогой и конечно, является церковью совершенной и истинной. Ее все гнали и притесняли, она же никого никогда, но бегство в пустыни и леса, и вон из отечества — ее удел!

Новообрядческая — никонианская церковь, православная, как она сама себя именует, живет совершенно другой жизнью и имеет все даже на сегодняшний день. Все, что она у нас отобрала еще в XVII веке до настоящего времени у нее в наличии. Семинарии и академии и не в одном числе. Вот для сравнения приведу такой пример: Издательский отдел у никонианской церкви занимает несколько зданий, а в нашей церкви он представляет всего одного человека — Александра Васильевича Антонова, который разрывается на части между изданиями ежегодного календаря, и вот теперь хлопочет уже девять месяцев над изданием журнала «Церковь» — это традиционный наш журнал, который издавали старообрядцы, когда это им удавалось сделать.

Строительный отдел тоже у нас представлен исключительно в миниатюре тоже из одного человека состоит — это аз грешный…

Но, несмотря на все блага господствующей никонианской церкви, она болеет дебельством плоти и разлагается, начиная от прихожанина до иерархов. Постов не соблюдают, все порядки и законы упрощены до невозможных пределов. Не хочется и говорить об этом, всем это известно и об этом можно только сожалеть. Старообрядчество, в своих основных направлениях, поповства и беспоповства, как двумя вожжами и уздой, удерживает ее от окончательного падения.

Но продолжим дальше. Старообрядцы бежали не только при Никоне и Софье, благо дни царствования

ее сократил Господь, но бежали и при Петре, и при Бироне, и им подобных правителях. Терпели, страдали и всегда, даже за пределами страны, оставались верными своему Отечеству. Где бы они ни проживали, всегда помнили Россию, всегда старались ей помочь. И когда случилась у царя Петра военная кампания со шведами, то старообрядцы Ветки и северо-запада России нападали на шведские обозы, перекрывая, что называется, кислород шведской армии, а пленных шведов отдавали Петру, принося тем большую помощь России.

Заслуга партизанской войны старообрядцев по границам западных направлений русских территорий была отмечена царем Петром. За помощь русской армии Петр разрешил старообрядцам селиться по западным, болотистым и неудобным районам России: Стародубье, Новозыбков, даже освободил их от податей. Ему было интересно заселить эти пустующие западные территории России, служившие всегда дорогой для врага во все времена, начиная от Александра Невского и до наших дней. Эти территории и были пустынны от того, что там совершались набеги на Русь разных тевтонцев, ляхов, шведов и так далее.

Конечно, старообрядцы там давно селились самостоятельно. В Стародубье жил один боярин по прозвищу Борозда, у которого были большие леса, в которых и селились вначале тайно гонимые из центральных районов Руси старообрядцы. Потом их становилось все больше и больше. Они выжигали леса под пашни, и тут их обнаружил, наконец, хозяин и обложил их податью, которую старообрядцы ему исправно платили. От нее-то и освободил их Петр, разрешивший им жить даже в городах, но уже за деньги.

Несмотря на все эти добродетели царя Петра, тяжко жилось старообрядцам в его царствование. Их уже конечно не сжигали массами, но пытки и костры не ушли в прошлое, были полной и страшной реальностью повсюду. Петр обложил старообрядцев двойной податью. Ему нужны

были деньги и их брали у старообрядцев. Налоги платили даже за ношение бороды и не малые: купец платил 100 рублей в год, чиновники — 30, крестьяне — 3 деньги. За совершение треб на дому приходилось платить большие штрафы-налоги, все это было весьма обременительно для старообрядчества в любом его сословии. Являясь источником дохода для пополнения государственной казны, старообрядцы не пользовались при этом никакими гражданскими правами в государстве.

И странно мне, Валентина Кирилловна, что все цари только что и делали, так давили и унижали достоинство последователей истинной веры. Никто из них не стремился к восстановлению порядка в таком важном вопросе, как преодоление раскола. Конечно, раскол возник при отце Петра и Софьи тоже, но все же Петр I мог бы при разумном проведении государственной политики сократить раскол, однако этого не произошло. Он при Петре только увеличился.

Борода как закон

Александр Семенович, почему старообрядцы все носят бороды? Да еще при этом даже и налоги платили? Не легче ли было бороду просто брить?

— Видите ли, Валентина Кирилловна, ношение бороды является соблюдением христианского закона. И старообрядцы говорили Петру: «руби наши головы, не тронь наши бороды!» Вот как. У кого можно было увидеть столь тщательное выполнение закона и такую решимость к этому? Только у старообрядцев. Еще в законе древней иудейской церкви было сказано: «Да не коснется подстризало концов брады твоея».

Петр же относился к бороде крайне отрицательно и даже жестоко. Когда он приехал из Голландии, то собрал всех бояр и лично ножницами всем стриг бороды. Ничему лучшему он там, в Голландии видно не научился. Это видно у него было самое главное — приехав домой, по-

брить бояр. Некоторые бояре от такой «ласки царской» даже плакали. Стыдно им было ходить без бород.

Как-то в древности послал царь Давид послов в соседнее государство с тем, чтобы поздравить правителя этой страны с восшествием на престол. Но послы Давида были оклеветаны перед царем, которому доложили, что они соглядатаи. И тогда царь той страны повелел им остричь бороды и так отпустить обратно.

Когда послы вернулись к Давиду, то царь приказал им не появляться на людях до той поры, пока не отрастут их бороды. Факт этот общеизвестен. Из-за этого оскорбления началась война.

Брадобритие по христианским церковным законам является большим грехом и конечно не только для старообрядцев. Просто в господствующей никонианской церкви смотрят на этот закон сквозь пальцы, как впрочем, и на многое другое большое и малое без разницы. Но если смотреть серьезно. Вот посудите сами, я вам не от Писания скажу, а буквально своими словами: Человек создан по образу и подобию Божию. Но поскольку человек имеет в своем образе бороду, как неотъемлемую часть своего лица, которое дал ему Творец и если человеку не нравится его собственный образ из-за бороды и он бороду сбрил, то это значит, что ему не нравится, как его сотворил Бог! А это уже критика Творца! Поэтому бритье бороды — это выражение недовольства Творцом, что, несомненно, великий грех!

— Я вас убедил?

— Безусловно.

— Поэтому старообрядцы и все другие люди, боящиеся Бога, этот закон неукоснительно соблюдают. И брадобритие всегда вменялось в грех во всей истории церкви на Руси. И началось оно только с Петра.

Я приведу примеры из истории: Пишет письмо русский монах, живущий в Польше, царю Ивану Грозному. В Польше русских зовут «кацапами», что в буквальном

переводе означает «как козел». («Цап» — в переводе козел). «Младыя охальники козла поймаша и схватив его, надсмешку хотя сотворити над русскими, браду тому козлу обрезаша. Козел пав на землю, до той поры об нее бился, пока не сдох. От чего же козел сдох? Да, конечно же, от сраму. И ты, Великий Государь, такого на Руси не допущай.

А вот другой пример. Граф Шереметьев плыл по Волге в свою вотчину, ныне Шереметьево. В селе Лысково Нижегородской губернии, в тех пределах тогда служил Аввакум, да недалеко оттуда он и родом. Народ встречал вельможу на пристани. Пристав к берегу, боярин подошел к Аввакуму под благословение и Аввакум его благословил. Граф подвел под благословление и своего сына — брадобрейца. Но протопоп сказал: «Аз блудодейный образ благословлять не буду!»

Вы представляете! Сельский поп — Шереметьеву! Нужно было иметь в виду и не побояться лишиться живота своего. Вельможа имел большую власть.

Ну, насчет папы и голубя похоже на народную молву. А на самом деле вот на чем все основано и все гораздо серьезнее. У католиков лицо, принимающее духовный сан, принимает на себя образ раба Христова. А раб в Римской империи не имел права носить человеческий образ. Он носил короткую стрижку и брил бороду. Поэтому католический священник, принимая священный сан, как раб Христу, бреет бороду.

Ну, конечно, нельзя не вспомнить случай, происшедший в нашем кафедральном соборе, что на Рогожском в Москве. Как известно, Покровский Собор содержался на средства попечителей — богатых и именитых людей тогдашней России. И вот какая была, однако, там дисциплина. Архиепископ Иоанн не стал ограждать крестом миллионера Рябушинского, так как тот соизволил побрить бороду. И это не смотря на то, что вместе с Морозовым, они своими капиталами содержали всю церковь.

Так это на Рогожском и сейчас. Митрополит Алимпий не ограждает крестом безбородых мужчин, особенно тех, которые уже в хорошем возрасте, да это не только в Москве, а повсеместно, наши священники не ограждают брадобрейцев крестом и до святыни не допускают. Ношение бороды соблюдается в иудейской, христианской и мусульманской религиях неизменно.

Из приведенных примеров, я думаю наглядно видно, что церковь наша всегда очень тщательно соблюдала этот закон. В современной же никонианской церкви, не только прихожане-мужики, но и попы порой в этом погрешны. Все это началось с Петра и идет до сих пор. Беда, да и только. Бог им судья.

Человеку с бородой гораздо лучше во всех отношениях. Борода всегда идет к его лицу, придавая ему законченный и красивый образ, достойный почтения и уважения. Особенно украшая лицо пожилого человека, без бороды оно у него просто превратилось бы в сморчок, борода же придает лицу стать.

Вспомните слова Агафьи: «Человек он статный», — говорит она про Сурикова. Или слова Карпа Осиповича, про него же: «Однако начальник-то у них человек баской, значит статный, с бородой».

Да и проще я Вам скажу, Валентина Кирилловна, Ваш уважаемый супруг, не носящий бороды, простите меня, просто не полноценный мужчина.

— Ну, Александр Семенович, браво, браво! Здорово вы все это изложили и вполне убедительно.

— Представьте себе, Валентина Кирилловна, Деда Мороза без бороды, так ведь это просто смех!

Все это происходит от того, что у мужчин нет каких-то жизненно важных забот, не ответственны они перед семьей, от этого снижается их воля, отсутствие физических нагрузок приводит силовой мужской организм к заболеваниям. Отработал муж на производстве: у станка или за письменным столом, пришел домой, поужинал, взял газе-

ту и так изо дня в день. Организм мужчины изнеживается, и он заболевает женоподобием, становится безвольным. Отсюда и появляются такие нездоровые стремления, как длинная прическа, косичка сзади, хоть бантик привяжи. Отрастят шевелюру, грязные волосы раскиданы по плечам, а другие ходят с какими-то гривами звероподобными и считают, что это все хорошо. Словом, дичь сплошная! Конечно, волен человек любой маскарад носить у себя на голове, но все же это странно.

А вот женский пол наоборот, волосы на голове не носит, ходят с челками, стриженные под машинку, а то еще и побреются. Не могу понять, чувство красоты что ли потеряли или преследуют какие-то другие цели, не поймешь.

А что говорит закон? Муж, носящий волосы — срамляет себе. Жена, не носящая волосы — срамляет себе. Интересно отметить, что это правило существовало даже и в ветхозаветной церкви, но священники уже в V–VI веках отличались от мирян особым подстриганием волос «под кружало» и кроме того выстригали так называемое «гумнецо», выстригаемое епископом. Потом появляется местный обычай ношения длинных волос священными лицами. Против этого боролся преподобный Феодор Студит, но все же в конце XVI – начале XVII века ношение волос стало всеобщим в Греции, а затем перешло и в Россию. И ко времени раскола длинные волосы были непременной принадлежностью дьяконского и пресвитерского сана.

Отсюда следует, что ношение длинных волос священнослужителями не обязательно. Это подтверждено даже поместным собором Казанско-Вятского епархиального съезда в 1889 году, который признал не погрешительным стрижение волос священниками и дьяконами. Но и сейчас обычай этот почему-то повсеместно вошел в жизнь. Некоторые священнослужители волосы вообще не стригут, а некоторые подравнивают.

Интересно отметить, что в 1960-х годах в городе Горьком была кафедра епископа Горьковского и Костром-

ского Александра Чунина. Владыка носил совершенно короткую стрижку, вот как я. Я сам тому свидетель. И он тогда еще сказал, что ношение длинных волос священнослужителями дело совершенно незаконное.

— Александр Семенович, а почему все же стригут гуменцо после того, как рукоположит епископ в священный сан человека?

— Гуменцо католические священники выстригают как память о том, что имеет он сан. Как бы для того, чтоб это ему всю жизнь напоминало. Волосы в православии стали носить по этой же причине, чтобы сохранить физически тот постриг, который совершил над ним епископ.

— А вот, Александр Семенович, Вам и объявление о задержке вашего рейса не прибытием самолета.

— Да, Валентина Кирилловна, в самолетах лететь быстро, да долго садиться. Задержка рейса мне совсем не нужна, она просто выбивает меня из колеи. Да ничего с этим видно не поделаешь, досада, да и только!

А какой красоты поются сегодня в храме стихеры! Вот есть одна, по пятидесятом псалме. Начинается словами: «На бессмертное твое успение облацы апостоли по воздуху восхищаху.» То есть апостолы были доставлены ангелами на облаках по воздуху к смертному одру Богоматери. И обратите внимание на слова, где успение названо бессмертным. Слушать этот музыкальный шедевр, да в исполнении хорошего хора, — огромное удовольствие, но большее удовольствие — эту стихеру петь! Там, в стихере, плачь апостола Петра воплощен в музыке. Вся церковь тогда стоит словно завороженная, затаив дыхание. Стихеру поют всегда посреди церкви объединенным хором, в ней столько скорби и величия, такое богатство содержания, обилие красок, словно в картинах великого Рериха. Тоже кстати старообрядца.

— Очень интересно!

Сегодня эту стихеру споют без меня. Досадно конечно, поется она всего один раз в году.

Но вернемся к гонениям. В начале старообрядцы считали Никона антихристом. Писано бо есть: антихрист будет страшным гонителем христиан, — Никон и был таким; антихрист будет царем, — Никон и титуловался «великим государем»; антихрист должен воцариться во Иерусалиме, и Никон присвоил построенную им Воскресенскому монастырю, название «Новый Иерусалим». Но когда Никон, бросив патриаршество, бежал с престола, был сослан и сделался простым монахом, то все поняли, что он не тот, за кого его принимали.

Далее антихристом считали и самого Петра. Почему? Да потому, что он не только продолжал пресловутую политику своего отца «Москвы — Третьего Рима», но пошел и еще дальше и в еще худшую сторону. Не очень задумываясь о последствиях, Петр решил уничтожить и последние живые силы церковной иерархии. С этой целью он вначале создает Святой Синод, а затем проводит искоренение сколько-то приличных церковнослужителей, заменяя их на недостойных людей, пришельцев с Запада и разных проходимцев.

Создание Святого Синода во главе с оберпрокурором, лицом абсолютно гражданским, и приводит церковь в полную зависимость от государственной власти, превращая ее попросту в министерство. Тем самым церковь теперь подчинена полной его воле и власти. Созданию Синода отчасти способствовал сам Никон, заявляя претензии духовной власти на царскую, которую он осуществлял при Алексее Михайловиче. Царь Петр решил вырубить эти попытки раз и навсегда, создав Синод и поставив себя во главе церкви. Но этого ему было мало. Царь постоянно издевался над церковной иерархией через свой всепьянейший собор, на которых специальные лица рядились в священные ризы дьяконов, священников, патриарха. Царь с молодости и до смерти собственноручно писал устав этих пьянейших соборов. Это не мешало ему петь на клиросе и читать Апостол.

Вводя Русскую Церковь в опасные крены, утверждая новые понятия и даже догматы заместительства Христа государственной властью, по существу обер-прокурором, что является уже прямым нарушением постановления Вселенского Собора. Тем самым Петр идет даже дальше католиков. Там введен догмат непогрешимости Папы в делах веры. Но Папа лицо духовное, у нас же теперь обер-прокурор. Члены Святого Синода в своей присяге признавали и клятвенно утверждали царя Петра верховным судьей Святого Синода. С тех пор церковь в нашей стране впадает в зависимость от государства. Сознательно заменяя всех, сколько-то достойных пастырей Церкви на западных иерархов, Петр заполняет все вакансии духовенства представителями Юго-Западной церкви. Теперь украинцы, католики и иезуиты становятся обычным явлением в иерархии Русской Церкви. Занимая епископские должности, все эти западники, католики и протестанты всячески старались расшатать устои русского православия, вводя в него свои еретические начала. Этот же метод был применен в России и после революции, с тою лишь разницею, что тогда церковная иерархия заменялась уже не римскими, а советскими иезуитами. О Господи! Сколько же перенесла Церковь.

Но вернемся к Петру, и приведем несколько свидетельств на этих западных пришельцев из литературы. «Архиепископ Феофан Прокопович, отрицательно яркий представитель Юго-Западной церкви. Украинец родом. Воспитанник иезуитов, любимец Петра — ловкий, хитрый, коварный и изворотливый человек — имел огромное влияние на всю церковную иерархию России. Создавший для нее «регламент», завершением которого стал Синод, неуклонно ведя церковь в пропасть латинства и лютеранства. С большим успехом закончил ее объеретичивание, начатое еще при Никоне».

Архиепископ Антоний характеризует Феофана Прокоповича, как беззастенчивое лицо и безрелигиозного

человека, переменившего на своем веку четыре религии». *(Журнал «Церковь № 34 за 1913 г.)* И этот человек играет главенствующую роль в Русской церкви.

«При Петре творилось невозможное. Недостойные люди, пьяницы, сквернословы, шуты и нахалы вводились в церковное управление. Если же, хотя мало, человек был постник или воздержник и вообще богомольный человек — тех считали раскольниками и лицемерами, ханжой и безбожником, и весьма не добрым человеком». *(Журнал Министерства, 1880. Июль. С. 39)*

Что можно было ожидать хорошего, когда такому человеку как Феофан Прокопович, шаткому, как в духовных, так и в нравственных вопросах, доверялся Петр Великий во всем. Этот архиепископ Феофан Прокопович по благословению Св. Синода издает книгу, оправдывающую и разрешающую обливательное крещение, в котором все построено на латинских и лютеранских ересях. По его словам, погружательное и обливательное крещение равнодейственно.

Но Феофан не только писал, но и проводил в жизнь свои новшества с большим упрямством. Ересь обливательного крещения к тому времени была уже у католиков, и Феофан Прокопович переписал свое учение у какого-то западного автора. Это злое учение, которое является прямым нарушением правил Вселенских Соборов, имело глубокие последствия в нашей никонианской церкви, особенно в послереволюционные годы, когда повсеместно стали крестить людей не только обливанием, но кроплением и маканием. Не выразишь даже словами: помажут лоб мокрой рукой — вот и все крещение.

В русской же церкви перекрещивали римлян только по этой причине, что сказано в Соборном изложении патриарха Филарета 79-я глава. И не удивительно, что это учение Феофаново утверждено Св. Синодом того времени к изданию, удивительно то, почему оно до настоящего времени не отменено патриаршей церковью. Люди счита-

ют себя крещенными, а согласно законам Вселенских Соборов, таковыми не являются. И получается, что сейчас не крещена почти вся Россия. Не удивительно, что дела в стране идут так плохо, что наша молодежь, уже в самой ранней юности порой доходит до края падения. Нет у нее никаких сдерживающих начал.

Нельзя обойти молчанием и еще одно лицо Петровской эпохи — нижегородского архиепископа Питирима. На этой личности я несколько задержусь.

Как Вам известно, Валентина Кирилловна, Петр, занимаясь большой государственной деятельностью, поначалу не очень обращал свое внимание на старообрядцев, ему было некогда. Он просто распорядился, чтоб старообрядцев записали и обложили их двойным налогом. Петру нужны были деньги, вот и все. Но Петр был деспот, каких мало было во вселенной

Петр на строительстве одного из монастырей обратил свое внимание на одного из строителей, тот понравился ему своею начитанностью. Перебежчик из старообрядчества, отступивший от своих убеждений в вере ради царской чести, Питирим был человеком фанатичным и злым. Ему же, как бывшему старообрядцу, Петр доверял больше, чем кому-либо. Тот же умело пользовался этим.

Сделавшись в 1707 году миссионером в Нижегородской губернии, Питирим, как преданный дворовый пес всеми правдами и неправдами старался оправдать оказанное ему доверие царем. Основной принцип его деятельности, по его словам, — хватать, ловить, наказывать и штрафовать. Сыщик и полицейский по натуре, администратор и миссионер, Питирим был вполне подходящей личностью для проведения репрессивных мер в отношении старообрядцев. Это под воздействием его доносов равнодушие Петра к старообрядцам сменяется вначале на озабоченность, а потом и на раздраженность. И Питирим становится главным советником правительства в вопросах веры. Но Питириму этого было мало, и он идет

дальше. В одном из своих доносов-жалоб царю Питирим убеждает Петра в политической неблагонадежности «раскольников», представляя их вообще врагами России, прося у последнего не только духовной, но и административной власти, и такую получает в лице гвардии капитана Юрия Ржевского, конечно с командой. Кроме этого, на одной из его жалоб Петр собственноручно наложил резолюцию: «… если же кто ему (Питириму) препятствовать будет — казнить смертью без всякого милосердия … и аще помогать кто из начальствующих не будет — того лишать имения своего».

Капитан Ржевский был направлен со своими солдатами под непосредственное подчинение Питириму. Ржевскому в инструкции самим Петром было написано следующее: « … явную вину сыскав, … с наказанием, и вырезав ноздри, ссылать на галеры». … «обо всех этих делах советовать с помянутою персоною /Питиримом/ тайно, дабы о том другие никто не ведали».

Ржевский делал свое дело, порол кнутом насмерть даже женщин. В докладной Петру I он писал: что 23 человека, отказавшиеся платить двойной оклад «биты кнутом, вынуты ноздри и посланы на каторжную работу». 46 женщин, отказавшихся платить двойной оклад, отправлены в монастырь к Питириму «под начал/на хлеб и воду/», но так как они все-таки не обратились, то были биты кнутом.

После подобных резолюций и действий все гражданские власти исполняли указания Питирима совершенно пунктуально. Обладая огромной властью и влиянием в государстве, Питирим ставил перед царем вопрос и о том, чтобы разорить «Ветку» — « … велия в том будет польза, понеже бежать будет некуда».

Но «Ветка», как известно, находилась на территории соседнего государства — Польши и для разорения Ветки нужно было вторгаться войскам на ее территорию. Словом время разорения «Ветки» еще не пришло. Все это будет в будущем.

Но все эти расправы Питирима носили физический характер. Гораздо больше зла Питирим принес России своей писательской деятельностью. Ведя свои споры со старообрядцами не только огнем и мечом, но и полемикой, и не имея возможности противостоять их неоспоримой логике, Питирим прибег к фальсификации документов.

Исходя из принципа: «Цель определяет средства», Питирим сфабриковал подложные документы соборного определения на деяния Мартина — еретика, осужденного собором в 1157 году в г. Киеве, при князе Ростиславе и митрополите Константине, а так же «Феогностов требник». Эти-то «документы» Питирим и предъявлял в доказательство старообрядцам, где от имени собора доказывалось еретическое происхождение двуперстия, сугубой Аллилуии, хождения посолонь и прочих особенностей старого обряда.

Однако, надобно, Валентина Кирилловна, внести ясность в этом вопросе. Такого собора и самого Мартина — армянина и еретика — никогда не было, а «Феогностов требник» никогда не писался Св. Феогностом. И княжил в Киеве тогда не Ростислав Мстиславович, а Изяслав Давыдович.

Крайне неразборчив в своих методах борьбы с «непокорными», используя насилия, не стесняясь и заведомой ложью, Питирим открыто признавался и похвалялся царю: «Нет такого греха, который я не сделал ради тебя». Этого мало, он идет еще дальше и приказывает в церквях причащать даже тех раскольников, которых по их согрешениям, причащать по церковным законам не полагалось. Теперь их причащали ради причащения.

С помощью Ржевского дела в Нижегородской губернии пошли, что называется в гору. И Питирим писал Петру: … понеже попремногу сильно дело раскольничье ко обращению и ко искоренению их строится как лучше того быть и не возможно». И тогда же Питирим просил царя дать Ржевскому в Нижнем должность вице-губернатора.

Ведя разговор о Питириме невозможно умолчать и о дьяконе Александре — иже на Керженце. Обе эти личности отстоят друг от друга, как небо от земли. И если первый торговал всю жизнь своею совестию направо и налево, то последний принял от его руки мученическую смерть ради истины.

Сочетая в одних руках духовную и светскую власть, держа всех в страхе вплоть до смертной казни, Питирим не знал пределов и границ в своем безумии. Жестокость его привела к совершенно противоположным результатам. Даже доведя людей до самосожжения невозможно овладеть душой народа. Рядом в заволжских керженских лесах, куда Питирим ходил с солдатами Ржевского, был центр старообрядчества, покорить которое Питириму было не под силу. Питирим решил расправиться с руководителями. С этой целью он написал керженским жителям 130 вопросов и потребовал ему на них прислать ответ.

Без ответа вопросы Питирима было оставить нельзя, а ответив на них, нужно было идти сначала на мучения, а затем и принять смерть на плахе. Старообрядцы это прекрасно понимали, так как в ту пору твердость в вере каралась смертию, то вследствие этого, всячески оттягивали ответ и сами задали 240 вопросов Питириму. Получив от Питирима грамоты, где он им претил от имени царя Петра, составили ответы за подписью дьякона Александра, иноков Варсанофия и Герасима.

В этих знаменитых на всю Россию ответах, где с изумительным изяществом знаний от догматики богословия до истории удивительно блестяще указано на отклонение от истины никонианской церкви в 119 пунктах, приведены едва ли не полторы сотни исторических свидетельств из древности двуперстного перстосложения. Кроме того указано 40 пунктов сомнительности, дьякон Александр крайне тактичен в своих выражениях, против сфабрикованных документов Питиримом на соборное деяние Мартина-еретика и Феогностов требник, как никогда не суще-

ствовавшие в истории Руси. В них подвержены анализу не только богословские и исторические факты, но даже чернила и бумага этой фальшивки Питирима, которой якобы 500 лет.

Ответы эти, несмотря на то, что написаны в крайне тактичных выражениях, привели Питирима в ярость. Да по другому быть и не могло и написаны-то они были по существу не для Питирима епископа Нижегородского, крайне падшего человека, но, как выразился последний в своем письменном требовании: «Во славу Божию» — так это и вышло.

— А что же стало с дьяконом, Александр Семенович, потом?

— А потом дело дошло до застенков. Питирим, конечно, обманул Александра и посадил его в тюрьму — Ивановскую башню Нижегородского кремля. Там принудил подписать отрицание. После этого дьякон Александр дошел до царя и подал прошение самому Петру. К этому побудил его сам епископ Питирим, написав донос государю с целью покончить со своим опасным противником и привести его к плахе, обвинив Александра дьякона в возмущении народа против императора. После этого последовал допрос прямо в кабинете у государя, а затем и пытки.

После чего известный нам уже капитан Юрий Ржевский доносил в Петербург П. А. Толстому, что «оный старец Александр по Его Царскому пресветлаго Величества имянному указу, в Нижнем при всенародном собрании казнен смертию: отсечена голова и тело его сожжено марта 21 сего 1721 года». Пепел его останков был брошен в Волгу.

Ответы дьякона Александра на вопросы Питирим обещал опровергнуть. «А на ответы их яз имею намерение сделать возражение, а когда сделаю, тогда к вашему государству пришлю» — писал он к кабинет-секретарю А. В. Макарову. Но, конечно, ответов никаких не было.

Зато епископ Питирим написал книгу ответов на вопросы заволжских старцев и их опубликовал в своей книге «Духовная Пращица», в которой, по словам исследователей, полно порицаний и подлогов. Книга, которая издавалась неоднократно, служит и по сей день упреком совести всем миссионерам господствующей церкви. И такие Питиримы, Валентина Кирилловна, были не только в Нижегородской губернии, в других местах они были не лучше.

А вот ответы дьякона Александра остались в неведении при Питириме и только потом, спустя столетия, стали достоянием не только истории, но и богословия. Подобные ответы писались по всей Руси. Широко известен, например, Андрей Денисов с Выга, написавший ответы на вопросы монаху Неофиту.

И знаете, Валентина Кирилловна, такие удивительные старцы и старицы живут в заволжских лесах и сейчас, которые и разговаривать-то не с каждым будут, да не всякий и с ними сможет поговорить. Ни семинарий, ни академий они не кончали, но являются настоящими профессорами и даже академиками богословия. И чудно это.

Деятельность Петра I столь же изобиловала реформами, что и Никона. Он вводит на Руси ношение одежды Западной Европы, которая порой для русского мужика была так нелепа. В результате этого русский народ разделился на два слоя, различимых с первого взгляда, что привело к ненависти среди людей. Низший остается русским, высший надел камзол и ходил в белых чулках.

Реформы Петра проводились со свойственной жестокостью деспота: «В 1714 году торговцы, продававшие русское платье, были биты кнутом и сосланы на каторгу». Вышел указ, кто будет носить русское платье и бороду, того ссылать на каторгу. В 1715 году велено ссылать на каторгу с конфискацией имущества за изготовление и продажу гвоздей для подковки сапог и башмаков. Кто же носил такие сапоги, подвергался штрафу.

Кто не имел на себе саксонского платья верхнего и немецкого нижнего, с того брали в городских воротах по сорок копеек с пешего и по два рубля с ехавшего на лошади.

Зимой было приказано носить только саксонское платье, а летом только французское.

Хорошо по этому вопросу высказался И. А. Кириллов в своей книге «Правда старой веры»: «Нельзя отрицать реформу Петра I целиком. В известной части она была полезна русскому народу, но деятельность Петра имела две стороны: государственную — все его военные, флотские, административные и промышленные насаждения. И его реформаторскую деятельность в полном смысле этого слова. То есть изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе.

Первая деятельность заслуживает вечной признательности и благодарности потомства. Но вторая, вторая его деятельность не только нанесла величайший вред будущности России, вред, который так глубоко пустил свои корни, что доселе еще разъедает русское тело. Петр этими реформами совершенно бесполезно затруднил свое собственное дело; возбудил негодование своих подчиненных, смутил их совесть, усложнил свою задачу, сам устроил себе препятствия, на преодоление которых должен был употребить огромную долю той необыкновенной энергии, которою был одарен.

К чему было брить бороды, надевать немецкие кафтаны, заставлять курить табак, учреждать попойки, загонять в ассамблеи, искажать язык, вводить в жизнь высшего общества иностранный этикет, менять летоисчисление и так далее?

Реформы Петра потрясли Россию больше чем мятежи и восстания. Известный исследователь церковного раскола в России барон Гекстгаузен приводит слова одного старообрядца, обладающего некоторой принципиальностью ума. «Не Никон разорвал нас совершенно с остальными, но Петр I своим западническим направлением; приказа-

ние брить бороды было только внешним выражением этого направления».

Царь Петр, воспитанный такими иноземными учителями как Семен Полоцкий, имел пренебрежение ко всей отечественной истории и культуре.

После страшной стрелецкой казни Петр мог делать все, что хотел. Раздраженный и озлобленный упорством старообрядцев отбирал он вотчины, а то порой и целые состояния у именитых людей старообрядчества — Морозовых, Строгановых. Много их было явных, много было и сочувствующих, и когда разные питиримовские ищейки доносили на кого, описывались имения в казну, раздавал их царь своим любимчикам. Питиримы же хватали и ловили, наказывали, обирали, штрафовали, морили голодом, держали по году в кандалах, били кнутом, рвали ноздри, заточали в крепость, ссылали в Сибирь и на галеры, сводили людей на плаху за правдивое слово. Не было этому конца.

В свое время, бежавшие в Сибирь старообрядцы нашли железную руду на Урале, построив там заводы и рудники, организовали металлургическую промышленность. Петр не только послал туда Демидова, но организовал и государевы заводы, отбирая у старообрядцев рудники и дома. Благо производства уже были налажены, заставляя народ работать на государственную казну. Началась страшная эксплуатация рабочего люда и ссыльных каторжан на рудниках и заводах, у доменных печей и на строительстве крепостей и верфей, каналов и новых городов. И повсюду старообрядцы выстилали своими костями эти места. Но если б дело касалось только одной работы, так это еще ладно, но все было гораздо глубже.

Ну вот, Валентина Кирилловна, на этом мы, очевидно, закончим нашу беседу. Пора идти на регистрацию рейса. Давайте прощаться. Надо сказать, что наговорился я с Вами досыта. Вся трудность этого повест-

вования, конечно, заключалась в том, что сам-то я не жил в ту далекую пору петровских гонений. Рассказать о них не то, что съездить к Агафье и посмотреть все своими глазами. В аэропорту всего просто нельзя рассказать, особенно о кровавых событиях в вашей Сибири. Здесь так много имен и фамилий, разных событий и географических названий, что на память не расскажешь. Ну и, конечно, Вы меня простите Христа ради, если что не так сказал. Много-то я и не знаю. Так что уж не взыщите.

Что Вы, что Вы! Мне Ваш рассказ был очень интересен. Собственно я такое впервые слышу. Очень Вас благодарю и прошу разговор наш продолжить и если уж не воочию, то хотя бы в письменном виде. Вы уж не поленитесь и простите меня за настойчивость, правильно поймите мои стремления к познанию.

Ну, Валентина Кирилловна, когда будете в Москве, заходите на Рогожское. От Таганки всего семь остановок в сторону Птичьего рынка. Ул. Вайтовича называется остановка, раньше она называлась «Старообрядческой». Переменили лет десять назад. Я Вам не только расскажу, но и покажу собор, который Вы никогда не видели. Сейчас это самый большой и самый лучший собор Москвы. Вмещает 10 тысяч молящихся.

— Обещаю, Александр Семенович, приехать, но, пожалуй, это будет не скоро. Вот как допишу свою книгу, поеду в Москву, а Вас прошу все же написать мне несколько писем на тему истории старообрядчества.

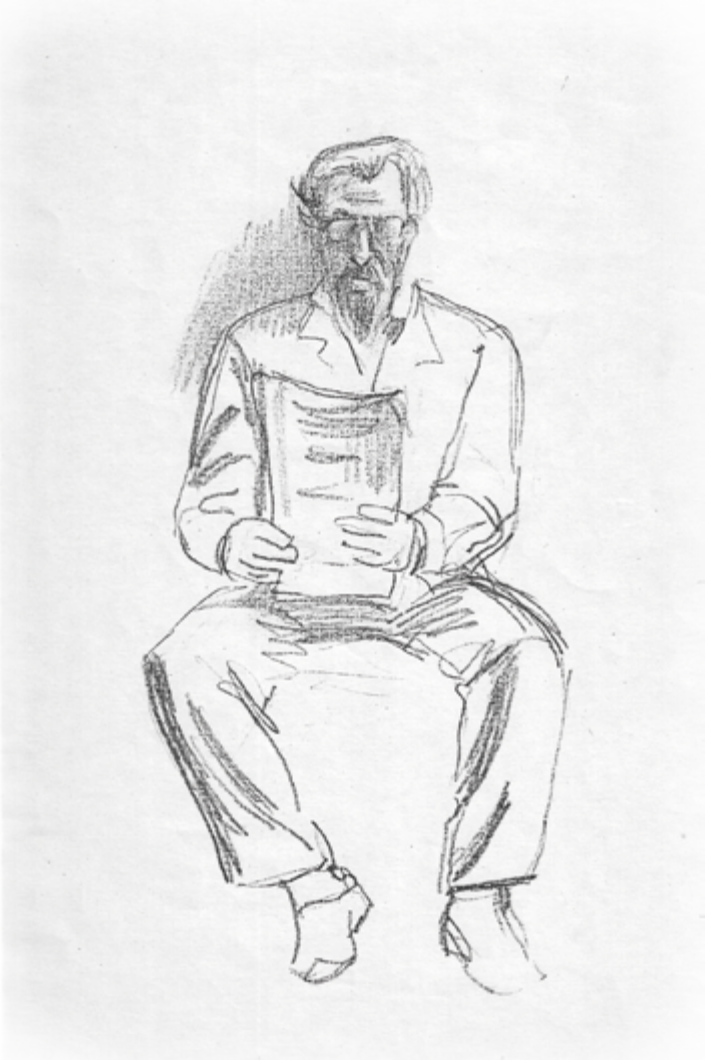
— Ну ладно, напишу, Валентина Кирилловна. До свидания.

И вот, наконец, взлет! Прощай Сибирь!

Домой добрался вполне благополучно. Отдыхаю целую неделю. По ночам конечно тайга снится. Бурлящий, пенный поток Ерината кристальной чистоты. А тут как-то прилег на диван и задремал. Опять снятся рюкзаки, завалы в тайге. Но вот просыпаюсь, приоткрыл

глаза. И зрительная память сейчас же запечатлела белый поток над головой. Первая мысль была та, что я попал в больницу. Где же я сплю? И открыв глаза, вижу, что это потолок моей собственной квартиры.

Ну, Слава Богу! Дома!

ГЛАВА 5.
Письма в Сибирь

Старообрядцы при Петре

Здравствуйте, Валентина Кирилловна!

Еще на прошлой неделе начал Вам писать письмо с первой своей к Вам лекцией, да дело весьма затянулось на целых три недели. Но зато письмо я высылаю Вам бандеролью. Целая толстая тетрадь. Прочтете — присылайте вопросы. Так и будем оба учиться. Хотя и много времени уходит на писанину, но я Вам, Валентина Кирилловна, весьма благодарен. Через них и Вы меня понудили к более тщательному изучению вопроса нашей собственной истории, изложенной порой в церковно-славянских текстах, но отрадно и то, что сейчас появляется научно-исследовательская литература, написанная по архивным данным, к которым я, конечно, доступа не имею. Эти новые для нас сведения крайне интересны. И досадно, что книги эти выходят бесконечно малыми тиражами так, что и не во все, даже крупные библиотеки попадают. Вот, к примеру, книга академика Н. Н. Покровского «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке». Выпуск 1974 г. Издательство «Наука» Сибирское отделение. Тираж всего 2200 экземпляров на всю нашу огромную страну, да и в зарубежные библиотеки. Есть ли такая книга у Вас там в Хакассии? Кто ее знает. Должна, конечно, быть …

Петр все более озлоблялся на старообрядцев за их упорство. Оно его раздражало. Друг его — Феофан Прокопович, в своем регламенте пишет: «Старообрядцы — лютые неприятели и государству и государю постоянно зло мыслящие». Эта фраза Прокоповича будет господствовать в гонительной политике против старообрядцев и сколько же бесчисленных бед принесет она России. Никто не мог и не хотел их понять, и трагедия-то заключалась в том, что слова эти были полной клеветой, а их принимали за истину.

Им — старообрядцам — запрещалось все. Какие бы ни было общественные богослужения жестоко наказывались. Строго преследовались они за хранение древних икон и книг. В ту пору дело это было опасное. Становится вне закона даже учение вере детей в кругу семьи. Детей с семилетнего возраста повелевалось представлять в православную церковь на причащение и учение.

Все записавшиеся в раскол обязаны были носить унизительное особое платье (кроме пашенных крестьян), делавшее их объектом насмешек любого уличного сорванца.

Преследование старообрядцев за веру началось повсеместно в России. Не только на Урале или Сибири. Не легче было и на Дону и на Кубани. Дело доходило до физического уничтожения ни в чем не повинных людей.

Преследование за веру вызвало неподчинение, в результате которого регулярные войска осадили городок Заполянский, а затем взяли и Ларошель. Где всех предали смерти. В 1688 г. атаман Лев Моноцкий ушел с войском на Кубань, которая в ту пору принадлежала «турскому царю».

Интересны исследования И. Смирнова (журнал «Знание — Сила»). «Петр всячески провоцировал казаков на бунт, раздражая и подавая повод к восстанию. Странным кажется запрет царя казакам на лов рыбы в собственной реке. Но этого мало, Петр повелевает царскому дьяку

ехать и описать в государеву казну богатейшие Бахмутские соляные заводы, дававшие в день по 25 тысяч пудов соли. Тогда атаман над солеварами Кондрат Афанасьевич Булавин и приказал арестовать царского дьяка, не дав ему произвести опись имущества.

После этого Петр посылает на Дон князя Юрия Владимировича Долгорукого для розыска беглых, причем дает Долгорукому всего 93 человека стрельцов. А беглых на Дону были тысячи, селились они там целыми станицами по Дону и его притокам. Всех их было предписано вернуть по месту их жительства. О том, как это делал князь Долгорукий, образно и ярко повествует казачья песня:

Ой, выходил же, а он
Да князь — бояр Догорукой,
На высок крылец,
Да выносил же, а он,
Князь-бояр, все царску грамоту:
Ой, да вы послухайтя,
Донские казащики, царску грамоту,
Ой, и вот, как стариков —
Всех казнить-вешать,
Ой, да, а молодых-то казаков-
Всех в солдаты брать,
Ой, да, всех в солдаты брать,
Да усы бороды всем брить,
Ой, да, молодых-то их жен
Все на боярский двор,
Ой, а малых деточек да, вот
В Тихий Дон бросать.

Тогда-то Кондратий, вместе со своим братом Игнатом Некрасовым и собирают «бунтовской» тайный казачий круг, который и вынес смертный приговор Долгорукому за его злодеяния.

Основания для восстания были самые серьезные. Вот строки из письма на Кубань атаману Савелию Пахомовичу и всему Кубанскому войску: «…и стали была бороды и усы

брить, так же и веру христианскую переменить, и пустынников, которые живут в пустыне ради имени Господни… Многие станицы огнем выжгли, и много старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали, и младенцев на деревьях вешали, также женеску пола и девичья брали к себе для блудного помышления в постели, и часовни все со святынью выжгли. … А ныне мы обращаемся к Богу, что стоять нам за благочестия, за дом пресвятыя Богородицы и за святыя соборныя апостольския церкви и за предания семи вселенских собор, как они святыя на семи вселенских соборах утвердили веру христианскую. И мы в том друг другу души подавали, и святое Евангелие целовали, чтоб нам всем стоять в соединении и умирать друг за друга».

У Булавина было уже не разинское разбойничье войско, собранное из совместных, собственно говоря, разбоев, а организованная сила со своей традицией, структурой и идеологией. Казаки были профессиональные воины.

В 1708 году, взяв Новочеркаск и став Войсковым атаманом, Кондратий Булавин ищет примирения с царем и пишет ему почтительные письма, но именно это-то Петра и не устраивает — он хочет крови. Его цель — полное уничтожение станиц на Дону и его притоках. Для этого Петр отзывает со шведского фронта 32-х тысячную армию и посылает ее под командой Василия Долгорукого — брата убитого полковника Юрия — на Дон, где Василий Долгорукий и превращает донские земли в пустыню. Фундаментом устоев и обычаев Дона было старообрядчество, с его тщательным соблюдением закона. Его-то и уничтожили. Именно поэтому при уничтожении станиц всех поголовно вешали, а плоты с повешенными пускали по Дону. Старцев-учеников Аввакума, выделяли четвертованием.

Из доноса: «В Есаулове сидело 3000 человек — и штурмом взяты, и все перевешаны, только из помянутых 50 человек за малолетством освобождены. В Донецком сидело 2000 человек, тоже штурмом взяты, и многое число побиты, а остальные все перевешены». Оставшихся

в живых женщин и детей забирал в рабство калмыцкий князь Аюка.

Как известно из истории, К. Булавин потерпел поражение из-за своей тактической ошибки, разделив свое войско на три отряда.

Семена Драного разбили под г. Тором в лютой двухдневной сече, Кондратия Булавина застрелил собственный есаул, пытаясь спасти свою голову. И только Игнат Федорович Некрасов, сражавшийся на Волге, ушел к туркам с десятью тысячами донских казаков, со знаменами и пушками, за которыми шли их жены и дети. Петр I отметил эту победу над собственным народом молебном и салютом.

Князь В. В. Долгорукий под конец своей жизни напишет реестр сожженных на Дону городов и загубленных душ числом 23 500 человек. Князь жалуется при этом на слабую память: «не упомню, сколько числом людей и городов».

Интересные сравнения приводит И. Смирнов: при захвате врасплох отряда Ю. Долгорукого булавинцы убили 17 человек. После взятия Черкасска, казнено 6 человек, после взятия Некрасовым Царицина — 5.

Тогда на Дону в этих 120 с небольшим городах жило тысяч тридцать населения — лучшая часть простого русского народа того времени. Самостоятельных, энергичных людей, которым чувство собственного достоинства мешало смириться с рабским состоянием (по Л. Н. Гумилеву).

Возникает вопрос, почему именем Игната Некрасова названо целое войско? Да потому, что И. Ф. Некрасов был не только одаренным (одаренным был и Петр), но и справедливым человеком. Он просто поступал по закону, известному всем: «Не убий, не укради». Принцип этот лежит везде во всей жизни старообрядчества. На севере и на юге, в Сибири и зарубежных странах, он все тот же, что и на Кубани в его войске. Зная их честность, на которую можно положиться, турки доверили им охрану своей

собственной войсковой жизни. Как правило, поголовно грамотные, жили они потом в Турции отдельным государством. Им отвели место для жительства у озера Маньяс, где они и прожили почти 300 лет, уже в наше время в 1962–1963 годах некрасовцы вернулись на Русь. И что интересно, Валентина Кирилловна, не потерялись они там между турок, не ассимилировались с коренным населением, не погибли, но сохранили свою культуру в полной неприкосновенности. Вы бы посмотрели на их национальную одежду. Какая она интересная. Они ее привезли обратно на Русь.

— А почему они оказались на территории самой Турции? Что с ними случилось дальше?

— А дальше было так. Атаман Игнат Некрасов, спасая народ от поголовного истребления, осенью 1708 года организовал на Кубани, территория которой в ту пору принадлежала Турции, казачий военный городок. Но Петр, конечно, оставить его в покое не мог, удивительная в нем была жажда казачьей крови. Его карательные войска, продолжая теснить казаков, прижимали их все больше к морю. В этих-то боях и погиб атаман.

Лишившись своего Некрасу, Игнат-казаки, так их звали крымские татары, покинули Кубань, взяв с собой знамя Игната и его атаманский жезл.

У турецкой крепости Суджук-Кале (ныне Новороссийск) грузились тысячи людей в большие рыбацкие лодки для того, чтобы оставить родную землю почти на два с половиной столетия.

И там, в Турции, жили они по заветам Игната — законам нравственности и порядка — конституцией этой отдельной маленькой колонии русских казаков, сохраняя веру, язык, песни и обычаи Руси, передавая из поколения в поколение заветы Атамана. Видно велик был он, этот человек — Атаман Игнат Федорович Некрасов. Казаки и прах его перенесли бы на Русь, да пал он где-то в глубине кубанских степей в злой сече.

Живя в турецкой изоляции, некрасовцы не сидели, сложа руки, постоянно искали связи с родиной. Об этом свидетельствовал Александр Герцен в книге «Былое и думы». Этот выдающийся мыслитель XIX века, живя в Англии, издавал журнал «Колокол». Он повествует, как к нему сначала писал, а затем в 1861 г. приехал атаман некрасовцев — Гончар Осип Семенович: «Хитрый старик решил посмотреть на политическую обстановку нашего времени. Не зная ни одного слова кроме как по-русски и по-турецки, он отправился в Марсель и Париж. По слухам, был даже у Наполеона. Седой казак, качая головой и щуря лукавые глаза, написал каракулями 17 столетия мне письмо, называя меня графом. … «Можно ли приехать к Вам и как Вас найти?

— Я поехал в Лондон встретиться с ним. Выходит из вагона старый русский мужик из зажиточных, в сером кафтане, с русской бородой, скорее худощавый, но крепкий, мускулистый, довольно высокий и загорелый, неся узелок в цветном платке.

— Вы Осип Семенович? — спрашиваю я.

— Я, батюшка, я. — Он подал мне руку. Кафтан распахнулся, и я увидел на поддевке большую звезду, разумеется турецкую. Русским мужикам звезд не давали. Поддевка была синяя и оторочена широкой пестрой тесьмой. Такого в России я не видел.

— Я такой-то, приехал Вас встретить и проводить к нам.

— Что же ты это, Ваше сиятельство, сам побеспокоился… того?… ты бы того, кого-нибудь…

— Это уже из того видно, что я не сиятельство. С чего же вы, Осип Семенович, выдумали меня называть графом?

— А Христос тебя знает, как величать. Ты, небось, в своем деле во главе стоишь. Ну, а я, того, человек темный. Ну и говорю: граф, то есть сиятельный, то есть голова.

Не только оборот речи, но и произношение у Гончара было великорусское, крестьянское. Как у них в захолустье, окруженных иноплеменниками так славно сохраняется

язык, трудно было понять без старообрядческого мирщения. Раскол их выделил так строго, что никакое чужое влияние не переходило за их частокол. Гончар прожил у меня три дня. Первые дни он ничего не ел, кроме сухого хлеба, который привез с собой, и пил одну воду. На третий день было воскресенье; он разрешил себе стакан молока, рыбу вареную, и, если не ошибаюсь, рюмку хереса. Русское себе на уме восточная хитрость, осмотрительность охотника, сдержанность человека, привыкшего с детских лет к полному бесправию и соседству сильных, к врагам, долгая жизнь, проведенная в борьбе, настойчивом труде, в опасности — все это так и сквозило из-за мнимо простых черт и простых слов седого казака. Такого закала людей на Западе почти не существует. Ему хотелось узнать может ли быть практическая польза в связи старообрядцев с ними, донцами. Уехал он от нас, качая головой. Он ни разу не проговорился в своих словах о том, о чем хотел молчать».

Царское правительство Екатерины II неоднократно пыталось вернуть русских казаков обратно, засылало к ним послов, но помня заветы Атамана: «Царизме не покоряться и при царизме на Русь не возвращаться», казаки на Русь тогда не пошли. Но он же, атаман, завещал им: «Вернуться обратно на Русь».

В Русско-Турецкой войне некрасовцы отказались воевать против России и через то попали в немилость к султану. После поражения Турции, было произведено выселение турок из Болгарии и они стали возвращаться в свою Турцию. Их называли мухаджирами. Мухаджирам правительством султана были отданы земли рядом с русскими казаками, а зачастую те селились и прямо на земли некрасовцев, беспрестанно творя им зло. Неоднократно они приходили к казацким селениям с вилами и косами. Казаки — профессиональные воины, могли, конечно, постоять за себя, но правительство султана всегда было на стороне мухаджиров.

Возврат на Русь был заветной мечтой донских казаков. Старики, умирая, даже о костях своих завещали. И вот, наконец, настало то время, когда можно было исполнить и главный последний завет Атамана: «Вернуться в Рассею без царизма». О новой власти в России у народа были самые неясные представления. Многие и не поехали даже в Россию, но отправились на Американский материк в Канаду. Но мы будем говорить о лучших, впрочем, не осуждая никого, поскольку, что лучше царизма или коммунизма народ, конечно, не знал. А пока грузились они все на белоснежный теплоход «Советская Грузия» с радостным чувством. Не обращая внимания на старика-турка, который умолял их остаться. Коренное население уважало старообрядцев, и не без оснований старик-турок умолял их остаться говоря: «Русь, не езди, там нет больше Руси». Они — турки — часто обращались к казакам и просили их помолиться Богу, когда была сильная засуха и по их молитвам шли дожди! И все турки это знали.

И вот белоснежный морской красавец-теплоход, отвалив от причала, дал прощальный гудок, а старик все воздевал руки к небу.

И так мне запомнился этот старик, говорил отец Герасим Милушкин, уже и отплыли мы далеко, он же все метался по берегу, хватался за голову и кричал «Вернись Русь, там нет больше Руси».

25 сентября 1962 года все в том же месте (в порту Новороссийска) сходили по трапу некрасовцы на берег. Сходили и целовали Землю! Русь, конечно же, приветствовала своих верных сынов хлебом и солью.

Был интересный случай: они пришли на Рогожское в национальных одеждах, а их бабушки-ревнители не пустили в собор. Я же встретился с некрасовцами уже в Москве. Как сейчас помню отца Илию Елесютикова — среднего роста, с длинными в колечках волосами темно-

рыжеватого цвета и Герасима Милушкина, впоследствии тоже священника.

Мне особенно приятно вспомнить об этой трогательной встрече с некрасовцами в Москве, на Рогожском потому что я тоже принимал в ней участие. Везет же все-таки иногда, да и нередко!

Нас тогда несколько певцов пригласили поучаствовать в этом торжестве, организованном видными и уважаемыми людьми общины Московского Кафедрального Собора: Алексеем Дорофеевичем Бобковым и Мемноном Денисовичем Пчелкиным.

Тогда отстояв торжественную литургию в Кафедральном соборе на Рогожском, куда по такому случаю приехали и певцы из Рижской Гребенщиковской общины, мы обедали на квартире Мемнона Денисовича. Было конечно тесновато, но теснота — не беда.

Гости за длинным столом сидели друг против друга. С одной стороны некрасовцы, с другой стороны — беспоповцы. У Мемнонона Денисовича тогда присутствовали сразу как бы три слоя старообрядцев: с юга из Турции, с севера из Риги и мы — жившие все это время в центральной России и здесь выпившие свою чашу страданий.

Встреча эта была крайне трогательная. И когда наши бывшие донские казаки спели стихеру, которую потом повторили певцы Гребенщиковской (бесповской) общины из Эстонии, и когда все это совершенно совпало, тогда многие от радости прослезились. Да и было от чего. Встретились же как родные братья, которые не виделись друг с другом 300 лет!

Я был тронут этим до глубины души. Не удивительно ли, что одни на севере в Эстонии, другие на юге в Турции, третьи в центральной России. Этот факт свидетельствовал о том, что ничего не потеряно не только из обычаев, или чистой разговорной речи, но сохранена наша церковная культура. Они привезли в Россию даже свои воинские облачения тех лет. Полковничье облачение (казацкую

шелковую форму) подарил моему брату Евгению Лебедеву отец Герасим Милушкин на свадьбе как победителю за удаль в рукопашной схватке раздетыми на снегу.

С тех пор уже прошло 30 лет, но память мне ярко рисует те события, тогда впервые происшедшие в нашей стране.

Не могу я, Валентина Кирилловна, не привести и свидетельств исследователя старообрядчества, его же гонителя и надзирателя Андрея Печерского — прекрасного нашего писателя.

«Вернувшись из-за границы, Петр стал стричь бороды у своих вельмож уже на второй день. Был выбит специальный знак величиной с двугривенный, на котором под словом «деньги взяты» изображалась борода и усы. Расплачивались все: кто спиною, кто деньгами. Реформа начиналась с именитых людей, а также промышленников, купцов, помещиков, но крестьянство пока не трогалось. Затем с января 1700 года вводится положение, читаемое народу на всех перекрестках с барабанным боем о реформе на платье. Уничтожалась русская национальная одежда, и вводилось венгерское платье. Всем кроме лиц духовного чина, извозчиков и пахотных крестьян. И поднялась в народе суматоха. Далее в 1701 году запрещено было носить тулупы, штаны, сапоги и шапки. Все должно быть немецкое. В санях не ездить, торговым людям всего этого не продавать. Теперь и крестьянам, жившим в городах, нужно было носить немецкую одежду. Голов полетало много. Один монах в сердцах сказал конюху: «Он государь-немец». На него донесли, пытали и приговорили к смертной казни, а затем подняли с плахи, на которую он положил голову свою под топор, жестоко били кнутом и заменили смертную казнь вечной ссылкой в Азов с отрезанным языком. Говорить об этом нет желания.

Некий Андрей из Нижнего Новгорода пришел в ту пору в Москву убеждать царя в его неправде. Был он си-

рота, выполнял черную работу. На дыбе выдержал все пытки, от которых через несколько дней умер в застенке. А умер он, Андрей, по-христиански.

Налог на бороду: царедворцы, дворовые городовые, всяких чинов служивые люди платили по 60 рублей. Купцы 1-й статьи — 100 рублей. Торговые, посадские и ямщики — 30 рублей.

И пошло всякое взяточничество повсеместно. Стонала Россия. Гонения на старообрядцев продолжались. Закабаление, превращение в крепостных, в рабов, засилье иностранцев, осевших в России, окончательное разрушение нравственности, курение табака, изведение православия в народе, разложение церкви изнутри всякими прокоповичами и им подобными. Как тут не вспомнить слова Апостола Павла: «Чада, под чужое ярмо выи не преклоняйте».

И боролись старообрядцы, и выстоять сумели. Многие при этом бежали из отечества. И Бог весть где, даже в дебрях Амазонки! В пустынях, в болотистых и глухих чащобах, порой среди полудиких народов строили свои кельи отважные русские отшельники.

Но неправильно было бы думать, что при Петре было самое тяжелое положение старообрядцев в России. Петр был все же русским человеком, по своему как-то заботился об отечестве, хотя при всем этом странным воспринимается его отношение к церкви. Словно он был абсолютным безбожником, но и в этом случае такое творить он не имел права.

Всяк по своему судит о Петре. Одни им восхищены — мы так воспитаны в школе, другие, как например, Карп Осипович Лыков, при упоминании только его имени плевались. Судите сами Вы, Валентина Кирилловна, как Вам совесть подскажет.

Но, несмотря на все трудности при Петре, жизнь старообрядцев после него была едва ли лучше. При засилье немцев, правлении разных Бирона и им подобных

самозванцев! Теперь старообрядцам было предписано носить на одежде позорный знак «раскольника». Каждый его мог обидеть, попрать его человеческое достоинство, везде с него требовали деньги и каждый унижал. Старообрядцы были вне закона. Обидчик же всегда был прав, и все средства против старообрядцев разрешались и поощрялись.

Спасаясь от преследования, огня и пыток, от бесконечных поборов бежали старообрядцы в глухие места России или за ее пределы. Оседая на жительство в трудно доступной местности, создавали они там духовные центры. Таких поселений было довольно много, но наиболее значительные, где было много монастырей и скитов, бурно кипела духовная жизнь, литературная деятельность, собирались соборы для решения духовных вопросов, где была возможность совершать духовные дела, были следующие: Керженец на Волге, Стародубье в Черниговской губернии, по реке Выг на севере, Иргизу, Рогожское кладбище в Москве, Ветка в Польше, Белая Криница в Австро-Венгрии и другие.

Керженец — река, протекающая по дремучим и глухим лесам Нижегородской области, левый приток Волги. Вся эта местность и носит название Керженца. Тогда в XVII веке здесь были непроходимые леса, множество болот и речек делали эту большую местность недоступной для преследований. Здесь, пользуясь этой природной крепостью, уже к концу XVII века было до сотни монастырей мужских и женских. Лес кормил всех. Здесь не только выжигались леса под пашни, но было много организовано всевозможных промыслов.

Главным гонителем старообрядцев здесь был хорошо уже нам известный Нижегородский архиепископ Питирим со своими подручными Юрием Ржевским — гвардии капитаном и вице-губернатором, присланный Петром для искоренения старообрядчества в Нижегородских пределах. Много пролили они там крови, многих замучили

до смерти, но искоренить старообрядцев на Керженце так и не смогли. Вторгаясь сюда со своими солдатами, Ржевский с Питиримом сожгли многие деревни, разорили скиты и монастыри. Про этот-то Керженец я и встретил стих у Агафьи Лыковой. Помните слова:

«Как на той речке Керженце
Много было жителей.
Изо всех стран собиралися,
Невозбранно жити поселялися.
Пустыня всем была прибежище …
У нас здесь были молебны
Подобны они были раю.
Служба была ежедневная,
Молитва к Богу непрестанная …
В восьмом тясящном веку
В трехсот шестидесят первом году (1853 г.)
Собиралися, соезжалися
К нам не милостивии судии
Прочитали они нам указ.
От молебнов нам всем был отказ …
Как жиды Христа вязали,
В Нижний град отсылали (где и жгли иконы) …
Все плакали и рыдали,
К Богу руце воздымали …»

Здесь на Керженце дьяком Александром были написаны знаменитые ответы на вопросы Питирима, а на Выге братьями Денисовыми была написана огромная книга — ответ на 240 вопросов монаху Неофиту.

— Александр Семенович, а какое положение на Керженце сейчас? Как там сейчас живут старообрядцы?

— Ну да о жизни времен гонений Вы, конечно, знакомы с Керженцем и по роману «В лесах и на горах» Мельникова-Печерского. Сейчас на Керженце многие леса сведены, порублены порой на нет, но и до настоящего времени много там глухих районов, где порой бродят медведи. Не всех их еще там повывели.

Стоят крепкие деревни и большие села. Старообрядцы там проживают в основном поповского согласия, как было и раньше. Встречаются очень интересные личности, такой старой закалки, древнего уклада — бородатые старцы, порой настоящие профессора богословия, начитанные, знающие.

В середине восьмидесятых годов пришлось мне побывать в одном таком селе Взвоз. Проснувшись рано утром, пошел я побродить по окрестным местам. Вспомнить и поклониться страдальцам за веру, что здесь когда-то погибли.

Было лето. Но утро выдалось хмурое. Во всех домах топились русские печи и ветер гнал дым по деревенской улице струями, низко над избами. Здесь в заволжских краях хозяйки летом топят печи рано утром, обычно в пять часов. Проходя совсем близко от открытых окон избы, я услышал, как за задернутой белой занавеской женский голос читал полуношницу. Я от неожиданности даже приостановился, да неудобно было стоять под чужим окном, пошел дальше. Но как-то от этого хорошо стало на душе. Жив корень старообрядчества на Керженце и сейчас. А в ту далекую пору здесь было до сотни монастырей, скиты и кельи отшельников по глухим дебрям непроходимых лесов. Памятные кресты стоят на лесных дорогах. С одним таким крестом на проселочной дороге у меня была интересная встреча.

В юности поехал я как-то в г. Ветлугу через Семенов на мотоцикле. И на одной проселочной дороге в совершенно глухом лесу мне на разум пришла мысль — остановить мотоцикл и помолиться. Но я продолжал ехать, а мысль о молитве настойчиво долбила мне сознание. Я остановил мотоцикл и, встав лицом к востоку, положил несколько поклонов. Впереди плотно росли молодые сосенки. Ну, а потом сел на свой «ковровец» и поехал вперед. Проехав несколько метров, я обнаружил, как дорога огибает эти сосенки, и что-то понудило меня обернуться

назад. И вот тут-то и увидел стоящий за ними осьмиконечный крест! Я снова остановил мотоцикл, и, подойдя уже к этому кресту, положил поклоны. Крест был большой, не так давно срублен, прошлогодняя щепа лежала тут же на траве. Не чудо ли на дороге в 70 км остановиться именно там, где надо? В этой самой точке. И не видя креста, на него молиться? Что же это было за место? Чем знаменито? И не случайно поставлен здесь памятно-поклонный крест. И почему дорога делает такой резкий поворот, словно объезжая что-то.

Видно, стоял здесь скит, и поляна еще не заросла лесом. Это керженские леса:

«Здесь на каждой лесной версте,
У любого кержачьего скита
Русь, распятая на кресте,
На старинном,
На медном прибита.
Девки черные молятся здесь,
Старики умирают за делом». …

(Б. Корнилов. Город Семенов. 1927 г.)

Выяснить это было не у кого. Далее свой путь я продолжал в полной уверенности в успехе.

Стародубье — это целый большой район, названный по имени города Стародуб. Северная часть Черниговской области. Старообрядцы здесь селились повсеместно. От тех поселений остались и сейчас названия: Клинцы, Святск, Климово, Митьковка, Воронеж, Лужки, Новозыбков.

В Стародубье были согласия как поповцев, так и беспоповцев. Сейчас в Клинцах кафедра старообрядческого епископа, а в Новозыбкове — кафедра беглопоповского архиепископа Геннадия. Стародубье и до настоящего времени является также одним из центров старообрядчества.

Конечно, не все время в Стародубье была тишина. И здесь были гонения, и когда это случилось, то старообрядцы вместе со священниками ушли на Ветку.

Ветка — крупный центр старообрядчества, находилась за пределами России — в Польше. Старообрядцев здесь никто не трогал, и они жили спокойно. Сюда бежали со всей России, и Ветка быстро росла. Здесь было до двадцати слобод. Были храмы и монастыри. Причем старообрядцы умудрялись даже перевести сюда иконостасы из покидаемых ими церквей со всеми иконами. Как им удавалось это сделать в условиях непрестанных гонений — остается загадкой. Ветка долгое время была крупным духовным центром старообрядчества.

— Александр Семенович, а как называется это место в Польше сейчас?

— А место это, Валентина Кирилловна, называется городом Гомелем и входит в состав Белоруссии.

— Когда же это произошло?

— Это случилось не только с Веткой. Как я вам уже говорил, старообрядцы всегда были верными сынами своего отечества, несмотря на то, что их-то там и гнали, и мучили и жгли. И везде где бы только не селились, они не смешивались с местным населением, не ассимилировались, не только сохранили язык, но и территории эти потом отошли к России. Они там, на чужбине ассимилировали местное население, а не наоборот. Так было и с Турцией с ее Кубанью, с Белой Криницей в Австро-Венгрии, так было и с Польшей. И вот Гомель-то и все прилегающие к нему территории и назывались Веткой.

Иерархи господствующей церкви давно стремились разорить Ветку, настраивая на это и царское правительство. Помните слова архиепископа Питирима, обращенные к царю Петру: «…велия в том будет польза, понеже бежать будет некуда». И тогда бы Петр воспользовался его советом и разорил Ветку, да не мог.

Но пришли испытания и на Ветку, и она испила чашу своих страданий сполна. В 1731 г. Старообрядцы, неожиданно для себя, нашли в московской тюрьме архиерея Епифания (Яковлева) и уговорили его возглавить старообрядческую церковь. Он согласился. Владыке помогли бежать на Ветку. Но там его приняли осторожно: родом он был с Украины, а там крестили обливательно (по-католически). Встал вопрос, как крещен был владыка Епифаний. Пока разбирались с этим вопросом, соглядатай донес в Петербург императрице Анне Иоанновне, что на Ветке появился епископ. Та пришла в ярость и послала в 1735 г. на Ветку пять полков регулярной русской армии.

Тогда Россия, нарушая государственную границу с Польшей, вторглась на ее территорию и, взяв в «клещи» поселения старообрядцев, все предала огню и казни. Казнили не только живых, казнили даже мертвых — выкапывали гробы и сжигали их на кострах. Для старообрядцев этот набег был полной неожиданностью. Никто не мог убежать. Войска не просто уничтожали, а в полном смысле выкорчевали Ветку. Все было конфисковано и сожжено дотла. Владыку Епифания схватили, вывезли в Киев, где в тюрьме он и скончался. Оставшихся жителей отправили в многочисленные монастыри под строгий надзор. Это нашествие получило потом название «выгонки».

Но, несмотря на такие зверства, Ветка скоро заселяется вновь и вновь. Выгонок было три. Вторая и третья были при Екатерине II. Всего с Ветки было выведено «в плен» более 50-ти тысяч старообрядцев женщин и мужчин, иноков и инокинь и всех по монастырям. После третьей выгонки в 1764 году Ветка окончательно была разгромлена и больше не возобновлялась. К тому времени в этой территории уже отпала нужда.

Вообще же в Польше по сведениям на 1772 год уже после разорения Ветки жило старообрядцев более 100 тысяч. Польским помещикам было выгодно, чтобы старо-

обрядцы засеяли пустующие земли. А сколько их жило в Маньчжурии, Туве, Японии и Китае?

Позже Екатерина II издала манифест, в котором призывала старообрядцев вернуться на Родину, обещая им спокойную жизнь. К некрасовцам Екатерина II посылала даже делегацию, но те, помня завет Игната, не пошли. На манифест Екатерины II, в котором обещалась старообрядцам спокойная жизнь, откликнулось огромное количество русских людей, живших на чужбине. В Сибири и в других местах, тоже быстро организовались слободы и монастыри количеством до сотни.

Возвращающимся правительство отвело земли по реке Иргизу, большому левому притоку Волги, протекающему в Саратовской и Куйбышевской областях. Иргиз приобретает огромное значение для старообрядчества. Но Екатерина II правила Россией не вечно. Центр из сотен поселений не давал покоя иерархам господствующей церкви. Через 30 лет после создания в царствование Николая I (1825–1855 г.) Иргиз был разорен. Прав был Игнат Некрасов в своем завещании донским казакам — «не доверять царизме».

Многие были посланы на жительство в Сибирь. Они ехали большими группами и селились целыми селами. По Амуру, близь границы с Китаем и Монголией. Зовут их там и доселе «Семейские» от слова «Семья», что значит — ехали они семьями.

Вспомните, Валентина Кирилловна, слова Агафьи на мой вопрос «Откуда у нее Святые Дары?», она ответила: «С этим делом у меня все в порядке. Святые дары у меня есть еще от прабабушки Вассы с Иргицкого монастыря…». После разгрома Иргиза, центром старообрядчества становится Рогожское кладбище в Москве. Оно имеет доминирующее значение во всем старообрядчестве и до сего дня. Его нельзя не видеть и я Вас, Валентина Кирилловна, приглашаю его непременно посетить. Рассказать

о нем авансом как-то не так. Очень уж трудно на пальцах рассказывать, например, о колокольне Федора Горностаева, которая ниже Ивана Великого всего-то на два кирпича. А Храм? Чтобы его охарактеризовать я сделаю маленькое лирическое вкрапление в рассказ старообрядческой поэтессы с Рогожского Галины Александровны Мариничевой:

«… Величавые колонны,
Купол тонет в вышине,
Фрески, древние иконы,
Свечи в трепетном огне …»

Все это нужно видеть. Приезжайте. Там заодно и Богу помолитесь. Пока же я Вам расскажу о гонениях на Урале и в Сибири по Н. Н. Покровскому:

Распространением старообрядцев на Урале считается время после разгрома Керженца в 1722 г. архиепископом Питиримом, когда десятки тысяч (190 монастырей), спасаясь от преследования за веру, бежали на Урал под защиту Акинфия Демидова.

Перевалив за Урал, старообрядцы увидели огромный простор Западной Сибири. По существу нетронутый край. У них было три пути: либо в застенок на дыбу, либо в пламень сруба, либо бежать. И уходя всё дальше на восток, дойдут они до Китая, Камчатки, Чукотки, пересекут Берингов пролив, заселят Аляску и построят там свои города: Николаевск, Вознесенск, уйдут в Канаду.

В 1721–1722 годах правительство Петра направило указы о скорейшем завершении записи старообрядцев в двойной подушный оклад налогом, что вызвало множество гарей по всей Сибири. Все это придумал Петр для взимания лишних податей со старообрядцев в государственную казну.

Тайный розыск от Урала до Тюмени обнаружил огромное количество пустыней (поселений) и скитов по всей Западной Сибири.

Старообрядцы, особенно беспоповского согласия, считавшие Петра антихристом, в двойной оклад записываться не хотели, считая это подчинением силам антихриста и помощью ему.

«Того ради не даем мы дани в нынешнее время, что у вас годы и времена померяны. А у нас люди беспомощны: старой да малой, слепой, да хромой. … Аще вы нас погоните, и мы вам живыми в руки не дадимся: береста и солома, и пороху с пуд приготовлено. И вы творите, что вам повелено», — вот решительный ответ Ивана Смирнова от имени всей братии пустыни. Стойкое нежелание быть занесенным в список слуг сатаны было неожиданностью для петровских законодателей на севере и востоке страны. Двойной подушный оклад возродил в Сибири отчаянную форму старообрядческого протеста прошлого XVII века в массовых самосожжениях. Характер этого отчаяния не был бессмысленным. Петр неоднократно возвращался к вопросу о мерах предотвращения самосожжений, поручил Феофану Прокоповичу составить специальное увещевание о душегубности самосожжений, самоубийств и других мучений. Старообрядцы объявлялись преступниками как церкви, так и государства.

Но «Поучение» Прокоповича погоды не изменило и даже осторожные попытки записи в подушный оклад (как тогда говорили «в раскол») немедленно вызвали гари в Ишимской волости.

Предпринятые походы вооруженных команд и предложения записаться в двойной оклад рождали у народа представление о скорой кончине света. К тому же, изданный Синодом указ от 17 мая 1722 г. о нарушении тайны исповеди, согласно которому священник был обязан доносить полученные на исповеди сведения властям. Старообрядцы же все были отнесены к политическим преступникам: «Старообрядцы — лютые неприятели, и государству и государю непрестанно зло мыслящие», — так выразился Феофан Прокопович в своем

регламенте. Так все старообрядцы стали политическими преступниками.

Не получив ожидаемого успеха от поучения Прокоповича «О душегубности самосожжений», Синод по настоянию Петра объявил о проведении диспутов со старообрядцами. «Дабы побудить церковных иерархов к мысли, что меры насилия по отношению к старообрядцам должны являться естественным продолжением и дополнением к мерам убеждений, т.к. последние являются обязанностью духовенства.

Но что было на практике? Тот же Иван Смирнов предложил полковнику А. Парфенову в Тобольске «перед князем Черкасским, сибирским губернатором, митрополитом и всем народом провести открытый диспут. Но тобольский митрополит Антоний диспута не принял. Видимо, казнить было гораздо проще, чем дискутировать и убеждать.

Нельзя обойти молчанием события в г. Таре, когда в мае 1722 года весь город должен был приносить присягу о престолонаследии, согласно которой Петр по своей воле (или другой правящий император) мог назначать себе преемника. Но в присяге не было имени преемника. И многим это казалось весьма странным. По Руси поползли слухи, что наконец-то с властью стало все ясно, ибо приказано приводить к присяге самому антихристу, имя которого вымолвить невозможно. И от присяги отказался целый город вместе с гарнизоном и всей окрестностью. Виновником в этом был сам император, но в результате весь город был казнён вместе с округой — все были старообрядцы. Случай, конечно, невероятный, пожалуй, похлеще Ивана Грозного с Великим Новгородом.

Из Тобольска в Тару был направлен карательный отряд, который в город впустили без боя. Каратели же, войдя в город, заперли все ворота и началось! Тогда начальник гарнизона города полковник Немчинов, видя неминуемость розыска и пыток всему народу, с 70 казаками занял

оборону в собственном доме, предупредив полковника карательного отряда Баранова, что подорвут дом, если их будут понуждать к присяге. Когда же из дома вышла часть казаков, то их тут же арестовали. Тогда Немчинов с оставшимися подожгли пороховую казну и взлетели на воздух!

Крайне удивительны те зверства, с какими проводилось расследование. Оставшихся в живых после взрыва, обгорелых людей, вытащенных из огня, тут же подвергали допросу, под пытками они и скончались.

За Тарой ряд самосожжений прокатились по всей Сибири:

Елуанская гарь — 600 человек.

В деревне Морозовой — 147 человек (1725 г.)

В деревне Коркино на Ишиме близ Ялуторовска, сколько сгорело неизвестно.

На реке Пышме — 400 человек (1722 г.)

Деревня Ировская на Ишиме — 78 человек.

Начало мая 1724 г. за рекой Пышмой — 145 чел.

В 1724 г. на той же Пышме — 190 чел.

Вот их челобитная с объяснением причин самосожжения: «Сего ради оставляем мы домы и все имущество свое и идем на вольную смерть за старопечатные семи соборов книги. Как святыя нас научили и изложили — ни одну черту не переменити, а кто переменит или передвигнет, на того положена от святых отец клятва, а мы грешные обещались Христу во святом крещении отрицатися сатаны и всех дел его и мы, по обещанию святого крещения, желаем на том умереть, аще не оставит Господь Бог нас, за старопечатные книги, за Исусову молитву, за крест Господень, за святую Аллилуйю и за веру христианскую».

Что же это? Самоубийство или самопожертвование и выражение своего протеста против зла? Похоже на то, как в бою пулемётные амбразуры закрывали собой ради спасения своих боевых товарищей.

Самосожженцы официально не оправданы церковью, а, следовательно, и кончина эта не считается муче-

ническою. Но с другой стороны, смерть за идею - это уже не самоубийство, а протест доведенных до крайнего отчаяния людей. Церковь же не может поощрять такие действия, это понятно, и не все конечно христиане вольную смерть-самоубийство в огне или в каком-нибудь другом варианте рассматривали положительно. Против этого многие активно боролись. И я не могу не познакомить Вас, Валентина Кирилловна, с интересным документом конца XVII века (1691 г.) «Жалобщицей» поморских старцев — опубликованной в 1985 г. в материалах Пушкинского дома. Авторы «Жалобщицы»: Ефросин, Мина, Галактион с окресною их братиею «обращаются» через дальние расстояния» к «аввам» и «богомудрым старцам, всюду рассеянным», и «соборным предложением» и «жалобным молением рассудить о странном учении самогубительныя смерти» (*Н. С. Демкова*).

Возникло это «Нелепое и странное учение самогубительныя смерти» в Романове граде в Пошехоне от иноков Соловецкой обители Игнатия и Германа — они начаша проповедати «чистительный огонь».

«Воскипе источник сей от Романа града и свирепо потече, яко огневая река, и разлияшеся даже до моря и полуношных стран в Каргополевские, Новгородские, Псковские, Олонецкие пределы и далее на Дону, Холмогоры, Выге, Волге и Сибири».

«И посмрадися земля в Низу поволжских палестинах, и бысть плача и туга, и запустение великое; нашему бо веку притча, а немощным — соблазн, мудрым же в писании — недоуменное гадание».

«Ученики же Германовы Поликарп и Онуфрий пагубное се учение «скоро написаша в тетрадныя свитки и предпочтоша сея тетради паче Евангельского благовестия, священного страдальца Аввакума протопопа неразумнее себе во свидетельство приемше и усладиша народы ласкосердием своим».

«В пределах Романова града Пошехонская волости простого народу поселянского даже до пяти тысяч сожгоша себя от учения и поощрения учителей тех. И помрачися святая Русия сваром и дымом сожжения человеческих телес. И умножися всюду плач и туга, и запустение великое и многие села и жилища запустеша. И кто их число изочтет, — токмо Бог един весть.

От Игната бо и Германа, соловецких старцев, и их учеников в Каргопольских пределах более семи сот мужей и жен и детей сожгоша сами себя. Сей же Игнатий, собра две тысящи и пятьсот, и со всем заключившееся в монастыре в Пелеострове, и взяв множество книг и чудотворныя иконы, и прочие ценные вещи, и ту пожгоша сами себе от мала до велика, иконы же и книги, и церковь пожгоша.

По двою лету сего ужасного и страшного пожара Ерман, старец Соловецкий собравшее более двух тысящ поселянских мужей и жен с детьми в той же монастырь, в Полеостров, и сотворившее такоже, якоже Игнатий, сожгоша сами себя, икон же и книг множество с ним сгореша, церковь же и монастырь до основания сожгоша.

Того же лета добропи сец и певец Иосиф, поморский старец. Опроверже себя в необычный догмат, благонадежно упова на самосожжения – чистец,- и собрав чади триста и пятьдесят и со всеми сими купно и сам сожгошася; и на Березове острове полторы тысящи згорело, лапские погосты до конца запустеша, людям же сожженным Бог весть число. В Новгородских же, Псковских и Олонецких толико множество поселянских людей, яко хварастия /хворост/ сами себя сожгоша от учения сего странного догмата. Еще же в Колмогорской и Важской Палестине многочисленное сожгоша сами себе».

«И что можно испытовати о сем! Промчася устав сей и до Сибирских предел, и укрепися догмат самосожжения твердо паче Евангельского благочестия Христова, и бысть яко меч посечения верным християном и умножися всюду

любопрения и вражда, возвыси бося закон самосожжения, и попрася церковное рассуждение и проповедася всюду якоже римский чистец …»

Подобным же образом поступали христиане первых веков при гонителе Диоклитиане в Александрии, Антиохии и Риме, предпочитая смерть за находку – сами «бежали» ко Христу.

Вот такие досадные повествования. Не могли тогда собраться старообрядцы на собор и решить эту страшную проблему общим мнением. Так что же такое самосожжение? Самоубийство или смерть ради правды?

Читаем у Н. Н. Покровского: «Говорить о том, что тайные старообрядцы прибегали к принятию православной исповеди и причастия ради маскировки (их к этому принуждали церковные иерархи господствующей никонианской церкви) не достаточно для объяснения ситуации: догматика основных направлений старообрядчества (в отличии от «квакеров» — хлыстов) считала подобную маскировку абсолютно надежным и необратимым способом обеспечения вечных мук в аду. Все подведомственные митрополиту Павлу (иерархи Тобольска) были в этой оценке полностью согласны со скитскими старцами и наставниками. И тем не менее отмеченное «двоеперстие» — неоспоримый факт, содержащий важную характеристику крестьянского сознания».

Принудительная измена закону древней церкви через дыбу и кнут давило на сознание человека, мучило его совесть, в конечном итоге толкало на мученическую очистительную «огненную смерть» самосожжения.

Обратите внимание, Валентина Кирилловна, что старообрядцы прибегали к ней только тогда, когда им грозило безвыходное положение попасть к заплечным мастерам богословия в казематы и застенки Тобольской митрополии. (О ней я пишу несколько вперед). И они, боясь не выдержать этих пыток, предпочитали умереть в знак протеста против насилия над свободой совести человека. Умирая

добровольно через мучения огненной смерти за двуперстие креста Христова, за символ веры, утвержденный вселенскими соборами, исповедуя сугубую аллилуйю.

Истязатели же их были люди столь падшие, что кажется, сам сатана учился у них. В народе всяк по-своему решал этот вопрос. Церковь же не могла оправдать самосожжения ни с догматической, ни с политической точки зрения. Что это было? Старообрядцы жертвовали земной жизнью через страдания, чтобы остановить это зло и несправедливость? Или проявляли малодушие перед пыткой? Очевидно было и то, и другое.

В старообрядчестве по поводу самосожжения разгорелась напряженная полемика, но шла она через послания в центры старообрядчества, так как собора собирать было невозможно. Эти самосожжения всколыхнули душу всем, не оставили равнодушным никого, разве что человека с грешной душой, но в Сибири, по сравнению с Севером гари были относительно небольшие.

Продолжим историю гонений в Сибири. По всей Сибири шли самосожжения, а в Таре все вешали и четвертовали людей, хотя на престоле был уже третий преемник Петра. Дело велось с крайней жестокостью. В 1722 г. полковник Басов был обвинен в слабости и отстранен. На его место послан вице-губернатор Сибири А. К. Петрово-Солововo — «человек со злою душою, корыстолюбец и сластолюбец (П. А. Словцов), с огромными полномочиями, открывший охоту за древними (дониконовскими) книгами. Имея вооруженный отряд, он резко ожесточил следствие, расширил территорию преследований.

Вице-губернатор неожиданно захватил пустынь Сергия со 170 людьми, а также с ними древние книги и рукописи. Сергия четвертовал. Петр Богачев во время схватки бежал. За ним вдогонку была снаряжена целая экспедиция под командой судьи Верещагина, и когда того поймали, то за взятку, данную Верещагину Богачевым, тот

дал возможность П. Богачеву зарезаться. (*За что только не давали взятки в петровской Руси!).* Многие казаки и «скитские старцы» были казнены — повешены, колесованы, четвертованы, посажены на кол. Бывало, на колу жили по неделе. Несколько сот казаков, крестьян и беглых были в Таре сечены кнутом — мужеска полу по 100 ударов, женску — по 50. После чего повелено их было причащать.

По всем дорогам, выходящим из Тары, — пишет П. А. Словцов, — стоят большие деревянные кресты, по словам жителей, для молебствований, по словам же других, для напоминания о казнях тут совершавшихся… До 1000 человек, замешанных в деле — казнено. Не одна тысяча разослана по Сибири. В разгар следствия (1723 г.) в Таре и Тобольске подследственных держали в отчаянной тесноте.

После Тарского дела Сенат и Синод приняли в 1724 г. постановление: «Раскольничьи дела причислить к злодейству …» «понеже раскольничья прелесть упрямством наполненная, правоверию противна и злодейственна есть». Но Тарский бунт не прошел даром. Отмена двойного подушного налога была учтена местными властями, и митрополит Антоний дважды в 1723 году поспешно заверял столицу, что все раскольники в его епархии сгорели и новых не наблюдается, опираясь при этом на донесения местного духовенства, которому не хотелось лишаться такого обильного источника доходов, как тайные старообрядцы. Дошло до анекдота: в 1726 г. — пять только человек, все по городу Таре. Лишь во второй половине 30-х годов XVIII века В. Н. Татищев возмутится столь яростным нарушением петровского законодательства и начнет яростную борьбу за подушный двойной оклад.

Тарский розыск нанес немалый удар по старообрядчеству на востоке страны. Но случилось так, что в это же время архиепископ Нижегородский Питирим разгромил крупнейший Керженский центр старообрядчества, и десятки тысяч беглецов искали себе убежище в других ме-

стах. Немалая часть их направилась на восток к Демидову, под защиту его исключительных прав полученных на Урале. Но вот пришло время и в 1725 г. царь Петр отошел в иной мир. Но долго еще будет стонать Русь от его, смелой рукой насажденных, нововведений в церковной жизни. Много будет проливаться безвинной крови мучеников за веру старообрядцев. Упразднив патриаршество, Петр I создал Синод под управлением обер-прокурора, который должен «выбираться из офицеров — человека доброго в качестве ока государева и стряпчего по делам государственным», который бы имел смелость и мог управлять синодальным делом, и быть ему обер-прокурором». Характерно, что первым обер-прокурором был назначен войсковой полковник, храбрый и волевой командир, участник боевых сражений. И надо полагать, понятно, как он там командовал в Синоде. Или другой пример: один из таких обер-прокуроров Протасов, кавалерийский генерал, нагнал на свою команду «страх и трепет», «дух из всех повышиб». Сонмом архиерейским командовал как эскадроном на учениях. Даже благочестивый историк синода П. Верховский констатировал, что господство турок на православном Востоке с 1453 г. не могло так поработить веру и церковь, как это сделал синодальный режим в России.

Петром через обер-прокурора было введено официальное запрещение духовенству проповедовать против пьянства. Он вводит принудительное причащение и исповедь; уклоняющийся попадал под надзор полиции. По его указу официально была нарушена тайна исповеди. Каждый священник перед рукоположением давал клятву перед крестом и евангелием доносить куда следует о сведеньях, полученных на исповеди, в особенности у солдат, через что он делался уже не пастырь, а сыщик.

Вообще Петр I был странный и удивительный человек. Страшный деспот и, на мой взгляд, совершенно безбожный царь, растлевающий церковь своими действиями.

С петровской эпохой я, пожалуй, на этом и кончу. Далее речь пойдет о Урало-Сибирских старообрядцах.

В самом конце декабря 1725 г. в связи с вступлением на престол Екатерины I, Сенат принял решение об амнистии по Тарскому делу. Однако Сибирская Губернская канцелярия добавила свое условие амнистирования — обращение из раскола в православие (из старообрядчества в никонианство). В Тобольске рассудили по своему: дабы монаршую милость почувствовали большее количество людей, следует спешно доарестовывать оставшихся в длинном списке, еще не пойманных противников, а потом всех амнистировать.

Правительство Бирона — глухое ко многим традициям национального развития России, рассматривало старообрядчество как враждебную государству силу, годную для взимания всевозможных податей и вымогательства. Такой взгляд затормозил развитие законодательства в отношении старообрядчества еще на 30 лет.

В пору консервативной политики Анны Иоанновны начальником Урало-Сибирского горнозаводского округа был назначен в 1734 г. просвещеннейший поборник государственного подхода и казенного интереса Василий Иванович Татищев, явившийся, в какой-то степени, инициатором невиданной доселе по масштабам полицейской акции по искоренению старообрядчества Урала и Западной Сибири. Урал, как известно, жил за счет беглых старообрядцев, здесь людей до них не было. Его предшественник Генин отличался веротерпимостью и не вмешивался в религиозные тонкости, хотя эта его снисходительность и обходилась старообрядцам по несколько тысяч рублей в год. Собирались эти деньги влиятельнейшими заводскими приказчиками — старообрядцами. Такса эта считалась умеренной и всем интересной. Не малая часть из нее попадала и самим хозяевам — Демидову и Осокину, что составляло дополнительный доход самого начальства, но самое главное здесь заключалось в том, что заводы через это

имели постоянную рабочую силу, пополнявшуюся за счет беглых. В. Н. Татищев, вступая на новую должность, констатировал, что на демидовских заводах подчас вчетверо меньшим числом рабочих выдавали больше готовой продукции, чем на казенных.

Татищев решил всех переписать в двойной подушный оклад и приписать к заводам. Ему приказчики пытались дать взятку в 1000 рублей, но ожегшись на взятках в прежней своей должности начальника монетного двора, в результате чего и попал на Урал, — Татищев взятку не взял. Сумму удвоили, но он вновь отказался.

Над старообрядцами нависла страшная грозовая туча лютой беды. Татищев поднял вопрос в высших светских и духовных кругах власти, принять срочные и решительные меры для поимки беглых и разгрому старообрядческих центров на Урале.

Возникший острый конфликт у Татищева с Демидовым ярко свидетельствовал о том, что старообрядцев ждут тяжелые дни. Тогда старообрядцы пошли другим путем. 25 сентября 1735 г. группа уральских приказчиков подала челобитную на «высочайшее имя» императрице Анне Иоанновне.

В челобитной старообрядцы предлагали правительству компромиссное решение всех проблем. Надо сказать, что к этому давно стремились обе стороны. В челобитной высказывалось предложение, практически устраивающее всех: позволить старообрядцам, записавшись в двойной подушный оклад и платя эту подать, согласно ранее проведенной переписи остаться при заводах, а далее осторожно высказывалось (основное) о новом и важном принципе в отношении к старообрядчеству: «Мы же необходимую нужду имеем для исправления духовных нужд в священниках, того ради вашей высокомонаршей милости всепокорнейше просим, которые священники престарелые от церквей по старости отлучились и купно с нами по старопечатным книгам веру хранить желают, и с таковых двух

или трех попов, ради исправления духовных нужд наших нам иметь позволено было б».

Это самый ранний из известных вариантов челобитной, котоая будет одобрена императорской властью лишь через полвека и начнет осторожно проводиться в жизнь под именем единоверия в потемкинско-иргизовском своем варианте. Единоверие екатерининских времен как раз предусматривало санкционирование государством и церковью некоторых из тех священников, которые перебежали из государственной церкви в старообрядчество.

Помните, Валентина Кирилловна, согласно церковным правилам, изложенным в «Кормчей», признается действительным рукоположение в сан епископом, впадшим в ересь, или священнослужитель, впадший в ересь, — принимается обратно в церковь в сущем сане после раскаяния.

Именно после официального признания этих священников, «которые от церкви за старостью отлучились» деликатно и ходатайствует верхушка заводских старообрядцев к правительству в 1735 г. При этом бросается в глаза, как отмечает академик Н. Покровский: «все без исключения, подписавшие эту челобитную, были гораздо ближе не к поповскому, а к беспоповскому (поморскому) старообрядчеству!» Таким образом, выработанное ими компромиссное решение поднималось над спорами поповщины и беспоповщины.

В исторической литературе неоднократно отмечалось, что представители острейших разногласий в старообрядчестве XVIII в. еще умели сплачиваться перед лицом общей угрозы.

Интересно отметить в этом отношении нашу сегодняшнюю современность. Сейчас наши уважаемые владыки (как и все мы) стали просто злыми и не хотят ничего простить один другому, не то что поклониться, подать руку или сесть за стол переговоров, но не могут отпустить друг другу даже сущей мелочи. А если взгля-

нуть в историю церкви времен арианства, там друг другу прощали даже кровь. И вот эта озлобленность как следствие ненормальности и психоза нашей современной жизни, не дает объединиться и облобызаться друг с другом. Развели на Руси множество течений, в поповщине — две параллельных церкви; что делят между собой, на это никто не может ответить толком. Между ними все ясно, скорее всего, один иерарх не хочет подчиниться другому и в этом весь корень зла. Вот и продолжают раздражать Церковь Христову. Так и в беспоповщине — там несколько течений и создается впечатление, что там держатся только, как говорят, за кресло. Каждый пыжится и считает с высоты своей гордости, что он только и прав. А народ тем временем не только пребывает в духовной безграмотности, но даже и крестится порой слева направо. Погибают тысячи не окормленных и не согретых матерью-церковью сынов человеческих, негде им главы преклонить, ни покрестить, ни повенчать, ни отпеть. Больно и стыдно за это, высокопреосвященнейшие владыки! Простите меня, Христа ради.

Нахлынуло на меня. Забыл и про челобитную, которую ни Анна Иоанновна, ни, конечно, Бирон не поняли и не оценили, и попала она в Синод. От этого учреждения, его иерархов и чиновников нельзя было ожидать ни положительного решения проблемы, ни здравого взгляда на положение старообрядчества России. Официальное признание священников, служащих по старым книгам, (как бы это ни пытались завуалировать) означало ошибочность решения злого собора 1666–1667 гг. подвергшего анафеме древние переводы этих книг ошибочным. Это признание будет сделано только спустя 250 лет в 1971 году.

А к тому времени уже было высочайшее указание Сената о том, как поступать со старообрядцами, захваченными при разгроме старообрядческого центра в Польше на Ветке.

Татищев получил указ от 12 ноября 1735 г., ставивший перед ним задачу немедленной ликвидации вооруженной силой всех тайных убежищ старообрядцев в уральских лесах, расселение монахов по монастырям Сибири под строгий надзор. В большинстве случаев, а это мы увидим из дальнейшего повествования, по существу — в вечное заточение. Прочих приписать к заводам в каторжный труд. Беглых вернуть к своим помещикам. Такого Татищев, конечно, не ожидал и не хотел. Но приказ есть приказ и теперь его нужно было выполнять. Правительство, прежде всего, интересовали старцы и старицы пустынножители, хранившие старые обряды в их чистоте в лесных чащобах Урала.

Василий Никитич немедленно приступил к ревностному исполнению указа. Рейд вооруженных отрядов, снаряженных для охоты на людей, нанес удар по главным центрам скопления старообрядческих тайных убежищ; при этом грань между лесной крестьянской заимкой и трудовой скитской общиной не всегда была ясно различима.

Указ Кабинета предписывал поймать монахов (монашество это господствующей церковью не признавалось), заточение их в монастырские тюрьмы для увещевания и вразумления. Дело несколько затянулось, однако монахов было захвачено 467 человек, и аресты продолжались. Были сожжены десятки скитов, тайных лесных келий и заимок. Все это вызвало сопротивление Осокиных, Демидовых, а в особенности самого старика Акинфия.

Скрываясь годами от властей в уральских лесах, имея возможность прирабатывать периодически на заводах, а при случае получать точные указания, у кого можно укрыться кержакам на длинном пути к Ирюму, Оби и Алтаю, жить своей истинной верой, услышать яркую проповедь — все это влекло сюда людей. Кроме того сами заводчики тайно и чрезвычайно широко покровительствовали старообрядцам.

Татищев, конечно, был готов к недовольству влиятельных заводчиков, но вряд ли он мог предвидеть силу и результативность этого сопротивления своим замыслам, и не ожидал пассивного, но серьезного недоброжелательства местных духовных властей, на которых теперь возлагались и карательные функции. Синод же постоянно втолковывал светским властям, что увещевание раскольников без военной помощи бесполезно.

Хотя сибирская православная церковь и накопила достаточный опыт в тюремных делах, старообрядец М. И. Галанин свидетельствует о страшных пытках и мучениях в казематах Тобольского Знаменского монастыря, которым вот уже сто лет подвергались старообрядцы. Теперь Сенат предлагал только расширить масштабы этой деятельности тобольскому архиерею, который при помощи дыбы проводил увещевание старообрядцев в подвалах.

Но в результате бюрократических проволочек в Синоде, тобольский митрополит Антоний, не дождавшись указаний не смог подготовиться к такому наплыву старообрядцев в сибирские монастыри. В результате всем, без малого исключения, захваченным охраной, старообрядцам удалось вскоре бежать. Среди бежавших были и те, кого уже обратили в «православие»!

Разъяренный Татищев обвинил в тайном сговоре со старообрядцами все сибирские власти сверху донизу, включая и самого губернатора, и потребовал проведения следствия.

Но не одних монахов ловили и хватали, вместе с ними брали и других, в их число часто попадали видные руководители заводских производств — приказчики — это понашему главные инженеры, возглавляющие производство работ. Не сами же Демидовы домнами управляли. Таких выручал сам Акинфий Демидов подкупами или другими убеждениями. После чего их как бы «по ошибке» отпускали, но потом арестовывали вновь, и, несмотря на проше-

ния к самой императрице Елизавете, умучивали до смерти. Например, так было с Родионом Набатовым или Петром Осокиным. Террор был страшный, из него не было выхода. Возмутительно было то, что хотя никонианская церковь не признавала старообрядческий монашеский чин, монахов и монахинь перед пыткой сначала расстригали, а затем вешали на дыбу и били кнутом, увещевая вступить в никонианство. Из-за безвыходного положения старообрядцы выражали свой протест через самосожжения. И хотя в XVIII веке не было таких грандиозных гарей как в XVII веке, уносившем многие тысячи человеческих жизней, но и меньшие по масштабам самосожжения тревожили правительство тем, что сокращали податное население и без того малолюдное на севере и востоке страны. Да и вообще как-то было неловко: несмотря на все разъяснения Синода, что, мол, они сами виноваты, все понимали, что церковное гонение доводило до самосожжения. В этом правительство усматривало и находило виноватых как в светской, так и в духовной администрации. После этих расследований часто бывали отстранены от своих должностей наиболее зарвавшиеся гонители старой веры. Например, в 1750-е годы тобольский митрополит Сильвестр, вызвавший десятки самосожжений (о нем мы еще поговорим) вынужден был покинуть тобольскую кафедру.

В 1736 г. известна пока одна гарь «Толоконцевская», когда сгорело 75 человек. Она значительно повлияла на обстановку, затрудняя Татищеву более широкие военные операции по искоренению старообрядчества. В ту пору 30-х годов XVIII столетия наступление на старообрядчество было повсеместно: в Польше (на Ветке, Поморье, Урале и Сибири). Выгорецкая (на Выге реке) киновия приняла ультимативные требования правительства и тем спаслась. На Урале же старообрядцы не приняли ультимативных условий.

Предприятие по уничтожению уральских скитов Татищевым ставило под удар не бескорыстную политику покровительства старообрядцам со стороны Демидовых, Воронцовых, Осокиных и Строгановых. Это означало бы значительное сокращение и ослабление всего уралосибирского старообрядческого населения подобно тому, как это произошло на Керженце в начале 1720-х годов.

В результате длительных усилий Татищеву удалось записать в списки двойного подушного оклада всего 1250 человек мужского пола и 611 человек женского. К началу второй ревизии число это сократилось до 227 чел. мужчин и 233 женщин. Это всё чего добился Татищев, принеся столько бед и погубив столько безвинных человеческих душ. Но это было только начало еще больших бедствий.

Отчего же столь тщетны результаты деятельности Татищева, несмотря на пытки и казни? Да дело в том, что старообрядцы не хотели идти на сделку со своею совестью, хотя и двойной налог, безусловно, имел значение. Особенно трудно было это купцам, для которых запись в раскол была связана со многими неудобствами. На первом месте среди них, пожалуй, было оформление браков и рождений, передача капитала по наследству и вообще функционирование купеческой семьи.

Деятельность Татищева в правительстве была признана неудачной и это послужило началом длительной наступательной операции для приведения в соответствие с действительностью числа лиц подлежащих двойному окладу налогом, а так же беглых. Новая вторая по счету ревизия-перепись была назначена 28 сентября 1738 г. Синод издал указ о параллельном ведении следствия на расколоучителей, а также и наикрепчайшего розыска у старообрядцев икон, древних книг и рукописей. Не давали они покоя никонианским иерархам. Данное следствие приказывалось вести секретно. Указ об усилении борьбы со старообрядчеством требовал строгого соблюдения законов.

Для осуществления переписи митрополит Антоний направил в Томск, Кузнецк, Бердск и Белоярскую слободу Карташова. Но тот, обладая непомерной жадностью, запросил слишком много: с каждого старообрядческого селения по 50 рублей, а со скитов — по 100 рублей. При отсутствии денег он не брезговал брать пушниной.

Набрал он 260 рублей и 60 шкурок красных лисиц, вызвав тем большое волнение повсеместно. В деревне Новая Шадрина, Карташов, получивший, по его мнению, слишком мало, решил начать «розыск».

Крестьяне правильно оценили его вымогательства и, зная, что за этим последует розыск, бежали. И вскоре о подготовке нескольких сотен к самосожжению по реке Лысухе стало известно в Тобольске и Петербурге. Затем в другом районе 150 человек засели в осаду у деревни Новой Щедрины, еще 324 человека сидели в укрепленных избах. А по слухам 500 человек, кроме малых младенцев. Все эти избы были приготовлены под осаду — обложены куделью, вениками, соломой и смолой, а в желобах, проходящих близ строений, насыпан порох. В «сказке» переданной крестьянами для воеводы написан протест против их насильственного обращения в никонианское православие. «Гонят нас в церкви и принуждают креститься троеперстно. Затем они заявляют, что к исповеди и неподобным тайнам (причастию) они не пойдут», «ибо сих еретических треб принять мы не можем» … «сие говорит против семи вселенских соборов и устава святых отец правил».

К ним была направлена команда под предводительством воеводы Шапошникова и майора Граве. В инструкции им сказано: «Шапошникову выбрать доброго и искусного человека», знакомого собравшимся, и уговорить их выехать на прежние свои жительства «и к сожжению их не допустить». В тайной же инструкции приказывалось воеводе тайно выведать имена зачинщиков и, схватив их, направить под крепким караулом в Тобольск, заковав в ручные и ножные кандалы.

Однако все увещевания были напрасны. 19 октября 1739 г. воеводе Шапошникову и майору Граве был дан суровый, но не исполнимый приказ — подавлять сопротивление крестьян вооруженной силой, но не допускать их самосожжения.

Шапошников и Граве с большим вооруженным отрядом подошли к осадным крестьянам и приказали им разъехаться «без всякого опасения», выдав зачинщиков — «Д. Бударагина со товарыщы. А ежели паче чаяния по тому уговору оныя раскольники помянутых Бударагина со товарыщы добровольно не отдадут, … то идти им, майору и воеводе Шапошникову, силою со оружием и всякими мерами старатца, чтоб конечно оных как возможно взять». А буде паче чайне оныя собравшиеся раскольники будут те домы зажигать, то как возможно старатца и оных Бударагина и Короля с детьми его из огня в двери и окна выхватывать и взять как возможно живых и возгорания их не допускать и старатца всякими мерами чтоб их взять под крепкий и секретный караул».

А вот слова Семена Шадрина: «Мы, крестьяне и разночинцы, собрались здесь в пустыне во имя Исуса Христосика. Жен и детей своих уберем мы здесь и упокоим. Живыми не сдадимся! Жить в деревнях своих по-прежнему нам боязно, ибо как станем мы разъезжаться по домам своим, так и станете вы ловить нас и забирать в остроги».

Воевода и майор справедливо расценили, что самой главной задачей в приказе — взять зачинщиков и разогнать крестьян, а сгорят при этом они или нет — дело второстепенное и дали приказ на штурм укрепления.

Из часовни прозвучали звуки церковного пения, а из изб донесся удушливый запах ладана, в огромном количестве подожженного крестьянами. Затем последовал огромной силы взрыв, вздрогнула земля, и жар нестерпимого пламени заставил солдат отойти. Число сгоревших уточнить не удалось, но было их более трехсот.

Смена правительства Бирона не принесла старообрядцам облегчения. В указе от 13 ноября 1740 г. от име-

ни младенца Ивана Антоновича относительно старообрядцев читаем: «Тоже и о раскольниках, невежеством своим церкви святой противящихся, чтоб они увещеванием и наставлением в благочестии и соединения святыя церкви обращены были …» И хотя здесь говорится о мирном увещевании, ничего хорошего этот указ старообрядцам не принес.

Интересен текст присяги священника никонианской церкви: «Клянусь в приходе моем тайных раскольников накрепко смотреть и аще бы таковыя явиться могли, ни за какие от них дары или посулы укрывать и таить не буду, но как о них, раскольниках, скоро могу уведать, со всяким обстоятельством письменно представлять … их проклинаю и анафеме предаю».

Пришедшая к власти 25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна провозгласила строгое следование законодательству Петра I и сенатский указ от 18 октября 1842 г. подтвердил суровое законодательство петровского времени. При вступлении на престол Елизаветы Петровны были еще слабые надежды старообрядцев на улучшение положения. Так, по «Всемилостивейшему указу от 1741 г. «Об отпущении вин» были освобождены 130 ссыльных старообрядцев, посланных этапом в Сибирь. Отпущенные из Тобольска в Москву пешком без денег, они должны были явиться в Сибирский приказ — «дабы они все, как и прочие их братия ссыльные же из ссылок освобождались, высочайшими ее императорского величества милостью были обрадованы и из ссылки освобождены». Но пока те шли, Сенат решил, что эта амнистия на старообрядцев («ради их вин») может не распространяться, освобождение их из ссылки — досадная ошибка. Приказано всех отправленных к Москве переловить и отправить обратно, наняв для этой цели специальный корабль.

Елизавета Петровна милостиво разрешила из политических соображений старообрядцам ей не присягать. Но сибирские власти сочли это неправильным. Укрепив-

шись на престоле, она впоследствии поинтересуется, кто ей не присягал.

От гонений, увещеваний, двойных подушных окладов, непосильной работы на заводах, жители деревни Лепихиной сказали, что они намерены гореть от того, что приписаны к Колывано-Воскресенским заводам в работу и в тех заводах им работать весьма натужно, да к тому же стали их принуждать к присяге.

Известный нам уже майор Граве послал на усмирение крестьян отряд под командованием поручика Тарасова. Инструкция: гари не допускать, убеждать разойтись жить по-прежнему без опасения в домах своих и обещание не приводить к присяге. К ней прилагалась тайное дополнение: всех вышедших из укрепленного дома «секретно переловить, заковать руки и ноги в крепкие кандалы, под крепким караулом прислать в Сибирскую Губернскую канцелярию в самой скорости». Рекомендовались хитрости: «спрятаться по соседству всем отрядом в лесу и внимательно наблюдать когда кто из крестьян пойдет из избы» хотя в праздник Святого Воскресения Христова или иные какие дни». Этим немедленно воспользоваться.

А вот другой вариант: «переодеть солдат и драгун нищими, чтоб они под видом странников проникли внутрь». Тарасову путем обмана удалось захватить Ефрема и Ивана Лепехиных. За Ефремом вышла жена, которую тут же схватили, а далее было долгое и мучительное следствие. В результате сгорело 18 человек. Сенат эту гарь признал мелочью не стоящей его внимания. В Сенат этого и представлять не надлежало.

Политика правительства Елизаветы в старообрядческом вопросе вскоре привела к еще большему и затяжному кризису. Кризис этот еще раз продемонстрировал стойкость старообрядцев. В ту пору Синод со всеми своими службами не мог дать должного ответа даже Сенату о положении дел со старообрядчеством. Все предельно запутано. Указы правительства 1743, 1744, 1745 гг., в кото-

рых с трудом можно разобраться, полны противоречий. Тайная принадлежность к старообрядчеству считалась преступлением, и отпадение от православной церкви также считалось преступлением. И в том, и в другом случае уличенный в этом человек подвергался допросам и пыткам: «Откуда бежал? Где и с кем скрывался?» Не дай Бог сказать опрометчивое словцо — не выйдешь из каземата никогда.

Тайная канцелярия вначале допрашивала человека с пристрастием, а затем начинала его обращать в никонианство при помощи своих заплечных богословов. Есть на этот счет и примеры: Тайная канцелярия, широко понимая свои задачи, закончив политическое следствие по делу Бутаковых (Алтай 1742 г.), занялась просвещением их душ светом «истинного» православия. Просвещение происходило в застенке, действенным методом пытки. Никифор и Никанор остались непреклонны. Антон же Бутаков в застенке с подъему (с дыбы) сказал, что он от расколу обращается к святой церкви, повинуется и в церковь ходить, и духовного отца иметь, исповедоваться, и святых тайн причащаться, и троеперстным сложением креститься желает.

Канцелярия тайных розыскных дел с гордостью сообщила в Синод об этом успехе своих заплечных богословов. Остальных братьев пожизненно сослали в дальние монастыри под крепкий надзор. А какая же их вина-то была? Да опрометчивое слово, сказанное в церкви.

Из закона следовало, что всех обнаруженных тайных старообрядцев, как равно и тех, которые во время ревизии захотят записаться в двойной подушный оклад, господствующая церковь рассматривала как преступников, требовала проведения следствия, зачастую с пытками. Этот метод никонианские иерархи рассматривали как наиболее удобную форму для преподавания заблудшим евангельских истин в официальной трактовке. И через 30 лет после Петра в своем указе от 1745 года Елизаве-

та напомнила: «Что для упорных (стойких старообрядцев) Петр мудро предусмотрел галеры, вырезание ноздрей и прочие воспитательные меры». И митрополит Антоний ссылаясь на подтверждение указом 1745 г. требовал расследования каждого отдельного случая отпадания от «господствующего православия» и массовых репрессий с применением пыток.

Вся эта неразбериха привела ко второй ревизии, по условиям которой, как царская милость, разрешалось указом от 31 августа 1744 г. записываться в двойной оклад всем безбоязненно. Особенно указ призывал всех тайных раскольников, проживавших в скитах и в отдаленных местах в лесу, безбоязненно являться для подачи «сказок» и в тех «сказках» написать какого пола и звания с летами до самого сущего малого младенца без всякой утайки не обходя никого, ни единой души.

Этим указом воспользовались многие старообрядцы решившие легализовать свое положение. В сказках порой беглые записывались жителями заводских поселений, или под одним именем записывались несколько человек, а иногда под одной сказкой записывалось несколько домов. Но большинство сторонилось этой правительственно-царской милости, считая ее опасной ловушкой. Так это все потом и вышло!

Церковные иерархи, в частности митрополит Антоний, спохватились, узнав о той огромной разнице, которая была получена в результате сравнения цифр двух ревизий. И если по первой ревизии была одна цифра, то по второй она значительно превосходила первую — на 60 %. Но это ладно, беда была в другом. Из официальной (никонианской) церкви ушли люди, так как двойной подушный оклад давал право и был платой за содержание «раскола». Таким образом, записанные старообрядцы получали право «быть от церкви святой отбежными». Тогда господствующая церковь поспешила объявить запись в подушный двойной оклад не действительной. И при первом же таком объяв-

лении крестьянам деревни Калиновки в 1751 году более сотни крестьян собрались в избе (избы у старообрядцев были большие) крестьянина Н. Непенина с твердым намерением сгореть!

Произвол официальной церкви толкал их на этот протест. Разошлись крестьяне только после того, как получили из Исетской провинциальной канцелярии указ «О неотвращении двуперстного креста и прочего к их раскольничей пользе».

Записавшись по ревизии и получив право быть официально старообрядцами, некоторые вели себя довольно смело, так как в указе от 1744 г. ни слова не говорилось об увещаниях старообрядцев перед записью примкнуть к православию, и приказывалось, во имя успеха переписи, отменить любые следствия и следственные комиссии по делам о расколе. «И для того, чтоб те раскольники без всякого опасения к той переписи немедленно явились, так же бы во оной помешательства не было, именующиеся о раскольниках комиссии и следствия, где б они ни были, прекратить».

Интересный пример приводит Н. Н. Покровский: по доносу посадского Ф. Е. Чадранцева на базаре в Тюмени некий Иван Сидоров, по прозвищу Рожа, говорил: «Нам де теперь воля записываться в двойной оклад, мы де теперь уже ни на что не смотрим, сделаем свою церковь среди города Тюмени». И тем ввел в соблазн пребывающих в православии записаться в раскол. Иван Сидоров принадлежал к поповцам, скорее всего к распространенному в тех местах софонтиевскому часовенному согласию.

Основываясь на доносе, Тобольская консистория потребовала ареста Ивана Сидорова. Следствие шло настолько энергично, что через два месяца Иван Сидоров скончался. Истязуемому крестьянину несколько раз предлагали обратиться в государственное православие, но он категорически отказывался. Уже перед концом, собрав последние силы, резко отклонил он напутствие и причастие

никонианского священника. Тело Ивана Сидорова было вринуто в ров за городом без всякого погребения.

В ходе этого следствия митрополит Антоний неоднократно и безуспешно требовал от генерал-майора Чернцова аннулировать результаты новой записи или хотя бы издать указ местной генеральной ревизии, призывающий всех записавшихся в раскол вернуться безбоязненно в лоно православной церкви.

Движение за выход из никонианской церкви широко распространилось в густонаселенных районах. Десятки старообрядческих вожаков привели дело к ошеломляющему для консистории результату: До второй ревизии здесь не было ни одного записного старообрядца, после ревизии — 1118 человек. Но генерал-майор Чернцов не мог, хотя и пытался добиться прекращения преследования никонианской церковью вновь записавшихся в раскол.

Опять свирепствовал террор, опять были побеги, но они не всегда и не всем удавались. Следствие велось испытанным и действенным методом и старообрядцы либо возвращались в никонианскую церковь, либо погибали.

Вот и получается, что только за то, что крестьянин В. Попов выполнил точно указ правительства и, выйдя из леса, записался в двойной оклад с женою и детьми, на них последовал донос, что якобы других совращает и сам отпал от православия. В результате следствия, которое велось крайне жестоко, Попов с женою умерли под пытками, тела их были вринуты (брошены) «за убогим домом в глубокий буерак», дети остались сиротами. Но это все люди были рядовые, а вот как поступали с руководителями — с попами? Кажется, их жизнь в ту пору была просто невозможна. Но они-то все же существовали. Мужественно окормляя церковь в годину бед, тревог и лишений не изменили они древнему православию.

Я Вам, Валентина Кирилловна, приведу сведения о двух таких священниках, перешедших в старообрядчество из никонианской церкви.

В 1746 консистория предприняла попытку захватить одного из них — отца Гавриила по прозвищу-псевдониму Мороку. Попытка была неудачной. Окрестные крестьяне так успешно укрывали его, что пять месяцев прочесывания местности военной командой под руководством прапорщика И. Проскурякова не дали результатов. Чтобы прекратить эти поиски, была даже инсценирована гибель Мороки, когда какой-то неизвестный доброволец сжег себя на глазах у всей команды.

В ходе следствия крестьянин Григорий Корсаков, у которого пытались получить сведения, где скрывается Морока, был замучен насмерть. При этом отметим, что преследования и поиски вело в конечном итоге не правительство, а никонианская церковь, ее иерархи.

18 апреля 1746 г. несколько пахотных крестьян с. Успенского Тюменского уезда «неведомо из-за какого случая, тихим образом собравшись, уехали вкупе и вшед в потаенную избушку в ней того ж числа после полудня сгорели».

Следствие так и не открыло причины самосожжения, казавшееся тем более убедительным, что все сгоревшие не были записными раскольниками (им нечего было бояться) и до второй ревизии все они ежегодно ходили к исповеди и причастию в никонианскую церковь.

В 1746–1747 годах два самосожжения на Алтае крестьян Колывало-Воскресенского завода из-за попытки привлечь их на следствие по делу массовой записи в раскол.

Светские власти вынуждены были защищать старообрядцев от произвола митрополитов. Канцелярия Колывало-Воскресенского завода пыталась предотвратить активное преследование (несмотря на указ Сената 1744 г. о прекращении на время ревизии всех следствий по старообрядческим делам) тех, кто записался во вторую ревизию. Крестьяне отстаивали свои права на фактический выход из церковных приходов обычными старообрядческими методами — бегством и самосожжением.

В 1750 г. канцелярия Колывало-Воскресенского завода, чтобы предотвратить новый консисторский розыск, ссылалась на эти гари. «… Они, услыша, что их по расколу спрашиваютца, не дав себя тем посланным взять, собравшись в избы и зажгя огнем в них сами сгорели. Из 18-ти дворов деревни Усть-Черышской лишь в 3-х дворах осталось по три человека. Остальные дворы стали пусты и скот рогатый и овцы ходили без хозяев».

Критическая ситуация 1740–1750 годов

Двойной оклад стал не столько легализацией раскола, сколько методом борьбы с ним. В ту пору возникла следующая ситуация: Ветка стремительно возрождалась, поток беженцев с разгромленного Керженца стимулировал развитие старообрядчества на огромных восточных территориях. Тревожное пламя непрекращающихся гарей 1730-х, 1750-х годов XVIII столетия достаточно внятно доказывало всю серьезность положения. Но правительство, подогреваемое доносами никонианских иерархов, отвечало на это нелепыми репрессиями, и пройдет еще два десятка лет, пока оно будет принимать разумные решения, а пока выносят приговоры о посылке в вечную каторгу за тайное содержание раскола. И когда из старообрядцев кого брали в рекруты, то старообрядческое общество той деревни все равно должно было платить за него двойной его подушный оклад. В пору этой реакции делаются попытки оживить законодательство об особом платье для раскольников и платных медных знаков за ношение бороды. И наконец, под давлением церкви Сенат издает указ от 18 мая 1750 г. о всеобщем розыске. Теперь «добро» было получено и можно было тащить на допросы и по всей России.

В апреле 1750 г. уже известный нам митрополит Сильвестр жаловался в Синод о продолжающейся записи рас-

кольников и их отпадении от церкви в огромном числе. Духовные власти при содействии команд, уже не только изыскивают, кто и кем совращен в раскол из новозаписавшихся, но и «кто у них родственников брачующихся венчает, больных исповедует и причащает, детей крестит, умерших погребает и прочие отправные требы, о потаенных их раскольничьих попах действовать священная дерзнувших».

Ну как, Валентина Кирилловна? Вы наверно, читая подобное повествование о гонениях за веру в Сибири, за голову возьметесь: что там творилось! Что же за владыки это были, злобою дышащие?! Чисто демоны, не имеющие никакого не только сострадания, но даже элементарных добрых человеческих качеств или понятий, а такое творилось по всей России! Тогда! И не мудрено, что старообрядцы почти все оказались без священства. Всех попов тогда перевели. Как ловили их, я Вам еще напишу. Какое-то просто бесовское торжество было в ту пору на Руси, о какой любви Христовой могла быть речь, коли владыки сами, все эти Антонии и Сильвестры, на дыбе людей пытали?! Заставляя их отказаться от правого учения и вступить в их «православную» ересь. Что же это были за пастыри такие и что собой представляет их церковь? Действительно напрашивается мысль о конце света.

Как же боролись со старообрядческими священнослужителями? Для успеха такого предприятия необходимо было найти предателя. Но, как известно, у самого Христа из двенадцати учеников один был предатель. Что уж тут говорить про нас, грешных. Нашелся на Урале такой. Звали его Иван Варзин, родом он был из казаков. Как он дошел до предательства? Его убедили путем увещеваний или, как их называли старообрядцы, — «улещаний», в неправильности старообрядческой церкви и тот стал предавать всех подряд. Делал он это, видимо, с большим удовольствием, украшая свои доносы рисованными за-

ставками, в которых вместе со старообрядцами часто попадали и его личные недруги.

Словом, Иван был настоящим иудой. В характере всех предателей есть что-то общее. Донес он на отца Семена Ключарева, и его схватили. К тому же времени поймали и Гаврилу Мороку.

Доносы Ивана породили сотни дел. Через все это, кажется, захлебнулась вся консистория. Со времени Тарского розыска не знала Сибирь подобной церковно-полицейской активности. И пошли опять гари. Доносы в Синод из Тобольской епархии сыпались, как снег: о поимке Ключарева, о следствии над ним, о столкновении с заводскими жителями при попытке захватить отца Севастьяна, о незаконных старообрядческих браках и создании специального дома для насильственного помещения туда рождающихся в этих браках детей, о раскольничьих браках на уральских заводах, о взяточничестве православного духовенства в связи со старообрядческими розысками.

Тобольский владыка Сильвестр изобретал все новые способы дознания и борьбы. Яростные его бумаги, сыпавшиеся в Синод и другие учреждения, заканчивались подписью: «Святейшего правительственного Синода послушник смиренный Сильвестр митрополит Тобольский». Воистину Синодово детище, этот «святейший» митрополит. Он был одним из представителей украинского духовенства, столько зла принесшего православию Русской Церкви. Резкость и самоуверенность в нем сочеталась с непосредственным восхищением его собственными талантами в качестве ритора. Но надо помнить, что его красноречие подкреплялось пытками в застенке. Удивительно гармонично сочетались его риторика с дыбой и требованиями насилия над старообрядцами.

После шести лет руководства епархией (1749–1755) Сильвестр был отправлен на более почетное и спокойное место в город Суздаль.

В 1723 году первый большой съезд софонтиевцев Урала счел допустимым принимать беглых попов господствующей церкви, и первым из них был Симеон Ключарев.

Я Вам, Валентина Кирилловна, поясню слово «поп». Оно часто встречается в литературе не только светской, но и церковной, и, конечно, является не ругательным. Во всех словах подобного рода есть одно понятие, один, так сказать, корень. Вот посмотрите: батюшка, отец, папа, поп. Все они одного смысла. Слово же «поп» производная народная форма от слова «папа». Теперь вам будет лучше и понятнее наш дальнейший с Вами разговор. В церковной литературе читаем: у апостола Павла: «Болит ли кто в вас, да призовите попы церковныя и молитву совершат над ним, помазаше его миром во имя Господне. И молитва веры спасет болящего и избавит я Господь».

Но вернемся к теме. Отец Симеон Ключарев вел полную опасности жизнь. Его жизненное существование полностью зависело от смелости и преданности жителей окрестных деревень. Опираясь на их поддержку, отец Симеон создал разветвленную сеть тайников, завербовал не малое число учеников и последователей, среди которых был и Гаврила Морока. Его избрали в качестве кандидата в священники сами крестьяне. С этой целью он и стал служить в никонианской церкви в должности пономаря, а затем митрополит Антоний его поставил в сан священника. Но спустя два года Гавриил бежал с крестьянами в леса и вскоре стал послушником отца Симеона Ключарева. Около года он провел в тайниках своего учителя, обучаясь нелегкой практике руководителя тайного старообрядческого прихода. Затем с благословения отца Симеона создал собственный приход и 18 лет руководил общиной тайных христиан. Его тайные убежища находились не только в лесах, но и в густонаселенных деревнях.

Как же приходилось скрываться этим отцам? Отец Симеон имел центральную главную потайную резиденцию на усадьбе крестьянина Якова Емельянова в дерев-

не Саламатовской, с небольшими кельями и системой подземных переходов, выводивших в случае необходимости далеко за пределы усадьбы в поля. У казаков на реке Увелке в отдаленной деревне была так же создана потайная резиденция с многочисленными тайниками. Благодаря стойкому поведению всех крестьян этой деревни, в которой имелось 72 двора, следствие, получившее от предателя Ивана сведения об этих тайниках, так и не смогло их обнаружить.

Среди богатых крестьян — родоначальников деревень и селений (семья состояла порой из 19–24 домов) на обширных усадьбах (крестьяне жили широко) можно было спрятать несколько келий, создать целую систему тайников и переходов.

Консисторские следователи старательно искали и находили в немалом числе свидетельства резко враждебного отношения старообрядцев к господствующей никонианской вере, ее храмам, священникам, таинствам. Старообрядцы всех согласий обличали никонианское духовенство во взяточничестве, коррумпированности, пьянстве, профессиональной непригодности.

В своих доносах митрополит Сильвестр не преминул подчеркивать: «И о всем том, без подлежащего в гражданском суде розыску и пытке обойтись и сущей правды уведать никим образом не возможно».

Старообрядцы, как известно, не хотели молиться за царя-отступника и антихриста, и это был рычаг для склонения светских властей к следствию и розыску. Это же давало и неограниченный простор фанатизму митрополита Сильвестра, который зашел достаточно далеко как в массовом розыске, записавшихся во второй ревизии, так и других делах. Настойчивые требования митрополита о применении в ходе следствия пыток не остались только на бумаге, но все способы выколачивания показаний были пущены в ход: за пыткой следовало увещевание, за увещеванием пытка, потом опять увещевание. И выйти

из Тобольских застенков можно было только обратившись в никонианский вариант православия. Не согласившиеся умирали под пытками, или шли на вечную каторгу.

Все это сильно накалило обстановку далеко за пределами Тобольских темниц. Оставшиеся верными православию, священники отец Симеон Ключарев и отец Гавриил Морока были приговорены к вечной каторге, но так и уморены в застенках Тобольска в ходе дальнейших бесконечных следствий.

В те же самые осенние месяцы 1750 г., когда в застенках Тобольска пытали попов, консистория одержала крупную победу, учинив разгром Выгорецкой киновии (обители).

Выгореция была у всех на виду и стояла на окраине Невьянского завода. Консистория давно стремилась ее ликвидировать, но мудрые наставники всегда находили выход из сложной политической обстановки. Не так все это было просто. Еще в 1735 г. сам старик Акинфий Демидов дал ясно понять, что он готов буквально на все, чтобы не допускать такого разгрома, поскольку он и его сын были тайными старообрядцами. И слова его с делом не расходились. Когда канцелярия тайных розыскных дел вместе с Синодом разыскивала руководившего Выгорецией более двух десятков лет Гавриила Украинцева по какому-то секретному делу, то Акинфий Демидов пошел тогда на клятвопреступление, присягнув, что Гаврилы (Семенова сына) и других разыскиваемых старцев на его заводе нет. Об этом позднее доносил в Синод митрополит Сильвестр. Но последнее заявление Акинфий Демидов сделал с чистой совестью, заявив, «что собственных оного Семеновы дворов при заводе его Демидова, не имеется». Это было совершенно правильно, Гаврил Украинцев жил тогда в доме самого Акинфия.

И вот, наконец, смерть старика Акинфия Демидова развязала руки консистории для разгрома киновии. Захват был осуществлен внезапным налетом и застал всех

врасплох. Как раз шли очередные занятия в тайном старообрядческом училище. Были схвачены дети и взрослые из разных мест. Были обнаружены на окраине Невьянска несколько изб с монастырскими кельями, забрано много книг и икон. Сыскано причастие и целые Деисусы, многое число старообрядческих книг, несколько панагий и прочих вещей приличествующих всякому монастырю и скиту.

Все помещения монастыря были описаны, хотя невьянская заводская контора и ухитрилась спрятать часть книг и икон. И, конечно, был поголовный арест. Но митрополит Сильвестр, разгромив Невьянский центр, был далек от искоренения беспоповщины, поморцы не дали ему сведений о своих единоверцах. Разбросанные по укромным уголкам тайги скиты уничтожить на огромном пространстве востока страны было не так-то просто.

По первому же требованию митрополита Сильвестра во все направления посылались военные команды, чиня опустошения на заводах, что приводило не только к протесту старообрядцев, но и заводского начальства. После этих нашествий некому становилось работать. Митрополит Сильвестр, чиня настоящий разбой посылкой военных команд, ведя широкомасштабные расследования, с крайней жестокостью применяя изощренные пытки, проявляя сатанинскую ненасытность в человеческих страданиях и крови, накаляя и без того тяжелую обстановку по Уралу и Сибири, привел дело не только к вооруженным столкновениям, но и к настоящей войне. Так команда унтерофицера Хлебникова воевала в Нижнем Тагиле с отрядом Берг-коллегии под командованием Ивана Княгинина при поддержке старообрядцев полгода. Все это не могло не дойти до Петербурга, породив впоследствии изнурительную канцелярскую войну. Митрополиту Сильвестру Берг-коллегией был дан резкий выговор, чему последний был крайне возмущен. У Сильвестра это почему-то не укладывалось в голове. После этого Сибирская губернская канцелярия начала явно опасаться за свою поддержку Сильвес-

тра. Становилось все яснее, что Петербург не в восторге от бурной архипастырской деятельности Сильвестра, методы работы которого были повторены ОГПУ два века спустя в 30-х годах XX века. Когда, также ночью совершались налеты, арестовывались люди и исчезали порой навсегда.

Невероятная история войны Берг-коллегии и уральских старообрядцев с Хлебниковым — яркий показатель тех изменений, которые произошли со времен принятия начертанных Петром и Феофаном Прокоповичем законов относительно старообрядчества. Люди, подобные митрополиту Сильвестру, скоро станут для Екатерины II объектом жестоких разоблачений и насмешек. Через яростное человеконенавистничество таких Сильвестров господствующая церковь теряла свой авторитет в народе и тем популярнее становились старообрядческие обличения церковных слуг антихристовой власти.

Растущее народное сопротивление старообрядцев при покровительстве Демидовых, Воронцовых и Строгановых выработало общую линию противодействия попыткам искоренить старообрядчество на Урале и по всей Сибири. Только после смерти Акинфия и передачи части его заводов в казну, удалось арестовать таких видных представителей старообрядчества на Урале, как Родион Набатов, Григорий Сидоров, разгромить несколько скитских центров.

Растущий крестьянский протест через самосожжения против любых преследований старообрядцев, и те опустошительные последствия для населения края, вызываемые церковными репрессиями по широкому розыску старообрядцев военными командами, должны были сократиться. Теперь уже пытались просто заманить нужных старообрядцев в канцелярии под предлогом заводских работ или исправления ревизских книг. В отдаленные деревни еще посылались военные команды, но с инструкцией действовать крайне осторожно — «дабы себя не сожгли»

или не ушли «на камень» — Горный Алтай, что оставляло заводы без рабочих рук.

Розыск этот шел после обширного следствия над известными нам уже попами — С. Ключаревым и Г. Морокой по опасному доносу предателей М. Ильина, А. Серого, Г. Тавдинцева. Все это породило и несколько побочных опасных дел для алтайских старообрядцев, например, над знаменитым рудоискателем и приказчиком Родионом Набатовым. Он пользовался огромным авторитетом у старообрядцев Алтая. Одно из захваченных у него писем свидетельствовало, что под его началом было более трех тысяч старообрядцев Алтая. Родиону Набатову известно было многое, но он имел мужество умереть молча.

В ту пору на Алтае шла самая настоящая война по аресту старообрядческих иереев и освобождению арестованных. Разыскивались не только руководители старообрядчества, они касались любой семьи. Дознавались о справлении треб: венчаний, крестин, погребений, а так же о записи в раскол по второй ревизии. 18 мая 1750 г. вышел Указ Сената о расследовании записи в раскол, и Тобольская консистория приказала сопровождать расследование тщательными допросами о расколоучителях и их тайных убежищах. Следствие это быстро распространялось. По нему хватали не только записавшихся по второй ревизии, но и всех подозрительных. Арестованных в кандалах отправляли для обращения в никонианство. Кто упорствовал, тех посылали в Тобольск в инквизиционные застенки. Исходя из того, что на Урале и в Сибири двуперстие было повсеместно, даже и у тех, кто считал себя никонианским православным, легко представить, сколь обширна была сфера действия увещевателей. Все это не могло не вызвать самосожжений, и светские власти стали все более гасить полицейско-увещевательный пыл никонианских пастырей. Но, несмотря на огромный размах, успехи митрополитов имели незначительный успех. За 1751 год было обращено в никонианство всего 101 человек, на вре-

мя, пока они были в застенках. Выйдя на свободу, никто из них не собирался выполнять свое обещание. Потом отпавших обращали снова.

Никонианский священник Козьма Никифоров с гордостью сообщал консистории, что обратил в православие 35 человек, несмотря на бездействие светской власти, откровенно донося о чинимых крестьянами трудностях и неполадках во время обращения: «Чинены были непорядки и кричали, отбиваясь ружьем и ножами, точно и оныя обращены».

Вся эта плодотворная деятельность была прервана досадным инцидентом. В начале марта 1752 г. один из таких новообращенных - Никифор Гусев сразу после церковной службы залез на колокольню и, запершись там, ударил в набат. Сбежался народ, прибыл и воевода. Тогда Никифор «вылез наверх зубцов колокольни», заявляя, что кинется вниз, протестуя против увещеваний и троеперстия. «А я де перед всеми за то и крест двуперстный хочу умереть». По просьбе воеводы Гусеву стали кричать, чтоб он не губил свою душу. Никифор же, стоя на зубце колокольни, вступил в диспут о догматической допустимости самоубийства. Гусева удалось уговорить, и когда тот слез с колокольни, его тут же арестовали.

А вскоре в Исетскую канцелярию крестьяне подали челобитную за подписью 258 человек о разрешении им молиться двуперстно. Теперь пришлось ловить и этих. Тем временем самосожжения шли одно за другим. Конечно, откупались крестьяне от рассыльщиков и взяткой. Так, осенью 1750 г. в деревню Перевалово был послан консисторией Андрей Матурин с монастырскими служителями для ареста и отправки в Тюмень упорных двуперстников. Поймав Чикишова и его дочь Анну и поручив стрещи их десятнику, Матурин поехал в другие деревни ловить остальных. Когда же он вернулся, оказалось, что десятник отпустил арестованных. Сам Матурин обещал Анне не вести ее в Тюмень, если она даст ему взятку в 10 рублей.

Поэтому-то десятник и отпустил Чикишева с Анной, которая ходила по деревне, собирая нужную сумму денег. Но, не набрав ее, Анна решила убежать бесплатно. Оставшись без своего дохода, рассыльщик пришел в ярость и схватил соседа Чикишева — Ивана Барова, предварительно его ограбя, отъехав от деревни на три версты, он стал бить Ивана смертным боем, требуя, чтоб он сказал, где Анна. Но тут команда духовного правления была настигнута подоспевшими переваловскими крестьянами во главе с десятником Герасимом Черепановым. Крестьяне с палками и дубьем напали на команду с трех сторон «боем и дракою» отбили арестованных и все ограбленное.

Сильвестр докладывал в Синод в апреле 1750 г., что в его епархии было обращено не более двухсот человек. И это в результате огромной волны расследований с пытками, допросами, тысячеверстными этапами через пол-Сибири в Тобольск, стандартными резолюциями митрополита Сильвестра о ввержении в ров без погребения «мертвых телес упрямцев». В сумятице вымученных обращений не так уж много, поэтому он и настаивал на посылке новых военных команд и более широком применении пыток.

Поскольку воспитание детей в старообрядческой вере по законодательству 1722 года считалась преступлением, Сильвестр предлагал взыскать подушный оклад с каждого вновь записавшегося в раскол по второй ревизии, начиная с года утверждения этого указа. Таким образом, некоторым вновь записавшимся в раскол подушный оклад предстояло бы платить за добрых тридцать лет.

Интересно, что делал митрополит Сильвестр для церкви как пастырь? Вся его деятельность сводилась к истязанию до мученической смерти попавших в его руки старообрядцев и не редко выходивших от него через ввержение в ров упрямцев без погребения.

В январе 1751 г. Сильвестр в своем донесении в Синод требовал начать новый розыск над более чем 700 вступивших в брак старообрядцев, венчавших их попов и настав-

ников. «А беспоповщина простыми мужиками и по подпольям аки бы венчаны, и вольно им раскольникам в лесах и прочих местах, а не в церквах венчаться».

На это Сильвестру крестьяне представляли квитанции, выданные им конторой раскольничьих дел и поразившие Сильвестра. История этих квитанций относится еще к 1719 году, когда Петру пришла в голову мысль использовать незаконные старообрядческие браки для обогащения казны путем взимания штрафа за незаконные старообрядческие требы. И 24 марта 1719 г. нижегородскому вице-губернатору Ржевскому, посланному в помощь Питириму, был дан указ Петра о взимании штрафов со старообрядческих браков «по три рубля с человека…, а с богатых и больше». Старообрядцы откупались этими штрафами. Но в 1744 г. этот указ был отменен, а также были отменены и казенные недоимки. Но Сильвестр, несмотря на это, все же собрал 366 рублей с 61 свадьбы.

Не лучше обстояло дело и с крещением младенцев. Крестьянин предпочитал заплатить штраф за крещение новорожденного на дому старообрядческим священником,. Администрация заводов все чаще оказывала сопротивление хождению никонианских попов по новорожденным в дома, все реже присылают старообрядцев крестить новорожденных в церковь, дабы не раздражать последних.

А с какой же дотошностью шло это надзирательство? Нижнетагильский священник Д. Лапин докладывал 16 января 1753 г. о блистательном успехе: священник Лохин, посланный им в дом записного раскольника Дорофеева, не найдя в доме младенца, устроил там обыск и обнаружил-таки младенца, хитроумно запрятанного в «пещную трубу», а затем, несмотря на противодействие семьи, тут же омолитвил его.

В декабре 1752 г. этот же Д. Лапин заполучил Н. Бирюкова, доставленного в духовное правление за отказ крестить младенца, содержал его под арестом, приковав к

стене с апреля по декабрь. Никита Бирюков написал жалобу в заводскую контору, что Лапин его держал «безвинно и тем принуждал к обращению и в тех же чепях, отковав от стены, водил в церковь и с великим принуждением заставлял с собою молиться…, а пономарь де, векчи в шею толкал, из трапезы провожая в церковь, а десятник же Лапин (протоиерей) за волосы драл и заставлял ложкою из сосуда хлебать».

На жалобу Лапин отвечает заводской конторе в грозном тоне бессильной ярости, ссылаясь на духовный регламент, что старообрядцы — «лютые неприятели и государству, и государю непрестанно зло мыслящие».

Сам Сильвестор шел дальше и наряду с задачей преследования и ликвидации путем разгрома старообрядческих центров с арестом их руководителей, борьбой со старообрядческими требами выходил в Синод с предложением об изымании детей из старообрядческих семей и воспитания их в спецдомах.

Обратим внимание на то, что такие Сильвестры по тогдашней России были повсеместно. Как говорится, других в ту пору и не держали, поэтому не случайно невиданная волна возмущения прокатилась в ответ на насилие тобольского архиерейского дома по урало-сибирским весям, найдя наиболее трагическое выражение в массовых самосожжениях. И если не считать массовых самосожжений XVII века, то вспышка их в 1750–1753 годах на Урале и в Западной Сибири является наиболее значительной за всю историю старообрядчества этого края. Около половины их произошло за четыре года — в 1750–1753 гг. По имеющимся источникам известно, что из двадцати пяти случаев только дважды удалось предотвратить гарь, а 23 сгорели дотла. Все они были ответом на действие государственной церкви. В этих гарях принимали участие как записанные, так и не записанные старообрядцы.

Некоторые синодальные и заинтересованные историографы раскола объясняют старообрядческие гари

психопатологией извращенного религиозного фанатизма несведущих в богословии темных «суеверцев» и странной аномалией факт широкого участия в самосожжении крестьян не старообрядцев.

А уж если говорить о психопатологии, то не совсем понятно кто более ею страдал - старообрядцы или митрополит Сильвестр, да и не только он; а все его предшественники, одним лишь росчерком пера отправлявшие трупы замученных насмерть в ров без погребения.

Наука же считает, что в старообрядчестве XVII–XVIII веков отразился протест народных масс против невыносимых условий существования. Эти старообрядческие самосожжения вызывались суровыми преследованиями государства и господствующей церкви. От Алтая до Урала всюду прослеживался лозунг отстаивания старообрядцами их религиозных свобод.

Самосожжения 1750 г. являлись прямым ответом на принудительное обращение старообрядцев в никонианство. Начались они после того, как в разгар летних сельхозработ челябинским протоиереем Петром Флоровским были предприняты энергичные увещевания, длившиеся целый месяц, после чего сразу же 12 человек, вновь обращенных в православие, 25 июня сгорели на мельнице в четырех верстах от Челябинской крепости. Митрополит Сильвестр докладывая в Синод об этом самосожжении, умолчал, что оно было вызвано обращением в православие.

В тот же месяц Флоровским было обнаружено еще одно готовящееся самосожжение. Овладев молодецким налетом пещерой, где оно готовилось, Флоровский всех арестовал. Началось жесткое следствие.

Тогда же в июне происходило массовое увещевание крестьян Тюменского уезда. В деревне Зайкове было передано зажиточному крестьянину Ивану Васильеву, что его требуют в воеводскую канцелярию. Сам Иван Васильев в ту пору работал в поле и не помышлял о смерти. Вернувшись домой и узнав о вызове, сказал своим сыновьям:

«Видит де, что приходит житию конец — и куда деваться?» Вся семья быстро собралась в пашенную избушку, где утром следующего дня сгорели все 14 человек. Лишь двое малолетних детей отказались гореть и убежали в лес. Уцелело все хозяйство этой семьи. Жили они довольно зажиточно — 9 лошадей, 22 коровы. Малолетний сын Иван обратился с просьбой отдать ему имущество семьи, соглашаясь платить двойной оклад за всех сгоревших 14 человек.

22 марта в деревне Гусевой близ Тюмени сразу две гари. В первой сгорело четыре человека — семья вдовы Прасковьи Неустроевой с сыном и двумя дочерьми. Вторая в ту же ночь — 38 человек, причем 7 из них не опознаны.

На рассвете 22 марта 1751 г. загорелся двор на отшибе жителя деревни Гилевой Андрея Шеманова. Шестерых удалось спасти, 25 сгорели. Оставшихся же шестерых пытали жестоко, и они сообщили немало подробностей: как исповедовались, молились, прощались и горели. Читать эти подробности тяжело. Но о причинах гари ничего не докладывалось. Инициатор же этой гари, житель того же села Данила Семенов, сын Санников, проведший полную скитаний жизнь беглеца. Сам Шамаев сказал спасателям: «Чтоб оне обыватели, отошли и их не замали, понеже де оне собралися гореть».

12 апреля 1751 г. в деревне Березова близ Тюмени сгорело 33 человек. В соседней деревне Дворцовой, по доносу игумена Александра митрополиту Сильвестру, собралось много старообрядцев для самосожжения. Игумен отправил для увещевания их священника Афанасия Райкова. Неизвестно, чем кончилось это дело, но Сильвестр наказал игумена Александра штрафом в шесть рублей и публичной епитимией в 300 земных поклонов за то, что тот не сам пошел увещевать, а послал отца Афанасия. Вскоре Александру и Афанасию все чаще придется сталкиваться с твердым желанием крестьян уйти от их опеки хотя бы и страшным путем самосожжений.

Самосожжения непосредственно связаны с возобновлением увещевательной деятельности митрополита Сильвестра, по которой таскали в Челябинск людей, и известный нам уже Флоровский докладывал, что ему много удалось принудить к обращению. Но после этого сразу начались самосожжения. И снова в них вместе со старообрядцами горели и православные. Окуневская канцелярия сообщала, что не только старообрядцы объявили об увещеваниях, крестьяне деревни Журавлевой Иван Белых и Варвара Япанчинцева с малолетними детьми сгорели в доме на пашне. Одновременно другие крестьяне 29 человек разбежались из своих домов неведомо куда.

В эти же дни, после увещевания П. Флоровского домой не вернулись 64 новообращенных в православие и приведенных к присяге жителей Окуневского и Шадринского дистриктов. Собравшись в старой пашенной избе, они сгорели. Это был не двусмысленный ответ на методы насильственного обращения, широко применявшиеся митрополитом П. Флоровским.

Исетская провинциальная канцелярия справедливо рассудила, что благодаря миссионерскому рвению никонианских церковников можно остаться без значительной части населения: «Ежели не дать раскольникам отваги, то чаятельно, все они сгорят без остатку, а правоверным крестьянам, оставшимися в тех местах, где жили раскольники, будет великая тягость, ибо положенные на раскольников подушныя деньги и оброчный провиант придется платить им, а они от этого могут придти в крайнюю несостоятельность».

Особенно поразило канцелярию происшедшее в то же время самоубийство сборщика податей крестьянина Челпакова. Он приехал в Челябинск для сдачи податей как раз в то время, когда там производил свои увещевательные операции протоиерей Флоровский. Опасаясь попасть к нему в руки, Челпаков «по своему пагубному суеверию сам себя зарезал до смерти».

Нужны были какие-то успокоительные меры, и Исетская провинциальная канцелярия рискнула: несмотря на указ Сената, пресечь деятельность митрополита Сильвестра, прекратить дальнейшие расследования и увещевания. Было приказано старообрядцев из домов для увещеваний не высылать, «и никакого им озлобления и страху не чинить», объяснив им, чтобы они, не опасаясь ничего, жили в своих домах и подати платили.

Наконец-то было принято такое решение и как раз во время. В деревне Клиновка Исетской волости готовилось крупное самосожжение числом более ста человек, протестуя против попыток Петра Флоровского загнать в великом посте 1751 г. как можно больше записных старообрядцев в церковь. В неделю Св. Пасхи многие жители дер. Калиновки сошлись в избу крестьянина Никифора Непина. Там они сидели более месяца «и ко оному сгорению приготовлены были дрова, смола и порох; обкладен как внутрь, так и из внешней стороны соломою, берестами».

В это-то время и пришли первые известия к обреченным, что Исетская провинциальная канцелярия издала какой-то «милостивый» указ, отменяющий распоряжение Флоровского. Для слушания указа в Буткинскую слободу ходили несколько человек и, вернувшись, сказали, что получили они указ Исетской провинции о неотвращении двуперстного креста и прочего к их раскольничей просьбе. После чего все крестьяне вышли вон и разошлись по домам своим.

28 июня в пашенной избе сожглись крестьяне деревни Обаниной Аника Журавников с четырьмя малолетними детьми.

Во второй половине 1751 г. Исетская провинциальная канцелярия все же выполняет некоторые требования никонианского духовенства и присылает крестьян для увещевания, однако с запретом на то, чтобы их там долго не держали и отпускали домой как обратившихся,

так и упорных. По этому поводу исетские священники в августе жаловались митрополиту Сильвестру, который резко протестовал против такого «послабления» и требовал выполнения указа Сената и Синода о строгом преследовании упорных старообрядцев.

В Оренбургскую губернскую канцелярию попы А. Райков и К. Лыков сообщали о том, что из большой партии жителей Исетского острога, отправленных для увещевания в Челябинскую крепость, обратились в православие 29 человек, 23 категорически отказались, но были отпущены из-под караула в свои дома. Вскоре все увещевавшиеся собрались вновь, уже по своей воле, вместе с 23 упорными были и 29 обратившихся, а так же еще 9 православных христиан с ними. Все сгорели.

Это подтолкнуло проведение в жизнь более решительно «милостивого» для старообрядцев указа Исетской канцелярии, напуганной невиданной волной самосожжения. Но они продолжались: в селе Карамацком сгорело 25 человек.

В Окуневском остроге еще случилось два самосожжения 1752 г. с неизвестным числом жертв. Спровоцированы они были дьячком села Петлянского Саввой Ивановым и пономарем Андреем Гавриловым, которые сказали жене недавно обратившегося из раскола крестьянина деревни Короли Окуневского острога Степана Кудрявцева, что ее за раскол заберут в острог. Напуганная женщина выдолбила в озере большую прорубь, в которой и потонула вместе со своими семерыми детьми.

Летом 1752 г. житель деревни Пуртовой Боляровской сотни, Краснослободского острога Иван Остров, обратившийся перед этим в раскол, (там были массовые записи по второй ревизии), сгорел вместе со своими домочадцами — всего 14 человек.

Наконец бесконечные гари вызвали реакцию со стороны правительственных сфер. 13 августа 1752 г. в связи с самосожжением Ивана Острова, раскольничья контора

Сената издала грозный указ. Но в нем нет даже понимания причин и следствий. Исетская канцелярия не смогла бы найти в этом указе ни малейшей опоры для своей разумной позиции. В указе все сводилось к старым требованиям слежки, посылки военных команд и сыску.

Подобный указ не мог нормализовать положение, и зло продолжалось. Читая все эти данные, скрупулезно разложенные по полочкам у академика Н. Н. Покровского, приходится только удивляться синодальным историографам, которые постоянно ссылаются на какую-то психопатологию и темноту старообрядцев, не желая видеть главной причины всех бед, выраженной в жестоком и безнаказанном насилии над свободной личностью человека. Они, как заинтересованные люди, не хотели замечать это насилие.

Слово «старообрядец» или «старовер» — характеризует человека с непреклонной и свободной волей твердой веры не желающего идти и не ходившего на сделки со своею совестью. Твердо стоящего в своих четко познанных христианских истинах, всегда готового за них умереть, но не изменить им.

Остается только загадкой, почему же не замечают синодальные историографы этой-то психопатологии у Тобольского митрополита Сильвестра и других пастырей никонианской церкви. Сколько душ они погубили?! Допустим на минутку, что митрополиты Антоний, Сильвестр и прочие (а мы о них еще поговорим) — плохие люди. Но тогда встает вопрос, а куда глядел «Священный» Синод. О чем там думали «святые владыки»? Ведя войну с законной верой, принимая решения о сысках, посылки военных команд, ввергая людей в бездну пыток и томления, отправляя тела Святых Мучеников в бурьян оврагов без погребения? Только бесы способны на такое дело! Всю Россию в крови утопить. Не мудрено, что эти архиереи не могли остановиться от крови, а требовали новых истязаний неповинных людей! Нисколько

не смущали их черную совесть костры, зловеще пылающие по всей России, несущие уничтожение лучших людей Отечества.

Но продолжим наш черный список. Весной 1753 г. 50 старообрядцев собрались в дом к Федору Снегиреву, имея намерение сгореть от того, что «зазывают их в Суерской острог к протопопу Калиновскому и многих уже увезли для приводу к троепрестному сложению, ежели их от того троепрестного сложения не освободят, то все конечно, хотят сгореть»

Действия крестьян-старообрядцев получили одобрение. В Снегирево приехал сам управитель губернской канцелярии князь Василий Полымский. Проведенное расследование подтвердило справедливость крестьянских жалоб на протоиерея Клиновского, Крестьяне заявили: «оное намерение они имеют от принуждения к троепрестному сложению и от обстрижения у раскольника Елкина бороды протопопом Калиновским, который арестовал старообрядцев и держал их под караулом.

В объяснениях князю Калиновский протоиерей впервые сознался, что арестовывать старообрядцев для увещевания покинуть раскол он не имел права.

В связи с этим прецедентом Сибирская губернская канцелярия направила Сильвестру резкую промеморию указав, что ни в одном из указов 1722 года не говорится о применении силы для обращения старообрядцев в православие. Указывалось и на слишком высокую цену за подобные миссионерские реляции митрополита. Фанатичный тобольский владыка был лишен помощи военного отряда и устранен с его поста. Но прежде чем расстаться с митрополитом Сильвестром, необходимо рассказать еще одну, пожалуй, самую страшную историю.

Гарь случилась 23 июля 1753 в тюменской земле в полуверсте от деревни Лучинкиной Кармацкого стана. Крестьяне бежали в отдельно стоящий в березняке двор с 22 июня целыми семьями, «с домашними своими пожит-

ками, с женами и детьми». Не сделав никаких заявлений о причинах самосожжения, считая, видимо, что и так все ясно, чем оно вызвано, все сгорели. Потом следствие установит, что людей разных сословий было там 201 человек, не считая множества детей.

Екатерина II и раскол

Законодательство Петра I от 1722 года относительно старообрядчества осталось в силе вплоть до Петра III. Давно уже не было этого деспота, но злое дело Петра все продолжалось и принесло России, которую тот так любил, столько горя, что трудно выразить словами. Один только двойной оклад чего стоит. Не искупить всеми этими, позорно собранными деньгами тех страданий гонимых всюду старообрядцев.

В Сибири на удивление были подобраны все митрополиты, и это, очевидно, не случайно. Кому-то надо было покончить со старообрядчеством в этом крае. Среди них Павел Коньюскевич, один из самых ярких и стойких представителей варианта украинского православия в Сибири, был удален с кафедры митрополита как гонитель, изувер и фанат, породивший очередные гари. Он завершал эту плеяду украинских митрополитов (Антоний Стаховский, Арсений Мацеевич, Сильвестр Головацкий) с которой его роднит немало общего. Павел считал себя пастырем строгим, но справедливым и из всей плеяды украинских митрополитов выделялся ярым фанатизмом и жестокостью.

Создав военную команду и начав обычные преследования старообрядцев, не взирая ни на какие указы, митрополит Павел создал предпосылку к очередной гари-протесту крестьян-старообрядцев. 14 февраля 1761 г. сгорело 150 человек. Перед самосожжением крестьяне передали властям, «что предают себя сгоранию от присылаемых команд грабительства и разорения для того, что де многие между раскольниками безвинные взяты в Тобольск, и в заключении претерпевают голод и мучение, и никому де нет

свободы», и что если репрессии будут продолжаться, то самосожжения станут повсеместными. Павел не стал придавать большого значения случившемуся, только оштрафовал протоиерея Софония на пять рублей.

Тогда же Сибирское церковное руководство, несмотря ни на что, принимает окончательное решение о закреплении вооруженного отряда за консисторией для борьбы с расколом. Этот отряд впоследствии запишет много ярких страниц в историю раскола и будет отменен даже указом Сената как пример яркого крайнего фанатизма сибирских иерархов. А пока с его помощью следственная комиссия продолжала разбирать дела «незаконных» старообрядческих треб, расследования которых легко могло перейти во всеобщий розыск. Возможность существования старообрядческих общин наряду с господствующей церковью крылись лишь в испытанном механизме подкупа коррумпированного никонианского духовенства. Любое жесткое расследование могло поставить под удар почти каждую старообрядческую семью.

6 марта 1761 г. митрополит Павел подписал указ о своей следственной комиссии «о потаенных свенчавшихся и рождающихся у них детей». Созданный митрополитом Павлом орган с вооруженной силой и следственным дознанием, был подвластен только самому митрополиту. Комиссия могла «сама собою… сыскивать в скором времени без упущения и разглашения», неизбежных при сношениях старообрядцев с местными властями.

Было арестовано 10 старообрядцев и доставлено в распоряжение комиссии, где их подвергли жестоким пыткам. Для получения сведений о тайных требах старообрядцах.

5-го апреля 1761 г. отец Симеон Алексеев, который стал во главе этой комиссии, получил от Павла указания, в которых митрополит тех колодников, которые после увещевания с пристрастием упорствуют к обраще-

нию в православие, присылать для дальнейшей обработки в Тобольск.

Алексеев же, подлая его душа, не только завел двух доносчиков, но и сам любил, переодевшись, часами ходить по базару, гостиным рядам, прислушиваться к разговорам, выискивать свои жертвы, а под рукой где-то рядом стояли солдаты и по первому его сигналу хватали и тащили, заковывая в цепи невинных людей.

Комиссия действовала с крайней жестокостью. Крестьянку Анну Комягину содержали в кандалах с апреля по ноябрь 1761 года и за это время пытали шесть раз. Ее сына, старообрядца Ивана, едва не уморили голодом. Во время ареста старообрядцев и членов их семей жестоко избивали. Допросы и пытки велись непрерывно.

Комиссия устраивала рейды по поимке и аресту старообрядческих священников. Походы эти совершали солдаты с примкнутыми штыками, сопровождались конфискацией крестьянских подвод, лошадей и грабежом имущества. Ища по доносу попа Ивана, скрывшегося в доме Павла Шапошникова, арестовав всю семью Павла, жестоко били не только взрослых, но и детей. В доме посторонних не нашли, но все, что было, забрали и увезли неизвестно куда. Вывезено было имущества и скота на сумму 61 рубль.

Крестьяне, спасаясь от насилия, чинимого этими палачами, послали своего ходока в Петербург, к графу Воронцову. Сами же, собравшись до двухсот человек, с дубьем напали на отряд в деревне и всех их избили. Досталось и председателю комиссии иеромонаху Евфимию, и самому попу Симеону Алексееву, который «взяв сибирского гарнизона кафтан с камзолом и шпагою у Ивана Иванова, надел на себя. Волосы у себя завязав пучком и пукли подбив» — отправился в поход. Просто не батюшка, а горький смех.

Крестьянская жалоба в Сенат и Синод была подкреплена и докладной графа Р. И. Воронцова, в которой он отмечал, что в результате действия митрополичьего

отряда, крестьяне в количестве 600 человек разбежались по окрестным лесам, а 300 человек убежали в Польшу.

Но старообрядческих священников митрополиту было мало, и он начинает обширное следствие о «кракерах», так называемых последователях «христовщины» (хлыстовщины). Заручившись поддержкой Сената, митрополит под этой маркой хватал всех подряд. И все это не могло не привести к новым гарям. Тогда Сибирская губернская канцелярия потребовала, чтобы военные команды митрополита «страхов, обид и разорений, а паче взяток не чинили». Павел живо отреагировал на это, дав команду учинить набег на Исетскую канцелярию своей армии под предводительством Полтырева и Набатова.

В результате опустошительной деятельности военных команд митрополита Павла Синод издает специальный указ, в котором указывается «на весьма неприличные поступки Тобольской духовной консистории против ознаменных исетских жителей», вызвавшие великое смятение народа и самосожжения. «Чему главной причиной ни кто иной, как токмо единственно Тобольская консистория. Указ Сената отмечал так же, что исетская провинция — «Отдельное и пограничное место», где «потребно тамошних жителей во всяком покое и тишине содержать», Сенат потребовал от Синода строгого наказания виновных. Но в то же время указ Сената признавал необходимость продолжать аресты руководителей, но делать это «как наивозможно скрытым образом, без всякого в тех местах народного беспокойства и помешательства». Но, как известно, шило в мешке не утаишь.

Еще более категоричный указ Сената поступил на жалобу графа Романа Илларионовича Воронцова. Осуждая деятельность комиссии самым решительным образом, Сенат ее характеризует так: «оная забирает, через посланные от себя команды, приписных к Верх-Исетскому заводу крестьян (ныне г. Екатеринбург), и въезжая в их деревни, грабит домы и все имущество, бьет и мучит не милосерд-

но, сажая в цепях под караул». Сенат приказывает главному управлению заводов: «Оных жителей от таких им чинимых разорений защищать и посланных от реченной раскольничей комиссии команд в их жительствы, въезжать не допускать»… «Для забирания тех жителей не только команд не давать, но и не малейшего в том духовным командам спомоществования не чинить, под опасением недопустимого штрафа».

Но митрополит Павел продолжает проявлять свое упрямство и далее. Несмотря на решительность крестьянского сопротивления, руководства заводоуправления и политики «просвещенного абсолютизма», в конце правления Елизаветы, которая в последний год своего царствования, утомившись наконец от балов и фейерверков, сопровождавших своим блеском все бесславное ее правление, кажется, начинает все же видеть бедственнейшее положение старообрядчества России.

Политика митрополитов Сильвестра и Павла становилась не только все более бессмысленной, но и все менее соответствующей политическому курсу правительства. Именной указ Петра III от 29 января 1762 и последовавший за ним указ Сената от 1 февраля 1762 г. возвестил о веротерпимости к старообрядцам и прекращения всех следствий о них. При нем сумели предотвратить одну готовящуюся гарь, но несколько человек все же сгорело.

Упрямство отмечают в характере митрополита Павла аббат Шапп и Екатерина II, которая сравнивала его властолюбие с властолюбием Арсения Мацеевича. Епархией Павел управлял с жестокостью и самостоятельностью лишь усиливавшейся по мере того, как для подобной политики наступали все более неподходящие времена. Екатерина II назвала его, оторванного от реальной политики человека, «гордым мечтателем». Деятельность Павла позволила Екатерине II именовать его как гонителя, изувера и фаната», что стало причиной самых острых конфликтов не только с населением, но и со светскими властями.

Наконец митрополит 5-го июля 1762 г. делает отчаянную попытку спасти все же свое любимое детище — военную команду при помощи Синода, которому он впервые признается в существовании своей инквизиционной военизированной комиссии.

Менее подходящего времени для просьбы в Синод о сохранении своей комиссии трудно было придумать. Синод, конечно, не собирается воевать с Сенатом из-за своевольного безумия митрополита Павла и комиссии пришлось прекратить свою злую деятельность. Семена Алексеева вызвали в Канцелярию главного заводоуправления и зачитали ему указ Сената от 10 августа 1762 г. Это был конец.

О Семене Алексееве необходимо сказать несколько слов: он при помощи подлога стал духовным заказчиком. Украв спьяну чугунную пушку, приволок ее на гору и оттуда обстреливал свой духовный заказ; ночью устраивал стрельбу из ружья у дворов скупых, по его мнению, прихожан. Он объявил, что имеет право, как лицо духовное, бесплатно пользоваться кабаками, и пытался подтвердить эту смелую теорию соответствующей практикой; взял в разное время 125 руб. взяток с венчавшихся; содержал четырех любовниц, одну из которых умыкнул прямо с девичника. Консистория, памятуя о его заслугах в борьбе с расколом, ухитрялась каждый раз выручать его, и лишь когда он был неопровержимо уличен в обдуманном убийстве своего соперника, невьянского жителя Г. Швецова, Симеон был расстрижен и приговорен к повешению, но сумел этого избежать…

Митрополит Павел иногда указывал на крайние преступления своих служителей. В этом нет ничего удивительного — церковная иерархия начала гнить со времен самого Никона.

Но жизнь все же шла вперед. В 1760-е годы все явственнее проступает спайка богатой верхушки старообрядчества с интересами горнозаводской промышленности

и торговли. Поэтому-то митрополит Павел и направляет свой очередной удар на богатый торговый Шарташ — как основную силу уральско-сибирского старообрядчества. Но стойкое сопротивление Шарташа путем не только самосожжений, но и удачных ходатайств перед высшей властью привели к краху все стремления никонианской церковной иерархии. Завидная четкость в определении духовного регламента, написанного Феофаном Прокоповичем («лютые неприятели, непрестанно государству и государю зло мыслящие») все чаще и чаще признается светской властью не только неправильной, но и вредной. Да и вообще светская власть не выступала за льющуюся кровь и дым инквизиционных костров. Такое богословие и полемика не приносили никому пользы. Единственно кто ее поддерживал, так это иерархия господствующей церкви в лице ее митрополитов и попов, порой крайне жестоких, подобранных, словно специально вплоть до самого Синода. Споры о сугубой и трегубой аллилуйи через пытки никого, конечно, не устраивали и не оправдывали.

Парадокс еще заключался в том, что те самые церковные деятели украинского направления, столь искренне ненавидящие петровскую бюрократизацию, огосударствливания церкви по духовному регламенту Прокоповича, как только дело касалось подавления старообрядчества, дружно испускают громкие вопли по поводу того, что ясные указания регламента все больше забываются. Пока дело не дойдет до окрика Сената, рептильный Синод говорит здесь почти тем языком, что и стойкий воитель церкви митрополит Павел.

Ретроградская смелость и упрямство митрополита Павла способствовали созданию карательного органа, обладающего вооруженной силой, экзекуционная деятельность которого далеко выходила за рамки законов Российской империи. Яростная склочность и коррумпированность сибирского духовенства, его стойкая традиционная ненависть к старообрядчеству, постоянное

издевательство и вымогательство с беззащитных, довели жесткие инструкции Павла до крайних пределов беззакония и разнузданности.

Валентина Кирилловна, а не берет ли Вас ужас от этих повествований о гонениях старообрядцев в Сибири? Нужно еще к этому добавить, что это было по всей Руси. К примеру, на Урале самосожглось 10 % населения. *(Старообрядец. Н. Новгород. 2017. № 65. С. 9)*. Да вот пока не нашелся другой академик, который бы написал труд подобно академику Н. Н. Покровскому о положении дел в русской Европе.

Законодательство Петра I касательно старообрядцев не отвечало запросам жизни. Важной побудительной причиной пересмотра Российских законов в отношении старообрядчества является не только семилетняя война и самосожжения, прискорбно уменьшавшие число податного населения империи, но и проблема возвращения старообрядцев из-за рубежа. Стало ясно, что насилием нельзя было решить эти вопросы, гонение не приносило плода.

Поэтому указом Петра III в это время издается новое законодательство 29 января 1762 г. о возвращении в Россию старообрядцев, живущих за пределами Русской империи, о разрешении им старопечатных книг и содержании закона. О всемилостивейшем позволении им к переселению в Сибирь, Барабанскую степь и другие тому подобные места и о содержании их возбранению не чинить, ибо внутри Всероссийского государства его императорского величества империи и неверные, яко магометане и идолопоклонники, состоят, а те раскольники христиане, точно во едином суеверии и упрямстве состоят, что отвращать должно не принуждением или огорчением их, от которого они бегут за границу. Указ справедливо замечал, что вопросом возвращения бежавших в Польшу и проблемами положения старообрядцев в России немало занимались в конце правления Елизаветы, распорядившейся: «…Живите в России, где хотите. Вернуться, не мешкая, иначе тех ждет жестокое наказание, как изменников». Однов-

ременно давалось категорическое указание пересмотреть все законы и документы относительно старообрядчества, создав новый их кодекс. Выполнить его Российское самодержавие сможет только в 1905 году.

В связи с этим законно Сенат приказывал немедленно прекратить все следствия по делу старообрядцев «и содержащихся под караулом тотчас в домы отпустить и вновь никого не забирать».

Тогда-то и назвали старообрядцы царя Петра III избавителем. Родился, наконец, такой человек, который правильно смотрел на старообрядцев.

Вскоре Сенат удовлетворил просьбу нижегородских скитов о защите их от Владимирской консистории, которой в ту пору управляет нам с вами известный, митрополит Сильвестр.

Но не суждено было остаться у власти на более длительный срок Петру III. Процарствовав всего лишь год, Петр III вследствие дворцового переворота был убит. Российским государством правит Екатерина II.

Стремление нового правительства Екатерины II вернуть из-за рубежа бежавших туда старообрядцев, сопротивление населения во всех его вариантах и бесплодность гонений, а также семилетняя крестьянская война — все это вместе взятое послужило изменению политики и стремлению обеих сторон к решению вопроса компромиссным путем.

Правительство Екатерины II по традиции предпочитало не подчеркивать отмену тех или иных законов Петра I относительно старообрядчества. Они по-прежнему остались в силе, но на деле развивалось новое отношение к старообрядцам.

Общему указу от 16 октября 1762 г. предшествовало частное решение Сената в связи с прошением раскольников вышедших из Польши и поселившихся при крепости Св. Елизаветы. Уже здесь местным властям предписывается защищать их от всякого утеснения, не настаивать на

ношении специального платья и бритье бород. Однако с записью в двойной подушный оклад. Никак не могла Россия отойти от этого позорного порядка. Более века жесточайших гонений создали инерцию прочной неприязни к старообрядцам, как к врагам церкви и поэтому в Российском государстве презираемых и попираемых, как врагов отечества. Избавиться от этого предвзятого воззрения на них Россия сможет едва ли не в XXI веке.

А пока правительством Екатерины отводятся старообрядцам неудобные для пользования (например, голодные степи) или же удаленные и малонаселенные районы по всей стране вплоть до монгольской границы. И всюду, где бы ни селились, старообрядцы, оживали эти места. И некоторые из этих районов вскоре сыграют роль крупнейших старообрядческих центров: близь Усть-Каменогорской крепости, по реке Ульбе, Убе, Березовой, Голубой в Оренбургской губернии, на Иргизе. Или голодные степи в Одесской области близ Молдавии, где мне в 1970-х годах удалось побывать.

В село Плоское (10 тысяч жителей) Екатерина II переселила старообрядцев с Ветки на постоянное жительство. Они построили себе дома и когда вырыли погреба, там у всех оказалась вода! И голодная степь превратилась в цветущий край.

В селе Плоске 27 сентября престольный праздник на Воздвижение Креста Господня. Служба ночная. Приехали к храму мы в 12 часов ночи. Единственная лампочка на паперти храма тускло освещала край церковного двора и ряды столов, уходящих в ночной мрак. Зачем их столько?

Но тут ударили в било. Сходился народ, началась служба. Служил один престарелый батюшка, как помнится, отец Евстафий, с головой белой, как волна. Это было так трогательно, и помощник у него один только пономарь. Ни дьякона, ни стихарного нет — власти не дают

поставить. Но полный храм народа, поют клироса и этот престарелый белоснежный батюшка на костылях — оставляли впечатление чего-то чудодейственного, неземного. Меня это так завораживало, что навсегда осталось в моей памяти. Никогда не забуду.

Профессиональная болезнь священнослужителей – язвы на ногах от постоянного долгого стояния на службах. У отца Евстафия язвы были до костей.

И тут мне товарищ говорит: «Иди, выйди во двор: ты такого еще не видел!». Пробравшись сквозь молящихся, я вышел на паперть. На церковном дворе пожаром пылали костры и на каждом огромные котлы. (Такие у нас были в армейском полку на кухне.) Вот это масштабы! А зачем? Оказывается, это готовят традиционный обед по случаю престольного праздника. А утром, после литургии и крестного хода, все село — 10 тысяч — обедают на церковном дворе. Зрелища такого размаха я и представить себе не мог! Вдоль множества столов ходят люди с большими кувшинами, наливая желающим прекрасное виноградное вино в стаканы. Надо бы еще раз там побывать на Воздвиженье!

Особый это народ — старообрядцы с Ветки. Они обладают своим каким-то особым характером, объединены одной правой и истиной Христовой верой, позволяющей перенести страдания и лишения, обильно выпавшие на их долю. Перенести невозможное и, несмотря на это, сохранить на протяжении 350 лет свой народный характер и обычаи. И этот обед в престольный праздник, как сохранение своих вековых традиций, как одна семья в 10 тысяч человек. Явление совершенно исключительное и вряд ли возможное у других. И как жаль, что эта служба отца Евстафия была его лебединой песней.

Интересно отметить: в Водосвятном молебне три тарелочки со святой водой обычно приносят певцам и народу. В тарелочках та вода, которая стекла с креста после погружения его в купель. И вот в Плоском люди благого-

вейно опускают в воду двуперстие, а затем помазуют водой, прежде всего, свой лоб, а потом другие части тела — у кого что болит — ради исцеления. У нас же в Нижнем граде к тарелочке со святой водой бросаются со страшным энтузиазмом, опуская в воду ладони, плещутся словно утки и мажут все, что хочешь: глаза, уши, лезут за шиворот, подмышку… Но вот о просветлении своего разума никто почему-то и не помышляет. А нужно, прежде всего, лоб мазать.

Но вернемся к политике Екатерины II. Видя всю нелепость гонения на старообрядцев, понимала она, что вина лежит на иерархах, осуществляющих беззаконные гонения населения. В 1763 г. 15 сентября в Санкт-Петербурге проводится совместная конференция Сената и Синода для защиты старообрядцев, на которой во вступительной речи Екатерина подвергла иерархов Синода беспощадной критике и насмешкам. Начав с отцов Большого Московского собора 1666–1667 гг., сказала им: «Не трогаю ваших запретов, ни проклятий — пусть они последуют за вами и туда, где раздают их по достоинству». «Архипастыри! Куда Вы завели и до чего довели, куда ведете вы свою отечественную церковь, русский народ и нас? До Никона наша церковь была носительница благодати и истины. Народоучительница, государству собирательница, созидательница и объединительница. Престолу крепость и слава. А вы что с нею сделали? Не хочу быть в вашей церкви!». Опровергая и стыдя иерархов, императрица предложила исправить погрешности Собора. Иерархи сделать это отказались. Тогда императрица сказала им: «Но не могут быть святыми разбойничьи Соборы. С тех пор на Руси было так: с одной стороны безумство соборных запретов и проклятий 1666–1667 гг., а с другой стороны — справедливость, грамотность и энергия протеста старообрядцев». Три часа шел спор императрицы с духовенством, в котором она доказывала, что возводимые

на старообрядчество ложь, клевета, внушаемая злобою архипастырей. Ей удалось смягчить отношение к старообрядцам, но акт этой конференции от 15.09.1763 г. Синодом был замят и не обнародован.

Екатерина II, занимаясь вопросами старообрядчества, не преминула поинтересоваться судьбами тех 1050 захваченных когда-то на Ветке старообрядцев, в большинстве своем монахов, которые в 1735 г. разосланы были по монастырям под арест до их обращения в никонианство. Частичные сведения, собранные Синодом по настоятельному требованию императрицы, вскрыли во многих епархиях, и особенно в Сибири, картину ужасающих беззаконий, пожизненного заключения в монастырях упорных старообрядцев. Синоду пришлось специальным указом от 17 декабря 1764 г. потребовать немедленного освобождения из монастырских темниц всех там страждущих старообрядцев, однако с последующей записью их в двойной подушный оклад. Никак не могло правительство от этого петровского наследия избавиться.

Важной мерой в освобождении старообрядчества из-за административно-юридического давления явилось, наконец, упразднение 15 декабря 1763 г. Раскольничей конторы Сената и отмена законов, запрещающих применять в судах от старообрядцев свидетельские и исковые заявления.

Так же было принято Синодом общее определение запрещающее священникам входить в дома старообрядцев без приглашения. Теперь Синод даже защищал старообрядцев в их открытых службах и совершении треб по крещению детей и венчанию браков.

Новый подход к старообрядчеству рождался с большим трудом в сознании церковной иерархии никонианской церкви и поворота к старообрядцам лицом ждать было напрасно. Но всё же политика правительства заставляла церковную иерархию терпеть старообрядческую церковь. Однако предложения правительства Петра Ш

не были приняты в своей полноте правительством Екатерины, и это послужило неустойчивости новой политики. Судебные процессы над старообрядцами не исчезли, хотя и резко сократились. Отмена двойного оклада была отсрочена еще на 15 лет, а пока было принято решение о значительном увеличении двойного подушного оклада с купцов — старообрядцев.

Новый закон, конечно же, был, как говориться «свет в окошке», но он был пока на бумаге и очень медленно входил в жизнь Российского государства. Нужно отметить, что это было по существу своему первое законодательство после петровского правления и его законов 1722 г., основанных на Духовном регламенте Прокоповича, что старообрядцы — враги государства и государю. Но все же новое законодательство было рождено. Как оно входило в жизнь, и какую преследовало цель, посмотрим дальше.

Целью веротерпимости было как можно скорее разделаться со старообрядчеством. Малейшее движение старообрядцев против господствующей никонианской церкви являлось государственным преступлением и уголовно наказывалось. Преступлением же считалась и просто твердость старообрядцев в отношении к господствующему духовенству. Человека, не записавшегося в двойной оклад, закон именовал «тайным раскольником» и по повелению Екатерины: «с потаенными же раскольниками поступать по всей строгости закона». По ее манифесту всякое проявление старообрядцами церковной самостоятельности и самобытности есть преступление. Погоня за старообрядческими деятелями, установленная законом (старые законы еще от петровских времен манифест не отменял), продолжалась. По-прежнему полицейское преследование шло по всей стране. Вот в том же Ялуторовском округе по доносу одного игумена пойманы и заключены под стражу в 1783 г. «два лжеучителя» — крестьянин Сергей Сафонов и Елизар Печерский. Проповедуя старообрядчество, они записали 1800 душ, готовых вступить в раскол. О чем

генерал Кошкин написал даже в Сенат. На начетчиков правительство смотрело, как на людей сеющих раздор и смуты и причисляло их к государственным преступникам, достойным казни через повешение или, по крайней мере, вечной каторги. В России все еще идет увещевание, и если человек проявлял твердость и увещеваниям не поддавался, то за увещеваниями следовал суд и каторга. Сыск и суд над старообрядцами не прекращался, несмотря на веротерпимость Екатерины II. Старообрядческие книги отбирались и сжигались грудами.

Основная мысль екатерининского правительства может быть сформулирована следующим образом: «Употребление двоеперстия вполне допустимо, но только исключительно в пределах церкви при безусловном подчинении во все остальном». («Манифест от 3-го марта 1764 г.»)

Самоуправляющееся же старообрядчество законом не защищалось, но игнорировалось. Преданного старой вере человека считали подозрительным и относили к потаенным раскольникам. И все же судебных дел при Екатерине II было относительно немного.

В ту пору у старообрядцев не было еще своих духовных центров, таких как Рогожское, Преображенское, Иргизских монастырей и других. Таковые еще только тогда зарождались. Внутренняя напряженная работа совершалась еще «под спудом», в глубокой тайне даже от своих единоверцев и близких. О работе на промышленно-экономической почве не было и разговоров. Бесправный человек, облеченный в одежду с позорным знаком, встречался презрением во всех правительственных кругах.

Игнорирование же старообрядчества в блестящее царствование Екатерины II, однако, как ни странно, было полезно и дало возможность от подспудной работы перейти незаметно к открытой деятельности, как в области церковной, так и в промышленно-экономической. И к концу царствования Екатерины в старообрядчестве появляются его крупные руководящие центры, такие как Рогожское

и Преображенское в Москве и Иргиз на Волге. Развились и крупные промышленники во всех согласиях, которые теперь уже являлись желанными гостями в приемных могущественных вельмож. Сами правители теперь охотно посещали их дома. Эти старообрядцы в их глазах уже не раскольники, а могучие создатели отечественной промышленности и торговли.

В это время могущественно развивается и религиозно-богословское творчество, появляются видные богословы и религиозные писатели.

Когда правительством Екатерины II было выражено полное игнорирование старообрядцев как недостойных никакого внимания со стороны просвещенных людей — удел невежества и сумасбродства, вот тогда-то и произошло стремительное развитие старообрядцев во всех согласиях, приведших к тому, что уже при Александре I у старообрядцев было много самобытных качеств. Но законодательство Екатерины II преследовало старообрядчество вплоть до 17 апреля 1905 года. До того времени еще далеко, пока же издается указ от 3 марта о переписи в III ревизию, породивших волну новых волнений в народе, вследствие нечеткости законодательства и действий двух законов одновременно. Да и Крестьянская война привела к явному ожесточению правительства к старообрядчеству.

Но, несмотря на все это, Сенат все яснее понимал всю нелепость и беззаконность гонения на старообрядцев, и 19 февраля 1773 г. издается указ (О неприменении насилий при увещеваниях и пыток в духовных судах). Потом, спустя девять лет правительство еще вернется к этому курсу заплечного богословия в 1782 году. Мы же пока продолжим повествование.

Настойчивое стремление Екатерины II вернуть бежавших за рубеж старообрядцев принесло свои плоды: в Россию устремился поток переселенцев, и им отводились места для жительства не только в центральной России на Иргизе, но и на далеких ее окраинах. «Сильные

общины старообрядцев сложились по всему Поволжью, в Сибири, на Кавказе, в Польше, Турции, Румынии — они повсеместно стали влиятельной экономической силой». (Н. Свечин «Завещание Аввакума»).

После очередного разгрома Ветки польские старообрядцы были переселены на Алтай насильно, но их положение на новом месте определилось манифестом от 14 декабря 1762 г. Переселенцы довольно быстро встали на ноги не только благодаря своему трудолюбию и богатой природе Алтая, но и потому, что счастливым образом несколько лет прожили вне опеки церковной и светской власти. И потом переселенцы не признавали господствующей никонианской церкви и двойного подушного оклада платить не хотели. К ним присоединились и беглые крестьяне, солдаты, бергалы, искавшие в горных долинах глухого Алтая, «в камне», убежища от налогов, барщины, военной службы, церковных притеснений, создавая своеобразную колонизацию на реке Бухтарме.

Старообрядцы с Ветки были в большинстве своем поповского согласия, и в них все больше сказывается влияние Иргиза, возникшее после второй выгонки Ветки 1765–1766 годах. Сам Иргиз к тому времени имел уже свою поповскую церковь, которая служила на Иргизе. Представители ее священства были частыми гостями на Алтае уже в 1770-х годах. Но расстояние от Иргиза до Алтая, как известно громадно, а потому Алтайская Духовная Нива и зарастала тернием не окормленная иргизским старообрядческим духовенством. Как известно из пословицы «Дальнюю пашню частыми наездами не вспашешь». Создание же старообрядческой церкви на Алтае в ту пору было невозможно. Поэтому-то поповцы и превращались постепенно в беспоповцев.

Колонизация беспоповства шла следующим образом. Как известно в каждой семье возникали браки и другие обычные требы, для исправления которых необходимы были священники, а, как известно, с Иргиза на Алтай

не наездишься. Поэтому старообрядцы вынуждены были обращаться за совершением браков, этой труднейшей проблеме старообрядчества, к никонианским попам, которые за мзду венчали молодых по старому чину. Официальное венчание старообрядцев разрешалось только после полного их обращения и по новому чину. Корыстолюбие же никонианских попов ограничивало эту возможность больше, чем все законодательные запреты. В 1776 году светские власти констатировали, что «священники сугубый (тройной) от раскольников платеж за свадьбы вымогают, а кои не так зажиточны и достатку к платежу за венчания не имеют, остаются многие в совершенных летах не женаты, за тем, что им, сколько священники за венчания просят, заплатить не можно».

Церковь же, в которой венчался необращенный старообрядец, считалась осквернённой. Службу в ней следовало прекратить немедленно до ее вновь освящения архиереем. Старообрядцы выходили из этого тупика брачного вопроса разными способами, диапазон которых был весьма широк — от провозглашения безбрачия краеугольным камнем всей догматики, до произнесения перед венцом формулы проклинания старообрядческих «ересей», но зачастую выход из самого безнадежного положения давала универсальная отмычка — взятка, и сибирское купечество особенно охотно пользовалось ею.

Но оформление браков даже и с помощью взятки было делом крайне сложным. Вот один характерный случай венчания сына тобольского купца Прокопия Владимирова — Петра. Невеста была родом из тарских купцов, записных раскольников Кузнецовых. Венчаться решили в Таре. Тарский воевода, титулярный советник Т. Кривоногов был дальним родственником и другом Владимировых. В Таре тогда был под следствием за контрабандный провоз соли священник Абацкой слободы Л. Труфанов. Однажды вечером он был приведен сержантом к воеводе, который и предложил ему повенчать Петра Владими-

рова. Воевода заявил, что сам будет тысяцким (дружкой) на свадьбе. Тут же составили и подписали «обыск» об отсутствии препятствий к венчанию, пропустив при этом обязательную о том, что венчающиеся не являются раскольниками. Венчание состоялось в Никонианской церкви города Тары. Настоятель церкви и духовный заказчик-благочинный протоиерей города Тары на это время покинул город «для поставки сена», а затем Л. Труфанов поделился с ним доходами. Однако митрополит Павел узнал об этом и круто реагировал на всю эту историю. Воеводе был запрещен вход в церковь (отлучен от церкви) и все три попа были запрещены от церковной службы до тех пор, пока они вместе с воеводой не уговорят новобрачных перейти в никонианство, пообещав крестить своих детей в православии; брак их признали законным, воеводе через год разрешили вход в церковь. Никольский храм города Тары пришлось заново освящать.

Обычная же такса взимания взяток за венчание составляла от 12 до 50 рублей. С купцов же она была значительно больше. Простому же люду брак в церкви обходился в 20 рублей (на лакомство).

Приведенный рассказ о тарской свадьбе весьма интересный, характерный для тех лет гонений и поучительный, но он нас отвлек от нашей темы, поэтому давайте вернемся к беспоповству.

Главным направлением урало-сибирских старообрядцев в поповщине стала Софонтиевщина (часовенное согласие), которая окончательно перешла к беспоповской практике к концу XVIII века, хотя и немало было приложено усилий ее представителями к утверждению священства. Но уже к 20 годам XIX века произошел полный отказ от священства. Решительный поворот к беспоповству был сделан самим Мироном Галаниным. И оно — беспоповство — имело свои положительные стороны во все времена гонений не только в XIX, но и в нашем XX веке. Беспоповству во всех его проявлениях было проще выдержать

натиск воздействия господствующей церкви, потому что не имели своей иерархии и принимали решения самостоятельно. И Софонтиевское согласие яркое свидетельство тому, когда даже постановления его собора не заставили Семена Ключарева и Гаврилу Мороку принять моление за императора. Единоверие же потерпело здесь решительное поражение. Отсюда и общее выражение синодально-полицейского воззрения на то, что беспоповщина является наиболее злым врагом господствующей церкви и самодержавия.

Поскольку священство с Иргиза впоследствии полностью прекратилось из-за сложившихся политических трудностей, а беглых попов не хватало тоже, то и складывалось такое положение, что алтайским «полякам» приходилось искать другой путь, и в повседневной жизни все большее значение начинают играть «дьяки» — наставники. И поляки-поповцы все больше сливаются с обычной уралосибирской софонтьевщиной, стариковщиной, часовенными, которые имели все тот же путь развития и сам Софонтий был когда-то священником Соловецкого монастыря. Бег-лые попы теперь играют все меньшую и меньшую роль. К ним теперь обращаются только по случаю заключения браков. Реальное же руководство общиной попадает к наставникам дьякам.

«Часовенные» — такое прозвище софонтиевцы получили потому, что вместо церквей строили часовни, которые от церкви отличаются тем, что у них отсутствует алтарь. Он стал не нужен, так как литургии служить стало некому. Часовни на Алтае славились богатством убранства, хорошо поставленной службой, которая удовлетворяла потребности молитвенного голода прихожан. К отсутствию литургии привыкали, а новое поколение о ней просто не имело понятия. Некоторые же наставники пользовались своим влиянием на прихожан и не стремились возобновлять священство или хотя бы служить иногда литургию в часовне походной церковию. Проще того, в от-

сутствии священника многие корыстолюбцы были даже заинтересованы т. к. часовня им приносила немалый подчас доход за исполнением повседневных треб. Корыстолюбцы эти больше пеклись подчас о мирском, чем о духовном, и как пауки держали народ в своей власти.

Вот как доносит о том же никонианский священник Ф. Афанасьев в 1783 году. «Они называют себя старообрядцами. Духовных и церковных никаких треб не приемлют и под благословление священническое не подходят. У них нарочно устроены в потаенных местах, т. е. во дворах на задах, чтобы народу не было видно особые большие с колодными окнами избы и называют их часовнями. Внутри оных видел сделанные небольшие иконостасы. Стоят иконы и аналои и повешены пелены. По обе стороны клиросы. Чтение и пение поклиросное и на сход сходят на средину… и все службы правят по старым книгам… Вместо колоколов бьют билом в железные и деревянные доски преобразуя благовест и звон. В тех часовнях и мертвых отпевают, и панихиды служат, и молебны поют, для чего ходят в дом с образами и младенцев крестят, и больных исповедуют сами собой, почему, все христианские должности оставя, церковь святую и догматы во всем осуждают … Они гнушаются нами и с нами из одной посуды не пьют, не едят и вместе Богу не молятся.., и сие все зависит от их наставников-дьяков, которые простой народ научают и утверждают. И единственно те учителя только для одного своего обогащения и почтения. Стараются утверждать свои плевелы и пустыя выдумки, чем простой народ обманывают».

Но конкурирующая церковная организация отца Федора Афанасьева считала тот вариант православия, который заменяет троеперстие двуперстием, а трегубою аллилуию — сугубою, возмутительным обманом простого народа, с корыстными целями, хотя корыстолюбие алтайских дьяков не могло сравниться с поборами официальных консисторских пастырей.

Конечно, были среди наставников и такие. На Ветке знали уже нескольких авантюристов, соблазнившихся легкостью достижения высших постов. Как известно: «В семье не без урода».

В настоящее время среди преданных крестьян есть и такие руководители, общинами-наставники, которые создают искусственные помехи делу объединения и сплочения старообрядчества. Из-за корысти ли порой, властолюбия или просто непонимания насущных вопросов — не знаю. Очевидно, есть и то, и другое, но раздробленность в рядах старообрядчества не служит на пользу истинной церкви. Или вот хотя бы взять поповские направления — это Русская Православная Старообрядческая Церковь (РПСЦ) и Русская Древлеправославная церковь (РДЦ) — это так называемые беглопоповцы. Не пора ли им объединится? Не пришло ли время разобраться, где же истина? Не пора ли простить друг другу некоторые мелочи, уважаемые иерархи? Вы стоите у руля церквей, и на Вас возлагается эта ответственность, и Ваш долг — ее разрешить.

Но я не буду читать свои наставления высшим иерархам, дело это для меня весьма неприличное, но надеюсь я на милость и помощь Божию. Поэтому, оставляя этот сложный вопрос, поведу свое повествование о том, как проникли старообрядцы в неприступные порой горные долины Алтая. Беглецы-старообрядцы вначале проникли в верховья реки Убы и Ульбы, затем по течению Бухтармы, по реке Белой. А далее на средней Катуни, по Уймону и Коксе закладывали свободолюбивые отважные беглецы основу для будущей прочной колонизации этого края русскими крестьянами. И вполне понятно, что во всех этих тайных поселениях не строились храмы, но часовни здесь возникли крайне быстро.

Щедрая природа горного Алтая с ее величественной первозданностью, буйной растительностью воплощала в себе давнюю мечту о той сказочной стране «Беловодья»,

где текут молочные реки, у которых кисельные берега. Там в этих долинах зажатых горами, которые заслоняют дорогу холодным северным ветрам, «Беловодье» в буквальном смысле этого слова. Ветви кустов и деревьев там совершенно заграждают путь. Трава так высока, что скрывает всадника вместе с конем и составляет немалое затруднение для прохода. Особенно поражает растительностью южный склон Холзуна. Местность, защищенная хребтом с севера, представляет здесь совсем другую природу. Множество ягод, прекрасных цветов, порхающих мотыльков, обилие зверя и рыбы, поразительного плодородья земли.

Здесь старообрядцы появились уже в 20-х годах XVII века, но далека и опасна была туда дорога. К тысячеверстной одиссее по горной тайге готовились весьма тщательно. В народе ходили легенды об этих краях земли справедливости и свободы. Здесь, окруженные со всех сторон высокими горами и бурными многоводными реками, старообрядцы жили мирно и спокойно. Не входя ни в какие враждебные столкновения между собой. Самой суровой мерой наказания здесь было изгнание из общины. Виновных по общему приговору привязывали к плоту и спускали в Бухтарму; иные выживали.

Несмотря на все старания на Бухтарме и даже после ее присоединения к России так и не удалось построить и внедрить ни одной никонианской церкви. И хотя большинство жителей этих деревень принадлежало к попов-щине, старообрядческих попов здесь также не было. Все обряды осуществляли наставники и только для заключения браков ездили иногда к заводам и рудникам. Здесь была создана исторически сложившаяся церковь без иерархии.

Маршруты первых переселенцев были с Бухтармы на Аргут и Уйманскую долину, но позднее уже в 1912 г. был открыт путь с верхней Бухтармы на Коксу и Катунь. В XIX веке пользовались путем с верхнего Енисея на Ка-

тунь. Путь в Беловодье лежал через Опонское (Японское) царство. Однако японские власти пропускали в Беловодье только после истечения трехлетнего испытательного срока.

С начала 60-х годов XVIII века старообрядчество стремительно развивается, распространяясь среди торгово-промышленной верхушки империи, а крестьянская война Пугачёва завершает в 1780-х годах отход от суровых петровских законов о расколе. Вскоре рухнет, наконец, и вся система, основанная на подушном двойном окладе и неусыпном наблюдении никонианской церкви за ее противниками. Однако второму царствующему внуку Екатерины — Николаю I впоследствии покажется, что в 1780-е годы рухнуло уже слишком много. Но об этом я, надеюсь, мы еще поговорим, а пока притеснения и неразбериха в законах, привели опять к трагическому самосожжению. В 1770 г. в деревне Мочаловой Исетской провинции за все двадцатилетие (1763–1782 г.) одно самосожжение, в котором сгорело 10 человек, а 12 удалось вытащить из огня живыми.

В 1777 г. опять появляются вооруженные светские команды, которые в Ишимской волости обнаружили и сожгли целую группу лесных скитов и только благодаря хорошо налаженной караульной службе удалось бежать двадцати ишимским крестьянам, ушедшим в побег после III ревизии. С таким же усердием и ей нельзя в этом отказать, Тобольская консистория разыскивает старообрядческих агитаторов и изымает не только древние богослужебные книги, но и всю старообрядческую литературу вместе с ними. И хотя после 1762 г. применение насильственных методов несколько сократилось консисториями, но и после 1773 г. идет опять увеличение преследований. И только благодаря умиротворяющим действиям взятки смягчился подход никонианских церковников к проблеме старообрядчества. А так повсеместно на Руси он был военно-беспощадный.

Невзирая на запреты, митрополит Валаам с целью принятия старообрядцами церковного причащения держал их с помощью своих подручных длительное время в подвале на хлебе и воде с использованием на тяжелых работах, невзирая на то, что там были и престарелые.

На всех этих истязаниях в казематах никонианской инквизиции на допросах старообрядцы часто говорили о своей неграмотности и ссылались на незнание молитв и неумение их прочесть. Исходя из этого, официальная статистика неоднократно утверждала, что старообрядцы вообще люди темные, забитые, неграмотные. Но мнение никонианских консисторий было глубоко ошибочным. Среди старообрядцев грамотность была почти поголовна. (Агафья Лыкова, живя в глухой тайге, в шесть лет уже читала псалтырь). Старообрядцы не только были грамотны, но и хорошо разбирались в догматических и богословских вопросах. Примеров их большой начитанности достаточно.

После Пугачевских событий по инициативе Синода и Сената в 1775 году снова принимает указ об усилении полицейского контроля и борьбы с бродячими расколоучителями. И хотя надо отметить, что старообрядцы в основной своей массе не поддержали Пугачева, хотя тот и проводил свое восстание первоначально под лозунгом за старую веру и осьмиконечный крест. И хотя крестьяне-старообрядцы этих мест участвовали в открытых социальных боях Крестьянской войны, однако идеология старообрядчества хотя и призывала к борьбе, но борьбе не с оружием в руках, а к борьбе страданием. Синодом, однако, был начат поход против мощей Епифания и Киприана на Выге в 1774 году. К ракам их стекались многочисленные паломники с самых отдаленных мест.

Следственная комиссия Сената и Синода постановила мощи Епифания и Киприана посмертно «заарестовать через светскую команду, часовню разорить, с разглашателями чудес поступить по всей строгости закона. Подобная практика была и в других местах. Инициатором ее опять

выступают, не могущие успокоиться церковные иерархи. Местной власти вменялось в обязанность немедленно арестовать всех тайных и не записанных раскольников, обитателей старообрядческих тайников в лесах и сокровенных местах». Сам дух этого документа вселял радость и успокоение в душах синодальных и консисторских членов и всех тех, кому дороги были традиции Феофана Прокоповича и Сильвестра Головацкого.

Все это продолжается до 1782 года, когда был подписан высочайший указ по всей империи: «Всемилостивейше повелеваем от сего времени со стоящих в двойном подушном окладе как городских, так и сельских жителей того двойного оклада в казну не взимать». Наконец-то одумались!

Постоянная борьба старообрядцев за свободу вероисповедания против полицейско-царского насилия и крестьянская война сделали свое дело. Правительство, наконец, отменило этот унизительный двойной подушный налог, взимаемый со старообрядцев. Постепенно были отменены и другие дискриминационные меры прежнего законодательства. Провозглашалась и отмена самого унизительного термина «раскольник» столь ненавистного старообрядцами. Запрещалось упоминание о старообрядческом вероисповедании в официальных документах. Разрешалось выбирать старообрядцев в городские службы.

Ну, теперь, кажется, живи! Дыши свободно! Но не тут-то было. Несмотря на все эти дарованные свободы, не было отменено старое законодательство, которое могло вступить в силу в любой момент. Все это рождало хаос необычайный и волюнтаризм в 80-е годы XVIII века.

И если старообрядцы поняли высочайший указ как монаршую милость, то никонианское духовенство по-другому — как ликвидацию единственного законного основания для существования раскольников.

Стремясь освободиться от полицейско-церковной опеки, старообрядцы стали вновь записываться в двой-

ной оклад по IV ревизии, тогда, как уже такого двойного оклада не существовало. И движение это носило массовый характер. Запись эта означала немедленный выход из никонианского прихода, хотя и дорогой, но верный способ избавиться от опеки никонианской церкви. Кроме того некоторые видели в отмене двойного оклада насильственное обращение старообрядцев всех разом в никонианство.

Сенат и Синод с удивлением отмечали на основании доклада генерал-губернатора Пермского и Сибирского наместничества Е. П. Кашина о существовании в Исетской провинции «весьма великого числа крестьян, которые по заблуждению своему неотступно просят о записи в раскол. Некоторые из них, прежде записанные в раскол, ездят по селениям и рассеивают лжеучения …»

Движение это сопровождалось резкой враждебностью крестьян к никонианским служителям церкви и даже столкновениями с клириками, пытавшимися вернуть утраченные позиции.

Крестьяне собирались на сходы во многих волостях, на которых выступали авторитетные и видные старообрядцы. После чего, по рапорту игумена Рафаиловского монастыря Маргарита: «многие крестьяне сразу перестали и в церковь божию ходить».

В ход пошли опять увещевания, но уже без полицейской поддержки. Церковное духовенство в этих увещеваниях не очень-то уверенно себя чувствовало, тем более, что достаточно грамотные и сведущие в догматических вопросах крестьяне-старообрядцы оставались победителями в спорных вопросах с невежественным низшим духовенством.

Бурно проходили эти увещевания и споры о вере с никонианскими попами. Крестьянин деревни Курсановой Сергей Сафонов заявил: «Какие де вы учителие, и что де вы знаете? Я более вас знаю». Дело доходило даже до драки и пистолетной стрельбы. Духовенство неоднократно спасалось бегством.

Вместе с Сафоновым действовал видный старообрядческий писатель Мирон Галанин той же Курсановой деревни житель. Этот старик имел за плечами тяжелую школу жизни, часть которой прошла в скитаниях между заброшенными лесными тайниками, а другая часть — в консисторских застенках. В 1783 году он резко отверг все попытки вернуть его в лоно господствующей церкви, не без гордости подчеркнув стойкость своих убеждений: «И голова моя на плахе была, и кнутом бита неоднократно, и руки в хомуте были, и рога на шее носил (не дававшие человеку возможность заснуть, т.к. нельзя склонить или приклонить головы). И в книги ваши росписи духовныя вы меня не пишите, и писать де вам государыня отказала».

Были написаны две челобитные в 1893 году. С. Сафонов и Е. Печерский доставили их в Сенат. Челобитные признали справедливыми. Податели показали, что поборы и притеснения со стороны священников явились главными причинами перехода крестьян в открытый раскол.

Подобные оборотные дела были по всей России. Арест в 1783 году некоторых видных организаторов этого движения не дал результатов, и движение это стремительно расширилось. И тогда последовал секретный указ Сената от 9 мая 1783 г., основанный на докладе Е. П. Кашина, который сводился к следующему: осуждая попытки массовой записи урало-сибирских крестьян в раскол, он требовал активнее «вылавливать раскольнических лжеучителей, которые обольщая простой народ, представляют себя защитниками истинной веры и ходатаями за все общество». Вместе с этим указывалось на то, что «светская власть да не долженствует вмешиваться в различие кого из жителей в числе правоверных или заблудших почитать. Но дабы каждый поступил по государственному указанию». Сибирскому духовенству предлагалось не надеяться на полицейские мероприятия светской власти с целью ограничения распространения старообрядчества, а шире и

активнее вести борьбу «духовным оружием, долговременным врачеванием, терпением и кротостью». Эти последние указания Сената и Синода в конце концов привели к трагическим результатам.

Дважды в месяц Синод теперь требовал письменные отчеты от всех десятоначальников (протоиереев) доклады о проделанной работе по увещеванию старообрядцев. Обо всех тайных и явных раскольниках всех приходов. Причем дополнительным указом от 20 мая 1783 г. было разъяснено о ненасильственном и кротком характере всех этих увещеваний.

И эти отчеты при тысяче верстных-то расстояний по Сибири! За невыполнение их накладывался штраф до 10-ти рублей на виновного.

После этого указа сибирское духовенство особенно стремилось и не только активно поддерживало, но и само участвовало во всевозможных розысках «лжеучителей» и насильственном обращении в православие всех тайных раскольников. Последние являлись для них объектом всевозможных вымогательств, поражавших консисторию своим размахом в тех редких случаях, когда они выходили наружу.

Словом, опять началась новая кампания преследования старообрядцев, аналогичная не менее острыми конкретными ситуациями. Вот некоторые из них. Священнику Полуденной крепости Ишимского духовного правления Петру Носову крестьянином Меркушиным было заявлено: «Если станете нас к церкви принуждать ходить, то до того дойдет, что жетца начнем, где и простосердечные души могут с нами в селению погибнуть, да и вольноде генералом сей указ составить, чтоб нас утеснять». «Да и предадимся к сожжению з домами своими, а в покорение против того не пойдем». За слова эти Меркулов был немедленно арестован.

Крестьянин деревни Пешневой (Ишим) Федор Ситников с гордостью отвечал увещевателям, что он остал-

ся тверд и при более внушительных «увещеваниях» — в Преображенском приказе «и ныне я в церковь не пойду». «Нас де исповедает на всякий час Исус Христос и иного нам священника не надо».

А вот Антон Зыков, из села Малые Ярки, пошел еще дальше и, выгоняя из своего дома увещевателей, горячее изложил православным клирикам старообрядческую оценку православного духовенства: «Вы что меня прельщаете, ходите к нам, как прелестники, вот вы предтечи антихристовы».

В той же деревне крестьянка вдова Ефимия Полуяйщева встретив священника Иоанна Петухова словами: «Какая де вам нужда меня увещевать» и, взяв в руки полено, сказала: «Я обращаться к вам не хочу, хоть теперь мою голову отрубите».

В своих репортажах духовенство доносило, что крестьяне их «в домы свои не пускают», «прячутся в домы свои, не приемлют и запираются». Дошло до того, что епископ Валаам в октябре 1783 года просил у генерал-губернатора применения силы против «лжеучителей», но призыв его не был услышан и увещеватели быстро убедились в полной невозможности вести хоть какую-то деятельность в соответствии с указом от 9-го марта. Всюду их встречали запертые двери. Несмотря на секретность этого указа, старообрядцы довольно быстро узнали о его существовании и о том, что согласно указу обо всех ответах старообрядцев на увещевания священников велено сообщать в Синод. Элементарный подкуп позволял познакомиться не только с самим указом, но и с рапортами в Сенат генерал-губернатора.

Кроме того крестьяне села Покровское (Шадринск) потребовали: «Покажите нам указ, по которому вы увещеваете, дайте нам печатный, а этот мы давно знаем». «Нам де нет от ея величества указу, чтоб вас слушать и ваше увещевание, у нас старая вера и старые книги … и ты, поп,

к нам хоть век не езди». «Вам де что домогаться чрезвычайно, когда нас милосердная царица жалует и притеснений чинить не велит».

Духовные же власти, несмотря на неоднократные резкие возражения генерал-губернатора Евгения Петровича Кашкина, постарались превратить этот указ от 9 марта в грандиозный сыск для ловли тайных старообрядцев, во время которого обстановка все более накалялась, пока дело не дошло до традиционных форм протеста. Связь их с грубыми увещеваниями была столь очевидна, что епископ Валаам получил резкий нагоняй от Сената и Синода, что побудило Е. П. Кашкина в августе 1794 г. передать в земские суды все дела по жалобам старообрядцев на насилие духовенства, но и это не сняло напряжения. Ситуация явно выходила из-под контроля генерал-губернатора и все его меры по разрядке обстановки подчас только обостряли ее. Уже вставал вопрос о применении вооруженных светских команд. В результате увещеваний никонианского духовенства 53 человека утонули в проруби. Расследование дела закончилось экзекуциями опять же на старообрядцах.

Вот ведь никак не могли оставить их в покое. Невольно возникает мысль о том, правильно ли понимали старообрядцы политику правительства Екатерины II о даровании им свобод? И, несмотря на это, стремятся откупиться от никонианской церкви любыми путями, подчас дорогой ценой записи в двойной подушный оклад по IV ревизии.

Обратим внимание и на то, что духовенство господствующей церкви также понимало вновь установленное законодательство по-своему. Кажется, буквально противоположно здравому смыслу. Чем же руководствовались в своей борьбе со старообрядцами иерархи казенной церкви? Что ее двигало на путь гонений истинных христиан? Читаем в журнале «Церковь» № 1 за 1912 год: «Господ-

ствующая церковь к старообрядчеству всегда относилась непримиримо и враждебно. Духовенство смотрело на старообрядчество как на своего заклятого врага и страшную для себя опасность, принимая все меры к тому, чтобы эту опасность ликвидировать. И на протяжении всей истории Великого Раскола господствующая церковь к старообрядцам ни разу не проявила ни малейшей капли христианской любви или добрых человеческих отношений, но все было здесь построено на злобе и ненависти к старообрядческой церкви и особенно к Белокриницкой иерархии».

Но о Белокриницкой иерархии пока говорить еще рано, она возникла при Николае I. Царствование же Екатерины II было характерно тем, что при ней и непосредственно под ее неукоснительным вниманием был впервые разработан хоть какой-то закон относительно старообрядчества. До этого бесправие их достигло крайнего предела. Екатерина II положила начало законодательству в этой области. Хорош был или нет этот закон другое дело.

Тогда на совместном заседании Сената и Синода, понимая всю нелепость создавшегося за прошедшие века положения со старообрядчеством, критикуя «Алексея Михайловича, идущего за Никоном, как мальчишка за учителем, который собирается его высечь за невыученный урок», Екатерина II, ограждая себя двуперстным крестным знамением, спрашивала собравшихся иерархов и господ сенаторов: «Кто я, по-вашему — раскольница?! Ответьте мне, когда все это кончится господа?»

И все же все эти, кажется, положительные меры правительства Екатерины II имели конечной целью как можно скорее разделаться со старообрядчеством. Даже манифест о возврате зарубежных старообрядцев в родное отечество, преследовал все ту же цель. Тогда, как известно, в одной только Польше старообрядцев было 100 тысяч, и там, за рубежом, они были свободны и никем не контролируемые. Поселив же их, скажем, на Иргизе правительство

могло их контролировать и вообще проводить среди них свою политику какими угодно средствами. И, несмотря на обещанную свободу в России, малейшее движение старообрядчества против господствующей церкви являлось государственным преступлением. Преступлением же считалась и просто твердость старообрядцев в отношении государственного духовенства. Она же, Екатерина, повелевала: «С потаенными же раскольниками поступать по все строгости закона» (Петровских времен). По манифесту — всякое проявление самобытности и самостоятельности старообрядцами — есть преступление. Погоня за старообрядческими деятелями была установлена теми же законами, и полицейское преследование старообрядцев по всей стране никто не отменял.

На начетчиков и проповедников правительство смотрело как на людей, сеющих смуту и раздор. Причисляло их к государственным преступникам достойным казни через повешение или, по крайней мере, вечной каторги. А вообще проводилось увещевание, и если человек проявлял твердость убеждений и на увещевания не поддавался, то за ним следовал суд и каторга. И, несмотря на веротерпимость Екатерины II, суды над старообрядцами не прекращались. Книги повсеместно отбирались и все сжигались. И скажу я Вам, Валентина Кирилловна, наперед, уничтожение древнехристианской литературы, а она была практически только у старообрядцев, будет продолжаться и дальше вплоть до 1905 года, а там, через небольшой промежуток времени 12–15 лет снова наступит невиданное гонение 30-х годов XX века. Но это будет потом, а пока, преданного старой вере человека относили к подозрительным и потаенным раскольникам. Вышел на улицу со старопечатным псалтырем — ты толкователь, смущающий народ и подлежишь суду. Захотел помочь своим же собратьям — ты государственный преступник, сеющий распрю и междоусобицу, достоин жестокого наказания.

Рогожское как центр старообрядчества

Политическая обстановка тогда складывалась так: «Ветка — этот центр старообрядчества после «Керженца» была разорена, кажется, окончательно, а другие центры старообрядчества тогда только еще закладывались: Рогожское, Преображенское, Иргиз. В Москве еще при Петре во время страшной эпидемии чумы, когда все бежали из столицы, старообрядцы собирали трупы, свозили их за городскую заставу, где и хоронили их, заворачивая в рогожи: делать гробы было некогда и некому. Отсюда и возникло название кладбища — Рогожское. А потом и Рогожская застава. И здесь же при кладбище были построены старообрядцами богадельни — лазареты для больных. Больницы эти существовали и в дальнейшем. И во время Екатерины II в богадельнях было более тысячи человек болящих, за которых всегда шла молитва о здравии и за упокой почивших. Со временем здесь возникла Рогожская слобода, и старообрядцы вышли с ходатайством в правительство Екатерины II о разрешении постройки часовни для поминовения усопших в массовых захоронениях после чумы. И это разрешение как исключение, впервые было получено. Старообрядцы Санкт-Петербурга, узнав об этом, тоже вышли с подобным ходатайством, но им было отказано митрополитом Гавриилом, местоблюстителем патриарха: «Петербург — это не провинциальная Москва».

Получив разрешение на строительство часовни, старообрядцы решили построить, как я уже говорил, огромный храм, размерами превышающий все храмы Москвы. Заказав проект самому Матвею Федоровичу Казакову! Императорскому архитектору, великому зодчему, основоположнику классицизма в отечественной архитектуре. «Эти гонимые, непросвещенные, темные невежды», как старообрядцев официально называли (*ж. «Наука и рели-*

гия» № 11 за 1990 г.), обратились за составление проекта не к кому-нибудь, а к Великому Мастеру и этот прославленный зодчий, заваленный работами и поручениями императорского двора, знатнейшего дворянства — согласился построить храм для отщепенцев-раскольников. Казаков замыслил Храм грандиозный в стиле классицизма, равных которому не было на Руси. И строительство началось.

К востоку от Москвы в глухих болотистых лесах в 1791 г. старообрядцы закладывают большой храм, и вопреки всему он строится уже с алтарями. Строительство идет быстро. Денег меценаты не жалеют. Все торопятся сделать возможно больше пока тихо. Но, как известно, шила в мешке не утаишь — никонианские архиереи донесли митрополиту Гавриилу в Санкт-Петербург, что старообрядцы строят огромный храм в «укор московским соборам». Гавриил пишет докладную Екатерине II, в которой сообщал, что московские старообрядцы начали строить церковь, превышающую пространством и огромностью Успенский собор Московского кремля. Та длиной 17, а шириной 12 саженей, а их церковь длиной 25, шириной 15 саженей, т. е. 62×37 метра.

На Рогожское направляется государственная комиссия, которая постановила отломать алтарные абсиды у храма, высоту храма ограничить двумя ярусами окон (третью построить не успели), вместо пятиглавья сделать одну маленькую главу, как на часовне, что прописано было в разрешении.

Принятые меры к старообрядчеству правительство считало вполне достаточными, и казалось, вопрос его ликвидации был предрешен и был только делом времени и недалекого будущего. Старообрядец теперь был под надзором и все пути для него были закрыты. О работе в промышленности и экономике не было и речи.

Екатерина решила покончить со старообрядцами своим методом: даровав им некоторые свободы. Приказа-

ла «забыть» об их существовании, нигде не употреблять в официальных документах слово «раскольники», прекратить преследования, убрать позорные знаки с одежды старообрядцев и тогда они растворятся в обществе сами. Не надо их просто замечать. И хотя петровское законодательство она оставила в силе, но практически оно не применялось. При ней было только четыре случая судебного разбирательства по расколу.

Это-то и позволило старообрядцам исподволь, незаметно и тихо встать на ноги. А затем независимо от кого-либо стремительно развиваться во всех сферах жизни с энергией сжатой пружины, занимая ведущее положение в промышленности, банковской деятельности и даже вплоть до искусства.

Но стоит рассмотреть поподробнее, каким образом старообрядцы встали во главе русской промышленности и капитала страны. Когда Екатерина II дала свободу заниматься промышленностью в России любому сословию вплоть до крестьян — за это ухватились только старообрядцы. Правящей верхушке и помещикам это было не интересно. Старообрядцы же в своих общинах, как правило, имели свои некоторые капиталы, иначе в условиях жесточайших гонений, без общей казны, выжить было невозможно. Казной управляли наставники, благотворители, выборные доверенные лица. Так существовал Выг, Иргиз, Преображенское, Рогожское и другие старообрядческие общины. Схема была у всех одна и та же. Общественные капиталы маскировались под частную собственность. Деньги без дела не лежали. Беспроцентные кредиты и займы, иногда даже безвозвратные, выдавались нуждающимся, способным и желающим людям из своей единоверческой среды, без оформления каких-либо документов на веру и по совести. Именно так и функционировала старообрядческая экономика. К примеру, Савва Морозов был простым ткачом, а через несколько лет ворочал миллионами. Добавим при этом, что с кистенём на боль-

шую дорогу ночью он не выходил. Но построил фабрику с новейшим оборудованием. М. Я. Рябушинский — основатель династии, был мелкорозничным торговцем, стал миллионером. К. И. Рахманов, К. Т. Солдатенков и многие другие. Заведовал общественной казной на Рогожском настоятель Собора отец Иоанн Ястребов, его благословения которого ничто на Рогожском не делалось. Он умел «видеть» людей и помогать им. Так, у Рябушинского появилась крупная фабрика с новейшим оборудованием. Подобные источники финансирования были распространены повсеместно, иначе было нельзя. А. Н. Островский пишет в своих «Записках Замоскворецкого Жителя»: как разбогател Самсон Савич — никто не знает. Был простым набойщиком, а как у нас стали заводить ситцевые фабрики; и вот он миллионщик. На Иргизе купец В. А. Злобин, за несколько лет превратился в миллионера.

Деньги всегда контролировались и не всем выдавались. К примеру, нерадивый внук миллионера В. А. Злобина получил в наследство от своего знаменитого деда какую-то деревянную чернильницу и несколько книг. Работал в министерстве писарем. Братья Большаковы (Из записок Д. П. Шелехова «Владимирский край») — банкиры, ссуживали деньги промышленникам и торговцам прямо на месте их работы. Летом оба брата ездили в Саратовскую и Астраханскую губернию для размещения там займов. И удивлению Шелехова не было границ, когда при нём, какому-то мужику в овчинном тулупе выдали пять тысяч без всяких документов, с условием возврата через полгода.

Что же собой представляли такие предприятия? Какова структура этих фабрик? Это были артели, в которых и хозяин, и ткач, и слесарь имели право голоса. Все они были объединены одним стремлением и одной целью. Каждый работал на производстве как для себя. И у старообрядцев промышленность росла стремительно! Работали и жили по принципу: «Твоя собственность есть собственность твоей веры».

В результате, начиная с царствования Екатерины II, с отмены в 1789 г. Двойного налога, что приравняло старообрядцев к остальному населению империи, позволив им влиться в общественно-экономическую жизнь страны, и к 1913 году — году расцвета России, старообрядцы уже контролировали 75 % оборотного капитала страны, были хозяевами на Нижегородской ярмарке. Вот вам старообрядческая биржа! «Во многом благодаря старообрядческим капиталам Россия находилась на 2–5 местах в мире по развитию различных отраслей экономики». (*«Старообрядец», 2013. № 55. С. 3*). «В целом по стране 8 из 10 богатых купцов и промышленников — староверы. Рогожская община субсидирует правительство, ведёт огромные обороты, контролирует всю текстильную и металлургическую промышленность и почти все банки, влияет на госполитику, устанавливает цены на важнейшие товары». (*Свечин Н. Завещание Аввакума. С. 77, 80*).

Накопленные капиталы шли на благотворительность: Купец Н. А. Бугров (Н. Новгород) на благотворительность тратил 50 % прибыли. Или Ф. Рахманов (Рогожское) отписал один миллион рублей Белокроиницкому монастырю на помощь бедным. Другая же часть его капитала попала в руки К. Т. Солдатенкова, положив начало его деятельности. В результате деньги работали под крепким надзором.

К концу правления Екатерины старообрядцы уже обладали значительными капиталами. А в XX веке ими построен первый самолет (Д. П. Рябушинский создал Аэродинамический институт в Кучино под Москвой, где работал Жуковский). Ими выпущена первая автомашина на будущем заводе «ЗИЛ», открыты картинные галереи, построены театры и даже организована первая футбольная команда Москвы. Некоторые думают: как это старообрядцы театры строят? Это же грех?

Но они построили Московский художественный академический театр, это не варьете, не мюзик-холл. Акаде-

мический театр — это не хари (маски), не лицедейство. Это литературная классика, заставляющая людей думать, понимать и переживать. Кстати, К. С. Станиславский был потомственным старообрядцем.

А вот за создание первой московской футбольной команды фабриканта Савву Морозова, не смотря на то, что он содержал своими капиталами все Рогожское, архиепископ Иоанн отлучил от церкви на полгода.

После смерти Екатерины II на русском престоле царствовал, как известно, Александр 1. В 1824 г. он посетил знаменитые на Урале Шарташские скиты, расположенные на берегу Шарташского озера. Российскому монарху была оказана торжественная встреча старообрядческими монахами и населением. Старообрядцы вручили царю Хлеб-Соль. Царь посетил Казанский и Троицкий скиты, прослушал славник «Знамению Богородице» и игуменья удостоилась услышать от государя: «Молитесь».

В память об этом посещении государя старообрядцы отлили чугунную плиту с золотыми буквами и датой посещения скитов. Царствование Александра I было единственным светлым пятном в истории старообрядцев Урала. Конечно, вечно так продолжаться не могло. И беда новых гонений уже зародилась и неминуемо приближалась, но пока об этом никто не догадывался или, по крайней мере, не знал.

Но вернемся на Рогожское. Покровский собор на Рогожском с архитектурной точки зрения, (после вторжения гаврииловской комиссии), ничего собой не представляет, разве что поражает своей громадой, но в нем все же просматриваются несостоявшиеся шедевры церковного русского зодчества великого М. Ф. Казакова. Здание все буквально приведено к гражданскому виду еще при Екатерине. Окрестные жители, проходя мимо, даже не подозревали, что представляет Собор собой во внутренних интерьерах. Я с такими встречался, когда знакомил с собором посетителей. Надо сказать, что это у нас не очень-то благо-

словляется как в Москве, так и на периферии: «храм — это не музей, и никаких тут экскурсий быть не может». И против этого не возразишь. И воюют против этого больше всего уборщицы, заперев двери на ключ перед самым носом публики, мотивируя уборкой храма. За разрешением приходилось обращаться к самому митрополиту Алимпию, и он это разрешал.

Собор чаще всего посещали иностранцы, представители различных посольств, рекламируя своим коллегам. Часто приходят священники, ученые знаменитых университетов Европы. Московские туристические компании особо ничего не знают, либо считают, что туда экскурсии просто не попадут. Да и стремление посещения храмов у народа нашей страны часто отсутствует. Наше общество отучено от этого проповедями атеизма.

Особенно было интересно на Рогожском в праздник Тысячелетия крещения Руси. Пришла большая группа священников никонианской церкви. Им, конечно, особенно рассказывать было не надо. Они и так все знают. Просто я им показывал. Уходя из Собора, один из них сказал мне: «Меня здесь поражает все, от купола до пола». Вы спросите: почему «до пола»? Пол в соборе чугунный, но литьё несколько грубоватое, поскольку планировалось покрыть его мрамором. Однако гонения сделать это не дали. И в прошлом у какого-то купца стоящего здесь зимой на чугунном полу замерзли ноги — храм этот был летний. И купец это решил сделать в Соборе деревянные полы из сосны без окраски. В канун тысячелетия, натертые воском, они просто сияли. По ним было страшно ходить, поэтому этот священник так и выразился.

Приходили и итальянские католики, посмотрев Собор, они все время пятились к выходу и только перед ним поворачивались к двери и выходили. Были они не раз. И однажды Ромил Иванович Хрусталев, будучи председателем Церковного Совета Храма, пригласил их в канцелярию побеседовать. Было интересно с ними пообщаться.

Хрусталев сказал: «Простите, сейчас пост и из угощения у нас только грибы и чай. Гости пришли в восторг и сказали: «О! У нас грибы едят только миллионеры».

Но давайте зайдем в Собор с западного входа. Поражаешься сразу. По обе стороны дверного портала храма огромные иконы архангелов древнего письма со свитками в руках, записывающих имена незлобливых входящих в церковь. Вас сразу это приводит в чувство. Поражает огромный объем храма, теряющийся где-то в вышине расписных сводов, запахом воска от горящих свечей и ладана. Все стены и своды от самого пола покрыты прекрасной иконописной росписью. На столбах изображены двенадцать верховных и семьдесят меньших апостолов, а также равноапостольные мужи, жены (кн. Владимир и Ольга).

В центре огромное серебряное паникадило, которое очень удачно сочетается своими размерами с объемом храма. В нем более восьмидесяти свечей, зажигающихся с огромной лестницы, которая подкатывается на колесах. По ней поднимаются два человека и, встав в специальные корзины-гнезда, зажигают свечи. Раньше на паникадилах были хрустальные призмы-подвески. Это не ради эстетики: они преломляют солнечный свет в радугу, которую положил Бог в небе в знак того, что всемирного потопа больше не будет. (Народная примета гласит: «Если появилась радуга в небе, значит, дождя больше не будет»).

Паникадило, как образ мироздания, как микрокосмос: круглый шар или полусфера в его нижней части, олицетворяют собой Землю (земной шар), имеющую над собой небо, украшенное звездами горящих свечей. Паникадило — это жертва, где горят свечи или лампады. В никонианских церквях, где вместо свечей на паникадилах горят электролампочки, когда щелчком выключателя, зажигается вся паникадила, она становится уже не жертвой Богу, а просто электролюстрой, и в этом нет ничего хорошего. (Все гражданские люстры взяты с паникадил). Налюбовавшись, опускаем глаза долу и видим огромные иконы

прекрасного древнего письма, а перед ними в подсвечниках высотой с человеческий рост горят свечи.

Иконостасы как главный, так и заклиросные, золоченые, строгой классики. Во всю высоту иконы XIV–XVIII веков. И эта строгая иконопись рождает в вас восхищение и удивление. Центральные свечи на подсвечниках колоссальных размеров, весом более пуда. Интересно смотреть Собор с высоты хоров, поднявшись туда по винтовым лестницам.

Клироса кажутся не такие уж и большие по сравнению с храмом. На них пели всегда лучшие певцы, и их было немного. Все они составляли притч храма и все были знаменитостями. Мне удалось некоторых из них знать и, несмотря на разницу в возрасте, в друзьях ходить. Михаил Ферапонтович, Василий Анисимович. Знаменитый Лукин со своей мощной конрактавой. А как они попадали на клирос? Василий Анисимович рассказывал: «В ту пору искали таланты, так приезжали в деревню, всех детей прослушивали и лучших брали на полное содержание в собор. Из мальчиков моей деревни выбрали только меня одного. Прекрасный был тенор! Из них выходили певцы профессионалы. О дьяконах и говорить не приходится. Здесь были протодьяконы Лев и Елисей, у которого учился сам Шаляпин читать Апостол. А известно, что когда Федор Иванович читал в каком-то храме Апостол, то пускали туда только по билетам».

Но такого, конечно, не было на Рогожском. Выбор дьякона на Рогожском была особая «статья». Один из попечителей в воспоминаниях пишет: «Вчера на Рогожском дьякона пытали». Это не значит, конечно, что его мучили. Его только пробовали, какой у него голос.

Но их, великих, теперь уже нет. Все ушли к Богу и клиросы на Рогожском опустели. Настали другие времена. Уже никто не ездит по весям и не подбирает певцов. Время шло. Люди старели. А замены нет и сейчас знаменитостей на Рогожском нет. Как, впрочем, везде по стране. В 20 годы

власть их принудила пойти в артисты. А нет на клиросе «подлеска» — нет и будущего хора. Некого учить.

Акустике в соборе можно только удивляться. Ей занимались упорно и с большим знанием дела, специально сделав полусферы на потолке в углах собора. Покровский собор на Рогожском это безусловный шедевр, относящийся к лучшим соборам Руси.

Его можно сравнивать с Исаакиевским собором в Санкт-Петербурге: кто кого лучше? В Исаакие все построено на пышности и золоте, на Рогожском все построено на Духе. Все отдано Славе Божией в Духе и такой иконописи, как здесь нет нигде. А вот икона Софии Премудрости Божия. Как-то церковный староста попросил меня показать эту икону одному американскому профессору: «Знаешь, он из такого знаменитого университета, ему надо эту икону сфотографировать. Пусть снимет». Я уже не помню, из какого университета США, но вот как было. Подошли мы к этой огромной иконе. Он долго её рассматривал. А потом сказал, что коллекционирует иконы Софии Премудрости Божия. И в его альбоме уже 300 фотографий вариантов иконы. Но такой он даже никогда не видал! И начал мне объяснять сюжет иконы: вот царь Давид и прочее. Но так можно говорить о каждой иконе, что конечно невозможно. Да у нас и не принято об этом разглагольствовать в целях безопасности. Помолчу и я.

Много в храме святыни, да какой! Под сенью северной и южной стороны стоят ковчеги — мощевики, которые один раз в год открываются для поклонения на Пасхе. Икон в храме столько, что надо 2 часа на возжигание лампад перед службой.

Реставрацию собора ведет, конечно, государство, и настолько тщательно, что я даже удивился, поднявшись однажды на леса под купол. Определенный квадрат рисуется на ватмане и на нем по изображениям наносятся контуры деталей, которые реставрируются. Самим старообрядцам это не под силу. У них нет ныне меценатов.

Совершенно особое чувство возникает во время праздничных служб, когда Собор наполняется людьми. Можно и дальше рассказывать о Соборе, о хорах. Но лучше один раз увидеть, чем много раз услышать. Собор этот надо зреть самому.

Нельзя не сказать о колокольне — памятнике архитектуры начала XX века. В Москве строить колокольни равной или выше колокольни Ивана Великого было запрещено. Старообрядцы выстроили колокольню в 1907 г. по проекту архитектора Ф. Ф. Горностаева ниже кремлёвской всего на 2 кирпича, по своей архитектуре стремящейся в высоту, но подрезанную в деталях, как крылья у птицы. Так бы и потянул вверх восьмерик с барабаном под главой.

Интересно, знает ли об этом большинство москвичей? Или они только о той знают, что стоит на Красной площади? Видели Рогожскую, конечно, только люди живущие рядом. А жаль. У неё очень богатая история.

В 1944 г., когда война уже шла в Европе здесь, в Москве решили взорвать колокольню, сославшись на то, что она является ориентиром для врага. И ахнули! Взрывом выбросило прекрасный западный Горностаевский портал в соседний сквер, образовав тем самым огромный взрывной клапан, в которой ушла энергия взрыва. Но колокольня устояла. Второй заряд уже не закладывали.

В 30-е годы во втором храме на Рогожском — Рождества Христова — сначала устроили столовую, потом пивную. Проточные пруды, где стояла Иордань, засыпали и устроили стадион.

В это время на колокольне уже не было колоколов. Их сбросили в двадцатые годы. Самый большой колокол весил тысячу пудов — 16 тонн. (Для сравнения: в Западной Европе самый большой колокол также на тысячу пудов). Колокол, конечно, разбился. Тогда колокола переплавляли на нужды индустриализации. Но один колокол весом в 5 тонн уцелел, воткнувшись в грунт верхней

частью. Максим Горький этот колокол, чтобы его спасти, подарил МХАТу. Там ставился спектакль, в котором был колокольный звон. Во МХАТе колокол подвесили под сценой, в подвале. Но когда ударили в него во время спектакля, это оказалось опасно не только для здоровья публики, но и самого здания. После такого эксперимента язык колокола весом в 100 кг сняли, дабы еще кто-либо не попробовал звонить. Так он и лежал около колокола много лет, пока о нем не узнали старообрядцы. На нем было отлито, что он для колокольни Рогожского храма Успения Божьей матери. Начались хлопоты, и Министерство культуры разрешило вернуть его на Рогожское. Дав на все работы по извлечению его из подвала одну неделю. Пришлось поторопиться и восстанавливать вновь капитальные стены, копать котлован, переносить кабели… Одним словом, колокол был торжественно с водоосвящением водружен на колокольню храма. Висит сейчас вместо 16-тонного, на стальных двутавровых балках, одетых в «деревянные рубашки», чтобы во время звона не портился звук.

Все это было в прошлом, а о настоящей истории хотелось сказать тоже. В 1980 г. церковный староста Ромил Иванович Хрусталев решил сделать проект восстановления Рогожской слободы. Это время было не очень лестное к нам. Но нашел человек в себе такое мужество и заказал проект частным лицам. Был выполнен большой цветной альбом архитектурных чертежей. Он зафиксирован в архитектуре градостроительства Москвы, и будем надеяться, что когда-то будет воплощен в жизнь. Через 30 лет это осуществилось. Действия Ромила Ивановича — настоящий подвиг, не меньший чем его предков Хрусталевых, меценатов и других известных и неизвестных фамилий Рогожского.

Добавим для полноты исторических сведений, что Покровский Собор не закрывался в лихие тридцатые годы, к «гражданскому виду» не приводился, как уже говорилось — все это было сделано еще при Екатерине Второй.

Валентина Кирилловна, много я видел церквей, очень люблю свой храм в Нижнем Новгороде, но Рогожский Покровский Собор!!! Здесь я оставил свое сердце. Интересно посетить Собор в неделю Жен-мироносиц — второе воскресение после Пасхи. Традиционно здесь совершается Крестный ход в память о распечатывании алтарей 1905 г. Высочайшим повелением царя Николая II. Они были запечатаны Николаем I по настоятельному ходатайству митрополита Московского Филарета Дроздова — так много сделавшего зла старообрядцам. В конце литургии совершается Крестный ход по всему Рогожскому. Когда 10 тысяч молящихся заполняют все улицы — зрелище грандиозное. Советую Вам, Валентина Кирилловна, побывать на этом торжестве.

Единоверие

В 1799 году некоторые московские старообрядцы обратились с прошением к местоблюстителю патриарха митрополиту Платону в Петербург: дозволить им иметь свои храмы и священников от новообрядческой церкви. При этом представили особые условия, по которым они могли бы иметь священников. Прежде всего, они просили, чтобы Синод снял клятвы, положенные на старые обряды, чтобы церкви освящались по старопечатным книгам, службу совершали по старопечатным книгам и уставам, чтобы священники были рукоположены непременно по старому уставу, чтоб их не требовали на общую молитву с троеперстниками, чтоб архиереи благословляли народ так же двуперстно. Митрополит Платон, считая старообрядчество глупостью, которую надо выводить, пошел на это. Но при этом добавил и свои условия, запретив присоединяться к новой церкви из новообрядческой. Сразу оговорив возможное бегство из никониан-ской церкви людей в новую, на которую он смотрел подозрительно. Этих людей раскольниками он называть не

стал, но и старообрядцами тоже, придумав им новое название — «единоверцев».

Но бегства, ожидаемого в новую церковь не было ни с той, ни с другой стороны. В единоверие перешло незначительное число старообрядцев, и оно влачило жалкое существование. Старообрядцы его сторонились, как опасной ловушки, и не случайно. Что может быть хорошего из компромисса в религиозном вопросе?!

Николай I, поняв, что допущенные Екатериной II послабления старообрядцам дают им силу и простор к развитию, счел необходимым вступить со старообрядцами в открытый и кровопролитный бой! И инструментом к этому стало единоверие.

Отступление от веры под любым предлогом к хорошему никогда не приводило. И вот зародилось нечто новое и не совсем понятное. Эдакий маленький «котеночек», из которого впоследствии вырастает лютый зверь! И снова начинается гонение! Да такое, что от знаменитых Шарташских скитов на Урале и фундаментов-то не останется! И опять на многострадальном Урале никонианский епископ Аркадий возродит жесточайшее время Диоклитиана. Стирались с лица земли монастыри, предавались огню скиты, древние иконы и священные книги не только на Урале, а по всей России. Иргиз будет также уничтожен со всею жестокостью своего времени, которое даже не поддается описанию. Но все же необходимо отметить разгром Иргизского Средне-Никольского монастыря в январе 1837 г. в Саратовской губернии. Пришло губернатору А. П. Степанову и архиепископу Иоакиму Высочайшее повеление от царя превратить раскольнические монастыри в единоверческие.

Как пишет Н. С. Соколов «Раскол в Саратовской губернии», губернатор — бывший адъютант генералиссимуса А. В. Суворова, участник знаменитого перехода через Альпы — медлил с исполнением Повеления. Иоаким же торопил его и не раз присылал к нему своего архиманд-

рита Зосиму, и даже с письмом: «Посылаю орлиный беспристрастный взгляд с орлиными когтями на раскольничьи иргизские монастыри. … Можно надеяться, что при содействии Всевышнего, мало останется цыплят в главных гнездах суеверия и разврата. …»

Только 8 февраля к монастырю прибыло духовное и гражданское начальство с военной командой. Пока шли переговоры, собрался народ — 300 человек старообрядцев. Народ заявил, что не пустит в храм архимандрита Зосиму с товарищи. При попытке Зосимы приблизиться к церкви — ударили в набат, подняли крики «Караул!». Начальство удалилось в Николаевск на совещание. И на другой день с увеличенной военной командой и двумя тысячами никонианских понятых пришли к монастырю. Старообрядцев было 500 человек. При попытке войти в церковь «весь народ как один человек пал на колени, слезно прося оставить им монастырь на прежнем основании». Тогда им было прочитано Высочайшее повеление, но оно не возымело действия. Народ умолял не трогать их церковь. Стращали уголовным кодексом. Народ единогласно заявил: «Перетерпим всякую казнь, нежели отдадим церковь нашу».

Уездный стряпчий с азартом заявил, что в случае упорства будут применены пушки, начнут стрелять по толпе. «Госдарю императору ничего не стоит, если и сто человек убьют одним выстрелом». Но это не помогло. Две недели десятки чиновников и сотни понятых безуспешно старались выполнить Повеление. Преосвященнейший Иоаким докладывал: «Церковь окружена народом. Толпа раскольников падает на колени и ходатайствует об оставлении им храма, где молились их предки».

21 февраля губернатор Степанов сам приехал в монастырь ночью. Монастырский двор был полон старообрядцев. Губернатор ввел жандармов и понятых, приказав вытаскивать старообрядцев за ворота. Началось «мамаево побоище». Всех избивали, и особой жестокостью отлича-

лись жандармы. Поднялся великий шум, вопль, раздался колокольный звон, на который прибежали из окрестных деревень. Губернатор испугался последствий своего побоища и приказал отступить от монастыря. В другой день Степанов приехал в монастырь вновь и из саней кричал старообрядцам: «Вы не повинуетесь государю-императору». Народ отвечал: «Мы воле государя- императора ни в чем не противимся. Только просим оставить монастырь в прежнем положении». Губернатор, грозя привести пушки и сбросить колокола, уехал в Саратов решать непонятный ему юридический казус. «Мрачное упорство народа без всякого признака буйства» было истолковано юристами как бунт, который надо подавить войсками. Была отправлена батарея и рота солдат с офицером. А в Петербург рапорт министру Блудову с вопросом: что делать? В рапорте говорилось, что 500 старообрядцев через таинство исповеди поклялись насмерть не отдавать своего храма. В то же время толпа не агрессивна, даже когда их вытаскивают из монастыря. Все они стоят на коленях в несколько колец вокруг храма, сцепившись руками и ногами, решив умереть на месте без всякой обороны, заслоняя своими телами вход в храм.

3 марта из Петербурга пришел приказ: «Монастырь взять во что бы то ни стало». Тогда губернатор распорядился отправить в монастырь еще 30 казаков с двойными нагайками, 50 жандармов, 4 пожарных трубы с прислугой. Кроме того около монастыря было 3 тысячи понятых.

Однако 482 мужчин, 617 женщин и множество детей (по другим данным 3 тысячи человек) защищали свою святыню до смерти. Военный совет постановил: действовать нагайками казаков, прикладами солдат и пожарными насосами. Вспомнив суворовскую науку побеждать, губернатор скомандовал «Пли»! И началась стрельба холостыми снарядами, пошли в ход нагайки, приклады. Из насосов поливали неподвижно лежащих на морозе людей. Под крик, вопли и стоны избиваемых, орудийные залпы в течение

двух часов растаскивали старообрядцев. Женщин волочили за волосы с полверсты, многие лишились своих младенцев. Всего за оградой монастыря было повязано 1099 человек.

Протоирей докладывал владыке Иоакиму, что подъезжая к монастырю, он увидел множество народа обоего пола, лежащих связанными, текущую по двору воду и лужи крови. В присутствии губернатора с церковных дверей сбили замки, и пока служили водосвятный молебен, и все окропили, «воинство» и понятые грабили имущество монастыря, выламывая окна, двери, полы, опустошая погреба, подвалы, сундуки, шкафы, хлебные амбары… Но старообрядцев ждал еще судебный приговор: молодых в солдаты, одиннадцать человек, после наказания кнутом, сослать на каторгу, 326 человек и настоятеля Корнилия наказать плетьми и сослать на поселение. 16 человек по старости телесно не наказывая отправить в Сибирь. Так был уничтожен знаменитый в старообрядчестве Иргиз. В единоверческих монастырях старообрядцы жить не стали и ушли в Сибирь.

Не легче было и Выгу. Там даже кладбище было варварски разорено: могилы сравнены с землей, запаханы и засеяны травой.

Преображенское в Москве было спасено от окончательного разорения только крупной взяткой. Старообрядцы-федосеевцы поднесли начальнику столичной полиции пирог с начинкой из тысячи золотых червонцев. Это десять тысяч рублей золотом. (*Дмитрий Ушаков. «Русское Старообрядчество» Москва Эксмо 2016. с. 240*).

Где не было единоверцев, старообрядческие церкви просто закрывали, даже на окраинах России.

Алтари Рогожских храмов будут опечатаны, и 49 лет не вступит в них человеческая нога. Вот к чему приведет решение религиозного вопроса компромиссным путем. Верно, по-другому и нельзя, ибо, что заповедано и пове-

лено Богом, невозможно изменить людям, но человек должен все это выполнить!

Все это закономерно. Никонианство в борьбе со старообрядчеством перепробовало все средства и уговоров, и откровенного насилия, не остановившись перед кострами и другими крайними мерами, и все же не одержало победы, и было посрамлено! Так мучимые побеждали и победили мучителей! Никонианство больше не знало, что еще можно сделать. И вот тут возникает «единоверие». Возникло оно, конечно же, не на пустой почве. Постепенно иерархи казенной церкви видят в нем тот спасательный круг, через который возможно будет поправить, кажется, свой авторитет. И постепенно утверждаясь в этом, начали они насаждать единоверие всюду. В конце царствования Александра I это уже осуществлялось и достигло своего расцвета при Николае I. В его тридцатилетнее правление старообрядцы хватили лиха!

Теперь в единоверие загоняли их силой государственной машины. Отбирали у старообрядцев все: церкви, часовни, монастыри, движимое и недвижимое и передавали единоверцам. Это хорошо просматривается на примере Рогожского кладбища.

С приходом к власти Николая I начинается наступление на Рогожское. Его статус переименуется в Богадельный дом, на попечении которого содержится 1134 человек. Правительством здесь вводится должность смотрителя со специальной Инструкцией: строгий контроль за соблюдением правил проживания, запрет на возведение новых построек и ремонт старых. (Впрочем, это по всей стране) нельзя было построить что-либо из новых материалов. Но к 1850 г. напряжение достигает своего предела! И закрытие храмов Рогожского обретает свои реальные черты!

Среди некоторых старообрядцев ведутся колебания и разговоры о присоединении к единоверию, порой ради спасения положения. Все это видя, настоятель собора

священноиерей Иоанн Ястребов предложил: помолиться Богу, а потом принять окончательное решение. Отслужили всенощную, а утром часы с крестным ходом вокруг часовни (Собора). После чего настоятель в храме поставил аналой с евангелием и произнес перед всеми краткую речь: «Чтоб стоять в вере до последней капли крови!» и целовал Евангелие! А кто за единоверие — выходи вон! И все целовали Евангелие. И больше о единоверии не было речи.

Не мог, конечно, в ту пору сказать отец Иоанн Великую Тайну, что в далекой Белой Кринице уже произошло присоединение митрополита Амвросия к Старообрядческой Церкви! И уже поставлены преемник епископ Кирилл и другие духовные лица. Что вопрос со священством отныне решен!!! Но это все пока в великой тайне в далекой Белой Кринице в другом государстве — Австро-Венгрии. А пока на Рогожском закручиваются потуже гайки.

1853 г. умирает настоятель отец Иоанн Ястребов. Последнего оставшегося священника о. Петра Русанова принуждают уйти в единоверие.

В 1854 г. группа прихожан во главе с купцом В. А. Соколкиным (100 чел.) подали прошение начальству об образовании на Рогожском единоверческого прихода. Церковное начальство быстро решает этот вопрос, и в сентябре, того же 1854 г. отбирается у старообрядцев Никольский каменный храм (один из трех) и передается единоверцам вместе с колокольней, т. к. колокольный звон старообрядцам был запрещен еще в 1826 г. Но этого мало. Поскольку эти 100 человек являлись прихожанами Рогожского, то им еще принадлежит и часть имущества общин. Из 59 построек единоверцам передают 12. А кроме того ризы, иконы, церковная утварь…

Под влиянием никонианских церковных иерархов Николай I стал гонителем и деспотом. Он решил покончить, наконец, со старообрядчеством и в 1830 году перекрыл им все жизненно важные артерии существования. Царь принял экстренные меры к перебежчикам (беглым

попам) из господствующей церкви в старообрядческую. И у старообрядцев совсем стало трудно со священством. Вопрос этот всегда был открыт и всегда всех волновал, но теперь он встал просто ребром, что называется быть или не быть. Проблема эта обсуждалась во всех старообрядческих центрах и всеми. И было принято решение возродить законное священство. Надо сказать, что попытки к этому были неоднократно, но все время неудачно. К тому времени в России у старообрядцев осталось всего только три священника. Двое в Москве на Рогожском, из которых старшинство имел о. Иоанн Ястребов, да в Туле о. Павел.

Восстановление законной церковной иерархии в старообрядческой церкви

В 1832 г. тайный Старообрядческий Московский собор на Рогожском принял решение о восстановлении церковной иерархии за границей, так как в России это сделать было не возможно. Задача была очень сложной. За финансирование экспедиции взялся петербургский купец Первой гильдии Сергей Григорьевич Громов. Он отправил на поиск владыки инока Павла. Выбор пал на Белую Криницу (родник с водой белого цвета), потому что император Австро-Венгрии Фердинанд был, если можно так выразиться, «в долгу» у монахов этого монастыря. Как-то принц оправился на охоту и едва не попал в руки разбойников. Монахи, ловившие рыбу, принца спрятали и спасли. И когда император хотел отблагодарить их за это, они сказали, что им ничего не надо. Поблагодарив монахов, наследник престола сказал им, чтобы обращались, если что-то будет нужно. Этим случаем и воспользовался инок Павел.

Приехав в Белую Криницу, он начал с того, что подал прошение от монастыря императору Австро-Венгрии Фердинанду, на которое и получил разрешение: «Всеми-

лостивейше дозволяется привести из-за границы одно духовное лицо, именно архиепископа или епископа … который должен будет поставить священников равно как избрать и поставить преемника себе». На получение этого документа ушло четыре года!

Инок Павел подобрал себе в качестве помощника в этом чрезвычайно секретном деле инока Алимпия. Они в поисках кандидатуры отправились в Палестину. Обтекли все Средиземноморье. Побывали в Иерусалиме. Но лишь в Константинополе познакомились с митрополитом Амвросием. Он был вдовствующим митрополитом, то есть не имеющим своей кафедры. Ранее служил в Боснии но, по требованию султана, за то, что обратил нескольких мусульман в христианство, был отозван из Боснии и служил в Константинополе вместе с Патриархом.

Инокам Павлу и Алимпию нужно было доказать истинность старообрядчества в России и сделать предложение Амвросию возглавить Русскую Православную Старообрядческую Церковь. Разговор был длинный, и только убедившись в непорочности РПСЦ, митрополит Амвросий согласился. После чего инок Алимпий уехал в Белую Криницу, а Павел с Амвросием стали готовиться к отъезду. Оформив документы и паспорта, выехали как частные лица в Добруджу, а затем в Австро-Венгрию в Белую Криницу. «Соглядатай» доносил в Петербург, что в Белокриницком монастыре идет спешная подготовка к приему владыки, словно он завтра должен приехать. Амвросий действительно был в пути, но это было в великом секрете. По прибытии в Белую Криницу митрополит был представлен императору Фердинанду с представлением соответствующих документов. И Фердинанд дал Амвросию охранную грамоту. А затем со всей тщательностью и последовательностью присоединен к Старообрядческой Церкви. В короткий срок был им поставлен приемником владыка Кирилл — уроженец Нижегородской земли, и другое священство. Как писал Мельников-Печерский,

через несколько месяцев даже в лесной заволжской глуши все знали о восстановлении священства в старообрядчестве. На присоединение митрополита Амвросия к русской старообрядческой церкви ушло 14 лет.

Враги старообрядчества от известия об утверждении епископской — старообрядческой кафедры в Австро-Венрии пришли в полную растерянность.

Николай I не постеснялся направить делегацию в Вену и потребовать от австрийского правительства немедленного уничтожения существующей в Австрийской державе «раскольничьей кафедры» и закрытие Белокриницкого монастыря. Амвросия, как бродягу, отправить обратно в Константинополь или в ссылку. В противном случае грозил Австро-Венгрии войной. После чего в 1847 г. митрополит Амвросий был вызван в Вену, где ему предложили либо вернуться в Константинополь (на прежнее служение его приглашал грамотой патриарх) либо отправиться в вечное заточение в далекий город Цили (Словакия). Амвросий отвечал: «Я однажды сию религию принял и уже вспять возвратиться не желаю». Изгнание он принял без ропота и гнева, где и пробыл более 15 лет. После ареста Амвросия Белокриницкий монастырь был закрыт. Иноков обители (всего 20 человек) выслали за границу.

Перед смертью митрополита Амвросия посетили Тульчинский епископ Иустин с протодьяконом Ипполитом, направленный Советом Старообрядческой церкви с доверительной грамотой от 31 августа 1863 г. Через два дня владыка Амвросий скончался; похоронен на греческом кладбище в г. Триесте.

Злой рок преследовал Николая I. Именно в этом году, когда он требовал от императора Фердинанда сослать митрополита «как бродягу», надеясь уничтожить восстановленную иерархию, он был вынужден заключить конвенцию с Римским Папой об утверждении в России новой католической епархии в городе Херсоне с сонмом священства, семинарией и школой за счет российской казны.

Херсоно-Таврический архиепископ Иннокентий указывает на вред российскому государству от нового папского учреждения: «Сколько тысяч казне, а вместе с тем сколько хлопот, затруднений, неудовольствий самому правительству будет стоить эта новая, … откуда и для чего взятое учреждение латинского епископата».

А вскоре в Австрии произошли политические перемены, и Белокриницкий монастырь был открыт вновь. 29 августа 1848 г. наместник митрополита епископ Кирилл вступил в управление церковью в качестве верховного святителя. И 4 января 1849 г. ему был вручен за Божественной Литургией митрополичий Жезл.

Судьба первых старообрядческих иерархов в России

Вновь созданную иерархию в России истребляли всеми способами: не только физически, но и клеветой, и различными лживыми слухами, утверждая, что Амвросий будто бы обливательно крещен. И клевета достигла своей цели: в результате беспоповцы и беглопоповцы Амвросия не приняли. И доныне существуют автономно.

Митрополит Кирилл, в сослужении с епископом Ануфрием, 11 февраля 1853 года рукоположили архиепископа Всея Руси Антония, которого ранее инок Павел Белокриницкий убедил перейти из бесповцев в Белокриницкую иерархию. В последствие, став архиепископом, Антоний явил себя во всем величии необыкновенной деятельности архипастыря. За 29 лет своего самоотверженного, многотрудного и чрезвычайно плодовитого служения святой Церкви создал 12 епархий, рукоположил 24 епископа и 52 священника. Полиция искала его и ловила по всей Москве с помощью своих агентов. За его голову была назначена награда в 10 тысяч рублей. Владыка Антоний служил преимущественно по ночам, никогда не ночевал по двое суток в одном месте, всегда на окра-

инах Москвы. Неоднократно его «накрывали» за службой, но он всегда уходил. Были случаи, когда он сам выходил, чтобы сдаться властям, но они его, хранимого Богом, не замечали.

Страна превратилась в полицейский участок по поимке епископов, поставленных на Русь. Первым был арестован архимандрит (игумен) Белокриницкого монастыря Геронтий, ездивший в Россию за милостыней. Деньги отобрали, а Геронтия посадили в Шлиссельбургскую крепость в вечное заточение. Проведя в одиночном заключении более 20 лет, он незадолго до смерти сошел с ума.

Затем были арестованы святители, рукоположенные митрополитом Амвросием. Архиепископ Аркадий Славский (селение Русская Слава, Румыния) и епископ Алимпий, когда русские войска в турецкую военную кампанию перешли Дунай и заняли Добруджу (Румыния), старообрядческие святители встречали русских воинов хлебом и солью и благословляли иконой Пресвятой Богородицы. И какая подлость: по приказу генерала Ушакова были арестованы в тот же день, а затем по Высочайшему Повелению Николая I 20.10.1854 г. были заключены в Суздальском Спасо-Ефимьемском монастыре в одиночных камерах пожизненно. Без имен и званий, под номерами.

Место содержания святителей было государственной тайной. Архиепископ Аркадий провел в одиночке 27 лет; епископ Алимпий, просидев 5 лет, сошел с ума и умер в застенке. Через 4 месяца после их ареста царь скончался при невыясненном диагнозе. Знаменитый поэт Ф. И. Тютчев написал меткую эпитафию на его кончину:

«Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои — и добрые и злые-
Все было лишь в тебе, все призраки пустые…»

По восшествии на престол Александра II, как отмечал Мельников-Печерский в 1857 г. стеснения старообрядцам еще более увеличились.

В 1858 г. схвачен епископ Коннон Новозыбковский, а в 1859 г. — епископ Геннадий Пермский. По Высочайшему Повелению Александра II их отправили также в одиночное заключение в Суздале. Епископ Коннон томился 23 года, епископ Геннадий 18 лет. Все трое — Аркадий, Коннан и Геннадий — были освобождены по ходатайству Л. Н. Толстого по Высочайшему повелению только при Александре III 10.09.1881 г. Епископа Коннона вынесли едва живого на носилках. Епископ Геннадий Пермский был отправлен в Харьков под надзор полиции. В своей харьковской квартире он устроил моленную, был арестован вновь. Были сожжены его богослужебные книги и епископское облачение. Его выслали в г. Виндаву Курляндской губернии, откуда владыка ушел за границу и доживал в Румынии в Тисском монастыре. Написал несколько книг в защиту старообрядчества.

Епископ Мефодий Томский был схвачен в 1893 г. в Бийском уезде Томской губернии, острижен, одет в арестантскую робу, посажен в тюрьму, лишен всех прав и затем сослан в Восточную Сибирь. Закованного в кандалы старца гнали три тысячи верст до места ссылки. Приговор: присоединил никонианина к старообрядческой церкви. Был арестован вновь, заключен в Иркутскую тюрьму за то, что рукоположил священника для старообрядческого прихода, и далее отправлен на остров к прокаженным в Восточно-Сибирском море.

Через 10 лет якутские старообрядцы перенесли нетленные мощи святителя в Якутск и погребли под храмом. То, что они нетленны, держалось в тайне, иначе бы их выкопали и сожгли на костре, как это было повсюду.

От Московского архиепископа Иоанна Картушина в 1900 г. полиция потребовала подписку: не именоваться архиепископом Московским. В ответ он написал, что он старообрядческий архиепископ. Это дало повод выслать его из Москвы в Тулу под надзор полиции. Только в феврале 1905 г. после Манифеста о веротерпимости в России

всех религий, он вернулся в Москву. За 16 лет его управления РПСЦ было открыто шесть епархий, освящено более 100 храмов, поставлено 15 епископов. 92 священника и 8 дьяконов. Все епископы были постоянно в пути, никогда не ночевали дважды в одном месте.

Архиепископ Мелетий с приходом советской власти, когда никакая деятельность вообще не была возможна, жил в сторожке у церкви на Опухтинке. Затем вынужден был скрыться и вернулся в Москву только в 1922 г. Всего в России к 1917 г. было учреждено 24 епархии.

А на Рогожском в ноябре 1856 года смотритель кладбища — отпетый мерзавец и негодяй Мозжаков — личным распоряжением запрещает молиться в храмах Рогожского! Отмены этого распоряжения старообрядцы добились, конечно, через Генерал-губернатора, но на это ушло много времени, сил и средств. А затем последовал и лживый донос иеромонаха Парфения Алчеева — отступника, клеветника и предателя, на Рогожском о якобы бывших здесь бесчинствах. Несмотря на то, что в период разбирательства и дознания Парфений от всего отказался, и даже сказал, что сам он на службе не был и бесчинств не видел, не мог он указать и никаких свидетелей, однако, уж известный нам митрополит московский Филарет Дроздов направил в Священный Синод свое доношение: «Подкрепить раскол на Рогожском кладбище — значит подкрепить его до отдаленного края Сибири, и напротив, ослабить раскол на Рогожском — значит ослабить его повсюду».

Старообрядцы со времен почти Никона, когда прекратилось истинное священство, пользовались священниками, которые переходили от никонианской церкви в старообрядчество. Это все было по церковным соборным правилам, когда раскающегося священника через покаяние возвращали в истинную церковь. Этими-то священнослужителями и пользовались старообрядцы для совершения своих духовных потребностей.

Николай I — российский самодержец в своем злом стремлении уничтожить старообрядчество был, кажется, близок к своей черной цели. Преследование шло повсеместно. На разорение старообрядческих монастырей отправлялись целые полки. Опять старообрядцы бежали за рубеж. Возрождается Ветка, все дальше уходят в Сибирь, бегут в Турцию, Китай, Манчжурию и даже Японию.

На Урале спускаются в катакомбы Каслинской пещеры, которая имеет протяженность на 50 верст. Видно старообрядцы ее всю прошли. Все это напоминает гонения на первых христиан в Римской империи. Куда же было деваться? Но как написано в Евангелии? Что говорит Христос — читаем: «Когда вас будут гнать из одного города, бегите в другой…» Тогда и сбылось пророческое слово: «Излияся уничижения на князя их и заблуждати сотворися я по непроходней, а не по пути» (Псалтырь.106.40). Слова эти многие не понимают, а смысл их очень прост: когда вас будут ловить, то, убегая, вы не ходите по торной дороге, так как вас там схватят, а уходите тайными тропами. Тогда может быть и спасетесь.

И вот старообрядцы устраивают свой скит на Урале всего в двадцати верстах от Нижнего Тагила. Где же вы думаете — да в частом ельнике! Как известно в частый ельник не войти, ни тем более туда пробраться отрядом невозможно. Будете в лесу — испытайте это. Нельзя было даже подозревать того, что там находится скит. Туда вели тайные, никому не ведомые тропы-тупики, по которым ходили считанное число раз. Зимой сообщения не было совсем. Иноки жили запасами и только в пургу, когда снежная метель заносила сахму (лыжный след), в скит приходили люди, принося потребное инокам. Предосторожности были чрезвычайные, часовые круглосуточные.

Епископа Аркадия и хлебом не корми, только покажи ему, где скрывается старообрядческий скит. Такая была у этого «апостольского преемника» злоба на последовате-

лей Христовых. Не могла стерпеть его черная душа мученической стойкости и твердости старообрядцев.

Но давайте, уважаемая Валентина Кирилловна, попробуем «построить» всех этих последователей Никона — митрополитов новой церкви, как бы в одну шеренгу, словно солдат. Интересно посмотреть на их деяния сразу, как бы с высоты птичьего полета. Все они в одинаковой форме и всем им присуща какая-то сатанинская злоба, все они запятнаны мученической кровью. Но правда ли это? Неужели все! Нет же правил без исключения. Да, формула эта верна и здесь. Три архиерея: Макарий — митрополит новгородский; Маркел — архиепископ вологодский и Александр — епископ вятский не согласились с никонианскими нововведениями и служили по старым книгам. А остальные — вот они.

Первый из них Иоаким. Чудовский архимандрид, а затем и патриарх Московский. Бывший военный, человек крутой и жестокий, ненавидевший старую веру и ее последователей. «Я не знаю ни старой веры, ни новой, но что мне велят начальницы, то я и готов творить». По приказу Иоакима были сожжены в Пустозерске Аввакум с подвижниками. Он же уморил в земляной тюрьме и боярыню Морозову с княгиней Урусовой.

Иоаким написал книгу «Увет» — полной ругательства и всякой лжи, в которой для основания своих утверждений, не стеснялся прибегать к явным подлогам, подделкам и обманам. Однако утвердил свое сочинение соборно и догматически, сделав ее канонической книгой новой церкви! По настоятельству патриарха Иоакима царевна Софья издает знаменитые драконовские статьи — 12 параграфов. «Раскольников жечь!» Это породило новую волну эмиграции старообрядцев из России в запредельные страны.

Второй — Питирим Нижегородский: вероотступник и предатель, сменивший свою веру на земные блага. Обласканный Петром, без всяких колебаний тот час перемет-

нулся к нему на службу, проявив огромную прыть. За что и получил от Петра титул «равноапостольского». Что же это за деятельность? Питирим всячески провоцировал Петра против старообрядцев. Написал книгу «Пращица». Я в юности купил с рук эту книгу за 20 рублей, не зная, что это Питиримово творение. Начал ее читать и сразу насторожился!

В изданной книге Синодом «Пращице»: если в Ветхозаветной церкви непокорных велено убивать, то «кольми паче в новой благодати непокоряющихся святой восточной и великороссийской церкви подобает наказанию предавати, достойно бо и праведно есть: понеже тамо сень (тень), зде же благодать…» Ибо како вас не мучити? — удивляется автор «Пращицы», обращаясь к гонимым и убиваемым русским благочестивым людям, — како в заточение не посылати? Како глав не отсекати? Это же самое богоугодное и спасительное дело. Питирим все это, что писал, применял на практике: Выпросил у Петра военный отряд под командованием поручика Ржевского, который порол кнутом насмерть даже женщин. Взял обманом дьякона Александра с Керженца, когда тот привез ему свои знаменитые ответы на его вопросы. Держал в тюрьме в Ивановской башне нижегородского кремля, пытал довольно, привозил показать даже Петру. По его приказу отсекли голову Александру, тело сожгли, пепел бросили в Волгу. Когда проводил «диспут» в селе Пахмутова со старообрядцами на Керженце, привел туда и свою военную команду. Все окружил. И скажи ему, что не так! В Пахмутово и поныне висит чугунная доска в память об этом «диспуте». Ему же на позор! После этого старообрядцы бежали с Керженца в Пермский край, Сибирь, Стародубье, Ветку…

Третий — Митрополит Стефан Рязанский. Написал книгу «Камень веры». Она издана так же «святым» Синодом: где целый отдел так и озаглавлен «Догмат о наказании еретиков». Там с убийственной решимостью и ошеломляющим бесстыдством утверждается, что «искус (опыт)

научает, что иного на еретиков врачевания несть, паче смерти». И не просто убиваются, а «обаче лютыми смертьми убиваются, того ради, яко да прочие разумеют тяготу греха и не дерзают творити неподобная. Сия же вся прилична суть еретикам: убо тех убивати достойно есть и праведно». Вот такое врачевание возведено в догмат веры: палачи стали врачами, а пастыри — палачами. (Ф. Е. Мельников). Я привожу из его книги порой материал потому, что издана она крайне малым тиражом всего 1000 экземпляров и это на всю нашу страну! Тираж этот нужно увеличить и издание повторить! «Краткая история Старообрядческой Церкви».

Четвертый — Митрополит Филарет Московский (Дроздов). Ложь и обманы новой церкви стали догматической истиной. И Филарету принадлежит знаменитая фраза» «Авторы подлогов неправдой служили правде». Словом иезуитское правило «Святая цель оправдывает все средства». По заведомому и доказанному лжесвидетельству Пафнутия, Филарет не постеснялся написать ходатайство в Синод: «Подкрепить раскол на Рогожском кладбище — значит подкрепить его даже до отдаленного края Сибири, и напротив, ослабить его на Рогожском кладбище – значит ослабить его повсюду». Именно его ходатайство послужило причиной опечатывания алтарей Рогожских храмов. Когда у старообрядцев отобрали Никольский храм со всем его содержимым, Филарет приказал сжечь священные ризы, как осквернённые раскольниками. Но лучшие, впрочем, оставил себе, не постеснявшись «осквернения». Признавал величайшим достижением православия прекращение святой литургии на Рогожском, сам мечтая там служить.

Пятый — Митрополит Антоний (Храповицкий) — знаменитый богослов новообрядческой церкви, председатель Синода Зарубежной церкви — воевал против осьмиконечного Креста Христова. Учил, что Крест Христов не имеет искупительной силы. У него много было потом

последователей: знаменитый отец Сергий Булгаков — богослов зарубежной церкви, Илларион инспектор Московской Духовной Академии, протоиерей Светлов — профессор Киевской Духовной Академии и многие другие нелепо мыслящие иерархи никонианской церкви. Все они вместе со своим учителем изгоняли Крест Христов отовсюду, заменяя его на четырехконечный крыж (польское название четырехконечного креста, укоренившееся в России). Изгоняли с откровенной наглостью, остервенением и ругательствами, неистовствуя, дошли то того, что осьмиконечный крест стали называть раскольническим. Для наглядности уместно привести высказывания Антония. Вот его слова «отслужит священник литургию на просфорах, где изображен осьмиконечный крест с надписью Се Агнец Божии, вземляи грехи всего мира», — он за это одно низвергнут из сана, проклят и душа его пойдет к Иуде-предателю прямь в ад, а совершенные им тайны — не тайны, а «пес закланный». Ну что можно сказать об этих людях — бесноватые они были, другого вывода сделать нельзя. Однако, Крест — хранитель всей Вселенной непобедим!

Шестой — Павел Крутицкий: «Явный любодей, церковный кровоядец и навадник, убийца и душегуб» — пишет об этом митрополите Аввакум. Он никогда не живал духовно, блинами все торговал да оладьями, а как стал попенком, так по барским домам научился блюда лизать». Не видел и не знает он духовного жития. Не лучше этого был и Илларион рязанский. «В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, расчешет волосы словно девка, да едет, выставив рожу на площади. Ох, бедной, бедной. Некому по тебе плакать», — восклицает Аввакум.

«Конечно, таким совсем недорого было ни русское благочестие, ни святая Русь, ни Церковь Христова. Легко и без всякого рассуждения и знания принимали они все новшества и с пришлыми чужестранцами проклинали они весь русский народ, еретичили исконные его предания, обычаи и книги». (Ф. Е. Мельников).

Седьмой — Аркадий Уральский: неслыханное гонение открыл на старообрядцев в своей вотчине, загнав их в катакомбы Урала.

Восьмой — Афанасий Холмогорский — в 1683 г. исключил из лика святых уже канонизированного чудотворца, преподобного Евфимия — игумена Михайло-Архангельского монастыря (1585–1599) только за то, что у мощей было двуперстное сложение, и мощи уничтожил.

Девятый — Варнава Холмогорский — разжаловал Георгия Шенкурского чудотворца, и мощи где-то закопал. Прекратил службу святому Нифонту Новгородскому и мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию (акад. Голубинский).

Десятый — митрополит Гавриил — донес правительству о строительстве храма на Рогожском «Старообрядцы — народ опасный, постройкой своего большого храма они унижают государственную церковь». В результате храм достроен в изуродованном виде. «Пылающие срубы и костры с десятками тысяч невинных жертв, плахи с топорами, с отрезанными головами, с потоками крови, виселицы, колесование, четвертование, выматывание жил, нарушение тайны исповеди — все это догматизировано, богословски обосновано, закреплено и благословлено новой церковью» (Ф. Е. Мельников). В это время гонения на старообрядцев считалось не только допустимым, но и предопределенным Богом, так как старообрядцы, по их мнению, нарушали гармонию церковного мира своим протестом и как невежды подлежали истреблению, предначертанному Божественным промыслом.

Все это безумие, предрек сам Спаситель: «Наступит время, — говорил Он своим ученикам, — когда всякий убивающий вас будет думать, что он тем служит Богу» (Ев. От Иоанна, 16:2). На самом-то деле он служит дьяволу, «искони человекоубийце» (там же 8:44).

А теперь, уважаемая Валентина Кирилловна, давайте вспомним, как отстаивали свою веру старообрядческие

иерархи в одиночных заключениях. Нет числа и другим мученикам. Среди них протопоп Аввакум, боярыня Морозова, княгиня Урусова… Все они страдали и умерли за правую веру.

Епископы Белокриницкой иерархии, служившие в России, пострадавшие за правоверие. Пожизненно заключенные в одиночках на 20 и более лет, страшно подумать, не отказались от звания, не пошли на попятную, остались верны Церкви Христовой. Как это напоминает житие апостола Павла! Помните: беды, беды, беды от разбойник, от сродник, от лжебратий. Беды в море, беды в пустыне, в зиме и наготе. В темницах излиха, в ранах преболе и попечение о всех церквях. «Кая темница не имела тебя своим узником! Кии град не имел тебя своим проповедником в труде и подвиге…» протекала их жизнь.

Страдания старообрядцев тянулись непрерывно до революции 1917 года, после которой начались гонения с новой силой. Об этих временах приведем свидетельство инокини схимницы Сиры (г. Миасс, Урал): «Нас убивали, расстреливали, распинали на крестах и насиловали на крестах».

Было бы неправильно в моих письмах не указать на истинную церковь. Чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода В. И. Скворцов писал: «Старообрядческий мир сохранил у себя во всей строгости исконные начала и дух церковности…».

Приведу и другой текст: «Из всех существующих в мире церковных иерархий: римско-каталической, грекоовосточной, английской, болгарской, русско-новообрядческой (с ее подразделениями на тихоновскую, сергиевскую, григорьевскую, обновленческую, живистскую, содатскую, липковскую, автокефально-украинскую, единоверческую и в эмиграции — антониевскую, евлогиевскую и платоновскую) и другие — единственно правильной и вполне

канонической и благочестивой является только старообрядческая иерархия» (Ф. Е. Мельников).

Шахов М. О., директор старообрядческого исследовательского центра, д.филос.н., профессор писал: «Никонианский Патриархат, есть религиозная организация, отделившаяся от Русской Православной Церкви в XVII веке. Возникшее в XVII в. никонианство изменило истинному русскому православию. Назвав старообрядцев раскольниками, насильно присвоив их движимую и недвижимую собственность!»

Теперь посмотрим, Валентина Кирилловна, что же стало с Единоверческой церковью? Во время Николая I и прочих царей ее всячески поддерживали, подпитывали, но потом она начала быстро чахнуть и к сему времени в ней осталось всего полтора прихода. Один в приделе на Рогожском в Никольском храме, где она и зародилась, а один в Нижегородском крае в селе Малом Мурашкине близ Григорова — на родине протопопа Аввакума. Что же она представляет собой сейчас?

В старообрядческую церковь г. Нижнего Новгорода ходили за службу два парня Михаил и Владимир. Все хотели они перейти в старообрядчество, да настоятель храма отец Федор Моржаков почему-то их все не переводил. Михаил даже как-то пришел ко мне за советом.

— Что мне делать?

—Не знаю. Ничего не делай. Живи спокойно. Кончится твой испытательный срок — переведет тебя отец Федор. Ты же принял решение. Изъявил просьбу. Остальное дело уже не твоё. Будь терпелив.

Но терпения у Михаила не хватило. Он пошел в никонианскую церковь к Нижегородскому архиепископу Николаю и сказал, что хотел бы пойти в священники, только служить он хочет по старопечатным книгам. Архиепископ Николай выразил полное согласие и сказал: «Вот пойди и служи в Малом Мурашкине в единоверческой церкви.

Там вся служба по старому» Михаил согласился. И архиепископ Николай поставил его в попы.

Служил отец Михаил исправно и пользовался большим уважением как в народе, так и в Большемурашкинском исполкоме. Мне о нем говорили хорошие слова. Я там, в селе Григорове реставрировал церковь протопопа Аввакума и в исполкоме бывал по служебным делам. Кроме того журнал «Московская патриархия» писал об отце Михаиле, поместил его фотографию с приходом. Словом, дела у него шли хорошо. Через несколько лет я его встретил в нашем нижегородском храме. Здороваемся.

— Ну как, отец Михаил, в Малом Мурашкине дела идут?

— Да, знаешь, Александр, я ушел со службы.

— Что, неприятности какие?

— Да нет.

— Так как же ты ушел?

— А вот так, снял с себя сан и ушел.

— Ну, ты и даешь! Как это так: снял сан и ушел? Почему?

— А потому, что все это единоверие чистая никонианщина. Вот поэтому я и ушел.

Позднее он постригся в монахи. Заменил его в М. Мурашкине отец Владимир. Вот такие бывают случаи…

Валентина Кирилловна, ещё мне необходимо Вам сказать о любви и истине.

О любви и Истине

Прошло 350 лет с момента раскола Русской церкви и вследствие этого разделения единого русского народа на два враждебных лагеря: на старообрядцев и новообрядцев. Никонианская церковная иерархия, испробовав все средства силы и власти против старообрядцев, устроив невиданные гония, утонув в крови христианских мучеников, продолжает политику раскола до настоящего

времени. Теперь уже всем ясно, что старообрядцы не еретики, что они правы. Господствующая церковь признала это многократным решением своих соборов: в 1906, в 1918, в 1929 и в 1971 годах. На них официально сняли проклятие со старообрядцев: «о вменении яко не бывших порицательных выражений старым обрядам и, особенно к двуперстию, где бы они не встречались и кем бы не изрекались». Были признаны спасительными старые русские обряды так же, как и новообрядческие. Но возврата господствующей церкви к ним и не происходит. В отрицании или зачеркивании Русской истинной церкви и заключается весь смысл и вся жизнь господствующей церкви: пусть будет греческая, латино-католическая или немецко-протестантская. Лишь бы только не русская. Все это началось еще с раскола и продолжается до наших дней.

Никонианская церковная иерархия и не собирается раскаиваться в пролитии старообрядческой мученической крови, пропагандирует и проповедует свои нововведения и поныне. К примеру, активно восстанавливают единоверческую церковь. Политика гонения продолжается и сейчас. Верно, теперь не сжигают на Руси «гуманно» в срубах, не отправляют в вечное заточение в сырых одиночках. Сейчас другой метод: старообрядцев игнорируют, не возвращают в собственность незаконно отобранные у них и доныне пустующие храмы. РПЦ говорит: «Стройте новые или берите свои, но только в аренду, восстанавливайте их из руин…». А не расторгнут ли они завтра договор? Это, конечно, тревожит старообрядцев, поэтому никто на это не идет.

Не пора ли вернуться к Истине? Часто слышишь от никониан и верующих других христианских направлений фразу: «Главное-то — любовь! Главное — любить Христа и друг друга. Не важно, кто как крестится». Против любви, конечно, никто не возражает. Но вот как быть с Истиной? Философы Древнего Рима в вопросе об истине запутались окончательно. А вот Христос говорит Пилату:

— Я на то родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине.

И Пилат задает Христу этот извечный вопрос: «Что есть Истина?»

— Аз есьм любовь и истина, и жизнь.

И в беседе с самарянкой Христос говорит ей:

— Наступит время и ныне есть, когда истинные поклонницы поклонятся Отцу в духе и истине. То есть, поклонятся от всей души и сердца (в духе) и сделают это правильно (в истине). Эти слова Христа сказаны против еретиков всех мастей, а никониане говорят, что можно креститься двуперстно и трехперстно и т. д. А как же Истина?

Любовь — это еще не все. Не менее важна Истина, без которой нет спасения. Истина — есть непреложный Закон раз и навсегда установленный Творцом. И когда нарушается Закон, тогда рождаются новые секты, происходят конфликты, текут реки крови, и этому нет конца…

Отступление от Истины образует пропасть между старообрядческой и никонианской церковью. Давно бы Москва была Третьим Римом, если бы не Раскол. Только после возвращения к Истине на Руси восстановится ансамбль любви и церковного мира.

Хотел бы я написать другую историю. Но, увы!

Старообрядчество не есть какое-либо отклонение от православия. Это по повелению Екатерины II торжественно засвидетельствовал Св. Синод в «Увещевании по утверждению истины». Старообрядчество не есть Раскол. Нельзя называть расколом то, что стоит недвижимо на месте.

Собором 1666–1667 гг. была наложена «Запретительная клятва», поэтому старообрядчество стало противлением безрассудству церковных властей. Оно выразило

протест против безумия, властного произвола иерархии, стесняющей свободу личности в Русской церкви. Только папизм требует от пасомых безусловного послушания до отречения от смысла и совести. Такое же послушание рекомендовал Синод в инструкции 1723 г., разъясняя архимадриту Антонию смысл «Запретительных клятв».

Старообрядчество есть протест русского православного народа против внесения папизма в теорию и практику отечественной церкви с подачи киевских латинистов, господствовавших в Москве. Если бы тогда русский народ отказался от свободы, смысла и совести, папизм навсегда утвердился бы на Руси. Старообрядцы своим протестом удержали от этого падения и саму никонианскую церковь. Тогда русское правительство не в полной мере понимало, что папизм есть заклятый враг государств и царских престолов. Старообрядчество назвало Никона антихристом за попытку сделаться Восточным папой. Что же касается решений большого Собора 1666 г., где русские иерархи совместно с самозванцами и греческими проходимцами назвали себя всей церковью, исключив весь русский народ, то исполнять его решения, как противные церкви, не надо.

Царь Алексей Михайлович, увлекшийся «греческой прелестью», проводил правительственную политику враждебную православию, русской народности и государственности. Царь Петр, упразднив патриаршество, впал в прискорбную ошибку, лишив церковь и свой царский престол священнейшего их блеска и обаяния. Нужно было просто патриарха подчинить Собору, а Собор — народному контролю. Он же создал Синод и, подчинив его себе, сам сделался «папой». Сто лет русские государи в отношении старообрядчества следовали политике Алексей Михайловича. Но безрассудство никонианских иерархов, выносивших смертный приговор за двоеперстие, было нелепо. Петр III, Екатерина Великая и Павел вступились было за здравый народный смысл. Однако акт общей кон-

ференции от 15 сентября 1763 г., императорское «Быть по сему» от 27 октября 1800 г. «О Единоверческой церкви», Синодом не были обнародованы, а их содержание подменено мнением митрополита Платона в духе «Запретительных клятв».

Таким образом, оба этих акта о «благе народа» отнесены Синодом как неудавшийся опыт державного произвола и неразумия, что проявилось в искажении смысла императорских указов. Прошли столетия и сейчас ясно видно, что старообрядцы, отстаивающие, как многие считали, «мертвую букву», на деле защищали те начала, которые составляют существо жизни и несокрушимость церкви. Даже церковные иерархи РПЦ начали понимать, что начала, хранимые старообрядчеством вечны и жизненны, а виновниками раскола были Никон и его последователи. (*См.: Макаров В. Е. Защита старообрядчества. — М.: Т-во типо-литография И. М. Машистов, 1908*). Священник единоверческой церкви отец Иоанн Верховский возлагает на Никона вину за расколы, мятежи, лжеучения, порицание древних духовных законоположений, проклятия, низложение, избиение русских архиереев, иноков и бельцов. Их жгли, пытали, били кнутом и палицами, от чего многие умерли. Никон виновник многих несчастий нашего отечества.

Прощаясь с Вами, Валентина Кирилловна, хочу сказать: дай Вам Бог уразуметь писание. Христос на Тайной вечере, прощаясь с учениками перед своим распятием, взял хлеб, благословил и, преломив, подавая им, сказал: «Примите, ядите, сие есть Тело Мое, Еже за вы ломимое во оставление грехов». Потом взял чашу с вином, благословил и подал им со словами: «Пийте от нея вси, се есть Кровь Моя, Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов». «Сие творите в Моё воспоминание». Так было установлено Таинство Причащения, через которое Христос физически входит в тело человека через причастие его своим Телом и Кровью, после чего человек

соединяется с Богом в единое тело. Вот почему христианство является совершеннейшей религией, выше которой никакая другая религия не может быть даже теоретически. В Великую субботу вместо херувимской песни поется: «Да молчит всяка плоть человеча и да стоит страхом и трепетом, и ничтоже в себе земнаго да помышляет. Царь бо царствующих и Господь господствующих Христос — Бог наш. Прииде заклатися и датися в седь верным».

Прошу прощения за мои огрехи, неточности, ошибки и промахи. Хотел бы я написать другую историю. Но, увы. Напоследок советую Вам прочитать «Краткую историю Старообрядческой Церкви» Федора Евфимовича Мельникова. С ней нельзя не согласиться: Бога надо славить правильно — православно!

Живое свидетельство: история и современное старообрядчество

в изложении А. С. Лебедева в работе «В Агафьиной тайге»

Перед нами необычная книга. Она написана не учёным, в узком смысле этого понятия, она не имеет научного аппарата, но всё же это исследование, которое можно отнести к жанру живой истории, запечатлённой в печатном слове устной истории старообрядчества, его культуры и жизненных практик. Ибо принадлежит она перу человека родившегося в старообрядческой семье, получившим традиционное старообрядческое воспитание, и пронесшим и укрепившем веру и принципы жизни старообрядцев сначала в советском секулярном обществе, а затем в постсоветском, декларирующем возвращение к православным истокам в их имперском понимании. Александр Семёнович Лебедев инженер строитель по образованию и производственной деятельности на протяжении десятилетий, но в то же время, прихожанин прихода храма Успения Божий матери Русской Православной Старообрядческой Церкви г. Горького (с 1991 г. г. Нижнего Новгорода), Почётный директор воскресной школы, певчий старообрядческого хора, знаток знаменного пения.

Наше с ним знакомство началось в 1987 г., когда студенческий стройотряд исторического факультета ГГПИ был направлен на работу в реставрационные мастерские г. Горького, располагавшиеся тогда на территории Печёрского Вознесенского монастыря. Мы были любозна-

тельными студентами-историками, знавшими историю раскола русской церкви, читавшими А. Мельникова-Печерского, но это знание носило книжный, теоретический характер. Александр Семёнович стал для нас, а для меня остаётся и до сих пор, проводником в мир живой старообрядческой культуры, в общество людей остающихся верными этой строгой духовной традиции. И я уверена, что и читателям этой книги откроется увлекательный, живой мир современного старообрядчества с его особенностями, жаждой истины и правды, сохраняющимися в дискуссиях о путях развития разнообразного, по согласиям и упованиям, старообрядческого сообщества в современности и будущем.

Российская цивилизация часто определяется по своим религиозно-ценностным ориентациям как православная, так как христианство восточного обряда было принято в качестве государственной религии в 988 г. и оставалось таковым до 1917 г. При этом надо сказать, что в России, стране многонациональной, существовали и продолжают существовать последователи многих религий: ислама, буддизма, католицизма, протестантизма и др. Они так же встраиваются в систему государственно-конфессиональных отношений и культуру России в каждый период её истории. Но и самое крупное и значимое религиозное направление страны — православие — претерпело много изменений, религиозных дискуссий внутри себя. Самый известный раскол по вопросу о вере в русском обществе произошёл в XVII в., он был связан с богослужебной реформой Никона и привёл к постепенному оформлению из среды раскольников такого религиозного направления как старообрядчество. Причём факт раскола церкви и деятельность патриарха Никона старообрядцы и сегодня оценивают как историческую катастрофу и личную драму, чему подтверждением становится и публикуемый текст А. С. Лебедева. Возникнув в XVII в. старообрядчество существует и развивается и сейчас, влияя на динамику рели-

гиозной ситуации в Российской Федерации и на русскую культуру.

В пространстве современной российской культуры, секулярной (светской, не религиозной) по своей сути, несмотря на неуклонный рост людей определяющих себя верующими в статистике социологических отчётов, старообрядчество занимает свою нишу. Несмотря на присущий старообрядчеству традиционализм и постоянную апелляцию к истории это не только предмет исторического исследования историков, археографов, но и живая развивающаяся конфессия, ищущая самоопределения в современном мире. Представители разных направлений современного старообрядчества ищут пути синтеза современности с особенностями старообрядческой культуры, ведя дискуссии о формах традиционализма, категории «русский мир», сути мирского призвания верующих. Выражением этого поиска путей самоопределения старообрядчества в прошлом и настоящем можно назвать и книгу А. С. Лебедева «В Агафьиной тайге». Но сначала несколько слов для читателя о причинах раскола русской церкви, его сути и последствиях.

Причины и суть раскола Русской православной церкви в XVII в.

Богослужебная реформа патриарха Никона 1653 г. послужила поводом к трагическому расколу не только русской церкви, но и всего русского общества. Исследователи придерживаются по вопросу о сути и причинах раскола четырех позиций:

1. Раскол — движение религиозное. Византия приняла в 1439 г. Флорентийскую унию с Римско-католической церковью. Московское государство оценило унию как измену православию. Наказанием, по мнению московитов, стало завоевание турками в 1453 г. Константинополя. Иерархи Греческой церкви, потянувшиеся в Москву, замети-

ли разницу в обрядах между церквами, однако русское духовенство объясняло это порчей «греческой веры». Когда патриарх Никон при поддержке царя Алексея Михайловича признал необходимым исправление церковных книг по греческим образцам – это встретило серьезную оппозицию в церковных и общественных кругах. Среди разночтений было:

— написание имени Иисуса, которое в древнерусской традиции писалось как Исус (с одной буквой «и»);

— перемена формы сложения перстов для крестного знамения с двуперстия на троеперстие;

— введение четырехконечного креста наряду с восьмиконечным, поливальное крещение и т. д.

Стремясь к буквальному копированию греческого текста, реформаторы внесли и изменения в Символ веры: вместо именования Святого Духа «Господом истинным» слово «истинный», симметрично применяемое в символе к Отцу и Сыну, было в новом тексте снято, и Святой Дух именовался просто Господом. Древнерусский перевод включал оба слова, подчеркивая равночестность Св. Духа с другими лицами Св. Троицы. Новый перевод, по мнению расколоучителей-протопопа Аввакума Петрова и др., разрушал симметрию, жертвуя смыслом ради греческой копии. «Поморские ответы», составленные в 1722–1723 гг., отмечают 58 статей искажений.

Авторскому изложению причин, хода раскола церкви и последующему оформлению разных направлений старообрядчества, обретения старообрядцами священнической иерархии посвящено более половины книги Александра Семёновича Лебедева. Собственно, книга автором посвящена страдальцам за веру. Он преклоняется перед их духовным подвигом и чтит их страдания, непреклонность и несгибаемость перед обстоятельствами, гонениями со стороны властей. Поэтому столь углублённое обращение к истории, личностям расколоучителей и их воззрениям в полемике с никонианами, возникающим в разных

местах духовных центрах старообрядчества закономерна для них и очень интересна. В разговорах между собой, беседах с интересующимися они постоянно обращаются к этой теме, остающейся для последователей старообрядчества актуальной и современной. При этом А. С. Лебедев показывает блестящее знание старообрядческого вероучительного канона, достойного большого учёного владение источниковым материалом по старообрядчеству с момента его возникновения по наши дни. Кроме того, автором проделана огромная работа по переосмыслению богатой историографии по старообрядчеству, в которой присутствуют не только исторические труды, но и лингвистические, искусствоведческие, естественно-научные и др. Перед нами, несомненно, книга написанная хорошо информированным человеком, с широкими взглядами на явления и события, но рассматривающим всё к чему он обращается через призму культуры старообрядческого восприятия прошлого и настоящего.

2. Имперские стремления царской власти, стремящейся стать во главе вселенского православия. А так же провести идейную унификацию российского общества. За защиту самобытности выступили расколоучителя и их последователи, что последовательно описывает наш автор.

3. Наступление государства на церковное землевладение, судебные и административные привилегии. При этом Никон разделял идею царя Алексея Михайловича о превращении Русского царства во вселенское, т.к. это сделала бы его патриархом «вселенским». Поэтому Никон укоряется в искушении цезаре-папизма. После самовольного удаления Никона с патриаршего престола в 1658 г. в результате его притязаний на главенство церковной власти над светской — царь взял в свои руки проведение церковной реформы. Собор 1667 г. отверг решения Стоглавого собора 1551 г. и придал сторонников старых обрядов анафеме — возникло мощное движение сторонников старой веры — раскол и со временем началось оформление

различных старообрядческих согласий. Истории разных согласий, отличиям поповцев и бесповцев, упованиям внутри них посвящено несколько разделов настоящей книги.

4. Раскол – это широкое социальное движение, неоднородное по своему составу, включающее крестьянство, духовенство, казачество, купечество, представителей старой боярской аристократии. Массовость движению раскола придало участие в нем крестьянства, нашедшего в нем идейные основания для сопротивления решениям Соборного уложения 1649 г., завершившим юридическое оформление крепостного права. За лозунгами возвращения к «старине», подразумевалось возвращение прежней крестьянской свободы. Отсюда бегство раскольников из центра в глухие, недоступные царской, а затем и советской администрации районы. Примером такого бегства и духовной жизни неподотчётной никому кроме Бога и стала семья Лыковых, последнюю представительницу которых посетил А.С. Лебедев. Встреча с Агафьей Лыковый стала поводом для свидетельствования не только о ней и её семье, их духовном подвиге, но и дала возможность для историософской ретроспекции и представлении панорамы жизни современного старообрядчества и условий его существования.

В основе раскола, как считают исследователи, и понимает А. С. Лебедев, лежали глубинные социокультурные противоречия. До середины XVII в. православная культура Московского царства успешно осуществляла свою функцию: власть получала религиозное освящение и поддерживалась стабильностью социальной системы[1]. Затем нарастают процессы европеизации и «обмирщения» культуры, во многом подготовившие реформы Петра I.

[1]Самойлова М. П. Трактат Василия Суражского как пример использования православными полемистами логических методов античной философии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им Н. А. Добролюбова. — 2014. — № 28. — С. 136–145.

Власть и её представители воспринимаются как носители чуждой русским духовной традиции. Причина этому — переходное состояние русского общества, переживавшего смену культурных ориентиров: от Византии к Европе. Смена культурных ориентиров совпала с окончательным феодальным закрепощением по Соборному уложению 1649 г. крестьянства, составлявшего большинство населения. Старообрядчество явилось попыткой предложить альтернативный путь самобытного, чисто российского развития страны. Но, что исключительно важно, оно и ныне предлагает этот путь альтернативного развития, по пути консервативной демократии, с опорой на духовные традиции, сохранившиеся в старообрядчестве, о чём пишет автор этой книги.

А. С. Лебедев об отличительных чертах мировоззрения и мироощущения староверов, особенностях старообрядческой культуры

Эсхатологизм. Реформу Никона старообрядцы расценили как начало царства Антихриста на земле. Об этом, вслед за другими авторами, пишет и А. С. Лебедев. Власть объявляется ими противозаконным установлением, царя они именуют Антихристом, а Никона — собакой. Репрессии против «старой веры» укрепляют эсхатологические (уверенность в скором конце света) настроения ее приверженцев, они видят признаки скорого конца света, второго пришествия и Страшного суда. С конца XVII века раскольники, в зависимости от эсхатологических воззрений, разделяется на два основных направления: «поповцев» и «беспоповцев».

Поповцы пришли к убеждению, что хотя новообрядная или никонианская (государственная) церковь и «повреждена» ересью, но уходящие в раскол священнослужители остаются носителями благодати и могут со-

вершать богослужения у старообрядцев. Так сформировалось поповское направление беглоповоцев. Беглопоповцы были доминирующим поповским направлением в старообрядчестве до восстановления церковной иерархии в середине XIX в., об истории восстановления иерархии и трагической судьбе первых иерархов нам рассказывает А. С. Лебедев.

В то же время беспоповцы были убеждены, что в мире властвует Антихрист, нет благодати и существование христианской церкви, священства невозможно. Священников в их общинах заменили уставщики и начётчики из числа наиболее грамотных и нравственно безупречных членов старообрядческой общины. Эти два течения делятся на множество направлений: толков и согласий или, как говорят сами старообрядцы «упований». В XIX веке этих направлений фиксировалось около трёхсот, сейчас же их насчитывается пять основных: «поморцы», «федосеевцы», «филипповцы», «спасовцы» и «часовенные». Часто на местах их проживания в сельской местности бывает сложно провести между ними водораздел.

Идейные различия между поповцами и беспоповцами выразились в учении о приходе и воцарении антихриста. Поповцы ожидали появления физически реального, антихриста. Беспоповцы понимают пришествие антихриста духовно, доказывая, что антихрист уже царствует, и, следовательно, не может быть православного священства. Согласно представлениям Аввакума Никон, равно как и царь, поддержавший его «два рога Антихриста», поэтому в ответ на гонения со стороны государства старообрядцы отказываются от молитвы за царя. Однако противостояние старообрядцев и власти имело периоды, как обострения, так и взаимных компромиссов обусловленных прагматическими интересами с той и другой стороны, о чём повествует А.С. Лебедев в главах «Старообрядцы при Петре», «Критическая ситуация», «Екатерина Вторая и

раскол», «Рогожское как центр старообрядчества», «Единоверие», «Восстановление церковной иерархии в старообрядческой церкви и судьба первых иерархов».

Этический максимализм. Александр Семёнович заканчивает свой исторический экскурс по вопросам зарождения и развития старообрядчества главой «О любви и Истине», говоря о причинах гонений на старообрядцев, и самое главное, об истоках их непреклонности в отстаиваемых ими вероучительных принципах, обрядовых традициях и жизненных практиках. Старообрядцы порывают с миром, уходя в места глухие и необжитые, где создают собственный жизненный мир, над которым не властно ни государство, ни время, а одна лишь сознаваемая ими трансцендентная истина на пути к спасению. История всех направлений старообрядчества полна трагических событий. Она начиналась сожжением основателей движения протопопа Аввакума, дьякона Феодора, инока Авраамия и сотен других. Только в 1905 году старообрядцы получили гражданские права. И со временем между двумя русскими революциями связан расцвет старообрядчества, его экономической и благотворительной деятельности.

Онтологизм. Идея воссоединения Бога с миром, восстановления цельности и гармоничности бытия пронизывает сознание каждого старообрядца. Уходя в глухие места, старообрядцы, не имея никакой поддержки, делают своим союзником неласковую и суровую русскую природу, максимально приспосабливая её под свои нужды. Этот союз развивает их творческий потенциал, сноровку, деловую хватку. Старообрядцы создают собственную агрикультуру, выводят новые сорта злаков и овощей, растущих и хранящихся в зоне рискованного земледелия. Занимаясь охотой и собирательством, члены старообрядческих общин и семей постоянно заботятся о воспроизводстве своей среды обитания, они чужды хищнического отношения

к природе. Только симбиоз со средой обитания помогает им пережить периоды голодовок, суровых зим, вторжений гонителей. Поэтому А. С. Лебедев поэтично описывает ландшафты Сибири и Алтая свойственным ему сочным и образным языком, вплетающим народные пословицы, поговорки, присказки. Отдельно он отмечает каким знатоком и читателем окружающих растений и животных является Агафья Лыкова. Флора и фауна одухотворены для отшельницы, она беседует с ними, молится за них ежедневно, ибо они Божье творение. Так же смиренно и с любовью Агафья относится и к людям. Многие, как Александр Семёнович и его спутники и городские туристы, готовы посильно помочь Агафье по хозяйству, другие не понимают её образа жизни и приносят вред, но всех прощает Агафья, и за всех молится. Только так и может поступать по её мнению человек, а тем более христианин.

Образ жизни Агафьи Лыковой традиционен, исполнение строгого богуслужебного порядка для неё непреложно, чтобы не происходило во внешнем мире. Это одиночество внутренней сосредоточенности на предельных истинах и откровениях бытия, как описывает это свидетель её жизни и молитвы. Она живёт в согласии с природой, растворяется в мироздании как творении Божием, и оно даёт ей силу и мудрость. Разрыв этих онтологических связей греховен и ведёт к погибели. Поэтому Никоновская реформа отрицается старообрядцами как противоречащая христианству. Изменение Никоном внешних форм богослужения это не пустяк, он негативно отражается на его мистической сущности. Как подчеркивают исследователи, «русская средневековая и староверческая мысль не принимала схоластического расчленения церковного бытия на «главное» и «второстепенное» — для нее важнейшим было сохранение общей гармонии»[2]. Поскольку путь к Богу

[2] Шахов, М. О. К вопросу о религиозно-философских основах раскола/ М. О. Шахов // Старообрядчество: история, культура, современность: Тезисы III научно-практич. конф. — М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 1997. — С. 28.

для человека Древней Руси традиционно лежал через богоугодный образ жизни – кенозис, куда входит и обрядовая сторона, то ее искажение, по мнению старообрядцев, грозило разрушением духовного мира человека. Старообрядцы сосредоточились на воплощении в жизнь христианских заповедей и обрядовых предписаний. И примером воплощения христианских заповедей и предписаний, по утверждению нашего автора, стала семья Лыковых и последняя из оставшихся в живых представительница – Агафья.

Традиционализм — принципиальная основа религиозных, социальных, культурных воззрений представителей всех направлений старообрядчества. Старообрядчество запечатлело в своем мировоззрении и культе значительный пласт народных верований, вошедших в бытовое православие. Они сохранили традиционный этикет, костюм, национальную кухню, уклад семейной и хозяйственной жизни, и весь сложный комплекс обрядов и верований, называемый «двоеверием». По мнению Лебедева старообрядческий костюм органичен для условий, в которых они жили. Он описывает мужской костюм, подаренный ему Агафьей. Подробно описывает автор книги во что одевалась семья Лыковых в условиях сурового, северного натурального хозяйства. Как и из чего они изготавливали одежду и обувь, домашнюю утварь. Причём это имеет не только этнографическое значение, но и историческое, позволяет понять образ жизни наших предков, сочетающих земледелие с промысловым хозяйством, что так характерно для северных широт.

Для старообрядцев характерен интерес к истории и библейской, и древнерусской. Историю даже очень отдалённую они воспринимают, как личное воспоминание, как момент собственной истории, как свою биографию. Меня всегда удивляла эта «вживаемость» представителей старообрядчества в историю, исторический процесс. Для их мировосприятия свойственно субъективное отношение

к исторической реальности. Стремление к сохранению религиозных, культурных, духовно-нравственных, семейных и социальных основ жизни позволило старообрядцам сохранить в своей среде традиционную русскую культуру как систему.

Обрядоверие — строгое соблюдение обрядовых предписаний инструмент сохранения и воспроизводства традиции. Признаком родства для Агафьи Лыковой, но не только для неё, но и для других старообрядцев, встретившихся на пути наших путешественников, было знание А. С. Лебедевым старообрядческого богослужебного канона, знание определённых молитв и музыкальных распевов. Ярким примером тому служит культура старообрядцев-иммигрантов, более трехсот лет живущих в иной культурной среде, но сохранивших свое национально-культурное своеобразие. Это же своеобразие сохранили и Лыковы. «Почерк» богослужебной практики, выполняемой Агафьей Лыковой позволил Александру Семёновичу предполагать, что эта семья являлась выходцами с реки Керженец в Нижегородской губернии, и гипотетически нарисовать путь пройденных их предками с реки Керженец до Северного Алтая.

Стремление сберечь «древнее благочестие» определило не только трагедию и величие семьи Лыковых, оно помогло старообрядцам в течение нескольких столетий гонений и скитаний на родине и на чужбине сохранить ценности культурного наследия Древней Руси, что дополнительно описывает Александр Семёнович в книге, рассказывая о турецких старообрядцах или старообрядцах Ветки. В скитаниях и гонениях были сохранены древние иконописные традиции, искусство медной пластики, древнерусская певческая культура – знаменное пение с системой «крюковой» нотации, то есть живая традиция, которую невозможно было бы восстановить только по записям. Сам автор книги является одним из знатоков знаменного

пения, как в теории, так и на практике. Александр Семёнович раскрывает историю знаменной музыкальной записи, историю её творцов, а его пение даёт ключ к сердцам многих людей которым он исполняет духовные песни старообрядцев.

Книжность. Старообрядцы продолжили древнерусские традиции рукописных книг. Не имея типографий, потребность в книгах они восполняли их перепиской, и Лыковы не только хранили рукописные и старопечатные книги, но и сами восполняли утраченные листы, учились грамоте и жизни по этим книгам. Староверы спасли многие памятники церковной книжности, уничтожаемые в ходе реформы Никона, и сохранили специфические черты средневековой книжной культуры. Книга — хранилище вечных истин, поэтому чтение — не развлечение, а богоугодное дело и нравственная обязанность христианина. Этим объясняется поголовная грамотность в старообрядческих семьях, сохранявшаяся во все времена и в любых даже самых неблагоприятных условиях.

Общинный и патриархальный уклад жизни сыграл важнейшую роль в сохранении старообрядческой культуры. В жизни общины, равно как и каждой семьи, культивируется установка на соборное единство, подвиг во имя старой веры, напряженная духовная жизнь. Опора личности на общину и учет интересов общины в индивидуальной деятельности определили специфику и успех старообрядческого предпринимательства и последовавшего за ним меценатства.

Феномен старообрядческого предпринимательства. Этико-религиозный комплекс старообрядчества претерпел значительное развитие, приведшее к возникновению многих черт, характерных для модернизирующегося общества. Если на Западе протестантизм выступил как религия формирующейся буржуазии, то в России именно старообрядчество становится в XIX веке, конфессиональ-

но-экономическим образованием, осуществлявшим первоначальное накопление капитала. Староверы в тяжелых природных и политических условиях, для того чтобы выжить, нуждались в прочной экономической базе. Первоначально душеспасительным был признан физический труд. Но труд на скудной северной земле и промыслы, не могли обеспечить стабильное существование староверческих «общежительств». В новых социально-экономических условиях эффективной оказалась торговля, предпринимательская деятельность, тем более что эта ниша оказалась незанятой. Коммерческая предпринимательская деятельность на благо общины была признана средством спасения веры и души. В общественном плане главная задача сводится уже не к спасению веры, а к ее «возрастанию»[3]. Строгий семейный уклад, отказ от расточительства, от мирских удовольствий, попечительское отношение к общине способствовали созданию больших семейных состояний купцов-старообрядцев. В первой половине XIX века значительная часть торговых и промышленных предприятий Москвы принадлежала старообрядческим семьям Морозовых, Рябушинских, Гучковых, Рахмановых, Хлудовых, Шелапутиных и др. В целом по России ко времени Николая I более 50 % частного капитала в торговле и промышленности принадлежало старообрядцам[4]. Их тип хозяйствования, построенный на конфессиональном единстве, доверии, системе взаимопомощи и кредита, «чужд безличному рыночному обмену». Не случайно исследователи отмечают, что «внешняя и внутренняя сила

[3] Керов В. В. Старообрядчество: от общего суда к спасению личной души / В. В. Керов // Старообрядчество: история, культура, современность: Тезисы III научно-практич. конф. — М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 1997. — С. 60.

[4] Расков Д. Е. Старообрядческое предпринимательство: попытки теоретического осмысления / Д. Е. Расков // Старообрядчество: история, культура, современность: Тезисы IV научно-практич. конф. — М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 1998. — С. 86.

народного русского монашества ушла в старообрядчество»[5]. А. С. Лебедев напоминает о таких нижегородских купцах--благотворителях как Никола Бугров и Дмитрий Сироткин, немало поспособствовавших развитию культуры Нижегородчины.

Старообрядческая культура — это синтез русского варианта византийского православия и народной культуры, уходящей корнями в дохристианскую Русь. Она формируется в переходный период ухода православной древнерусской культуры и зарождения рационалистической антропоцентрической секуляризованной культуры, поэтому в мировоззрении старообрядцев отражаются особенности уходящей и нарождающейся культур. Старообрядчество явилось проявлением становления русского национального самосознания, осознанием духовного своеобразия русского народа и его культуры; его сторонники выступили защитниками самобытных духовных начал и оставались их живыми носителями и хранителями. Поэтому справедливо рассматривать старообрядцев как идейных предшественников славянофилов[6]. Эволюция старообрядчества показывает возможности адаптации традиционной духовной культуры к современности, наличие в ней значительного творческого потенциала, ярко проявившегося в XIX – начале XX в.

Современное старообрядчество

Основой сохранения старообрядчества более трёх столетий, была русская деревня, общинный крестьянский мир, патриархальная семья как условие воспроизводства

[5] Расков, Д. Е. Старообрядческое предпринимательство: попытки теоретического осмысления / Д. Е. Расков // Старообрядчество: история, культура, современность: Тезисы IV научно-практич. конф. — М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 1998. — С. 88.

[6] Парилов, О. В. Типологические особенности старообрядчества и славянофильства и их значение в развитии русского национального самосознания // автореферат дисс. ...канд. филос. наук / Парилов Олег Виктолрович — Нижний Новгород, 2000.

традиции, в том числе и религиозной. Современное старообрядчество подверглось социальным изменениям, связанным с переходом от аграрно-традиционного к индустриальному обществу, урбанизацией и т. д. Время о котором пишет А. С. Лебедев это конец 80-х годов XX века. Переломные годы. В прошлое ещё не ушел Советский Союз, но дыхание перемен ощущалось уже всеми. К этому времени прекратились административные преследования верующих, наступила ситуация религиозной свободы. Она распространилась и на старообрядцев. Хотя местные власти по-разному относились к ставшим вдруг знаменитыми старообрядческим скитальцам Лыковым. О сложностях положения и жизни Агафьи Лыковой и пишет Александр Семёнович Лебедев, отправленный к ней митрополитом РПСЦ Алимпием (Гусевым 1929–2003) в составе экспедиции: с Львом Степановичем Черепановым — московским писателем, Эльвирой Викторовной Матаковой– художницей из Красноярска, Игорем Павловичем Назарововым — врачом, Николаем Петровичем Пролецким — фотографом и его дочерью Тамарой. Задачей экспедиции была как помощь Агафье Лыковой, так и продолжение всестороннего исследования жизни, здоровья, быта и хозяйственных практик семьи в условиях изоляции и гонений. Изучение, имевшее и научное и прикладное значение, но, главное, моральную поддержку одинокой отшельницы со стороны заинтересованных людей и единоверцев, ставшей таковой в силу сложившихся исторических обстоятельств. Это понимали далеко не все представители местной власти и не все местные старообрядцы, несмотря на широкие полномочия экспедиции.

Александр Семёнович Лебедев говорит о непростых взаимоотношениях Агафьи с окружающим её миром людей, как единоверцев, так и неверующих геологов, туристов, представителей местной власти. Она жила в тех условиях, на которые была обречена её семья, в этом она проявляла смирение, смекалку, трудолюбие, гостеприим-

ство и многие другие человеческие качества. Александр Семёнович, как кратковременный свидетель её жизненного подвига восхищается тем, как вера и следование всем устоям старообрядческой вероучительной практики возвышают человека и над природной стихией и над независящими от него жизненными обстоятельствами, способны сделать человека кротким и мудрым, то есть обрести настоящую силу. Описание жизни Агафьи Лыковой было бы неполно и неясно без погружения в историю старообрядчества, понимания его философских оснований. Говоря о прошлом старообрядчества, свидетельствуя о настоящем в жизни Агафьи Лыковой, автор озабочен будущим своей Церкви, нашей страны и, в целом, мира. Прошлое для него максимально современно, оно вырастает из истории, поэтому не должно быть исторического беспамятства. И у старообрядчества как религиозного и этического концепта есть право на современность, оно обретает его в своих исканиях.

Девяностые годы XX в., время последовавшее за описываемым путешествием, начался бурный рост представителей всех конфессий, связанный с отступлением советской секулярности, у староверов такого бума не происходило. Возникло сомнение в возможности развития древлеправославия, ибо: «внутренние силы к самовозрождению в старообрядчестве подорваны настолько, что вопрос о дальнейшем благополучном существовании старообрядчества остается открытым»[7]. Сомнение в возможности возрождения старообрядчества высказывал С. Б. Филатов: «Староверие, представлявшее перед революцией мощную, не только религиозную, но и культурную, политическую и

[7] Взгляд со стороны: Петр Коломейцев. Есть ли будущее у старообрядцев? Религии и СМИ. Самарское старообрядчество. Ч. 2. [Электронный ресурс] http://samstar.ucoz.ru/news/petr_kolomejcev_est_li_budushhee_u_staroobrjadcev_statja_otrazhaet_polozhenie_del_v_staroobrjadchestve_v_1991_godu_ch_2/2011-03-23-4560 - (24.08.2013 — дата обращения). Статья отражает положение дел в старообрядчестве в 1991 году.

экономическую силу, сократилось до маргинального мало заметного слоя населения страны. Мало не только практикующих староверов, мало потомков староверов, ощущающих свою культурную и духовную связь с верой предков»[8]. Сомнения были вызваны двумя основными причинами.

Первая виделась в том, что старообрядчество держится благодаря устоявшейся традиционной культуре, в ней прививаются основные религиозные навыки, пение, любовь к чтению, любовь к красивому богослужению, к фольклору. Быт воспитывает нравственные идеалы: уважение к старшим, заботу о младших, честность, моральную чистоту, хранит самобытность старообрядцев благодаря жёсткой системе норм в еде и одежде. Культура повседневности, создавала духовный мир старообрядцев, но она размывается в условиях города и под влиянием всепроникающей современной массовой, секулярной по своему содержанию, культуры.

Вторая причина — религиозная жизнь старообрядцев распространялась на все сферы деятельности, включая трудовую и социальную. Высокий уровень социализации позволял создавать клановые социально-экономические структуры, крестьянские общины, артели, купеческие товарищества, объединяющиеся в более крупные макроструктуры. Размывание социальной структуры русской деревни в условиях ускоренной модернизации, коллективизации, раскулачиваний, роста промышленных предприятий и городов, на строительство которых рекрутировались жители деревень, пагубно сказалось на состоянии старообрядчества. Возникал вопрос о воспроизводстве старообрядческой культуры в городских условиях.

К концу XX века старообрядчество не столкнулось с резким приростом числа верующих, однако согласно ис-

[8] Филатов, С. Б., Лункин Р. Н. Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить? / С. Б. Филатов, Р. Н. Лункин // Религия и российское многообразие. — науч. ред. и сост. С. Б. Филатов. — М.; СПб.: Летний сад. 2011. — С. 11.

следованиям Ю. Ю. Синелиной к старообрядчеству себя относят 5 % россиян (столько же, сколько и мусульман), и это новое явление, требующее дополнительного изучения[9]. Причин здесь несколько:

1. Цивилизационная. Цивилизационный кризис, связанный с утратой системообразующих ценностных ориентиров общества приводит к поиску национальной идеи. Староверие выступает бескомпромиссным выражением русскости, традиционности, возврата к старине и золотому веку, особого пути сохранения цивилизационной целостности в истории и импульса для нового исторического развития России без копирования Запада на собственных, в том числе, и экономических основаниях и стратегиях.

2. Социокультурная. Старообрядчество, как можно понять, прочтя книгу А. С. Лебедева, способствовало сохранению уникальных культурных форм: знания, книжности, иконы, музыки, бытового уклада, семьи. Обращение к старообрядчеству — это обращение к истокам русской культуры, укрепление семейных устоев в противостоянии массовой культуре и размыванию семьи. Старообрядчество последовательное самобытничество и реализация особого пути России, отличного как от условного Запада, так и от условного Востока, воплощение «русской идеи» и русского мессианизма в истории.

3. Общественно-политическая. Старообрядчество всегда было гонимо, никогда не отождествлялось с государством, не было государственной церковью, для него характерно нестяжательство и широкий внутренний демократизм. Даже в условиях гонений и исчезновения священников староверы сохранили приходскую жизнь, поповцы с большими трудностями обрели и сохранили священническую иерархию. Такой стиль жизни помогал выжить старообрядческой церкви в периоды гонений. Изучение вероучения, культуры, экономического и быто-

[9] Синелина, Ю. Ю. Насколько православны наши православные / Ю. Ю. Синелина // Журнал Московской патриархии. — 2012. — № 8.

вого уклада древлеправославия могли бы способствовать развитию институтов гражданского общества. У России есть свои исторически обусловленные и разработанные демократические традиции: «Христианская религия в тех случаях, когда она не обслуживает интересы государства, сама по себе крепкая основа для развития демократического строя»[10]. Россия имеет традиции демократического устроения, связанные со старообрядческой соборностью как формой консервативной демократии. Сама организация Русской Православной Старообрядческой Церкви соборная, с максимальным участием мирян в жизни церкви и приходов. Все должности выборные. Старообрядчество — пример возможной автономной самоорганизации без помощи и контроля государства, западных влияний в сторону формирования свободного общества с традиционными ценностями. Оно демонстрирует тягу людей к солидарности, ценность духовной жизни и истории о чем пишет А. С. Лебедев в книге «В Агафьиной тайге».

[10] Русские демократические традиции // Старообрядец. — 2008. — № 43.

Аннотации

Предисловие к работе А. С. Лебедева «В Агафьиной тайге»

«Агафьина тайга»… Насколько правильно называть огромную сибирскую тайгу Агафьиной? Ведь нет у неё «зеленого документа» с водяными знаками, подтверждающего право собственности. Но есть в мире права, которые важнее любых бумажек. Они даются свыше тем, кто живет в таком единении с Природой, что сами составляют Ее неотъемлемую часть. И когда живут в ладу с Нею, зная, понимая и принимая Её такой, какая Она есть. И умирая, возвращаются в Её лоно тихо, без страха, чтобы остаться в нем навсегда. Этим образ жизни Агафьи Лыковой напоминает нам о традициях коренных народов Севера, создавших культуру Жизни (не выживания!) в суровых условиях.

Уникальность феномена Агафьи не столько в том, что значительную часть земного пути она прошла одна, но и в том, что старообрядческий генетический код, сформировавшийся за столетия гонений, помог, оказавшись настолько сильным, сохранить лучшие человеческие качества. Поэтому читателю будет понятно удивление и душевное потрясение, которое испытал А. С. Лебедев, встретившись с этой необычной женщиной, напомнившей ему трудную историю старообрядцев.

Ключевые слова: Агафья Лыкова, Александр Лебедев, история старообрядчества, Сибирь, Россия.

Глава 6. Живое свидетельство: история и современное старообрядчество в изложении Александра Семёновича Лебедева в работе «В Агафьиной тайге»

Анализируется работа А. С. Лебедева «В Агафьиной тайге» как живое свидетельство не только истории семьи

The Summary

Preface to Work A.S. Lebedeva «In Agafia's Taiga»

"Agafia`s taiga"... How correct is it to call the huge Siberian taiga as Agafia`s one? After all, she does not have any "green document" with watermarks confirming the ownership. But there are rights in the world that are more important than any papers. They are given from above to those who live in such a unity with the Nature that they themselves form Its integral part. They live in harmony with It, knowing, understanding and accepting It as It is. And when they die, they return to Its womb quietly and without any fears, to stay there forever. All these characteristics of Agafia Lykova`s way of life reminds us of the traditions of the indigenous peoples of the North who created the culture of Life (not survival!) in harsh conditions.

The uniqueness of the phenomenon of Agafia is not so much that she has passed a significant part of her life path alone, but that the Old Believers genetic code, which was formed over the centuries of persecution, appeared to be very strong and has helped her to preserve the best human qualities. That is why the reader will understand the surprise and emotional shock that Alexander Lebedev experienced when he met this unusual woman, who reminded him of the difficult history of the Old Believers Church.

Keywords: Agafia Lykova, Alexander Lebedev, history of the Old Believers, Siberia, Russia.

Chapter 6. A Living Testament: the History and Present-day Old Belief in A. S. Lebedev's Work «In Agafia's Taiga»

The present article analyses A. S. Lebedev's work «In Agafia's taiga» not only as a living testament of the history

Лыковых и их бегства в сибирскую тайгу, но и истории старообрядчества как религиозного направления. Интуитивно используя антропологический подход, автор нарратива через историю и современную жизнь одной семьи показывает историю трагического раскола русской церкви, оформления различных старообрядческих направлений и духовных центров. Со старообрядческих позиций рассматривается не только история, но и особенности вероучения старообрядчества, старообрядческой книжности, музыкальной и бытовой культуры. Автор статьи считает, что труд старообрядца А. С. Лебедева «В Агафьиной тайге» представляет ценный источник по историософии старообрядчества и его современному состоянию. Кроме того книга, по нашему мнению, написана увлекательно и хорошим живым русским языком с применением пословиц, поговорок, региональных идиом.

Ключевые слова. Старообрядчество, нарратив, Русская православная старообрядческая церковь, эсхатологизм, этический максимализм, традиционализм, гонения, Сибирь, Лыковы.

of the Lykovs and their escape to Siberian taiga forest, but also as the history of Old Belief as a religion. Intuitively using the anthropological approach the author shows the history of the tragic schism of Russian church, emerging of various Old Belief movements and spiritual centres throughout the history and present-day life of one family. Not only the history, but also the features of old belief dogma, old belief book, musical, and living culture are viewed in terms of Old Belief. The author considers that A. S. Lebedev's work « In Agafia's taiga» provides a valuable source of the historiosophy and current state of Old Belief. Moreover, it seems to us that the book is written in a fascinating and vibrant Russian language and abounds with proverbs, sayings and regionals idioms.

Keywords: Old Belief, the Russian Orthodox Old Believer Church, a narrative, eschatology, ethical maximalism, traditionalism, persecution, Siberia, the Lykovs.

Об авторах

Лебедев Александр Семенович — почётный директор воскресной школы, Русская православная старообрядческая церковь (РПСЦ), Русская Православная Старообрядческая Церковь (г. Нижний Новгород, Россия).

Шиманская Ольга Константиновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, истории и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. (г. Нижний Новгород, Россия).

E-mail: shimansk@mail.ru

Широкалова Галина Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Философия, социология и политология» Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. (г. Нижний Новгород, Россия)

E-mail: shirokalova@list.ru

About the Authors

Lebedev Alexander Semenovich – Director Emeritus of the Sunday school, Russian Orthodox old believe Church (rpsts), the Russian Orthodox old believer Church (Nizhny Novgorod, Russia).

Shimanskaya Olga Konstantinovna — candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of cultural studies, history and ancient languages of Nizhny Novgorod state linguistic University. H. Ah. Dobrolyubova. (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: shimansk@mail.ru

Shirokalova Galina Sergeevna – doctor of sociological Sciences, Professor, head of chair of «Philosophy, sociology and political science» Nizhny Novgorod state agricultural Academy. (Nizhny Novgorod, Russia)

E-mail: shirokalova@list.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к рукописи А. С. Лебедева «В Агафьиной тайге».....6

Глава 1. Дорога к Лыковым.....9

Глава 2. На Агафьиной земле.....90

Глава 3. В обратный путь.....205

Глава 4. Беседы с хакасской писательницей о расколе.....283

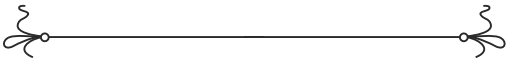
Глава 5. Письма в Сибирь.....389

Живое свидетельство: история и современное старообрядчество в изложении Александра Семёновича Лебедева в работе «В Агафьиной тайге».....528

Аннотации.....548

Об авторах.....552

Для заметок

Научное издание

СТАРООБРЯДЧЕСТВО:
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ

Коллективная монография в двух томах
под общей редакцией Галины Сергеевны Широкаловой

В АГАФЬИНОЙ ТАЙГЕ

Том первый

Компьютерный набор: *В. Г. Пушкина*
Редактор, корректор: *К. А. Быкова*
Компьютерная верстка и дизайн: *Е. В. Филилеева*

В оформлении книги использованы зарисовки
участницы экспедиции художницы из Красноярска
Эльвиры Викторовны Матаковой

Подписано в печать 10.09.2018. Формат 60 × 90 / 16.
Уч.-изд. л. 23. Усл.-печ. л. 34,8. Печать цифровая.
Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано: Типография НГСХА
603107, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 97,
тел. 466-07-23

том первый

ISBN 978-5-6041132-3-3

